Biogr. 3332 a

ИДЕАЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЙ ИМПЕРАТОРОВЪ

НИКОЛАЯ І-го и АЛЕКСАНДРА ІІ-го,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

КАКЪ СДѢЛАТЬ НАШУ ЖИЗНЬ НАИБОЛѢЕ СЧАСТЛИВОЙ?

Съ замѣткой о дарвинизмѣ и объ ученіи графа Л. Н. Толстаго.

ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА

ЩЕРБАЧЕВА.

2. Ex.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская ул., Мамоновскій пер., свой домъ.

1895.

Biogr. 3332 a

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИДЕАЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЙ ИМПЕРАТОРОВЪ

НИКОЛАЯ I-го и АЛЕКСАНДРА II-го,

Н

Въ 1890 и 1891 годахъ, въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны мои воспоминанія изъ временъ царствованій императоровъ Николая I-го и Александра II-го. Издавая эти воспоминанія въ отдѣльной книгѣ подъ названіемъ **„Идеалы моей жизни“** я сдѣлалъ въ нихъ незначительныя измѣненія и нашелъ нужнымъ приложить къ нимъ статью мою, нигдѣ не напечатанную, подъ заглавіемъ: **„Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболѣе счастливой“?** Связь существующая между воспоминаніями и статьей уясняется въ самой статьѣ.

Г. Д. Щербачевъ.

ЧАСТЬ I.

I.

Служба въ Гвардейской Конной Артилеріи.—Кадетскіе корпуса прежняго времени.—Маскарадъ въ Новгородѣ.—Старая Русса.—Первая любовь.

Въ 1840 году я поступилъ на службу въ гвардейскую конную артилерію юнкеровъ. Въ 1843 году, по выдержаніи экзамена въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища (нынѣ Артилерійская Академія), я былъ произведенъ въ офицеры. Мнѣ было тогда около 19 лѣтъ.

Я былъ въ восторгѣ и отъ эполетъ, и отъ шляпы съ бѣлымъ султаномъ, которую носилъ. Я смотрѣлъ на предстоявшую мнѣ жизнь, какъ на рядъ удовольствій и всякаго рода наслажденій; мнѣ казалось, что не было на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня. По производствѣ въ офицеры, я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ и, въ теченіе этого времени, съ утра и до глубокой ночи не бывалъ дома: утромъ проводилъ время съ товарищами, въ 3 часа дня отправлялся гулять на Невскій проспектъ, а вечеромъ бывалъ въ театрахъ, маскарадахъ и на вечерахъ. Не имѣя никакихъ музыкальныхъ способностей, я, тѣмъ не менѣе, посѣщалъ и Итальянскую опе-

ру, тогда только что открывшуюся въ Петербургѣ, съ знаменитыми артистами Рубини, Тамбурини и Віардо-Гарсіей. Слыша восторженные о нихъ отзывы, я старался также ими восхищаться, хотя пѣніе ихъ не производило на меня никакого впечатлѣнія. Помню, что давали оперу „Севильскій Цирюльникъ". Я пріѣхалъ въ театръ и взялъ мѣсто въ первомъ ряду, такъ какъ въ другихъ рядахъ мѣстъ не было. Проведя передъ тѣмъ двѣ безсонныя ночи, я не могъ устоять отъ сна меня клонившаго и, сознаюсь, былъ на столько профаномъ, что заснулъ въ то кремя, когда Віардо-Гарсія пѣла романсъ, приводившій въ восторгъ весь Петербургъ; романсъ этотъ былъ, какъ помнится, „Соловей". По несчастію, когда я сплю, то имѣю привычку храпѣть; всхрапнувъ и тутъ, я тотчасъ же проснулся и увидалъ удивленные и насмѣшливые взгляды, обращенные на меня моими сосѣдями, изъ которыхъ одинъ былъ какой-то генералъ. Я до того сконфузился, что готовъ былъ провалиться сквозь землю. Досидѣвъ до конца дѣйствія, я вышелъ во время антракта изъ театра и болѣе не возвращался.

Вскорѣ, частныя мои посѣщенія театровъ навлекли на меня бѣду. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывши въ Михайловскомъ театрѣ, замѣтилъ, что у одного офицера гвардейской конной артилеріи, сидѣвшаго въ первомъ ряду креселъ, были длинные волосы, чего онъ не терпѣлъ, видя въ этомъ какой-то особый родъ вольнодумства. На другой же день онъ сказалъ объ этомъ начальнику гвардейской конной артилеріи полковнику Шварцу и велѣлъ доложить ему, кто былъ этотъ офицеръ. Полковникъ Шварцъ собралъ офицеровъ и хотя я былъ которко остриженъ, но зная, что я часто бывалъ въ театрахъ, онъ рѣшилъ, что офицеръ съ длинными волосами былъ — я. Какъ я не разувѣрялъ его въ этомъ, доказывая свое alibi, но онъ доложилъ Его Высочеству, что съ длинными волосами былъ я, и не прошло и одной недѣли, какъ я былъ переведенъ въ батарею, которая находилась эту зиму въ Новогородской губерніи.

Въ гвардейской конной артилеріи было въ то время четыре батареи, которыя стояли: двѣ въ Петербургѣ, одна—въ Новогородской губерніи, въ 3-мъ округѣ пахатныхъ солдатъ, въ казармахъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, и одна въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга на мызѣ Пеллѣ, при селѣ Ивановскомъ. Батарейная батарея имѣла постоянную стоянку въ Петербургѣ, а три легкія батареи стояли по очереди въ Петербургѣ, на мызѣ Пеллѣ и въ Новогородской губерніи. Кромѣ того, въ составъ гвардейской конной артилеріи входили образцовая конная и сводная казачья батареи, которыя зимой находились постоянно: первая въ Царскомъ Селѣ, а вторая въ Новой Ладогѣ. Въ этомъ году, въ Новогородской губерніи стояла 1-я (нынѣ Его Величества) батарея, въ которую я былъ переведенъ и высланъ на службу.

Служба въ этой батареѣ оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Командовалъ ею полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Кнорингъ. Говоря плохо по-русски, онъ былъ въ душѣ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ и имѣлъ много особенностей, свойственныхъ Русскому характеру. Безпечность, беззаботность, неакуратность, отсутствіе низкопоклонства передъ начальствомъ и самое теплое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ составляли главныя его черты, которыя снискали ему любовь всѣхъ офицеровъ, считавшихъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ и лучшимъ изъ батарейныхъ командировъ.

Изъ офицеровъ, служившихъ въ 1-й батареѣ, я болѣе всѣхъ сошелся съ Левинымъ. Проживъ съ нимъ на одной квартирѣ всю зиму, я такъ его полюбилъ, что, до самой его смерти, насъ соединяла самая тѣсная дружба. Левинъ былъ старше меня 4-мя годами, но по пылкостп чувствъ и впечатлительности характера его можно было считать моимъ ровесникомъ, хотя мнѣ было всего 19 лѣтъ. Разница между нимъ и мной проявлялась только въ нашихъ взглядахъ на службу. Онъ успѣлъ уже побывать на Кавказѣ въ дѣлахъ съ горцами, а потому, испытавъ

боевую жизнь, смотрѣлъ на службу болѣе серьезно, чѣмъ я. Онъ охотно исполнялъ свои служебныя обязанности и считался отличнымъ строевымъ офицеромъ; я же, какъ и всѣ молодые офицеры того времени, не только не любилъ службы, но и считалъ какимъ-то молодечествомъ легко относиться къ служебнымъ обязанностямъ.

Другой офицеръ (старшій въ батареѣ) былъ штабсъ-капитанъ Кельдерманъ, который служилъ прежде въ полевой конной артилеріи и только два или три года передъ тѣмъ былъ цереведенъ въ гвардію. Кельдерманъ былъ старше меня 12-ю годами. Хотя онъ пользовался репутаціей хорошаго человѣка и прекраснаго офицера, но его всѣ звали Бурбономъ, такъ какъ онъ вышелъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Въ гвардейской конной артилеріи, въ то время, всѣ почти офицеры были изъ Артилерійскаго Училища, изъ Пажескаго корпуса и изъ юнкеровъ; изъ кадетскихъ же корпусовъ было два или три офицера, которые рѣзко отличались отъ всѣхъ другихъ своими манерами и своимъ воспитаніемъ; надъ ними смѣялись и на нихъ смотрѣли, какъ на выслужившихся вахмистровъ, называя ихъ Бурбонами. И дѣйствительно, офицеры эти, своимъ неумѣніемъ держать себя въ обществѣ и полнымъ незнаніемъ Французскаго языка (который былъ въ большомъ употребленіи не только въ высшемъ, но и въ среднемъ кругу общества) нерѣдко подавали поводъ къ самымъ злымъ надъ ними насмѣшкамъ.

Я помню двѣ выходки одного изъ такихъ офицеровъ. Батарея, въ которой онъ служилъ, пришла на траву послѣ лагеря, въ имѣніе одной помѣщицы, М. С. Мартыновой, принадлежавшей къ высшему Петербургскому обществу. Какъ гостепріимная хозяйка, она радушно принимала у себя всѣхъ офицеровъ батареи. Офицеръ О., имѣвшій о себѣ очень высокое мнѣніе, но принадлежавшій къ числу самыхъ отчаянныхъ Бурбоновъ, желая сказать ей пріятное и видя у ней на рукахъ маленькую собачку, выразился такъ: „Какой у васъ прекрас-

ный песъ, Марья Степановна; нельзя имъ не восхищаться". Отъ этихъ словъ Марью Степановну покоробило, а офицеры расхохотались. Затѣмъ, Марья Степановна, зная, что О. былъ боленъ, спросила объ его здоровьѣ. О. употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать граціозный поклонъ въ благодарность за оказанное вниманіе и объяснилъ, что его болѣзнь—геморой, отъ котораго онъ страдаетъ только по временамъ, но что въ настоящую минуту онъ совершенно здоровъ. Послѣ такихъ выходокъ, Марья Степановна стала замѣтно избѣгать говорить съ нимъ.

Кельдерманъ былъ не похожъ на этого офицера; онъ умѣлъ держать себя въ товарищескомъ кругу такъ, что всѣ его любили; въ дамскомъ обществѣ онъ бывалъ рѣдко, а если бывалъ, то благодаря своему такту и своей скромности внушалъ къ себѣ симпатію, хотя роль, которую онъ игралъ, была далеко не изъ первостепенныхъ. Не имѣя никакого состоянія, онъ отказывалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, сопряженныхъ съ денежными расходами. Онъ не могъ даже позволить себѣ имѣть хорошій столъ. Офицеры, зная это и обѣдая съ нимъ за однимъ общимъ столомъ, соразмѣряли свои гастрономическія требованія не съ своимъ, а съ его карманомъ; они дѣлали это изъ деликатности и изъ товарищескаго чувства, которое въ то время было гораздо болѣе развито въ военныхъ частяхъ, нежели теперь.

Говоря о Кельдерманѣ, я позволю себѣ сдѣлать маленькій перерывъ въ моемъ разсказѣ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу возникшей въ послѣднее время моды осыпать похвалами прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ получили, какъ говорятъ, воспитаніе наши лучшіе генералы и традиціями которыхъ мы должны дорожить. Что многіе изъ нашихъ хорошихъ генераловъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, точно также несомнѣнно и то, что всѣ знаменитые іерархи нашей церкви вышли изъ семинарій; но

отсюда, однакожъ, нельзя вывесть заключеніе, что семинаріи прежняго времени были образцовыми заведеніями. Чтó относится до традицій, то какія онѣ, я не знаю; но знаю, что одно лицо, знавшее злоупотребленія, дѣлаемыя въ кадетскихъ корпусахъ, и принимавшее во время óно дѣятельное участіе въ переименованіи ихъ въ военныя гимназіи, сказало въ оффиціальной рѣчи, что оно желало бы, чтобы, вмѣстѣ съ именемъ корпусовъ, исчезли бы и традиціи ихъ во вновь формируемыхъ заведеніяхъ. Каковы были корпуса прежняго времени, я позволю себѣ уяснить нѣкоторыми примѣрами, взятыми мной изъ разсказовъ моихъ товарищей и лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ.

Всѣ молодые дворяне 40-хъ годовъ стремились служить въ военной службѣ, какъ потому, что служба эта доставляла нѣкоторый почетъ въ обществѣ, такъ и потому, что служебную карьеру можно было составить себѣ почти исключительно служа въ войскахъ. Всѣ высшія государственныя должности, министровъ, сенаторовъ, губернаторовъ давались военнымъ, которые были болѣе на виду у Государя, чѣмъ чиновники гражданскаго вѣдомства. Кромѣ того, военно-дисциплинарная закваска, по понятіямъ того времени, считалась необходимымъ качествомъ каждаго высокопоставленнаго лица; но не всѣ носившіе военный мундиръ пользовались одинаковымъ вниманіемъ властей. Карьеру можно было себѣ составить преимущественно въ строевой службѣ; служба же нестроевая и служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ считались ниже строевой, чтó можно было видѣть изъ того, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывъ одновременно генералъ-фельдцейхмейстеромъ, начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и командиромъ гвардейскаго корпуса, могъ имѣть 12 адъютантовъ, и всѣ бывшіе при немъ адъютанты были имъ взяты изъ строя; изъ военно-учебныхъ же заведеній и изъ нестроевыхъ артилерійскихъ частей онъ не имѣлъ ни одного адъютанта. Предпочтеніе, оказываемое строевой службѣ передъ службою въ военно-учебныхъ за-

веденіяхъ, имѣло, конечно, немалое вліяніе на качество служебнаго персонала въ кадетскихъ корпусахъ. Всѣ наиболѣе способные офицеры стремились служить въ полкахъ; въ кадетскіе же корпуса поступали или мало способные, или болѣзненные, или обремененные большимъ семействомъ, которое не могли содержать, служа въ полкахъ. При такихъ импровизованныхъ воспитателяхъ юношества, воспитательное значеніе корпусовъ было ниже всякой критики. Все воспитаніе было основано на розгахъ. Кадетъ воспитывали въ корпусахъ также, какъ отставной фельдфебель воспитываетъ своихъ сыновей; въ чемъ бы и какъ бы ни провинился мальчикъ, ему давали розги, не разбирая ни степени его вины, ни побужденія къ ней. Случалось подчасъ, что сѣкли и ничѣмъ неповинныхъ кадетъ. Кельдерманъ мнѣ разсказывалъ, что, въ бытность его въ одномъ изъ корпусовъ, директоръ, обходя зданіе корпуса, почувствовалъ въ одномъ помѣщеніи запахъ водки и табака. По сдѣланному осмотру найдено было нѣсколько пустыхъ штофовъ отъ водки и кисетъ съ табакомъ. Директоръ былъ очень строгъ; дежурнаго офицера онъ тотчасъ посадилъ подъ арестъ, а командиру роты, въ помѣщеніи которой найдены были пустые штофы и кисетъ съ табакомъ, онъ приказалъ указать виновныхъ; когда же виновные не нашлись, онъ принялъ слѣдующую, придуманную имъ мѣру: построилъ роту въ залѣ, велѣлъ принести побольше розогъ и, вызвавъ одного изъ лучшихъ кадетъ, наиболѣе любимаго товарищами, велѣлъ его сѣчь, объявивъ при этомъ, что онъ до тѣхъ поръ будетъ сѣчь, покуда виновные не сознаются. Кончилось тѣмъ, что виновные не сознались, а несчастнаго кадета, почти безъ чувствъ, унесли въ лазаретъ. Этотъ случай обличаетъ, съ одной стороны, отсутствіе въ директорѣ сердца и педагогической подготовки, а съ другой стороны, онъ доказываетъ очерствѣлость чувствъ кадетъ и худо понимаемое ими товарищеское чувство.

О другомъ случаѣ, не менѣе странномъ въ педагогическомъ отношеніи, бывшемъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, мнѣ

разсказывалъ самъ директоръ, съ которымъ я былъ знакòмъ, когда онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ моемъ сосѣдствѣ, въ деревнѣ. Докладываютъ мнѣ, говоритъ онъ, что, за обѣдомъ, кадеты начали шумѣть вслѣдствіе того, что имъ подали не совсѣмъ свѣжую рыбу. Я тотчасъ же пошелъ въ столовую, велѣлъ наказать (какъ, онъ не сказалъ) зачинщиковъ и распорядился, чтобы экономъ всю недѣлю кормилъ ихъ тухлою рыбой.

Много подобныхъ случаевъ я могъ бы привести изъ воспитательской практики кадетскихъ корпусовъ, но разскажу только одинъ, свидѣтельствующій какъ низокъ былъ образовательный цензъ дежурныхъ офицеровъ кадетскихъ корпусовъ. Мнѣ разсказывалъ его преподаватель математики Орловской военной гимназіи Гельманъ. Когда въ курсъ кадетскихъ корпусовъ введено было преподаваніе Тригонометріи, кадетамъ очень понравились названія тригонометрическихъ линій: синусъ, тангенсъ и др.; однпъ изъ кадетъ, выходя изъ класса, обратился къ дежурному офицеру и объяснилъ ему, что отецъ его обѣщалъ прислать ему боченокъ соленыхъ синусовъ и сотню копченыхъ тангенсовъ. Экая невидаль, сказалъ офицеръ съ улыбкой: вы можете достать этой дряни, сколько хотите, у Ситникова *).

Своеобразный характеръ директора Орловскаго кадетскаго корпуса, который управлялъ корпусомъ около 20 лѣтъ, можно видѣть и въ слѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Получая по Субботамъ отмѣтки о балахъ, поставленныхъ воспитанникамъ въ теченіе недѣли, онъ отмѣчалъ тѣхъ кадетъ, которые получили штрафные балы и, придя въ корпусъ, подзывалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ, дѣлалъ ему замѣчаніе и ударялъ его въ лобъ пальцемъ, на который былъ надѣтъ массивный перстень; послѣ этого удара на лбу кадета появлялось обыкновенно синее пятно, которое служило знàкомъ его неуспѣховъ по классамъ.

*) Фамилія содержателя магазина колоніальныхъ товаровъ, въ Орлѣ.

Этотъ же директоръ, обходя, одинъ разъ, корпусъ, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе одному изъ служащихъ; этотъ послѣдній оправдывался неимѣніемъ инструкціи и просилъ ее дать на будущее время. Въ порывѣ неудовольствія на служащаго за его неумѣстную просьбу, директоръ объяснилъ все дѣло въ приказѣ по корпусу и прибавилъ, что тѣ изъ его подчиненныхъ, которые позволятъ себѣ обращаться къ нему съ просьбами объ инструкціи, *будутъ анаѳемы прокляты*. При этомъ справедливость требуетъ сказать, что директоръ этотъ былъ добрый и честный человѣкъ и, конечно, при лучшей педагогической подготовкѣ, онъ могъ бы быть весьма полезенъ для заведенія, которымъ управлялъ.

Нѣкоторые думаютъ, что въ корпусахъ была особенно хороша военная дисциплина. Еслибы дисциплина должна была заключаться только въ томъ, чтобы умѣть правильно становиться во фронтъ передъ офицерами и стоять на вытяжку передъ начальствомъ, то этого рода дисциплина была безупречно хороша въ корпусахъ; но если взять во вниманіе вседневную жизнь корпусовъ и вникнуть въ отношенія кадетъ къ офицерамъ, то нельзя не удивляться тѣмъ безобразіямъ, которыя творились въ корпусахъ: дежурныхъ офицеровъ забрасывали картофелинами, преподавателямъ обрѣзывали фалды, писали имъ разные пасквили, которые прикалывали къ ихъ платью, обливали чернилами и т. п. Въ одномъ изъ Петербургскихъ корпусовъ забросали картофелемъ и даже, какъ многіе говорили, поколотили батальоннаго командира Савримовича; про другое военно-учебное заведеніе, директоръ котораго очень любилъ читать Капфига, напечатали въ полицейской газетѣ, что изъ квартиры директора сбѣжала собака, кличка которой Капфигъ; при этомъ описали примѣты ея, схожія съ генераломъ, и обѣщали дать приличное вознагражденіе доставившему ее. Большая часть этихъ безобразій оставалась неизвѣстна высшему начальству, такъ какъ было въ интересѣ и директоровъ, и офицеровъ скрывать ихъ, чтобы не подвергаться замѣчаніямъ.

Вообще, во внутренней своей жизни, корпуса представляли два враждебные лагеря, которые вели ожесточенную борьбу: съ одной стороны кадеты, а съ другой ихъ начальники. Кадеты составляли сплоченную массу, имѣвшую въ средѣ своей руководителей, которые давали своимъ товарищамъ желаемое ими направленіе и заставляли ихъ безотговорочно дѣйствовать по ихъ указаніямъ. Такъ напримѣръ, существовалъ обычай бить новичковъ и, несмотря на ужасныя страданія, переносимыя новичками, они не смѣли жаловаться офицерамъ. Если бывали рѣдкіе случаи, когда новичекъ обращался къ защитѣ начальства, то жизнь его дѣлалась рядомъ истязаній, и онъ очень раскаявался въ своемъ поступкѣ. Сплоченность массы и отсутствіе уваженія къ офицерамъ дѣлали внутреннюю жизнь кадетъ непроницаемою для ихъ наставниковъ. Офицеры вовсе не знали своихъ воспитанниковъ, а потому не могли сообразовать съ ихъ характерами своихъ воспитательныхъ мѣръ. Лучшею изъ нихъ и почти единственною считались розги; но мѣра эта не только не могла улучшить нравственность воспитанниковъ, но, убивая въ нихъ самолюбіе и очерствляя ихъ сердца, не возбуждала даже особеннаго страха, такъ какъ самые отчаянные кадеты скоро съ ней свыкались. Кромѣ того, эта мѣра до такой степени озлобляла кадетъ противъ начальства, что нѣтъ такой непріятности, которую они не желали бы сдѣлать своему начальнику, не заслужившему ихъ любви и стороннику этой мѣры. Такъ у одного директора они потушили газъ, проведенный въ его квартиру, и сдѣлали это во время званаго обѣда, когда у него было много гостей; другому бросали камни въ окна и т. п.

Въ заключеніе я могу представить небольшую иллюстрацію нравственнаго положенія, въ которомъ находились корпуса, передъ преобразованіемъ ихъ въ военныя гимназіи. Генералъ Бушенъ былъ назначенъ директоромъ Орловскаго кадетскаго корпуса въ 1863 году; на него было возложено порученіе преобра-

зовать его въ военную гимназію. Въ день его пріѣзда въ Орелъ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, къ нему явился адъютантъ корпуса и доложилъ, что, наканунѣ, нѣсколько кадетъ совершили кражу со взломомъ въ городѣ; о случаѣ этомъ онъ тотчасъ же донесъ начальнику военно-учебныхъ заведеній. Затѣмъ онъ мнѣ говорилъ, что, въ первые дни по пріемѣ имъ корпуса, проводя большую часть времени въ стѣнахъ заведенія, онъ находилъ полный порядокъ во всемъ; чистота была образцовая; ротные командиры ему докладывали, что кадеты ведутъ себя отлично, проступковъ не было. Но прошло нѣкоторое время, и онъ убѣдился, что корпусъ страдаетъ такими нравственными язвами, которыя ведутъ его къ полному разложенію, о чемъ онъ тогда и донесъ генералъ-адъютанту Исакову. Генералъ Бушенъ былъ человѣкъ недюжинный; обладая свѣтлымъ умомъ и особенными педагогическими способностями, онъ въ высшей степени добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Въ словахъ его нельзя сомнѣваться. По преобразованіи корпуса въ военную гимназію, Бушенъ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго Корпуса. Я, какъ его преемникъ, могу засвидѣтельствовать, что оставшіеся отъ корпуса старые кадеты были до такой степени нравственно испорчены, что я вынужденъ былъ выдѣлить ихъ въ особыя классныя отдѣленія, чтобы обезпечить отъ ихъ пагубнаго вліянія вновь поступающихъ воспитанниковъ. Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ грустнаго положенія, въ которомъ находились кадетскіе корпуса, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: до генералъ-адъютанта Исакова, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ Корсаковъ объѣхалъ всѣ корпуса и подробно ихъ осмотрѣлъ. Послѣдствіемъ этого осмотра было преданіе военному суду за злоупотребленія весьма многихъ лицъ и одного директора. Если всякое злоупотребленіе начальника дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на служащихъ, то въ воспитательномъ заведеніи, гдѣ примѣръ наставниковъ составляетъ не только главное, но почти единственное средство нравственнаго воспитанія, оно губитъ нравственно юношей, закрывая ихъ сердца къ воспринятію бла-

городныхъ чувствъ. Военному искусству можно научить человѣка во всякомъ возрастѣ; но уничтожить въ немъ сѣмена безнравственности, посѣянныя въ самомъ раннемъ возрастѣ, не только трудно, но бываетъ подчасъ невозможно.

Сдѣлавъ это отступленіе въ моемъ разсказѣ, я буду его продолжать, имѣя въ виду впослѣдствіи снова обратиться къ реформѣ кадетскихъ корпусовъ.

Жизнь моя въ батареѣ показалась мнѣ сначала весьма скучной; но ознакомившись короче съ моими товарищами, я былъ вполнѣ доволенъ ихъ обществомъ. Всѣ мы, какъ намъ казалось, проводили время довольно пріятно; поутру дивизіонные командиры Кельдерманъ и Левинъ ходили на ученія, а взводные офицеры, къ числу которыхъ я принадлежалъ, спали до 10-ти часовъ утра. Затѣмъ мы всѣ приходили въ квартиру Кельдермана, гдѣ была довольно большая зала, въ которой мы обѣдали. Въ то время на балахъ появился новый танецъ—полька съ фигурами; этотъ танецъ намъ очень нравился, и мы всѣ танцовали его, и до обѣда, и послѣ обѣда, съ особеннымъ увлеченіемъ, причемъ, вмѣсто музыки, напѣвалъ его одинъ изъ насъ. Вечеромъ приходилъ къ намъ батарейный командиръ Кнорингъ, или мы ходили къ нему, и при веселомъ характерѣ, которымъ отличались всѣ офицеры, разговоры наши были самые оживленные. Предметомъ ихъ были, большею частію, мелкія сплетни, касавшіяся полковыхъ дамъ драгунскаго полка, въ казармахъ котораго мы жили.

Драгунскимъ полкомъ командовалъ въ то время г.-м. Сталь фонъ-Голштейнъ, женатый на m-lle Гербель. Г-жа Сталь была не столько хороша собой, сколько мила и добра; отъ нея всѣ были въ восторгѣ. При полномъ отсутствіи кокетства, она ко

всѣмъ относилась съ одинаковой любезностью, а потому ее любили всѣ; но влюбленныхъ въ нее не было. Затѣмъ, старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку былъ полковникъ Энгельгардтъ, у котораго жена была молода и хороша собой. Полковой адъютантъ Траубенбергъ былъ тоже женатъ; жена его была не менѣе миловидна, какъ г-жа Сталь и имѣла съ этой послѣдней много общаго, какъ по умѣнію себя держать, такъ и по любезности въ обращеніи.

Мы всѣ, кромѣ Кельдермана, были знакомы съ этими дамами и изрѣдка ихъ посѣщали; но ни съ однимъ изъ этихъ семействъ наше знакомство не было такъ интимно, какъ съ семействомъ молодаго офицера Бове, который жилъ въ одномъ домѣ съ нами. Мнѣ было, какъ я сказалъ, 19 лѣтъ. Проведя юношескіе года за книгами, я рѣдко бывалъ въ дамскомъ обществѣ, вслѣдствіе чего застѣнчивость моя доходила до того, что я конфузился и краснѣлъ при каждомъ словѣ, которое произносилъ. M-me Бове своимъ привѣтливымъ обращеніемъ умѣла значительно уменьшить во мнѣ этотъ недостатокъ, вслѣдствіе чего, неохотно посѣщая другихъ драгунскихъ дамъ, у нея я бывалъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Драгунскія казармы, въ которыхъ стояла наша батарея, были отъ Новгорода въ 15 верстахъ. Наши офицеры въ Новгородъ не ѣздили, а потому и не были знакомы съ Новгородскимъ обществомъ; но тѣмъ не менѣе по разсказамъ драгунскихъ дамъ, мы знали многое изъ того, что̀ дѣлалось въ Новгородѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1844 года, въ Новгородскомъ Дворянскомъ Собраніи былъ назначенъ маскарадъ. Я, Левинъ и одинъ изъ моихъ товарищей Хлюстинъ рѣшились поѣхать въ этотъ маскарадъ. Я и Хлюстинъ были въ мундирахъ, а Левинъ надѣлъ маску и костюмъ капуцина. Маскарадъ былъ очень многолюденъ. Едва мы вошли въ залу, какъ меня и Хлюстина окружили маски, выражая удовольствіе, что видятъ, наконецъ,

конно-артилерійскій мундиръ въ Новгородѣ; при этомъ одна маска замѣтила мнѣ, что ей было особенно любопытно видѣть конно-артилеристовъ, такъ какъ она слышала, что драгунскія дамы всѣ влюблены въ нашихъ офицеровъ; когда же я ее спросилъ, не желаетъ ли она вступить въ конкуренцію съ драгунскими дамами, она смѣясь, отвѣтила, что не стоитъ труда, такъ какъ ея вкусъ гораздо требовательнѣе драгунскаго. Въ это время подошелъ Левинъ и сказалъ ей что-то на ухо; она быстро бросила мою руку и взяла его. Вскорѣ я увидѣлъ, что Левина окружили не только маски, но и дамы, бывшія въ бальныхъ туалетахъ. Случилось это такъ. Левинъ успѣлъ передъ маскарадомъ собрать всевозможныя свѣдѣнія о частной жизни Новогородскихъ дамъ и, будучи недюжиннаго ума, умѣлъ такъ скомбинировать всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, что заинтересовалъ всѣхъ, предсказывая однимъ будущее, а другимъ описывая ихъ прошедшее. Въ концѣ маскарада, у всѣхъ была одна мысль, одно желаніе—узнать, кто былъ таинственный капуцинъ. Ходившая со мной маска, замѣтивъ, что я говорилъ съ Левинымъ, снова подошла ко мнѣ и просила неотступно, чтобы я сказалъ ей, кто онъ? Я отвѣчалъ, что я готовъ исполнить ея желаніе только въ томъ случаѣ, если она откроетъ свое лицо, и я найду ее хорошенькой. Она тотчасъ же приподняла маску и хотя я увидѣлъ передъ собой въ полной мѣрѣ красавицу, но сказалъ ей, что если ея вкусъ, какъ она говорила, требовательнѣе драгунскаго, то и мой вкусъ также очень требователенъ; а потому, не находя ее достаточно красивою, чтобы подкупить меня въ ея пользу, я не могу сказать ей имени капуцина. Впослѣдствіи я узналъ, что это была Итальянка Касини, дочь содержательницы моднаго магазина, извѣстная своей красотой (вскорѣ она вышла замужъ за какого-то Петербургскаго купца, и черезъ два года я снова встрѣтилъ ее въ одномъ изъ Петербургскихъ маскарадовъ). На другой день маскарада, въ Новгородѣ, не было другаго разговора какъ о таинственномъ капуцинѣ; узнали, что это былъ Левинъ, и въ Новогородскомъ обществѣ явилось желаніе съ нимъ познакомиться.—Изъ Новогородскихъ дамъ наи-

болѣе выдѣлялись г-жа Катенина, жена начальника штаба гренадерскаго корпуса, сестра ея m-lle Вадковская, дочь вице-губернатора Бунакова, и три дочери директора гимназіи Лыкшина: Екатерина, Мира (такъ ее всѣ называли) и Марія. Наиболѣе красивая изъ трехъ сестеръ была Мира, вышедшая впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго нашего литератора Щебальскаго. Со всѣми этими дамами Левинъ вскорѣ познакомился, а затѣмъ познакомились и другіе наши офицеры. У Лыкшиныхъ были назначены вечера по Субботамъ, на которые мы всегда являлись и нерѣдко пріѣзжали въ Новгородъ вечеромъ верхами съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ былъ завернутъ мундиръ или новый сюртукъ. Случалось, что пріѣзжали мы и по утру, и тогда все послѣобѣденное время проводили къ кондитерской Мишель, которая съ утра до вечера была наполнена офицерами разныхъ полковъ: тутъ были и драгуны, и уланы, и гусары, и артилеристы пѣшіе и конные. Приманкой для всѣхъ была 17-ти лѣтняя дочь кондитера, м-ль Софи, которая, не только по красотѣ, но и по образованію и умѣнью себя держать, могла служить примѣромъ молодымъ дѣвушкамъ Новогородскаго общества. Болѣе всѣхъ за ней ухаживалъ драгунскій офицеръ С., который впослѣдствіи на ней женился и умеръ въ недавнее время, занимая въ Москвѣ весьма важный служебный постъ. Одна изъ его дочерей, сколько мнѣ помнится, была фрейлиной Императрицы Маріи Александровны.—Въ кондитерской Мишель я пезнакомился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, который былъ произведенъ въ офицеры Гродненскаго гусарскаго полка почти одновременно со мной; ему было въ то время, какъ и мнѣ, 19 лѣтъ. Онъ былъ скромный молодой человѣкъ, весьма любимый товарищами; въ гусарскихъ кутежахъ онъ не участвовалъ и весьма рѣдко пріѣзжалъ въ Новгородъ. Съ нѣкоторыми артилерійскими офицерами онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; я помню, что у одного изъ моихъ товарищей князя Волконскаго онъ купилъ лошадь, которую звали Веллингтонъ. Умѣніемъ себя держать онъ пріобрѣлъ общія симпатіи не только среди своихъ однополчанъ, но и среди офи-

церовъ другихъ полковъ. Я его мало зналъ, но очень хорошо помню, что, не смотря на его скромность, во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ просвѣчивалъ недюжинный умъ и самостоятельный образъ мыслей. Былъ такой случай. Пріѣхавъ въ Новгородъ на масляницѣ, я обѣдалъ съ нѣсколькими драгунскими офицерами въ почтовой гостиницѣ; нѣкоторые изъ офицеровъ остались недовольны обѣдомъ, и чтобы доказать какъ онъ былъ малопитателенъ, предложили пари по бутылкѣ шампанскаго, что, тотчасъ послѣ обѣда, они съѣдятъ по дюжинѣ блиновъ; въ числѣ предложившихъ пари былъ и я. Во время этихъ разговоровъ, въ комнату вошелъ Лорисъ-Меликовъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ мнѣ сказалъ, смѣясь, что если бы онъ имѣлъ неосторожность держать такое пари, то призналъ бы себя побѣжденнымъ на первомъ же блинѣ, а не сталъ бы разстраивать свой желудокъ, чтобы выпить шампанскаго на чужой счетъ. Мнѣ помнится, что я послѣдовалъ его совѣту.

Познакомившись съ Новгородскимъ обществомъ, мы, то-есть я, Левинъ и Хлюстинъ, стали часто бывать въ Новгородѣ; нашихъ же драгунскихъ знакомыхъ мы почти совсѣмъ оставили. Левинъ проводилъ большую часть времени у Катениныхъ (ему очень нравилась м-ль Вадковская), Хлюстинъ бывалъ чаще другихъ у Лыкшиныхъ, а я проводилъ немало времени въ кондитерской Мишель, любуясь хорошенькимъ личикомъ м-ль Софи.

Наконецъ, наступила весна. Страдая золотухой, я испросилъ себѣ отпускъ на лѣто въ Старую Русу, куда уѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ; а батарея пошла въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Пріѣхавъ въ Старую Русу, я нанялъ себѣ квартиру близъ лечебнаго заведенія. Въ одномъ домѣ со мной помѣстился сосѣдъ по имѣнію моему въ Калужской губерніи, Александръ Ѳедоровичъ Шилингъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, воспитанный двумя тетушками и никогда не выѣзжавшій изъ

своей деревни. Такое воспитаніе и уединенная деревенская жизнь сдѣлали его застѣнчивымъ и крайне нервнымъ; онъ боялся всего—и грозы, и простуды, и быстрой ѣзды въ экипажѣ; но болѣе всего онъ боялся женщинъ, на которыхъ, однакожъ, боязнь не мѣшала ему засматриваться. Я взялъ съ собою въ Старую Русу экипажъ и пару хорошихъ лошадей, на которыхъ катался по городу и по окрестностямъ. По пріѣздѣ въ Старую Русу я познакомился вскорѣ съ гвардейскими офицерами, которые прибыли съ командами нижнихъ чиновъ, присланныхъ для лѣченія Старорусскими минеральными водами; то были: Семеновскаго полка капитанъ Савицкій, Измайловскаго полка поручикъ Лачиновъ и гвардейскаго экипажа лейтенанты Цимутали и Шумовъ. Со всѣми этими офицерами я видался почти каждый день, и къ нашему обществу присоединился Шилингъ, который вскорѣ сдѣлался неузнаваемъ: его не коробило больше (какъ это было прежде) отъ разсказовъ эротическаго содержанія и отъ лишневыпитаго бокала шампанскаго; онъ сдѣлался веселымъ собесѣдникомъ, добрымъ товарищемъ, но мнительность свою не могъ преодолѣть: при малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ окутывалъ себѣ горло шарфомъ, надѣвалъ огромныя калоши и теплое пальто. Надъ нимъ, конечно, смѣялись, но тѣмъ не менѣе его любили. Я болѣе всѣхъ старался его перевоспитать на военный ладъ и помню два случая, когда Шилингъ по милости моей испыталъ немалый страхъ и чуть было не слегъ въ постель. Въ Старой Русѣ давались пріѣзжей труппой театральныя представленія; во время одного изъ этихъ представленій, на которомъ я былъ вмѣстѣ съ Шилингомъ, разразилась сильная гроза; выходя изъ театра, я предложилъ Шилингу, дрожавшему отъ страха, ѣхать домой въ моемъ экипажѣ, на что онъ тотчасъ же согласился, но когда мы сѣли въ пролетку, я велѣлъ кучеру ѣхать за-городъ, чтобъ прокатиться передъ сномъ. Шилингъ умолялъ выпустить его, но лошади помчались, и мы вернулись домой, промокнувъ совершенно отъ дождя, который все время насъ обливалъ; при каждомъ блескѣ молніи, Шилингъ крестился и просилъ скорѣе вернуться домой, увѣряя, что онъ

можетъ схватить сильную простуду. Но оказалось, что онъ не только не простудился, но остался живъ и здоровъ и до настоящаго времени (ему слишкомъ 70 лѣтъ отъ роду).

Другой случай былъ слѣдующій. Домъ, въ которомъ жили я и Шилингъ, былъ на берегу небольшой, но глубокой рѣчки; на другой ея сторонѣ противъ нашихъ оконъ жилъ главный врачъ водъ *Вельсъ*, къ которому мы съ Шилингомъ ходили иногда по вечерамъ; чтобы не дѣлать обхода на мостъ, что̀ довольно далеко отъ нашего дома, я велѣлъ сбить изъ досокъ небольшой плотъ, на которомъ лакей мой, отпихиваясь шестомъ отъ берега, перевозилъ насъ на другой берегъ рѣчки. Получивъ въ одинъ прекрасный день приглашеніе отъ m-me Вельсъ къ ней на имянины, Шилингъ принарядился, надѣлъ на голову цилиндръ и взялъ съ собой пачку Нѣмецкихъ газетъ, которыя ему давалъ читать Вельсъ. Мы стали на плотъ; но лакей, какъ потомъ оказалось, былъ немного на веселѣ и, отталкивая плотъ отъ берега, оступился и упалъ въ воду. Плотъ конечно покачнулся; Шилингъ, не ожидая сотрясенія плота, не удержался и полетѣлъ въ воду за лакеемъ; я одинъ остался на плоту. Падая въ воду, Шилингъ выпустилъ изъ рукъ газеты, которыя вмѣстѣ съ его цилиндромъ поплыли по рѣчкѣ, а онъ успѣлъ ухватиться руками за плотъ и, находясь въ водѣ, кричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ: „Ахъ помогите, тону!“ Дурная сторона моего характера заключается въ томъ, что при паденіи кого-либо я не могу удержаться отъ смѣха; сцена, представившаяся мнѣ, возбудила во мнѣ такой смѣхъ, что я нескоро могъ собрать достаточно силъ, чтобы подать руку Шилингу и вытащить его на плотъ. Послѣ этого приключенія мы вернулись домой. Шилингъ улегся въ постель, напившись чего-то горячаго, такъ какъ вечеръ былъ довольно холодный, и онъ очень озябъ; а я отправился снова къ Вельсу, который видѣлъ изъ своихъ оконъ все происшедшее и прислалъ Шилингу какое-то антинервное лѣкарство. Мнѣ было очень досадно на себя,

что я не скоро подалъ руку Шилингу, котораго я очень любилъ; но слава Богу, случай этотъ, какъ и первый, не имѣлъ для него никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ Старой Русѣ былъ штабъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи. Хотя военныя поселенія, въ томъ видѣ, какъ они существовали при Аракчеевѣ, были уничтожены, но военные поселенцы, у которыхъ отнято было оружіе и которыхъ называли пахатными солдатами, остались и продолжали заниматься земледѣліемъ въ своихъ селахъ, наравнѣ съ крестьянами. Начальникомъ всѣхъ пахатныхъ округовъ Новгородской губерніи былъ генералъ-лейтенантъ Фрикенъ, а помощникомъ его былъ генералъ-маіоръ Набоковъ, родной братъ командира гренадерскаго корпуса. Оба эти лица жили въ Старой Русѣ, и съ обоими я познакомился. Я познакомился также и съ семействами другихъ лицъ, жившихъ въ Старой Русѣ, какъ напримѣръ, съ семействомъ полковника Сутгофа, у котораго одна дочь была замужемъ за Отилье, а другая незамужняя, обѣ премилыя особы. Но въ особенности я сошелся съ семействомъ чиновника Шотенъ, который пріѣхалъ въ Старую Русу съ институтками изъ разныхъ институтовъ, присланными для пользованія минеральными водами. Шотенъ былъ женатъ на Англичанкѣ; дочь его Бетси получила прекрасное образованіе и заполонила мое 19-ти лѣтнее сердце! Это была моя первая любовь. Видѣвшись съ ней почти каждый день, то на водахъ, то на прогулкахъ и пикникахъ, устроиваемыхъ мной и другими офицерами, я сталъ уже мечтать о женитьбѣ. Дѣйствительно. Бетси была дѣвушка, которая имѣла все, чтобы сдѣлать своего мужа счастливымъ: она была образована, какъ немногія дѣвицы того времени, и соединяла нѣжное сердце съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь; въ ней не было и тѣни кокетства, и она была даже некрасива, но обладала какой-то особой миловидностью, которая привлекала къ себѣ всѣ сердца. Кромѣ меня за ней ухаживалъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, кото-

рый былъ очень красивъ собой и 10-ю годами старше меня. Не имѣя въ жизни опытности и будучи крайне застѣнчивъ, я сознавалъ его превосходство надо мной, и ревность невольно запала въ мое сердце; не умѣя владѣть собой, я не разъ придирался къ нему и желалъ вызвать серьезное съ нимъ объясненіе, но онъ это понималъ и уклонялся отъ моего вызывательнаго образа дѣйствій. Я помню, что, поспоривъ съ нимъ о чемъ-то, я предложилъ ему пари въ присутствіи Бетси и просилъ ее назначить въ чемъ должно заключаться пари; она, смѣясь, указала на графинъ, стоявшій на столѣ, и сказала: пусть проигравшій пари выпьетъ эту воду. Оказалось, что я выигралъ и, несмотря на то, что въ графинѣ было много воды, я заставилъ моего соперника, какъ онъ ни давился, выпить всю воду, бывшую въ графинѣ, предваривъ его, что если онъ честный человѣкъ, то долженъ въ точности исполнить условіе проиграннаго имъ пари. Видя мою неумѣстную подчасъ запальчивость, Бетси, какъ я замѣтилъ, останавливала на мнѣ, иногда, такой ласковый и выразительный взглядъ, который мнѣ ясно говорилъ, что она ставила меня выше моего соперника. Это были самыя счастливыя минуты моей жизни; я становился тотчасъ же кротокъ и уступчивъ, но на другой день ревность заставляла меня дѣлать новыя выходки, которыя Бетси снова останавливала своимъ взглядомъ. Такимъ образомъ дни шли за днями, и хотя между мной и Бетси не было сказано ни одного слова о любви, но мнѣ казалось, что она понимала меня.

Слѣдующій случай мнѣ ясно указалъ, что она была не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна. Въ то время, въ какомъ-то журналѣ былъ помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ морской офицеръ Цимутали переѣхалъ въ маленькой лодкѣ черезъ Финскій заливъ изъ Ревеля въ Гельзингфорсъ, не имѣя компаса и взявъ только съ собой собаку, которая, какимъ-то образомъ, его спасла отъ смерти. По прочтеніи этого разсказа, Цимутали, бывшій въ Старой Русѣ, и его собака сдѣлались предметомъ общаго

вниманія. Замѣтивъ, что и Бетси смотрѣла на него какъ на героя, я и другой морякъ Шумовъ, прибывшій въ Старую Русу съ командою нижнихъ чиновъ придумали сдѣлать поѣздку на лодкѣ въ Новгородъ. Разстояніе отъ Старой Русы до Новгорода было почти то же самое, какъ отъ Ревеля до Гельзингфорса, опасность же переѣзда была даже болѣе, такъ какъ Ильменское озеро извѣстно своей бурливостью: на немъ ежегодно погибало немало суоовъ, перевозившихъ разные грузы. Рѣшившись сдѣлать эту поѣздку, мы обратились къ Фрикену съ просьбой дать намъ его лодку, чтобы покататься по рѣкѣ; намѣреніе же наше отправиться въ Новгородъ мы скрыли отъ него, зная навѣрно, что для этой цѣли онъ не дастъ намъ лодки. Лодка была безъ парусовъ. Шумовъ успѣлъ достать у какого-то рыбака два паруса, пригналъ ихъ кое-какъ къ лодкѣ, и, запасшись провизіей, состоявшей изъ хлѣба, колбасы и сыру, мы отплыли отъ берега, сопровождаемые пожеланіемъ успѣшнаго плаванія всѣхъ лицъ, пріѣхавшихъ насъ провѣдать. Сначала, при отличной погодѣ и небольшомъ попутномъ вѣтрѣ, плаваніе наше было очень пріятно; но къ вечеру, когда берегъ едва былъ видѣнъ, вѣтеръ усилился, пошелъ проливной дождь, и лодку нашу стало бросать по волнамъ какъ мячикъ; въ это время упала мачта, сломавъ гнѣздо, въ которомъ она была утверждена, руль выскочилъ изъ пазовъ и раскололь верхнюю доску, а въ довершеніе несчастья, нѣкоторыя волны, заливая лодку, наполнили ее до половины водой; положеніе наше было ужасно. Стоя по колѣна въ водѣ, мы фуражками выливали воду изъ лодки; но, несмотря на всѣ наши усилія, вода быстро прибывала, и мы ждали съ минуту на минуту сдѣлаться жертвами озера. Потерявъ почти всякую надежду на спасеніе, я сознаюсь, что ни о чемъ и ни о комъ болѣе не думалъ какъ о Бетси; мнѣ жаль было жизни, меня мучила мысль, что я съ ней болѣе не увижусь. Шумовъ все время молчалъ. Наконецъ счастье намъ улыбнулось, вѣтеръ стихъ, и, удвоивъ наши усилія, мы успѣли вылить воду изъ лодки; но, не имѣя ни мачты, ни руля и не видя берега вслѣдствіе ночной темноты, мы вы-

нуждены были ждать утра. Продолжать нашъ путь въ Новгородъ въ лодкѣ, которая была вся поломана, не было никакой возможности, а потому мы рѣшились вернуться въ Взватъ, куда и пошли на веслахъ, какъ только занялась утренняя заря, но измученные и обезсиленные безсонной ночью и сильными ощущеніями, нами испытанными, мы подвигались весьма медленно; наконецъ, силы намъ окончательно измѣнили: бросивъ весла, мы легли спать и—молодость взяла свое — мы заснули глубокимъ сномъ. Я не знаю сколько времени мы спали; насъ разбудилъ свистокъ парохода, который, какъ оказалось, былъ присланъ за нами. Капитанъ парохода намъ объявилъ, что генералъ Фрикенъ приказалъ ему отыскать насъ на озерѣ и немедленно доставить въ Старую Русу. Во исполненіе приказанія Фрикена, мы пересѣли на пароходъ и къ вечеру того же дня подошли къ Старорусской пристани. Стоя на палубѣ, мы замѣтили, что по первому свистку парохода, служившему сигналомъ его приближенія къ пристани, пристань наполнилась народомъ; когда мы подошли, раздались аплодисменты и крики: „вотъ они бѣглецы!“ Сердце у меня сильно забилось: въ числѣ лицъ, насъ встрѣчающихъ, я замѣтилъ Бетси; она стояла сзади всѣхъ съ своею пріятельницей Сергѣевой. Протиснувшись черезъ толпу, выражавшую намъ свои привѣтствія различными восклицаніями, я не нашелъ уже Бетси на пристани, а увидалъ ее идущею по набережной съ носовымъ платкомъ въ рукѣ, которымъ, какъ мнѣ показалось, она вытирала слезы. Бросившись ее догонять, я былъ остановленъ Шилингомъ, который, какъ добрый сосѣдъ, обратился ко мнѣ съ выраженіемъ своей непритворной радости по случаю нашего благополучнаго возвращенія. По его словамъ, весь городъ, узнавъ о предпринятомъ нами путешествіи, считалъ насъ погибшими. Многіе изъ нашихъ знакомыхъ просили Фрикена отправить для поисковъ за нами пароходъ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Вернувшись домой, я быстро передѣлся и черезъ полчаса стоялъ уже передъ дверьми Шотена. Трудно выразить словами чувства, которыя меня волновали при свиданіи съ Бетси; мнѣ показалось, что она какъ бы похудѣ-

ла въ три дня, которые я ея не видалъ. Въ то время, какъ отецъ и мать ея осыпали меня упреками за мое безразсудство, она молча смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, который дѣлалъ меня счастливѣйшимъ изъ людей: я видѣлъ въ немъ не простое участіе въ моей судьбѣ, но то чувство, о которомъ, до сихъ поръ, я могъ только мечтать. Гостиная Шотенъ вскорѣ наполнилась гостями; улучивъ свободную минуту, я вышелъ съ Бетси на балконъ. Вечеръ былъ превосходный, луна свѣтила съ полнымъ блескомъ, вѣтерокъ едва шелестилъ листьями. Выслушавъ упреки вашихъ родителей, сказалъ я ей, буду ожидать вашего приговора надо мной. „Мы скоро уѣзжаемъ въ Петербургъ, сказала она, не обративъ вниманія на мои слова, и я очень рада, что могу высказать вамъ откровенно то, что̀ у меня на сердцѣ и то, что меня мучаетъ. Я воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; вы вѣроятно знаете, что всѣ институтки имѣютъ обыкновеніе кого нибудь обожать? въ младшихъ классахъ обожаютъ классныхъ дамъ или институтокъ старшихъ классовъ, а въ старшихъ классахъ обожаютъ учителей. Обожаніе это не есть какое либо чувство; оно является вслѣдствіе отсутствія всякихъ развлеченій въ той скучной замкнутой жизни, которую ведутъ институтки; въ немъ выражается потребность молодыхъ сердецъ имѣтъ привязанности. Я, также какъ и другія институтки, обожала; въ младшемъ классѣ предметомъ моего обожанія была институтка старшаго класса С., а въ старшемъ классѣ я обожала одного учителя; но увы! институтка С. умерла отъ чахотки, а обожаемый учитель сошелъ съ ума и, какъ я недавно узнала, умеръ въ сумашедшемъ домѣ. Эти два случая произвели на меня глубокое впечатлѣніе; во мнѣ явилось убѣжденіе, что моя привязанность къ людямъ пагубна для нихъ, вслѣдствіе чего я стараюсь никого не любить; но вы, вашимъ вниманіемъ и любезностію ко всему нашему семейству, не могли не возбудить во мнѣ чувства расположенія... дружбы къ вамъ. Узнавъ, что вы предприняли опасное путешествіе въ Новгородъ, я была увѣрена, что вы не вернетесь и пережила въ три дня вашего отсутствія изъ Старой Русы такія душев-

ныя волненія, которыхъ другіе не переживаютъ въ теченіе всей своей жизни. Слава Богу вы вернулись, но я и теперь непокойна за васъ. Вы говорили, что вы лѣчитесь паровыми ваннами, которыя, я знаю, располагаютъ къ простудѣ; проведя цѣлую ночь на озерѣ подъ проливнымъ дождемъ и въ лодкѣ, наполненной водой, вы не могли не простудиться. Прошу васъ обратите вниманіе на ваше здоровье, если не для себя, то для меня; вѣрьте, что я вѣкъ не прощу себѣ, если съ вами случится что либо недоброе, что я была причиной вашего несчастья". Я старался ее успокоить, говоря, что я совершенно здоровъ; но она прервала меня и сказала: „Еще просьба къ вамъ; старайтесь меня забыть, мы не рождены другъ для друга... предчувствіе мнѣ говоритъ"... При этихъ словахъ она зарыдала и быстро ушла отъ меня. Въ этотъ вечеръ она болѣе не выходила изъ своей комнаты; мать ея сказала, что у ней сильно разболѣлись зубы. На другой день рано утромъ я пріѣхалъ справиться о ея здоровьѣ и узналъ, что она слегла въ постель; болѣзнь ея продолжалась около недѣли, въ теченіе которой я испыталъ сильныя душевныя страданія, первыя въ моей жизни. По вечерамъ я ходилъ къ ея окнамъ и просиживалъ на скамейкѣ противъ нихъ до глубокой ночи; чувствовать, что я находился близъ нея, хотя и не видѣть ея, мнѣ доставляло немалое утѣшеніе. Наконецъ, она поправилась, и наступилъ день отъѣзда ея родителей въ Петербургъ. Я провожалъ ихъ на пароходѣ до Новгорода. Болѣзнь, которую приписывали нервамъ, страшно измѣнила Бетси; она поблѣднѣла и была такъ слаба, что едва ходила; мать ея находилась постоянно при ней, такъ что, сидя на пароходѣ, я, какъ ни старался, не могъ найти ни одной минуты, чтобы поговорить съ ней наединѣ. Наконецъ, пароходъ подошелъ къ пристани въ Новгородѣ, всѣ начали собирать свои вещи, чтобы перенести ихъ въ почтовыя кареты, которыя стояли у пристани; мать Бетси отошла, чтобы сдѣлать какія-то распоряженія и въ ту минуту, когда я остался съ Бетси, одинъ, она протянула мнѣ руку и сказала: „Обѣщайте мнѣ исполнить то, о чемъ я васъ

просила на балконѣ; будьте счастливы; я чувствую, что мы съ вами болѣе не увидимся". Я съ жаромъ поцѣловалъ ея руку и, взволнованный, первый разъ сказалъ ей, что я ее люблю и что мы скоро увидимся въ Петербургѣ. Лицо ея покрылось румянцемъ, она опустила глаза и почти шепотомъ проговорила: „ахъ, какъ я счастлива!" Въ это время раздался около насъ голосъ ея матери, приглишавшій ее идти садиться въ карету; я послѣдовалъ за ней и помогъ ей сѣсть. Садясь она снова пожала мнѣ руку и, со слезами на глазахъ, сказала мнѣ съ особенною выразительностію: *„прощайте!"* Ямщикъ ударилъ кнутомъ по лошадямъ, карета помчалась... Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами за каретой, уносившей, какъ мнѣ казалось, счастіе всей моей жизни; я чувствовалъ какую-то жгучую боль въ сердцѣ; слезы потекли изъ глазъ, и я вернулся на пароходъ, который долженъ былъ отправиться обратно въ Старую Русу на другой день рано утромъ.

По возвращеніи въ Старую Русу я заперся у себя на квартирѣ, мнѣ никого не хотѣлось видѣть, я съ трудомъ могъ говорить съ лицами, которыхъ общество было мнѣ прежде пріятно; только Сергѣева, подруга Бетси, умѣла меня нѣсколько развлечь, разсказывая мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Бетси и о ея дружескихъ отношеніяхъ къ ней.

Прошла такимъ образомъ недѣля. Я сидѣлъ вечеромъ у окна съ книгою въ рукахъ, которую мнѣ далъ докторъ Вельсъ, но которую я не могъ читать, такъ какъ мои мысли были далеко... Вдругъ раздался звонокъ, и въ комнату вошла моя мать, только что пріѣхавшая на пароходѣ въ Старую Русу. Пріѣздъ ея меня поразилъ своею неожиданностью; она жила въ Москвѣ и о намѣреніи ея пріѣхать ко мнѣ она ничего не писала. Впрочемъ изъ первыхъ же словъ ея для меня стала понятна причина ея пріѣзда: до нея дошли слухи о моихъ романическихъ

похожденіяхъ и, любя меня горячо, она хотѣла лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до нея слуховъ. Немало мнѣ пришлось выслушать отъ нея упрековъ и за мое небрежное отношеніе къ леченію минеральными водами, и за поѣздку на лодкѣ; но о любви моей къ Бетси она ничего не говорила, подсмѣиваясь только надъ моимъ ловеласничествомъ, какъ она называла мои отношенія къ Бетси, и поздравляя меня съ успѣхомъ въ ухаживаніи за Старорусскими красавицами, изъ которыхъ съ одной она познакомилась, какъ она сказала, ѣхавши на пароходѣ. Это была жена одного квартальнаго, съ которой я вовсе не былъ знакомъ, но которая, торгуя своей красотой и думая, что я богатъ, очень желала со мной сойтись. Матери моей, не знавшей ея, она очень понравилась тѣмъ, что выхваляла меня и льстила ея самолюбію, увѣряя, что она приняла бы ее скорѣе за мою сестру, чѣмъ за мать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моей матери окончился срокъ моего отпуска, и я вмѣстѣ съ ней отправился въ батарею, которая и въ этомъ году должна была зимовать, почему-то, въ драгунскихъ казармахъ. По пріѣздѣ въ батарею, я горѣлъ желаніемъ скорѣе уѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть Бетси, но вынужденъ былъ ждать отъѣзда моей матери въ Москву, чтобы исполнить мое желаніе. Я твердо рѣшился просить руку Бетси и хотя имѣлъ надежду, что она мнѣ не откажетъ, но боялся говорить объ этомъ съ моей матерью, будучи увѣренъ въ сильной съ ея стороны оппозиціи; кромѣ того, мнѣ невольно вспоминались слова Бетси на балконѣ: „забудьте меня, сказала она, мы не рождены другъ для друга“. Для чего, думалъ я, она меня просила ее забыть, если она любитъ меня? Нетерпѣніе мое разъяснить эту загадку еще болѣе влекло меня въ Петербургъ. Наконецъ, моя мать уѣхала, и я, на другой же день послѣ ея отъѣзда, мчался на перекладной по Петербургскому шоссе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я черезъ полчаса стоялъ уже у дверей квартиры Шотенъ. Когда горничная, ко-

торую я зналъ въ Старой Русѣ, отворила мнѣ дверь, у меня такъ забилось сердце, что я едва могъ спросить ее: дома ли господа? Увидѣвъ меня, она залилась слезами и объявила мнѣ, что барышня ея умерла и что господа не возвращались еще съ похоронъ ея, которые были въ этотъ день. Слова горничной меня такъ поразили, что я не устоялъ на ногахъ и упалъ скорѣе чѣмъ сѣлъ на стоявшій тутъ стулъ. Выпивъ стаканъ воды, принесенный мнѣ горничной, я вернулся къ себѣ въ гостинницу, гдѣ остановился, и на другой день отправился снова къ Шотенъ, чтобы узнать подробности о смерти Бетси. М-me Шотенъ, прерывая свой разсказъ слезами, объяснила мнѣ, что Бетси простудилась еще въ Старой Русѣ и хотя, передъ отъѣздомъ, она нѣсколько поправилась, но пріѣхавъ въ Петербургъ, окончательно слегла въ постель, съ которой не вставала болѣе; болѣзнь ея была скоротечная чахотка. Видя мое отчаяніе, m-me Шотенъ дала мнѣ на память дагеротипный портретъ Бетси, который цѣлъ у меня и въ настоящее время, то есть черезъ 45 лѣтъ послѣ ея смерти. Такъ окончился первый романъ въ моей жизни. Онъ имѣлъ огромное на меня вліяніе.

Тѣ сильныя ощущенія, которыя я испыталъ подъ вліяніемъ любви къ Бетси, возбудили дѣятельность моего воображенія и внесли экзальтацію въ мои чувства. Будучи слишкомъ молодъ и неопытенъ чтобы смотрѣть на жизнь съ серьезной точки зрѣнія и преслѣдовать какія-либо практическія цѣли, я сдѣлался искателемъ тѣхъ ощущеній, которыхъ прелесть уже испыталъ и которыми я былъ обязанъ Бетси; начитавшись къ тому же романовъ Жоржъ-Санда, я сталъ видѣть въ женщинѣ жертву несправедливости мущинъ и поставилъ ее въ моихъ понятіяхъ на такой высокій пьедесталъ, съ котораго не были видны ея слабости и недостатки. Я сдѣлался, такимъ образомъ, поклонникомъ прекраснаго пола и думалъ найти въ немъ разрѣшеніе вопроса о счастьи нашей жизни. Во мнѣ явилось полное равнодушіе къ матеріальнымъ благамъ и къ требованіямъ нашихъ

низшихъ чувствъ; въ любви (въ обширномъ смыслѣ этого слова) я видѣлъ единственное высокое и облагороживающее человѣка чувство и къ нему направилъ всѣ мои помыслы; всѣ же другія чувства, какъ мнѣ казалось, должны унижать человѣка, а потому онѣ не имѣли для меня никакого соблазна. Такое направленіе имѣло конечно хорошую сторону, но послѣдствіемъ его явились увлеченія и разочарованія, не разъ испытанныя мной въ жизни.

II.

Лагерь подъ Краснымъ селомъ.—Практическая стрѣльба.—Экзамены Артилерійскихъ офицеровъ.—Оффиціальный обманъ.—Товарищеское чувство.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга въ батарею, товарищи нашли меня неузнаваемымъ: изъ веселаго, живаго я сдѣлался молчаливымъ и апатичнымъ. Мнѣ случалось по нѣскольку часовъ просиживать въ товарищескомъ кругу и не сказать ни одного слова; дамское же общество я совершенно оставилъ. Только въ бесѣдахъ съ Левинымъ, который зналъ мою сердечную рану, я находилъ нѣкоторое утѣшеніе. Съ своей стороны и Левинъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру, которая платила ему взаимностью, но, не имѣя возможности выйти за него за-мужъ, вышла за другаго, по принужденію родителей. Восторженное описаніе Левинымъ его любви и тайныхъ свиданій съ любимой имъ женщиной возбуждало во мнѣ какое-то сладкое чувство, которое нѣсколько умѣряло мою грусть.

Наконецъ, прошла зима, и батарея наша стала готовиться къ выступленію въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. По окончаніи лагеря мы должны были идти въ Петербургъ, а въ Новгородъ назначалась другая батарея. На молебнѣ, отслуженномъ передъ выступленіемъ батареи въ походъ, присутствовали всѣ драгунскія дамы; я долженъ былъ сдѣлать надъ собой немалое усиліе, чтобы подойти проститься съ каждой изъ нихъ. Нако-

нецъ, раздалась команда: *справа въ одно орудіе,* и мы тронулись съ мѣста нашей стоянки безъ всякаго о ней сожалѣнія. Офицеры были въ самомъ веселомъ расположеніи духа, пѣсенники шли впереди, распѣвая веселыя солдатскія пѣсни, погода была превосходная. Я невольно поддался общему настроенію и въ первый разъ послѣ смерти Бетси почувствовалъ, что у меня на сердцѣ стало легко. Походъ нашъ до Краснаго Села продолжался 9 дней, въ теченіе которыхъ разнообразіе впечатлѣній и чистый весенній воздухъ подѣйствовали такъ успокоительно на мои нервы, что жизнь, казавшаяся мнѣ тяжелымъ бременемъ, снова получила для меня прелесть. Но наилучшимъ лечебнымъ для моего сердца средствомъ было свиданіе мое съ товарищами, служившими въ другихъ батареяхъ, изъ которыхъ съ однимъ (княземъ Николаемъ Волконскимъ) я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Новая жизнь которую я началъ въ лагерѣ, все болѣе и болѣе изглаживала изъ моей памяти образъ Бетси, ко мнѣ вернулась прежняя веселость характера и прежняя воспріимчивость чувствъ; если случалось, что я вспоминалъ иногда о Бетси, то эти воспоминанія не были уже грустны, а даже пріятны, какъ вообще воспоминанія о хорошемъ прошломъ.

Первая батарея, въ которой я служилъ, стояла въ Чухонской деревнѣ Телези, въ 6-ти верстахъ отъ Краснаго Села. Я помѣстился съ Левиномъ въ грязной избѣ, половину которой занимала Русская печь. Кельдерманъ, какъ старшій офицеръ въ батареѣ, занялъ болѣе просторную избу, а другіе офицеры размѣстились не лучше нашего. Во всѣхъ избахъ была ужасная грязь и какой-то особый запахъ, для уничтоженія котораго не было придумано въ то время дезинфекціонныхъ средствъ; обои, которыми въ прошлое лѣто оклеена была изба, висѣли клочьями по стѣнамъ; полъ былъ такъ гнилъ, что половицы ходили подъ ногами какъ клавиши; мебель наша состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ табуретокъ и изъ простаго, сколоченнаго изъ досокъ, стола. Большую часть комнаты, за исклю-

ченіемъ печи, занимали наши двѣ складныя желѣзныя кровати, которыя мы привезли съ собой; потолокъ былъ такъ низокъ, что офицеры высокаго роста стирали пыль и сажу съ потолка своими головами.

Какъ ни дурна была обстановка, въ которой мнѣ пришлось жить, но я не тяготился ею; напротивъ, она мнѣ нравилась вслѣдствіе тѣхъ новыхъ ощущеній, которыя я испытывалъ отъ отсутствія комфорта: мнѣ казалось, что всѣ носящіе военный мундиръ, должны подвергаться лишеніямъ, сопряженнымъ съ военной службой. Помню, что черезъ 10 лѣтъ послѣ этого въ 1854 году, стоя на бивакахъ на Альмѣ и на Бельбекѣ, я испытывалъ гораздо больше лишеній; но тамъ я еще менѣе тяготился ими, такъ какъ сознавалъ себя на боевой службѣ.

Гвардейская артилерія приходила обыкновенно въ лагерь въ половинѣ мая мѣсяца, а пѣхота и кавалерія вступали въ Красное Село въ половинѣ іюня. Мѣсяцъ времени, который мы проводили безъ другихъ родовъ войскъ, посвящался практической стрѣльбѣ. На военномъ полѣ были разставлены мишени, въ которыя, по очереди, стрѣляли всѣ батареи. Взводные офицеры вели журналы стрѣльбѣ, записывая въ нихъ, гдѣ упалъ каждый снарядъ; журналы эти представлялись изъ батарей въ бригаду, изъ бригады они шли въ дежурство начальника гвардейской артилеріи, а отъ этого послѣдняго въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера; штабъ же генералъ-фельдцейхмейстера препровождалъ ихъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ артилерійское отдѣленіе Военно-ученаго Комитета, откуда они поступали въ архивъ. Хотя журналы эти разсматривались, какъ выше сказано, въ трехъ инстанціяхъ, но тѣмъ не менѣе писаніе ихъ составляло пустую формальность, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться впослѣдствіи. Когда я служилъ въ Военно-ученомъ Комитетѣ, начальникъ артилерійскаго отдѣленія возложилъ на меня обязанность разсматривать всѣ доставляемые изъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера журналы, и я находилъ въ

нихъ не только невѣрности, но даже явныя нелѣпости; такъ напримѣръ въ графѣ отклоненій снаряда нерѣдко показывалось нѣсколько сажень вправо или влѣво, а въ графѣ попалъ ли снарядъ въ мишень значилось, что онъ попалъ; кромѣ того, не могло не казаться страннымъ, что, по числу попавшихъ въ мишени снарядовъ, стрѣльба всегда подводилась, на основаніи оцѣнки, подъ *отличную*. Причиною невѣрности журналовъ было то, что офицеры нисколько не интересовались стрѣльбою и нерѣдко вовсе не писали журналовъ, а предоставляли составлять ихъ писарямъ на обумъ; артилерійское же начальство относилось къ нимъ безразлично и не брало на себя труда повѣрять ихъ, заботясь исключительно о формальной сторонѣ дѣла, то есть о своевременномъ представленіи ихъ въ высшую инстанцію.

По поводу этой формальности, поглощавшей немало писарскаго труда, позволю себѣ указать еще на другую существовавшую въ артилеріи нѣсколько десятковъ лѣтъ, а именно на экзамены, которые производились ежегодно офицерамъ, служившимъ въ строю. Съ цѣлью, вѣроятно, заставить офицеровъ заниматься учебными предметами и по производствѣ ихъ въ офицеры, состоялся приказъ по артилеріи, которымъ предписано было подвергать ежегодно экзамену всѣхъ прапорщиковъ и подпоручиковъ изъ того курса, который былъ пройденъ ими до производства въ офицеры; при этомъ, всѣхъ невыдержавшихъ экзамена приказано было обходить чиномъ. Экзаменъ производился офицерамъ служившимъ въ Петербургѣ и окончившимъ курсъ Артилерійскаго Училища въ этомъ послѣднемъ училищѣ, а всѣмъ другимъ офицерамъ въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета; офицеры же, служившіе внѣ Петербурга, подвергались экзамену по распоряженію бригадныхъ командировъ. Угроза обходить чиномъ офицеровъ не выдержавшихъ экзамена никого не пугала, но обратила экзаменъ въ пустую и даже смѣшную формальность. Экзаменъ производился слѣдующимъ образомъ. Офицеры собирались въ назна-

ченный день въ Артилерійскомъ Училищѣ или въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета и получали отъ экзаменаціонной комиссіи билеты, на которыхъ были написаны вопросы изъ разныхъ учебныхъ предметовъ. Получивъ билеты, они поручали своимъ знакомымъ юнкерамъ или учителямъ составить отвѣты, и отвѣты эти они представляли въ экзаменаціонную комиссію иногда по истеченіи двухъ и трехъ дней. Офицеровъ, служившихъ не въ Петербургѣ, бригадные командиры обыкновенно не экзаменовали и никому не поручали ихъ экзаменовать, а предоставляли имъ самимъ составить вопросы и написать на нихъ отвѣты. Какъ мало вниманія обращало артилерійское начальство на представляемые офицерами отвѣты, можно видѣть изъ того, что вопросы, которые офицеры дѣлали самимъ себѣ, были весьма оригинальнаго свойства. Такъ я себѣ написалъ вопросъ изъ ариѳметики: сколько золотниковъ въ пудѣ? а мой товарищъ князь Шаховской сдѣлалъ на своемъ экзаменномъ листѣ примѣръ большаго умноженія. Въ теченіе всего времени, когда существовали экзамены, былъ только одинъ офицеръ, кажется, подпоручикъ Григорьевъ, который, за невыдержаніе экзамена, обойденъ былъ чиномъ. Какъ могло это случиться, я не знаю; но, кажется, въ этомъ дѣлѣ экзаменъ служилъ только придиркою, а главную роль играли личныя отношенія Григорьева къ его начальству.

Командиръ гвардейской конной артилеріи былъ флигель-адъютантъ полковникъ Шварцъ, хорошій строевой офицеръ, но сухой, желчный и недоступный для молодыхъ офицеровъ; его всѣ боялись, и никто не любилъ. Зная хорошо своихъ офицеровъ, онъ позволялъ себѣ самыя грубыя выходки относительно тѣхъ, отъ которыхъ не ожидалъ получить отпора. Бывши еще юнкеромъ, я служилъ одно время въ батарейной батареѣ, которою онъ командовалъ; при мнѣ былъ такой случай. Одинъ изъ офицеровъ, только что произведенный изъ юнкеровъ, сдѣлалъ на ученіи какую-то ошибку. Шварцъ разсердился и чуть не съ пѣной у рта закричалъ, что онъ посадитъ

его—туда, указавъ рукой на конюшню. Надобно сказать, что для юнкеровъ существовало въ то время наказаніе—арестъ на конюшню, то-есть провинившіеся юнкера должны были находиться безотлучно день и ночь на конюшнѣ; тамъ они обѣдали и спали. Случалось, что нѣкоторые изъ наказанныхъ вѣшали въ пустыя стойла ковры, приносили мебель, а по вечерамъ устраивали даже кутежи, на которые приглашали своихъ товарищей. Конечно, еслибы начальство застало въ расплохъ кутившихъ юнкеровъ, то за это сильно досталось бы дежурному по конюшнямъ фейерверкеру, а также и дежурному офицеру; но юнкера были большею частію люди богатые: платя очень щедро фейерверкерамъ, они ставили часовыхъ къ крыльцу бригаднаго и батарейнаго командировъ и поручали имъ тотчасъ же дать знать, если который нибудь изъ этихъ командировъ направится къ конюшнѣ; дежурныхъ же офицеровъ, которые смотрѣли сквозь пальцы на кутежи юнкеровъ, просили не приходить въ конюшню въ извѣстные часы, что̀ тѣ охотно исполняли. Послѣ ученія, на которомъ Шварцъ, какъ я выше сказалъ, обѣщалъ посадить вновь произведеннаго офицера на конюшню, офицеры собрались въ кружокъ и выразили этому офицеру удивленіе, что онъ позволилъ Шварцу сказать ему такую дерзость. Офицеръ отвѣчалъ на это очень наивно, что Шварцъ только сказалъ, но не исполнилъ того, что́ сказалъ. Отвѣтъ этотъ вполнѣ характеризуетъ офицера, и конечно съ такими офицерами Шварцъ не церемонился. Онъ былъ грубъ и дерзокъ до невозможности; но съ офицерами, отъ которыхъ онъ могъ ожидать отпора, онъ былъ очень остороженъ. Въ его памяти сохранилось еще преданіе о скандалахъ, бывшихъ не за долго передъ тѣмъ въ Артилерійскомъ Училищѣ, гдѣ юнкеръ Елагинъ ударилъ директора Кованько, и въ гвардейской конной артилеріи, гдѣ предмѣстникъ его генералъ Ганичевъ былъ оскорбленъ однимъ молодымъ офицеромъ Лихачевымъ. Боясь такихъ исторій, Шварцъ умѣлъ себя сдерживать и былъ даже уступчивъ съ офицерами горячаго темперамента, но въ тайнѣ вредилъ имъ своими атестаціями, которыя въ то время

вносились въ кондуитные списки, составлявшіе для всѣхъ секретъ. Для лучшаго выясненія характера Шварца, я разскажу впослѣдствіи исторію столкновенія, бывшаго между нимъ и батарейнымъ командиромъ Левинымъ въ 1849 году.

Практическая стрѣльба производилась каждой батареей отдѣльно отъ другихъ батарей, съ двухъ опредѣленныхъ дистанцій; дистанціи эти были: для батарейныхъ батарей, стрѣлявшихъ $^1/_2$ пудовыми единорогами и 12-ти фунтовыми пушками—500 и 400 саженъ; а для легкихъ батарей, стрѣлявшихъ $^1/_4$ пудовыми единорогами и 6-ти фунтовыми пушками—400 и 300 саженъ. По окончаніи практической стрѣльбы, назначался смотръ всей артилеріи сначала генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а потомъ Государемъ Императоромъ. На этихъ смотрахъ батареи должны были стрѣлять съ неопредѣленныхъ дистанцій; но въ виду того, что каждая батарея ставила свою мишень для стрѣльбы заранѣе и что ей указано было мѣсто, гдѣ она должна открыть огонь, такъ-называемыя неопредѣленныя дистанціи были точно вымѣрены, и мѣсто, гдѣ батарея должна сняться съ передковъ, обозначено было колышками или какимъ-нибудь другимъ знàкомъ. Конечно, это былъ обманъ, котораго Государь, можетъ быть, не зналъ; но что о немъ знали всѣ артилерійскіе начальники, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Въ приказѣ, назначавшемъ день смотра, указывалось сколько зарядовъ батареи должны были имѣть съ собой и сколько онѣ должны были выпустить съ дальнихъ и ближнихъ дистанцій. По окончаніи стрѣльбы Государь Императоръ объѣзжалъ мишени; ему докладывали, сколько снарядовъ попало въ каждую мишень и сколько выстрѣлено и, судя по проценту попавшихъ, Государь выражалъ свое спасибо батареямъ. Конечно, батарейные командиры употребляли всѣ усилія, чтобы число попавшихъ снарядовъ было какъ можно болѣе и для достиженія этой цѣли прибѣгали къ разнымъ обманамъ; такъ напримѣръ, брали съ собой болѣе зарядовъ, чѣмъ было приказано, стрѣляли рѣже съ дальней дистанціи чѣмъ съ ближней, насыпали песокъ въ гранаты

и т. п. Первый изъ этихъ обмановъ былъ разоблаченъ тѣмъ, что въ одной батареѣ число попавшихъ снарядовъ оказалось болѣе числа взятыхъ съ собой зарядовъ. Противъ этого обмана принята была мѣра, заключавшаяся въ томъ, что назначались штабъ-офицеры пѣхоты и кавалеріи, которые обязаны были, по прибытіи батарей на военное поле, передъ смотромъ провѣрить въ зарядныхъ ящикахъ число взятыхъ съ собою зарядовъ и затѣмъ, по окончаніи смотра, счесть число оставшихся зарядовъ. Какъ ни надежна казалась эта мѣра контроля, принятая противъ обмана, но казачья батарея, какъ говорили въ то время, умѣла обойти и этотъ контроль: пользуясь удобной формой своего обмундированія, она не клала лишне-взятые ею заряды въ зарядные ящики, а раздавала ихъ нижнимъ чинамъ, которые возили ихъ въ карманахъ своихъ широкихъ шароваръ. Вѣренъ ли этотъ фактъ съ истиной—я не знаю; но вѣрно то, что обманъ въ служебныхъ дѣлахъ былъ въ то время широко распространенъ. Подчасъ, даже нижніе чины принимали участіе въ обманѣ, чтобы поддержать своихъ начальниковъ, что́ можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства.

Многіе молодые офицеры не знали въ лицо нижнихъ чиновъ своего взвода, между тѣмъ на инспекторскомъ смотру ихъ заставляли дѣлать перекличку, ставя передъ ними взводъ. Перекликая, офицеры называли фамиліи, какія имъ приходили въ голову; а солдаты, чтобы не подвергать своего офицера отвѣтственности, по очереди отвѣчали „я“, какую бы фамилію ни назвалъ офицеръ, и это дѣлалось безъ всякаго предварительнаго соглашенія или приказанія офицера, а какъ будто бы такъ и слѣдовало. Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ офицеры пользовались готовностью нижнихъ чиновъ поддерживать ихъ въ обманѣ; мнѣ случилось два дня сидѣть подъ арестомъ за то, что я отказался на инспекторскомъ смотру перекликать свой взводъ, объявивъ, что я знаю только нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, но не всѣхъ. Сознаюсь, что и мнѣ приходилось подписывать бумаги, заключавшія въ себѣ явную ложь. Въ 1847 году

я былъ назначенъ адъютантомъ гв. конной артилеріи. Принимая бригадную канцелярію, я былъ крайне удивленъ, когда писарь, писавшій мѣсячные рапорты, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: сколько прикажете, ваше благородіе, изъ запасныхъ покойниковъ показать умершими въ этомъ мѣсяцѣ? Я потребовалъ отъ писаря объясненія его словъ и узналъ слѣдующее. Смертность въ войскахъ была одно время такъ велика, что высшія военныя власти обратили на нее серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего состоялся приказъ, что если, въ теченіе одного мѣсяца, умершихъ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ будетъ болѣе указаннаго въ приказѣ числа, то командирамъ частей долженъ быть сдѣланъ выговоръ. Въ виду того, что смертность не могла быть совершенно одинакова во всѣ 12 мѣсяцевъ года, для избѣжанія выговора показывалось въ каждомъ мѣсяцѣ не болѣе максимальнаго по приказу числа умершихъ; въ тѣхъ же мѣсяцахъ когда умирало больше этого числа, лишнихъ покойниковъ оставляли въ запасѣ, какъ выражались писаря, то-есть, они не исключались изъ списковъ и продолжали получать все содержаніе и довольствіе какъ живые; показывались же они умершими только въ тѣ мѣсяцы, когда умирало менѣе того числа, которое значилось въ приказѣ. Этимъ способомъ устранялась причина выговора, и доставлялась нѣкоторая выгода батареямъ, получавшимъ содержаніе на умершихъ. Эти невѣрности въ мѣсячныхъ отчетахъ, которыя я обязанъ былъ подписывать, переходили не только изъ одного мѣсяца въ другой, но онѣ оставлялись иногда отъ одного года до другаго.

Оффиціальный обманъ, который никѣмъ не считался за преступленіе, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ недовѣріе начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ; на офицеровъ смотрѣли какъ на школьниковъ, которые способны были прибѣгать ко всякимъ лживымъ уловкамъ, чтобы избѣжать взысканій по службѣ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ считалъ за особое достоинство, если офицеръ, на сдѣланный ему вопросъ, скажетъ правду, его компрометирующую. Былъ такой случай. Подпоручикъ л.-гв. гре-

надерскаго полка, князь Д. Волконскій, позабывъ, что былъ царскій день (въ теченіе котораго всѣ офицеры должны быть въ полной парадной формѣ), поѣхалъ обѣдать въ гостинницу въ сюртукѣ. Въ то самое время Великій Князь ѣхалъ по Литейной и замѣтилъ, что одѣтый не по формѣ *) князь Волконскій повернулъ съ Литейной на Пантелеймоновскую улицу. Не зная князя Волконскаго въ лицо и не узнавъ полка, такъ какъ онъ былъ въ зимней шинели съ бобровымъ воротникомъ, но будучи увѣренъ, что онъ желаетъ отъ него скрыться, Его Высочество собралъ всѣхъ полковыхъ командировъ и приказалъ имъ узнать, кто былъ офицеръ, котораго онъ встрѣтилъ одѣтымъ не по формѣ. Полковые командиры опросили, въ свою очередь, офицеровъ, и князь Волконскій тотчасъ же сказалъ, что это былъ онъ. Великій Князь былъ такъ доволенъ сознаніемъ князя Волконскаго, что не только не сдѣлалъ съ него никакого взысканія, но отдалъ даже въ приказахъ ему благодарность.

Служба въ лагерѣ до прихода пѣхоты и кавалеріи была легкая; практическая стрѣльба производилась батареями по очереди черезъ день, затѣмъ дѣлались домашнія ученія по распоряженію батарейныхъ командировъ, а остальное время, котораго было много, офицеры проводили большею частію въ товарищескомъ кругу, разъѣзжая изъ одной батареи въ другую. Устроивались иногда общіе обѣды всей конной артилеріи, на которые собирались всѣ офицеры, жившіе вообще очень дружно между собой. Сравнивая прошлое время съ настоящимъ, нельзя не сказать, что товарищеское чувство въ гв. конной артилеріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ было гораздо болѣе развито, чѣмъ позже. Офицеры составляли въ то время сплоченную корпорацію, въ которой начальство не разъ находило сильную оппозицію его произвольнымъ дѣйствіямъ; стоило начальнику сдѣлать несправедливость относительно одного офицера, чтобы воз-

*) При мундирѣ надѣвалась каска съ султаномъ, а князь Волконскій былъ въ каскѣ безъ султана.

будить противъ себя неудовольствіе всѣхъ его товарищей. Отъ этого происходило, что въ прежнее время, хотя начальники пользовались гораздо большей властію, чѣмъ потомъ, но они не рѣшались употреблять ее во зло; позднѣе же, не имѣя прежней власти, командиры частей очень часто, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководствовались исключительно личнымъ произволомъ, зная, что всегда найдутся офицеры, которые будутъ на ихъ сторонѣ ради своихъ личныхъ интересовъ. Товарищеское чувство содѣйствовало тогда къ поддержанію на должной высотѣ нравственности и чести военной корпораціи, заставляя каждаго офицера дорожить мнѣніемъ своихъ товарищей и не увлекаться эгоизмомъ на путь своекорыстныхъ цѣлей, несогласныхъ съ достоинствомъ военнаго званія. Въ то время не существовало офицерскаго суда, но офицеры такъ чутко относились къ дѣламъ чести, что и безъ всякой регламентаціи умѣли оберегать свое достоинство отъ покушеній на него. Слѣдующій случай можетъ служить тому доказательствомъ.

Гвардейская артилерія комплектовалась въ то время преимущественно офицерами, окончившими курсъ въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища. Изъ числа окончившихъ курсъ въ 1844 г. и пожелавшихъ служить въ гв. конной артилеріи, были два офицера, которые въ офицерскихъ классахъ имѣли весьма непріятную исторію. Одинъ изъ нихъ П—въ постоянно подсмѣивался надъ другимъ Х—мъ; наконецъ, насмѣшки П—ва до такой степени разсердили Х—на, что, держа въ рукахъ линейку, онъ ударилъ П—ва по лицу. Товарищи помирили ихъ, и исторія эта не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій; но когда о ней узнали офицеры гв. конной артилеріи, то они, не входя въ разбирательство, кто былъ правъ и кто виноватъ, объявили, что не хотятъ служить съ офицеромъ, который былъ битъ; можетъ быть, этотъ послѣдній получилъ ударъ совершенно невинно, но оберегая честь мундира, они считали себя обязанными просить П—ва не выходить на службу въ гв. конную артилерію. Получивъ этотъ запретъ, П—въ довелъ о немъ

до свѣдѣнія Сумарокова, бывшаго въ то время начальникомъ гвардейской артилеріи. Сумароковъ, считая поступокъ офицеровъ съ П—ымъ и самовольнымъ, и подрывающимъ авторитетъ власти (которая одна, по его мнѣнію, была въ правѣ судить о нравственныхъ качествахъ офицеровъ) перевелъ П—ва въ гв. конную артилерію, не смотря на протестъ офицеровъ. Тогда офицеры рѣшили единогласно не кланяться, не говорить съ П—ымъ и не принимать его въ свое общество, сколько бы времени онъ ни служилъ въ гв. конной артилеріи, и рѣшеніе это они исполнили. Надобно было имѣть особенное терпѣніе П—ва, чтобы жить и ежедневно встрѣчаться съ людьми, которые отъ него отворачивались и переносить отъ нихъ разныя униженія и невѣжливыя выходки. П—въ имѣлъ это терпѣніе и дослужился до капитанскаго чина; но затѣмъ ему объявлено было отъ имени начальства, что онъ не получитъ гвардейской батареи, вслѣдствіе чего онъ перешелъ на какую-то другую службу. Если провести параллель между этимъ случаемъ, бывшимъ въ 40-хъ годахъ, и исторіей Квитницкаго, бывшею въ гв. конной артилеріи въ 70-хъ годахъ, то нельзя не видѣть громадной разницы между нравственнымъ направленіемъ офицеровъ того времени и взглядами ихъ на честь мундира въ позднѣйшее время. Въ исторіи П—ва офицеры единогласно отказались принять въ свою среду человѣка, который имѣлъ несчастіе получить ударъ въ лицо; не зная вовсе П—ва, они это сдѣлали исключительно въ огражденіе чести своего мундира. Въ исторіи Квитницкаго офицеры раздѣлились на партіи, изъ которыхъ одну поддерживало начальство гв. конной артилеріи и, хотя никто изъ офицеровъ не могъ указать ни одного позорящаго поступка, сдѣланнаго Квитницкимъ, тѣмъ не менѣе партія обвинителей, при поддержкѣ начальства, добилась преданія Квитницкаго офицерскому суду и исключенія его изъ гв. конной артилеріи за то, какъ выяснилось на судѣ, что онъ неуживчиваго характера и что онъ одѣвается неряшливо. И такъ, въ исторіи П—ва офицеры, подъ вліяніемъ высокаго понятія о воинской чести, рѣшились идти даже въ разрѣзъ съ желаніемъ начальства; въ

исторіи же Квитницкаго, они, въ угоду начальству, исключили изъ своей среды человѣка, неповиннаго ни въ одномъ безчестномъ поступкѣ. Сопоставленіе этихъ фактовъ ясно говоритъ, что прежніе офицеры умѣли высоко держать знамя своей корпораціи, хотя не имѣли на это ни правъ, ни писанныхъ правилъ. Въ позднѣйшее же время даже такое высокое учрежденіе, какъ офицерскій судъ, не только не обезпечивало достоинства корпораціи офицеровъ, но служило подчасъ средствомъ для достиженія личныхъ своекорыстныхъ цѣлей. Кромѣ описанныхъ фактовъ, я могу привести еще и то обстоятельство, о которомъ я уже говорилъ, а именно, что офицеры 1-й легкой батареи отказывали себѣ въ хорошемъ обѣдѣ, единственно потому, что не хотѣли поставить своего товарища Кельдермана въ щекотливое относительно ихъ положеніе; позднѣе же, какъ мнѣ извѣстно, въ нѣкоторыхъ полкахъ устроивались дорого стоящіе офицерскіе клубы, покупались разные подарки, сбирались съ офицеровъ немалыя деньги для празднованія полковыхъ праздниковъ, и все это дѣлалось, отчасти, въ противность писанымъ правиламъ и безъ всякаго вниманія къ тѣмъ небогатымъ офицерамъ, которые, не имѣя средствъ для оплаты заводимой роскоши въ полкахъ, бываютъ вынуждены оставлять службу. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы существовало между офицерами товарищеское чувство прежняго времени, то удаленіе офицеровъ изъ службы только потому, что они бѣдны, было бы дѣломъ невозможнымъ.

III.

Левинъ.—Ольга С.—Тревога.—Маневры.

Имѣя въ лагерѣ свой экипажъ, я ѣздилъ къ товарищамъ въ другія батареи и къ знакомымъ на дачи. Чаще всего я бывалъ въ 3-й легкой батареѣ у князя Николая Волконскаго, съ которымъ служилъ юнкеромъ и съ которымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Нерѣдко пріѣзжали и къ намъ офицеры другихъ батарей. Всѣмъ очень нравилось мѣсто нашей стоянки какъ потому, что она была вдали отъ шума и постояннаго движенія центральныхъ мѣстностей лагеря, такъ и потому, что у насъ были чистый деревенскій воздухъ и красивая мѣстность. Деревня Телези расположена у опушки небольшаго сосноваго лѣса, дававшаго прекрасную тѣнь, что̀ было особенно пріятно въ жаркіе лѣтніе дни; близъ избы, въ которой я помѣстился съ Левинымъ, была небольшая лужайка, на которой мы обыкновенно пили чай и гдѣ принимали нашихъ гостей, которыхъ собиралось иногда до 10 человѣкъ. Веселый говоръ, шутки и разсказы о разныхъ любовныхъ похожденіяхъ поддерживали на нашихъ сборищахъ общую веселость; случалось, что варили иногда жженку и пѣли хоромъ пѣсни нецензурнаго содержанія, но игры въ карты вовсе не было: большинство молодыхъ офицеровъ не умѣли даже играть въ карты, а изъ старшихъ офицеровъ, если нѣкоторые играли, то вели большую игру въ банкъ. Такъ напримѣръ говорили, что извѣстный герой Севастополя Хрулевъ, бывшій въ то время

казначеемъ гвардейской конной артилеріи, выигралъ у Вадковскаго 300 тысячъ рублей. По праздникамъ мы ѣздили съ Левинымъ въ Петергофъ и въ Павловскъ, но чаще всего мы бывали въ гостяхъ у одного батарейнаго командира гв. пѣшей артилеріи полковника С..., жена котораго была чрезвычайно миловидна; у нея собирались ея пріятельницы, жены товарищей ея мужа, одна другой красивѣе и кокетливѣе. Скучать въ такомъ обществѣ было, конечно, невозможно. Посѣщая его, я окончательно забылъ Бетси и готовъ былъ влюбиться въ m-me С... Мужъ ея былъ дальній родственникъ моей матери; зная меня съ дѣтства и будучи почти вдвое старше меня лѣтами, онъ считалъ себя въ правѣ давать мнѣ совѣты и дѣлать наставленія, что мнѣ весьма не нравилось, и вслѣдствіе этого я у него бывалъ весьма рѣдко. Съ женой же его я познакомился за два года передъ тѣмъ, когда она ожидала появленія на свѣтъ ея перваго сына; она мнѣ показалась весьма некрасивою. По приходѣ батареи въ лагерь, я случайно встрѣтилъ С... на военномъ полѣ; увидавъ меня, онъ очень обрадовался и взялъ съ меня слово, что я пріѣду къ нему въ Горки (деревня на лѣвой сторонѣ Дудергофской горы), гдѣ жена его нанимала дачу. Я обѣщалъ быть у него и черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Горки. Я нашелъ тамъ большое общество. M-me С... приняла меня очень любезно и познакомила съ бывшими у нея ея пріятельницами, изъ которыхъ одна, а именно К..., тоже жена одного батарейнаго командира, была такъ хороша собой и такъ граціозна, что невольно бросилась мнѣ въ глаза; за ней ухаживали нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ офицеровъ гв. пѣшей артилеріи. Мужъ С... предложилъ мнѣ остаться обѣдать; оказалось, что я попалъ на какой-то семейный праздникъ; послѣ обѣда сѣли играть въ карты, предлагали и мнѣ принять участіе въ игрѣ, но я отказался, чѣмъ m-me С... осталась очень довольна и удвоила свою любезность относительно меня. Я пробылъ у С...ыхъ цѣлый день и уѣхалъ очарованный моими новыми знакомыми; надѣвая передъ отъѣздомъ шинель, я, по разсѣянности, взялъ шинель мужа С... Обстоятельство это дало

мнѣ предлогъ поѣхать къ С… на другой же день для обмѣна шинели. Этотъ разъ жена С…, которую буду называть Ольгой, была дома одна. Извинившись въ моей разсѣянности и пробывъ у нея нѣсколько минутъ, я хотѣлъ вернуться домой: но она меня просила провести съ ней вечеръ, что я охотно исполнилъ и уѣхалъ отъ нея только въ 12 часовъ ночи. Ольгу С… нельзя было назвать красавицей; черты ея лица были неправильны, глаза сѣрые, но при живомъ и веселомъ характерѣ, обращеніе ея со мной было такъ непринуждено и безцеремонно, и она съ такой искренностью и откровенностью высказывала мнѣ свои взгляды, что во мнѣ невольно пробудилось какое-то особенное къ ней чувство, которое было весьма близко къ любви. Съ Левинымъ я былъ вполнѣ откровененъ, но не рѣшился признаться ему въ томъ чувствѣ, которое возбудила во мнѣ Ольга С…: мнѣ было совѣстно, и передъ нимъ, и передъ самимъ собой сознать свое непостоянство и свою вѣтренность; мнѣ хотѣлось думать, что я не забылъ еще Бетси и что чувство мое къ Ольгѣ С… было не любовь, а лишь уваженіе къ высокимъ качествамъ ея ума и сердца. Левинъ, какъ оказалось, гдѣ-то встрѣчалъ Ольгу С…; я предложилъ ему познакомиться съ ней, поѣхавъ вмѣстѣ со мной; онъ согласился. Мужъ С… принялъ его очень хорошо, какъ товарища по оружію и какъ моего пріятеля; Ольга же С… меня благодарила даже за пріятное знакомство, которое я ей доставилъ. Я побывалъ нѣсколько разъ у Ольги С… вмѣстѣ съ Левинымъ и замѣтилъ, что она ему очень нравится. Возвратившись однажды поздно вечеромъ изъ Горокъ, я легъ спать; Левинъ сѣлъ ко мнѣ на кровать и сказалъ, что онъ не дастъ мнѣ спать, пока не подѣлится со мной тѣмъ счастьемъ, которое выпало на его долю; при этомъ онъ объяснилъ, что съ перваго дня его знакомства съ Ольгой С… онъ почувствовалъ къ ней горячую любовь; но затаивъ это чувство въ душѣ своей, онъ страдалъ и молчалъ. „Наконецъ, сегодня, сказалъ онъ, я убѣдился, что С… платитъ мнѣ взаимностью, и я считаю себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!“ При этомъ онъ взглянулъ на меня; я ле-

жалъ недвижимъ съ закрытыми глазами... Предположивъ, что я сплю, онъ съ досадой ушелъ къ себѣ на кровать. Но я не спалъ: сонъ былъ далекъ отъ меня; услышанное мной признаніе Левина поразило меня какъ громовой ударъ; ревность и злоба овладѣли моимъ сердцемъ, и въ головѣ тѣснились такія нелѣпыя мысли, о которыхъ совѣстно даже вспомнить. Я прочиталъ передъ тѣмъ какой-то Французскій романъ, въ которомъ герой разсказа рѣшился на самоубійство съ цѣлью возбудить въ его соперникѣ упреки совѣсти и тѣмъ отравить его счастіе; мнѣ казалось, что я нахожусь въ такомъ точно положеніи и что я долженъ поступить также какъ этотъ герой. Отъ этихъ сумасбродныхъ мыслей голова моя горѣла какъ въ огнѣ, я всталъ и вышелъ изъ избы; заря уже занялась, но солнце было за горизонтомъ; холодный утренній воздухъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и благотворно подѣйствовалъ на мое нервное возбужденіе; наконецъ, разсудокъ мало-по-малу вступилъ въ свои права: я разсмѣялся, вспомнивъ тѣ нелѣпыя представленія, которыя создало мое разстроенное воображеніе и твердо рѣшился, скрывъ отъ Левина все, что я перечувствовалъ въ эту ночь, быть вѣрнымъ хранителемъ тайны его любви къ С... и употреблять всѣ усилія надъ собой, чтобы изгнать изъ сердца то чувство, которое она во мнѣ зародила. Этого требовали моя честь и дружба къ Левину. Успокоенный принятымъ рѣшеніемъ, я хотѣлъ вернуться въ избу; но въ это время въ авангардномъ лагерѣ взвилась ракета, и за ней послѣдовали выстрѣлы съ разныхъ батарей въ большомъ лагерѣ. Тревога! закричалъ я дежурному фейерверкеру и бросился въ комнату будить Левина. Черезъ пять минутъ намъ подали лошадей, а черезъ 1/4 часа батарея шла уже прибавленной рысью на военное поле.

Батарея наша состояла при кирасирской дивизіи, которая собиралась по тревогѣ на военномъ полѣ, у самаго выхода изъ Краснаго Села. Хотя кавалергарды, конная гвардія и кирасиры Его Величества стояли въ самомъ Красномъ Селѣ, а мы были

въ 7 верстахъ отъ него, тѣмъ не менѣе батарея наша пришла къ сборному пункту ранѣе, чѣмъ собралась вся кирасирская дивизія. Надобно сказать, что кирасиры того времени были, можетъ быть, очень хороши для парадовъ, но они никуда не годились для военнаго времени: на нихъ были надѣты кирасы, которыя вѣсили около 30 фунтовъ; каска и все вооруженіе ихъ, состоявшее изъ пикъ, карабиновъ и палашей, представляли такую тяжесть, которая стѣсняла ихъ свободныя движенія; имѣя громаднаго роста лошадей, они садились на нихъ не иначе какъ съ помощію пики, втыкая ее въ землю. Какъ неповоротливы и неловки были кирасиры, примѣромъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Близъ деревни Лемпелево, поле было покрыто мелкимъ кустарникомъ, среди котораго была небольшая яма; яма эта называлась *кирасирской*. потому что послѣ прохода по этой мѣстности кирасирской дивизіи, что всегда бывало во время маневровъ, въ ней обыкновенно лежало два или три кирасира съ лошадьми. Наши артилеристы, помогая имъ выкарабкиваться изъ ямы, смѣялись надъ ними и называли ихъ *талагаями*. Каріеръ у кирасиръ былъ такъ малъ, что наша батарея безъ труда перегоняла ихъ, идя большимъ галопомъ.

Вызвавъ войска по тревогѣ, императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ обыкновенно односторонній маневръ, послѣ котораго всѣ полки и артилерія собирались у *валика* на военномъ полѣ, строились въ густыя колоны и проходили мимо Императора съ музыкой и пѣснями. Этотъ церемоніальный маршъ называли Французскимъ словомъ coup d'oeil, а солдаты прозвали его *куделькой*. Вернувшись послѣ тревоги домой, я такъ былъ утомленъ безсонной ночью, что заснулъ какъ убитый, позабылъ все и всѣхъ и проснулся только на другой день, въ который войскамъ былъ данъ отдыхъ. Пообѣдавъ, я предложилъ Левину ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ С...; но ради осторожности, чтобы не возбудить *какого либо* подозрѣнія мужа, Левинъ просилъ меня ѣхать одного и передать Ольгѣ С... письмо, въ ко-

торомъ онъ назначалъ ей гдѣ-то свиданіе; при этомъ онъ сказалъ, что открылъ мнѣ свою сердечную тайну съ согласія Ольги С., что она имѣетъ великое ко мнѣ довѣріе и называетъ меня своимъ лучшимъ другомъ. И горько, и пріятно отозвались слова Левина въ моемъ сердцѣ. Я взялъ письмо и поѣхалъ. Когда я пріѣхалъ къ С., мужъ ея игралъ въ карты въ комнатахъ, а она пила чай въ саду съ своей пріятельницей К. и съ однимъ офицеромъ гвардейской пѣшей артилеріи Р., который былъ по уши влюбленъ въ К. Помѣстившись за чайный столъ, я вскорѣ остался одинъ съ Ольгой С., такъ какъ К. и Р. въ это время пошли прогуляться по саду. „У меня есть письмо къ вамъ", сказалъ я ей.—Отъ кого? спросила она, слегка покраснѣвъ.— „Отъ Левина", отвѣчалъ я, и подалъ ей письмо. Она быстро его спрятала и предложила мнѣ такой вопросъ: „Хорошо ли вы знаете моего мужа"? Я отвѣчалъ, что знаю его очень мало. „Я васъ познакомлю съ нимъ, сказала она, и тогда вы поймете все и, можетъ быть, не осудите меня за мой, повидимому, легкомысленный поступокъ". Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала, что мужъ ея сквернѣйшаго и деспотическаго характера, что онъ постоянно оскорбляетъ ея самолюбіе, что онъ ревнуетъ ее даже къ ея пріятельницамъ, а этимъ послѣднимъ говоритъ не только непріятныя вещи, но даже грубости; наконецъ, что онъ окружаетъ ее людьми, которыхъ она не терпитъ и которые служатъ ему шпіонами; тѣхъ же, которые ей симпатичны, онъ старается всячески удалять отъ нея, и такъ далѣе. „Я любила мужа, продолжала она, но онъ сдѣлалъ все, чтобы уничтожить во мнѣ эту любовь; жить же безъ любви женщина не можетъ: въ любви ея горе и радость, ея счастье и несчастье. Чѣмъ же я виновата, что судьба послала мнѣ вполнѣ достойнаго человѣка, который отдалъ мнѣ свое сердце и потребовалъ моего? Отказать ему я была не въ силахъ; пусть Богъ за это меня судитъ, а не люди! Скажите, прибавила она, считаете ли вы себя въ правѣ бросить въ меня камнемъ, или нѣтъ"?—„Нѣтъ" отвѣчалъ я. Въ это время подошла К.; я взялъ фуражку и уѣхалъ.

На другой день мы поѣхали съ Левинымъ верхомъ на Дудергофъ, гдѣ Левинъ назначилъ свиданіе С. на какой-то тропинкѣ. Проѣхавъ Вилози, я повернулъ на право, а Левинъ взялъ на лѣво; при этомъ мы условились къ 9-ти часамъ быть на фермѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ обратный путь. Поднявшись на Дудергофскую гору, я увидалъ К. верхомъ, окруженную офицерами гвард.-пѣшей артилеріи. Она лихо подскакала ко мнѣ и, заливаясь смѣхомъ, сказала мнѣ пофранцузски: „Je veux me casser la tête, voulez-vous me tenir compagnie?“ *) При этомъ она объяснила, что она предложила своимъ кавалерамъ спуститься съ горы въ каріеръ, но всѣ они отказались. „Надѣюсь, прибавила она, что вы согласитесь исполнить этотъ маленькій мой капризъ и не откажитесь быть моимъ кавалеромъ“. Я сказалъ ей, что жизнь мнѣ не дорогá, что я готовъ исполнить ея желаніе; но я увѣренъ, прибавилъ я, что она ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ сама судьба позаботится о спасеніи такой прекрасной головки, какъ ея, для счастья преданныхъ ей сердецъ. Она ударила свою лошадь хлыстомъ, и мы понеслись подъ гору полнымъ карьеромъ. Спустившись благополучно внизъ и дождавшись кавалеровъ К....ой, я съ ней раскланялся и поѣхалъ на ферму, гдѣ Левинъ меня уже ждалъ. Когда мы ѣхали съ нимъ домой, разговоръ нашъ коснулся К. По словамъ его, эта женщина горячо любила своего мужа; она позволяла себѣ кокетничать ради забавы; ей нравилось быть окруженной обожателями; она играла съ ними въ любовь, но сердце ея всецѣло принадлежало мужу. Конечно, кокетство ея было весьма предосудительно, она разжигала страсти и давала надежды, которыхъ не могла и не хотѣла исполнить, и тѣмъ самымъ довела одного изъ своихъ обожателей до сумашествія. Мужъ зналъ и видѣлъ все; но, будучи увѣренъ въ своей женѣ, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на ея вольное обращеніе съ молодыми людьми. Случай, бывшій съ ней чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того времени, которое я описываю, можетъ дать наи-

*) Я хочу сломать себѣ голову; хотите вмѣстѣ?

лучшее понятіе о ея характерѣ. Мужъ ея, прокомандовавъ около семи лѣтъ одной изъ батарей 1-ой гвардейской артилерійской бригады, былъ назначенъ командиромъ армейскаго кавалерійскаго полка, стоявшаго гдѣ-то на Югѣ. Будучи звѣздой немалой величины въ Петербургѣ, она блистала особеннымъ блескомъ въ провинціальномъ обществѣ; ей всѣ поклонялись: ее любили старики, которымъ она умѣла каждому сказать что нибудь пріятное; въ нее были влюблены всѣ молодые офицеры полка. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, имѣя смѣлый и рѣшительный характеръ, пришелъ къ ней въ то время когда она сидѣла одна въ саду съ книгой въ одной рукѣ и держала въ другой маленькій металлическій ножикъ въ видѣ кинжала для разрѣзыванія листовъ. Объяснивъ ей свою пламенную любовь, онъ хотѣлъ ее обнять, но она быстро вскочила и объявила, что будетъ защищаться маленькимъ кинжаломъ; въ это время на помощь офицеру вышелъ изъ кустовъ его товарищъ, но не смотря на общую ихъ атаку, она такъ хорошо дѣйствовала своимъ маленькимъ оружіемъ, что, нанеся нѣсколько ранъ обоимъ противникамъ, обратила ихъ въ бѣгство. Исторія эта надѣлала много шума въ той мѣстности, гдѣ стоялъ полкъ, и затѣмъ дошла до Петербурга.

Лагерь близился къ концу; въ исходѣ Іюля мѣсяца назначены были 18-ти дневные маневры подъ Нарвой. Одной стороной командовалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій), а другой стороной—какой-то генералъ подъ главнымъ руководствомъ самаго императора Николая Павловича. Государь не любилъ Муравьева; но, желая удовлетворить общественное мнѣніе, которое считало его способнымъ генераломъ, онъ далъ ему командовать отрядомъ на маневрахъ, съ тѣмъ, какъ говорили, чтобы, испытавъ его военныя способности, дать ему корпусъ. Муравьевъ блестящимъ образомъ выдержалъ испытаніе; онъ разбилъ врага, который былъ гораздо сильнѣе его. Сколько я помню, случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ двухъ или трехъ переходахъ отъ Нарвы, карасирская дивизія, при кото-

рой состояла наша батарея, атаковала войска Муравьева и, заставивъ ихъ отступить, направилась на назначенный ей по росписанію ночлегъ, верстахъ въ 10-ти отъ мѣста боя. Дорога лежала по лѣсу, мы шли въ походномъ порядкѣ, орудія были разряжены; позабывъ совершенно о непріятелѣ, мы думали только о томъ, какъ бы скорѣе дойти до нашихъ обозовъ, которые заранѣе были посланы на мѣсто ночлега. Вдругъ мы услышали въ лѣсу выстрѣлы и увидѣли непріятельскихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ въ насъ изъ за деревьевъ. Конечно, еслибы это было настоящее дѣло, то кирасирскую дивизію и нашу батарею можно было бы считать погибшими. При первыхъ раздавшихся выстрѣлахъ, колона наша пошла большимъ галопомъ, чтобы скорѣе выйти изъ лѣса; но мы проскакали около 15 верстъ, прежде чѣмъ дошли до поляны, на которой могла развернуться и дѣйствовать кавалерія. Была уже ночь, мы остановились на этой полянѣ и прождали до утра нашихъ обозовъ; въ кирасирской дивизіи пало нѣсколько лошадей. Муравьевъ, какъ оказалось, сдѣлалъ обходное движеніе и умѣлъ такъ его замаскировать, что въ нашемъ отрядѣ узнали о немъ только тогда, когда стрѣлки заняли лѣсъ у насъ въ тылу; оплошность нашего отряда объясняли тѣмъ, что, по картамъ нашего генеральнаго штаба, мѣстность, по которой прошелъ Муравьевъ, считалась непроходимою. Государь очень благодарилъ Муравьева за маневры и вскорѣ назначилъ его командиромъ гренадерскаго корпуса; мы же, просидѣвъ цѣлый день на лошадяхъ, ничего не пивши и не ѣвши, посылали ему немало проклятій за его военную хитрость.

Послѣ маневровъ, черезъ два дня, назначенъ былъ парадъ всѣмъ войскамъ на военномъ полѣ, въ парадной формѣ, какъ это дѣлалось каждый годъ; а на другой день парада войска выступили изъ лагеря.

IV.

Травяное довольствіе —Дуэли.—Дисциплина.—Полковникъ Овсянниковъ. Генералъ Шварцъ.

По окончаніи лагеря, батареи гвардейской конной артиллеріи отправлялись обыкновенно на травяное довольствіе, то-есть батарейные командиры нанимали въ окрестностяхъ Петербурга луга, которые солдаты косили и кошеной травой кормили лошадей. Травяное довольствіе давало батарейнымъ командирамъ значительныя денежныя выгоды, такъ какъ весь отпускаемый за это время фуражъ оставался у нихъ въ экономіи. Солдаты были очень довольны идти на траву вслѣдствіе свободы, которою они тамъ пользовались и вслѣдствіе отдыха имъ даваемаго отъ строевыхъ ученій; кромѣ того, во время травянаго довольствія ихъ кормили улучшенною пищей. Офицерамъ не было надобности находиться въ это время всѣмъ въ батареяхъ на лице, такъ какъ никакихъ ученій тогда не было; требовалось только, чтобы во всякое время находилось въ батареяхъ, по очереди, не менѣе двухъ офицеровъ; остальные же офицеры могли жить гдѣ имъ было угодно; нѣкоторые уѣзжали даже за сотни верстъ отъ Петербурга. Въ томъ году, который я описываю, погода въ Августѣ мѣсяцѣ была великолѣпная, дачи были полны народомъ; въ Новой деревнѣ давались ежедневно представленія подъ управленіемъ извѣстнаго антрепренера Излера; въ Царскомъ Селѣ происходили скачки, на которыя собиралась масса офицеровъ; Царскосельская желѣзная

дорога перевозила по 8-ми огромныхъ поѣздовъ въ день изъ Петербурга въ Павловскъ, гдѣ игралъ по вечерамъ извѣстный въ то время оркестръ Ивана Гунгля и гдѣ назначались иногда маскарады. Маскарады были очень оживлены; лейбъ-гусары не жалѣли денегъ на шампанское, которымъ сами угощались и угощали масокъ, принадлежавшихъ большею частію къ категоріи дамъ изъ полусвѣта.

Во время танцевъ я былъ свидѣтелемъ, на одномъ изъ этихъ маскарадовъ, слѣдующаго случая. Какой-то штатскій господинъ въ сѣрой шляпѣ пустился танцовать легкіе танцы и выдѣлывалъ ногами пресмѣшные па; офицеры окружили танцующихъ, аплодировали этому господину, и едва онъ переставалъ танцовать, кричали ему: „*сѣрая шляпа, танцуй!*" Не смѣя ослушаться, онъ продолжалъ танцовать, хотя потъ лилъ съ него градомъ. Въ это время изъ толпы выдѣлился какой-то весьма порядочный молодой человѣкъ, подошелъ къ смѣшному танцору и, попросивъ у него шляпу, надѣлъ ее себѣ на голову; затѣмъ, обратившись къ кричавшимъ офицерамъ, онъ имъ объяснилъ, что сѣрая шляпа теперь на его головѣ и что тотъ, который повторитъ возгласъ: *сѣрая шляпа*, *танцуй!* будетъ имѣть дѣло съ нимъ, а не съ ея владѣльцемъ. Видя его рѣшительный и вызывающій тонъ, офицеры разсмѣялись и, ничего не сказавъ, отошли отъ танцующихъ. Этотъ случай можетъ служить, въ нѣкоторомъ родѣ, характеристикой того времени, которое я описываю. Офицеры очень хорошо понимали, что всякое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ нихъ защитнику плохаго танцора, могло имѣть своимъ послѣдствіемъ дуэль; рисковать же дуэлью по такому пустому поводу и съ лицемъ никому неизвѣстнымъ было бы крайне неблагоразумно. Въ настоящее время мысль о дуэли никому вѣроятно не пришла бы въ голову, и съ смѣльчакомъ раздѣлались бы кулаками; но въ то время, хотя кулачная расправа была въ большомъ ходу, но только съ лицами, принадлежавшими къ низшимъ сословіямъ, между же дворянами и лицами, занимавшими одинаковое общественное поло-

женіе, дуэль была единственнымъ принятымъ средствомъ для защиты своей чести, не смотря на то, что, по законамъ тогдашняго времени, наказанія за дуэль были гораздо строже, чѣмъ въ настоящее время. Отказаться отъ дуэли, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, или не вызвать на дуэль оскорбителя считалось въ то время дѣломъ нечестнымъ.

Позволю себѣ, при этомъ случаѣ, разсказать о двухъ дуэляхъ, въ которыхъ я долженъ былъ быть секундантомъ, но которыя не состоялись по счастливымъ, но независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ. Обѣдая нерѣдко на Михайловской улицѣ въ гостинницѣ Кулона (перешедшей потомъ къ Клею), я познакомился тамъ съ однимъ офицеромъ Семеновскаго полка П.; затѣмъ я его встрѣчалъ у Левина, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Пріѣхавъ однажды обѣдать къ Кулону, я замѣтилъ, что П. говорилъ очень горячо съ какимъ-то пѣхотнымъ офицеромъ; я сѣлъ обѣдать за другимъ столомъ. Послѣ обѣда П. подошелъ ко мнѣ и объяснивъ, что онъ вызвалъ на дуэль офицера, съ которымъ говорилъ, за то, что тотъ оскорбительно отозвался о знакомой П. особѣ, просилъ меня быть его секундантомъ. Отказаться я считалъ невозможнымъ. Вскорѣ послѣ П. подошелъ ко мнѣ и офицеръ, вызванный на дуэль. „Наказаніе для секундантовъ по нашимъ законамъ, сказалъ онъ, весьма строгое; но такъ какъ вы согласились уже быть секундантомъ у П., то позвольте васъ просить быть одновременно и моимъ секундантомъ; этимъ вы нисколько не увеличите вашей отвѣтственности передъ закономъ, а избавите отъ наказанія то лице, которое, въ случаѣ вашего отказа, я долженъ буду пригласить въ секунданты“. Неожиданная просьба офицера, котораго я не только не зналъ, но и никогда не видалъ, такъ меня поразила, что, не сообразивъ ея нелѣпости, я согласился ее исполнить; противники поручили мнѣ назначить условія дуэли, сказавъ, что они вполнѣ полагаются на меня и на все будутъ согласны. Пріѣхавъ домой и обдумавъ то странное положеніе, въ которое я себя поставилъ, я рѣшился

назначить самыя строгія условія дуэли, полагая, что если причина дуэли, которой въ точности я не зналъ, была серьозная, то и дуэль должна быть серьозная; а если причина пустая, то назначеніе серьозной дуэли можетъ повести къ примиренію. Оказалось, что я не ошибся. Объявивъ противникамъ, что дуэль должна быть черезъ платокъ съ однимъ заряженнымъ пистолетомъ, я замѣтилъ видимое ихъ смущеніе; вскорѣ послѣдовалъ миръ, и на другой день мы пили втроемъ шампанское въ гостинницѣ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ должна была состояться дуэль.

Другая дуэль имѣла серьозный поводъ, и съ однимъ изъ противникомъ меня связывала тѣсная дружба. Дѣло это было въ 1840 году, въ Дерптѣ, во время похода гвардіи въ наши западныя окраины. Товарищъ мой к. В. имѣлъ несчастіе обѣдать съ однимъ офицеромъ Ш. который, воспользовавшись тѣмъ, что к. В. растегнулъ сертукъ, вынулъ у него изъ кармана тысячу рублей денегъ и часы съ цѣпочкой. Затѣмъ, когда к. В. просилъ возвратить взятыя у него вещи, офицеръ Ш. отвѣчалъ, что онъ никогда ихъ не бралъ и что вѣроятно к. В. былъ пьянъ и ихъ потерялъ. Такое нахальство такъ разсердило к. В., что онъ публично заявилъ, что Ш. его обокралъ; этотъ же послѣдній увѣрялъ всѣхъ, что к. В. взвелъ на него клевету. Конечно, исторія эта не могла иначе кончиться какъ дуэлью. Любя к. В. и будучи убѣжденъ, что онъ былъ жертвой нахальнаго воровства, я предложилъ ему быть его секундантомъ. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, офицеръ Ш. дѣйствительно вызвалъ к. В. на дуэль и обѣщалъ прислать въ назначенный день и часъ ко мнѣ своего секунданта, для регулированія условій дуэли, но я просидѣлъ нѣсколько дней дома и секунданта не дождался; наконецъ, я узналъ, что Ш. уѣхалъ въ отпускъ въ Ярославскую губернію, а затѣмъ офицеры полка, въ которомъ онъ служилъ, заставили его выдти въ отставку. Если бы эта грустная исторія случилась въ позднѣйшее время, то она вѣроятно и велась бы иначе и имѣла бы другой исходъ. Во первыхъ, к. В.

счелъ бы себя, можетъ быть, въ правѣ отказаться отъ дуэли, такъ какъ противникъ его былъ отъявленный воръ; во вторыхъ, если бы полкъ, въ которомъ служилъ Ш., назначилъ надъ нимъ офицерскій судъ, то, не имѣя никакихъ уликъ противъ Ш. въ сдѣланной имъ кражѣ и слыша его увѣренія, что к. В. его оклеветалъ, судъ, можетъ быть, не выгналъ бы его изъ полка, и такимъ образомъ виноватымъ остался бы честнѣйшій и благороднѣйшій к. В., а Ш. служилъ бы по прежнему подъ Русскими знаменами. Полковые товарищи Ш. мнѣ говорили впослѣдствіи, что они выгнали Ш. не за воровство, въ которое они не считали себя въ правѣ вѣрить, а за то, что онъ уклонился отъ дуэли.

По окончаніи травянаго довольствія, 1-я батарея пришла въ Петербургъ на зимнюю стоянку. Обученіе нижнихъ чиновъ лежало на обязанности старшихъ офицеровъ, командовавшихъ дивизіонами (полубатареями); младшіе же офицеры (взводные командиры) дежурили, ходили во внутренній караулъ въ Зимній Дворецъ и ѣздили на ординарцы. Ѣздившихъ на ординарцы въ 1-й батареѣ было трое: я, Хлюстинъ и Павловъ (Владиміръ). У насъ были прекрасныя лошади, извѣстныя въ то время всей конной артилеріи: Милордъ, Кочуй и Пѣтухъ. Дежурить приходилось по двумъ батареямъ, стоявшимъ въ Петербургѣ одинъ разъ въ 8 или 10 дней; внутренній караулъ на половинѣ Наслѣдника Цесаревича занимали по очереди конная артиллерія, конно-піонеры и гвардейскіе жандармы (для каждаго офицера очередь наступала не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ); на ординарцы же къ Государю Императору каждому изъ насъ пришлось подъѣхать во всю зиму всего два или три раза.

Изъ этого видно, что служба была не тяжелая; тѣмъ не менѣе многіе молодые офицеры ею тяготились, а нѣкоторые такъ манкировали своими обязанностями, что позволяли себѣ на ночь уѣзжать съ дежурствъ. Служба вообще никого не интересовала, никто не относился къ ней серьезно, всѣ смотрѣли

только на формальную сторону дѣла, не заботясь о сущности. Такъ напримѣръ, приказано было нижнимъ чинамъ имѣть съ собой пистолеты во внутреннемъ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, и пистолеты у нихъ пристегивались съ боку съ точнымъ соблюденіемъ формы, а о томъ что при пистолетахъ не было патроновъ никто не заботился; въ офицерскихъ сѣдлахъ имѣлись кебуры для пистолетовъ и чемоданчики, но въ кебуры, вмѣсто пистолетовъ, вкладывались деревянные болванки, а чемоданчики дѣлались глухіе и набивались соломой. Случалось, что на маневрахъ отдавалось въ приказахъ, чтобы передъ выступленіемъ нижніе чины пообѣдали, а выступленіе назначалось въ 5 часовъ утра! Солдаты, видя, что ихъ взводные командиры относятся къ службѣ пренебрежительно, ставили ихъ ни во что, а боялись болѣе вахмистра и своихъ взводныхъ фейерверкеровъ. Мнѣ кажется, что если бы у батареи взяли въ то время всѣхъ взводныхъ офицеровъ, то строевое образованіе нижнихъ чиновъ нисколько отъ того не пострадало бы. На конно-артилерійскихъ ученіяхъ, молодые офицеры иногда ошибались въ командахъ; но уносные фейерверкеры вовсе ихъ не слушались, а прослуживъ около 20 лѣтъ и зная хорошо всѣ построенія, они исполняли то, что̀ слѣдовало, а не то, что̀ имъ скомандовалъ офицеръ. Одинъ изъ моихъ товарищей Василій Денисовичъ Давыдовъ (сынъ извѣстнаго партизана) говорилъ мнѣ, что онъ часто вовсе не зналъ, что̀ ему слѣдуетъ командовать; но, желая, чтобы его голосъ былъ слышанъ, кричалъ особенно громко: *маршъ*, а затѣмъ смотрѣлъ на фейерверкера, куда онъ повернется, чтобы повернуть туда же и свою лошадь. Конечно, изъ числа молодыхъ офицеровъ были и такіе, которые занимались службой и знали уставы, но это было меньшинство; большинство же не только не знало службы, но даже не хотѣло ея знать. Сознаюсь, что я принадлежалъ къ большинству въ первые три года моей службы по производствѣ меня въ офицеры.

Со мной былъ такой случай. Стоя на караулѣ во дворцѣ,

я разрѣшилъ трубачу пойти внизъ. Въ это время показался въ дверяхъ половины Наслѣдника Цесаревича принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; караулъ построился. Слышавъ отъ моихъ товарищей, что если офицера нѣтъ при караулѣ, то трубачъ не долженъ выходить съ карауломъ, я почему-то вообразилъ, что и на оборотъ, если уходитъ трубачъ, то офицеръ не долженъ командовать карауломъ, а потому приказалъ замѣстить меня фейерверкеру, а самъ не вынимая сабли, сталъ въ сторонѣ отъ караула. Принцъ такъ былъ удивленъ, что остановился противъ меня и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, отчего я не командую карауломъ? Я ему смѣло отвѣчалъ: отъ того, что трубача нѣтъ, Ваше Императорское Высочество. Принцъ задумался, посмотрѣлъ на меня и, ничего не сказавъ, пошелъ дальше; не зная точно устава, онъ вѣроятно удовлетворился моимъ отвѣтомъ.

Многіе думаютъ, что въ Николаевскія времена была очень строгая военная дисциплина и что въ позднѣйшее время она упала вслѣдствіе того, что власть командировъ частей прежде была менѣе ограничена, чѣмъ послѣ. Что власть командировъ была сильна, это вѣрно; что они имѣли право сѣчь нижнихъ чиновъ сколько имъ было угодно, это также вѣрно (одинъ изъ батарейныхъ командировъ сѣкъ даже нерѣдко жену своего деньщика, потому что она была красива собой и ему нравилось смотрѣть на нее во время процесса сѣченія); но чтобы эта власть, или лучше сказать самоуправство, могла создать настоящую военную дисциплину, какою она должна быть, съ этимъ согласиться нельзя. На солдатъ смотрѣли въ то время, не какъ на людей, а какъ на машины, которыя должны были, не разсуждая, исполнять всѣ приказанія начальства; этимъ способомъ, хотя и обратили большинство солдатъ въ истукановъ ничего не понимавшихъ и ни о чемъ не разсуждавшихъ, но между ними нерѣдко встрѣчались такія личности, которыя не въ состояніи были выносить тяготѣвшаго надъ ними гнета и выражали свой протестъ очень крупными нарушеніями дисцип-

лины. Такъ напримѣръ, въ первый же годъ моего производства въ офицеры, я былъ назначенъ, съ командою нижнихъ чиновъ 1-й батареи, присутствовать при наказаніи шпицрутенами рядоваго лейбъ-гвардіи Егерскаго полка за то, что онъ на разводѣ, въ присутствіи Государя Императора, сорвалъ эполеты съ своего ротнаго командира; затѣмъ почти въ то же самое время, рядовой другаго полка убилъ одного изъ офицеровъ. Конечно, оба они были засѣчены шпицрутенами до смерти. Хотя подобные случаи бывали рѣдко, но тѣмъ не менѣе они ясно говорятъ, что однимъ страхомъ нельзя остановить преступленій. Я зналъ одного чиновника Департамента Общихъ Дѣлъ Николая Антоновича Ратынскаго, который писалъ ежегодно годовые отчеты, представляемые Государю Императору министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что въ этихъ отчетахъ былъ особый отдѣлъ, въ которомъ показывалось число убитыхъ помѣщиковъ ихъ крѣпостными людьми; число это, по его словамъ, годъ отъ году увеличивалось, не смотря на то, что совершившіе преступленія умирали большею частію подъ ударами кнута, то-есть подвергались самой мучительной казни. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, уничтожились конечно и убійства помѣщиковъ ихъ крѣпостными; думаю, что съ дарованіемъ человѣческихъ правъ нижнимъ чинамъ, какъ это сдѣлано въ настоящее время, должны уничтожиться, или значительно уменьшиться, крупныя нарушенія дисциплины, бывавшія прежде.

Характеръ прежней дисциплины очень хорошо выяснилъ одинъ артилерійскій генералъ, сказавъ офицерамъ, окончившимъ курсъ въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища и являвшимся къ нему по случаю перевода на службу въ гв. конную артилерію: „Прошу васъ, господа, выкинуть изъ головы премудрости, которымъ васъ учили; помните, что голова вамъ дана для того, чтобъ носить каску, а не для того, чтобъ разсуждать“. Какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучатъ эти слова съ сознаніемъ Нѣмцевъ, что они обязаны побѣдой

надъ Французами своему школьному учителю! Прежняя дисциплина не развивала, а мертвила душевныя силы солдата; она уничтожала въ немъ чувство человѣческаго достоинства и дресировала его, какъ дресируютъ животныхъ для цирка; палка была единственнымъ орудіемъ, а страхъ единственнымъ средствомъ этой дресировки.

Какъ маленькій образчикъ прежней дисциплины, могу привести случай, бывшій въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Польскихъ губерніяхъ. Ротмистръ, командовавшій эскадрономъ, игралъ въ карты съ своими товарищами, пріѣхавшими его навѣстить; въ то время, какъ онъ поставилъ карту ва́ банкъ, вошелъ вахмистръ и доложилъ ему, что какой-то Еврей не доставилъ фуража. Ротмистръ взбѣшенный, что карта была убита, ругнулъ вахмистра и крикнулъ: „Повѣсить Жида!“ Вахмистръ отвѣчалъ „слушаю-съ“, повернулся на лѣво кругомъ, вышелъ изъ избы и въ точности исполнилъ приказаніе ротмистра.

Лучше всего я имѣлъ возможность ознакомиться съ дисциплиной того времени въ Севастопольскую войну. Въ оборонѣ Севастополя участвовали пѣхота, артилерія и моряки Черноморскаго флота. Дисциплина въ Черноморскомъ флотѣ была совсѣмъ иная, чѣмъ въ пѣхотѣ и артилеріи. Адмиралъ Лазаревъ, котораго можно считать основателемъ Черноморскаго флота, приложилъ всевозможное стараніе, чтобы развить матроса и заставить его исполнять свои обязанности сознательно, а не изъ страха къ палкѣ; на этомъ основаніи, внѣшнее проявленіе дисциплины, какъ напримѣръ, сниманіе фуражекъ, повертываніе на лѣво кругомъ на каблукахъ и изображеніе изъ себя истукановъ при встрѣчѣ съ офицерами отошли на задній планъ строеваго образованія нижнихъ чиновъ, пѣхотные офицеры, стоявшіе въ Севастополѣ до войны, говорили, что между матросами нѣтъ никакой дисциплины, что они какъ бы нехотя снимаютъ фуражки предъ офицерами и что какъ сол-

даты они никуда не годятся. Послѣдствія указали, какъ жестоко ошибались эти офицеры: въ то время какъ пѣхотные полки посылались по очереди на укрѣпленія Севастополя, матросы находились безотлучно при своихъ орудіяхъ въ теченіи всей 11-ти мѣсячной осады и своей стойкостью и беззавѣтной храбростью удивили весь свѣтъ: въ теченіи всей осады не было ни одного пропавшаго безъ вѣсти матроса. О бывшей же дисциплинѣ въ пѣхотѣ я могу разсказать слѣдующее.

10-го Ноября 1854 года я былъ контуженъ въ голову и, потерявъ почти зрѣніе, долженъ былъ поступить въ Севастопольскій госпиталь, гдѣ меня помѣстили въ одной комнатѣ съ командиромъ Колыванскаго пѣхотнаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ, получившимъ двѣ раны въ Инкерманскомъ сраженіи 24 Октября. Пересвѣтовъ былъ очень словоохотливъ; проживъ съ нимъ болѣе двухъ недѣль въ одной комнатѣ, я слышалъ отъ него много интересныхъ разсказовъ. Такъ напримѣръ, онъ мнѣ говорилъ, что полкъ его пришелъ съ Дуная въ Севастополь за день до Инкерманскаго дѣла, что 23 Октября его перевезли на южную сторону и что въ ночь того же дня онъ долженъ былъ выйти изъ Севастопольскихъ укрѣпленій, чтобы атаковать Англійскія батареи. Исполнивъ все ему приказанное, онъ подошелъ на зарѣ къ Англійскимъ батареямъ и, объѣзжая свой полкъ, замѣтилъ, что при полку не было полковаго адъютанта и семи человѣкъ офицеровъ. Обстоятельство это, какъ онъ говорилъ, его не удивило, такъ какъ полковой адъютантъ заранѣе предупредилъ, что у него слабы нервы и что онъ не можетъ быть въ бою; другіе же офицеры вѣроятно послѣдовали примѣру адъютанта и, воспользовавшись темнотою ночи, остались въ Севастополѣ. Когда были взяты Англійскія батареи (что̀ было сдѣлано безъ большихъ потерь, такъ какъ застигнутые въ расплохъ Англичане оказали весьма слабое сопротивленіе), Пересвѣтовъ увидалъ, что полкъ его значительно уменьшился въ численномъ составѣ: оказалось, что, для перенесенія небольшаго числа раненыхъ на перевя-

зочный пунктъ, изъ полка ушли огромныя команды, безъ всякаго со стороны его приказанія. Возмущенный этимъ безпорядкомъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить вернуться уходящихъ съ поля сраженія, но ничего не могъ сдѣлать, а вскорѣ и самъ былъ раненъ. Разсказывая мнѣ этотъ эпизодъ, онъ прибавилъ къ нему слѣдующее заключеніе: „нашъ солдатъ, сказалъ онъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чувствахъ чести и долга; онъ хорошъ, когда надъ нимъ держатъ палку, но когда является страхъ смерти, который сильнѣе страха палки, то никакая военная дисциплина съ нимъ ничего не подѣлаетъ". Горько было слышать подобное мнѣніе о нашемъ солдатѣ отъ человѣка, который прослужилъ болѣе 35 лѣтъ въ строю; но, приводя его, я вовсе не хочу подвергать сомнѣнію доблесть нашего солдата; Боже меня упаси! Я хочу указать только, что если въ солнцѣ есть пятна, то они были и въ боевой службѣ нашей арміи, но что этими пятнами она была обязана не характернымъ особенностямъ нашего солдата, а нашей бывшей военной дисциплинѣ, которая, задавшись цѣлью сдѣлать изъ солдата машину, хотѣла убить въ немъ самолюбіе и всѣ хорошія чувства. Наши пѣхотные офицеры того времени были немногимъ болѣе развиты, чѣмъ солдаты; а потому и на нихъ военная дисциплина не могла не оказать вреднаго вліянія. Но совсѣмъ не то было въ Черноморскомъ флотѣ. Адмиралъ Лазаревъ и воспитанные имъ герои Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, и др. умѣли развить въ матросахъ тѣ чувства чести и любви къ родинѣ, которыми сами были воодушевлены, и научили ихъ исполнять свои обязанности сознательно и съ полнымъ самоотверженіемъ.

Нѣкоторые факты, служащіе къ уясненію прежней военной дисциплины, я могу представить и изъ моей служебной практики въ гв. конной артилеріи. Въ 1850 году командиромъ 1-й батареи назначенъ былъ полковникъ Овсянниковъ на мѣсто полковника Кноринга, получившаго другое назначеніе. Овсянниковъ провелъ всю свою службу въ кадрахъ образцовой кон-

ной батареи; кадровые офицеры того времени рѣзко отличались отъ строевыхъ офицеровъ гв. конной артилеріи своимъ педантствомъ, формализмомъ и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами. Назначеніе Овсянникова командиромъ нашей батареи было весьма непріятно для офицеровъ; мы твердо рѣшились противодѣйствовать ему, еслибы онъ вздумалъ вводить у насъ солдатизмъ образцовой конной батареи. Овсянниковъ, хотя былъ изъ Бурбоновъ, но очень хорошо понималъ, что нравственная сила находилась не у него, а въ рукахъ офицеровъ, а потому думалъ склонить насъ къ своимъ взглядамъ на службу не начальническими пріемами, а просьбами, деликатными намеками и увѣщаніями. Мѣры эти были бы хороши, еслибы самъ онъ пользовался нашимъ уваженіемъ; но въ виду того, что онъ не только имъ не пользовался, но мы даже смѣялись надъ нимъ, называя графомъ Овсовымъ, между нимъ и нами было немало столкновеній. Въ лагерѣ 1850 года составъ нашей батареи значительно измѣнился; изъ старыхъ офицеровъ остались только я и Владиміръ Павловъ, прочіе же офицеры были большею частію прапорщики, только что начинавшіе службу. Овсянниковъ прежде всего хотѣлъ сблизиться со мной и Павловымъ и расточалъ намъ свои любезности, но мы отвѣчали ему холодной вѣжливостью и старались держать себя подальше отъ него. Первое столкновеніе у Овсянникова было со мной. Въ фронтовомъ отношеніи 1-я батарея, при Кнорингѣ, считалась одной изъ лучшихъ; всѣ офицеры служили добросовѣстно; но у насъ практиковались нѣкоторыя отступленія отъ служебныхъ требованій, которыя, не принося вреда службѣ, доставляли нѣкоторыя удобства офицерамъ. Такъ напримѣръ, въ праздничные дни въ лагерѣ было принято, чтобы при батареѣ находился непремѣнно одинъ офицеръ; но Кнорингъ не обращалъ вниманія, дежурный это офицеръ или другой. Овсянниковъ замѣтилъ, что дежурный офицеръ иногда уѣзжаетъ изъ батареи, и не могъ переварить этого безпорядка; узнавъ, что, будучи назначенъ дежурнымъ въ одно Воскресенье, я думаю ѣхать въ Царское Село, онъ пришелъ ко мнѣ въ то время когда лошади были уже готовы.

и я стоялъ у крыльца. „Я пришелъ васъ просить, сказалъ онъ, чтобы вы перевезли казенный ящикъ отъ моей квартиры къ вашей, такъ какъ я уѣзжаю въ Красное Село и желалъ бы, чтобы казенный ящикъ былъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ дежурнаго офицера“.—„Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, прикажите его поставить къ квартирѣ Павлова, такъ какъ я уѣзжаю сейчасъ въ Царское Село, и Павловъ остается, вмѣсто меня, дежурить“. „Это невозможно: дежурнымъ офицеромъ въ приказахъ по бригадѣ назначены вы, а не Павловъ“, горячо возразилъ Овсянниковъ. „Не знаю отчего вы считаете это невозможнымъ; но мнѣ нужно быть сегодня въ Царскомъ Селѣ, и я поѣду“. Съ этими словами я сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Страшно разсерженный Овсянниковъ отправился къ Павлову и, жалуясь на меня, объяснилъ, что ему, главнымъ образомъ, не понравилась рѣзкость, съ которой я съ нимъ говорилъ; вмѣсто того, чтобы просить у него позволенія ѣхать въ Царское Село, я, не смотря на его замѣчаніе, сказалъ, что *поѣду*: въ этомъ онъ находилъ оскорбленіе его достоинства какъ начальника и нарушеніе военной дисциплины. Павловъ горячо вступился за меня и имѣлъ съ нимъ рѣзкое объясненіе, окончившееся тѣмъ, что Овсянниковъ пересталъ ловить дежурныхъ офицеровъ, когда они, въ дни своихъ дежурствъ, уѣзжали изъ батареи.

Другое столкновеніе съ Овсянниковымъ было на назначенной имъ репетиціи парада на военномъ полѣ. Въ то время орудійная прислуга конныхъ батарей, на церемоніальномъ маршѣ, строилась въ двѣ шеренги, какъ въ кавалеріи эскадроны; впереди ѣхали офицеры, а сзади шли орудія. При такомъ построеніи равненіе вполнѣ зависѣло отъ офицеровъ: если линія офицеровъ была вѣрна, то нижніе чины, обязанные идти на хвосту у офицеровъ, составляли также прямую линію. Проходя церемоніяльнымъ маршемъ мимо Овсянникова, я не замѣтилъ, что на землѣ лежалъ солдатскій ранецъ, лошадь моя споткнулась, я ее невольно задержалъ и, такъ какъ я ѣхалъ на лѣвомъ флангѣ, то черезъ это весь лѣвый флангъ завалилъ.

Овсянниковъ разсердился, остановилъ батарею и вмѣсто того, чтобы распечь меня, такъ какъ я одинъ былъ виноватъ, онъ подскакалъ къ лѣвофланговому фейерверкеру и началъ его бить саблей. Такая несправедливость вывела меня изъ себя. Сказавъ громко Овсянникову, что я болѣнъ, я вложилъ саблю въ ножны и уѣхалъ отъ батареи. Овсянниковъ поскакалъ за мной и умолялъ меня вернуться; я вернулся, но предварительно высказалъ ему причину моего неудовольствія.

Съ Павловымъ у него была слѣдующая исторія. Три взвода батареи стояли въ Телези, гдѣ жили всѣ офицеры, а одинъ взводъ стоялъ въ деревнѣ Лемпелево, гдѣ находилась квартира Овсянникова. Между Телези и Лемпелево былъ небольшой лѣсъ, къ которому примыкала площадь, гдѣ помѣщался паркъ батареи. Овсянниковъ назначилъ конно-артилерійское ученіе на военномъ полѣ довольно рано, такъ что батарея должна была выступить изъ парка около 4-хъ часовъ утра. Къ назначенному часу всѣ офицеры кромѣ Павлова пріѣхали въ паркъ, орудія были запряжены; наконецъ, показался изъ Лемпелева Овсянниковъ. Вмѣсто того чтобы вести батарею не дожидаясь Павлова, онъ подъѣхалъ къ лѣсу и, увидавъ, что Павловъ ѣдетъ изъ Телези шагомъ, работая поводомъ свою лошадь, онъ крикнулъ ему: „Поручикъ Павловъ, извольте ѣхать рысью". Но Павловъ не обратилъ никакого вниманія на слова Овсянникова и доѣхалъ до своего мѣста шагомъ. Когда батарея тронулась съ мѣста, Овсянниковъ подъѣхалъ къ Павлову и сказалъ ему начальническимъ тономъ: „отъ чего вы, поручикъ Павловъ, опоздали?" Отъ того, отвѣчалъ Павловъ, что у меня пошла кровь носомъ, и я долженъ былъ употребить нѣкоторое время, чтобы унять ее. Перемѣнивъ тонъ, Овсянниковъ продолжалъ: „а отчего вы, Владимиръ Николаевичъ, не поѣхали рысью, когда я вамъ кричалъ?" Павловъ, не спавъ всю ночь, былъ въ желчномъ настроеніи духа. „Отъ того, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ онъ, что я не хотѣлъ ѣхать рысью". Овсянниковъ, не ожидавшій этого отвѣта, круто повернулъ лошадь и уѣхалъ отъ Павлова.

Описывая эти выходки офицеровъ 1-й батареи относительно Овсянникова, я долженъ сказать, что ничего подобнаго не было въ другихъ батареяхъ, по той причинѣ, что командиры другихъ батарей умѣли заставить себя уважать, вслѣдствіе чего отношенія къ нимъ офицеровъ регулировались этимъ уваженіемъ, а не военно-дисциплинарными требованіями.

Начальникъ гв. конной артилеріи генералъ Шварцъ имѣлъ также столкновенія съ батарейными командирами. Самое крупное изъ нихъ было съ полковникомъ Левинымъ въ 1849 году. Левинъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ, грозя пальцемъ, сказалъ Шварцу, что онъ подлецъ, какъ говорили одни, а по словамъ другихъ, Левинъ назвалъ его не подлецомъ, а лжецомъ. О причинахъ этого столкновенія я буду еще говорить, а теперь скажу только, что Левинъ не былъ преданъ суду, а получилъ батарею на Кавказѣ, гдѣ отличившись, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора ранѣе своихъ гвардейскихъ товарищей.

V.

Петербургскіе маскарады.—Анна С.—Назначеніе бригаднымъ адъютантомъ.

Петербургская жизнь нѣсколько разъединила товарищескій кружокъ, въ которомъ я жилъ въ Новгородѣ и лагерѣ; только съ Левинымъ и Хлюстинымъ я продолжалъ часто видаться, и въ казармахъ, и у нашихъ общихъ знакомыхъ, и въ маскарадахъ, до которыхъ мы всѣ трое были большіе охотники. Вслѣдствіе нашихъ дружескихъ отношеній насъ прозвали тремя мушкатерами: Левина назвали Атосомъ, Хлюстина—Портосомъ, а меня Арамисомъ; названія эти были взяты изъ появившагося въ то время и надѣлавшаго много шума Французскаго романа: „Les trois Mousquetaires“. Многія маски, подходя къ намъ въ маскарадахъ, называли насъ часто этими именами. Маскарады того времени и въ особенности тѣ, которые давались въ Дворянскомъ Собраніи, носили совершенно иной характеръ въ сравненіи съ нынѣшними. Ихъ очень любилъ и часто посѣщалъ императоръ Николай Павловичъ, присутствіе котораго никого не стѣсняло, такъ какъ онъ былъ всегда веселъ и велъ самые оживленные разговоры съ масками, его окружавшими и бывшими въ восторгѣ отъ его любезности и остроумія. Государь и большинство офицеровъ бывали въ маскарадахъ обыкновенно въ домино, то есть въ длинныхъ атласныхъ плащахъ, накинутыхъ на плеча; ношеніе въ маскарадахъ плащей или домино продолжалось два или три года, а затѣмъ оно было отмѣнено. Ольга С...., будучи живаго и бойкаго харак-

тера, нерѣдко интриговала Государя; она ему по видимому нравилась, такъ какъ, оставляя ея руку передъ отъѣздомъ изъ маскарада, онъ у нея спрашивалъ обыкновенно, пріѣдетъ ли она въ слѣдующій маскарадъ. Первый разъ, какъ О. С.... ходила съ Государемъ, она ему сказала, что у нея есть просьба къ Его Величеству. Государь нахмурилъ брови и отвѣчалъ, что онъ никакихъ просьбъ въ маскарадахъ не принимаетъ; сдѣлавъ недовольную мину, она вздохнула и замолчала; тогда Государь спросилъ, въ чемъ заключается ея просьба. Она самымъ наивнымъ образомъ отвѣчала, что онъ держитъ слишкомъ высоко руку, такъ что ей неловко съ нимъ ходить, а потому она проситъ ее опустить. Государь улыбнулся и исполнилъ ея просьбу. Въ маскарадахъ составлялись иногда свадьбы; такъ одна молодая особа была влюблена въ офицера Преображенскаго полка Пенхержевскаго и хотѣла выйти за него замужъ, но ея родители не соглашались; тогда она обратилась въ маскарадѣ съ просьбой къ Государю устроить ея свадьбу. Государь принялъ въ ней участіе, и свадьба вскорѣ состоялась. Впослѣдствіи Пенхержевскій умеръ, а вдова его вышла замужъ за графа Кушелева. Объ этихъ случаяхъ и многихъ другихъ, бывшихъ съ Государемъ въ маскарадахъ, много говорили въ то время.

Въ одномъ изъ маскарадовъ ко мнѣ подошла Ольга С...... и сказала, что пріѣхавшая изъ Москвы сестра ея мужа, большая пріятельница моей матери, Т.....ва желаетъ меня видѣть и при этомъ дала ея адресъ. Я поѣхалъ къ Т....ой на другой же день. Встрѣтивъ очень любезно, она познакомила меня съ своей племянницей Анной С....ой, пріѣхавшей съ ней изъ Москвы. Анна С.....ва была высокая, стройная брюнетка, со смуглымъ лицомъ, выразительными черными глазами и съ обворожительной улыбкой; ее можно было бы назвать красавицей, если бы не ротъ ея, который былъ нѣсколько великъ. При первомъ взглядѣ на Анну С....ву я былъ пораженъ сходствомъ ея глазъ съ глазами Бетси: мнѣ вспомнилась моя первая любовь, я живо представилъ себѣ все пережитое и перечувствованное, и въ мо-

емъ сердцѣ невольно пробудилась симпатія къ Аннѣ С.....ой. Т...ва была очень умная и добрая женщина; она полюбила меня какъ сына; бывая у нея довольно часто, я чувствовалъ, что моя симпатія къ Аннѣ С......ой растетъ; наконецъ, она обратилась въ самую горячую любовь съ тѣми же порывами ревности и съ тѣми же безразсудными выходками, которыми отличалась моя любовь къ Бетси. Но надобно сказать, что между Бетси и Анной С.....вой была огромная разница. Бетси только начинала жить; не имѣя опытности и не зная свѣта, она говорила то, что̀ думаетъ и чувствуетъ; въ ней не было ни кокетства, ни тщеславія; ей нравились книги болѣе туалета и интимныя бесѣды болѣе бальныхъ успѣховъ. Анна же С........ва искусилась уже свѣтскими удовольствіями; она поняла людей и умѣла заставить цѣнить ея достоинства; любя внѣшность и испытавъ въ жизни разочарованіе, она старалась жить болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ. Мнѣніе это объ Аннѣ С......вой составилось во мнѣ гораздо позже моего перваго съ ней знакомства; въ то же время когда я ее полюбилъ, она мнѣ казалась совершенствомъ: я думалъ, что жить и не любить ея было невозможно. Слишкомъ долго было бы описывать подробно исторію моей любви, она была похожа на всѣ подобныя исторіи; скажу только, что и въ настоящее время я не знаю, платила ли мнѣ Анна С...ва взаимностью. Я никогда не объяснялъ ей моей любви вслѣдствіе застѣнчивости, а она никогда не говорила мнѣ о своей; но подчасъ она меня дарила такими привѣтливыми взглядами, что я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; а подчасъ мнѣ казалось, что она предпочитаетъ мнѣ одного офицера гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона К....., который былъ влюбленъ въ нее также какъ и я. Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли, ревность меня душила, и я рѣшался иногда прекратить съ Анной С......ой знакомство; но проходилъ день-другой, и я снова ѣхалъ къ ея теткѣ и снова, при малѣйшемъ вниманіи ко мнѣ, думалъ видѣть любовь тамъ, гдѣ, можетъ быть, ея не было. Въ такомъ положеніи дѣлъ прошла зима, въ теченіе которой я бывалъ также часто и у Ольги С....,

съ которой очень сдружился и которой ввѣрилъ тайну моей любви къ Аннѣ С......ой. Черезъ Ольгу С.... я зналъ все что̀ дѣлаетъ и гдѣ бываетъ Анна С....ва; но любила ли меня Анна С....ва, этого Ольга С...... не знала, хотя предполагала, что *да*. Наконецъ наступила весна; батарея, въ которой я служилъ, выступила въ лагерь въ самомъ началѣ мая. Т.....ва должна была ѣхать въ деревню съ своей племянницей въ іюнѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы осенью вернуться въ Петербургъ. Поселившись въ лагерѣ, какъ и въ прошломъ году, вмѣстѣ съ Левинымъ и въ той же самой избѣ, мы проводили время бесѣдуя о нашихъ сердечныхъ дѣлахъ и ожидая съ нетерпѣніемъ праздничнаго дня, чтобы ѣхать въ Петербургъ и видѣться съ любимыми нами женщинами.

Въ одинъ изъ такихъ дней, лошади уже стояли у крыльца, какъ пріѣхавшій съ почты писарь подалъ мнѣ письмо. Взглянувъ на него, я узналъ почеркъ Т....ой и не безъ волненія сорвалъ печать. Т....ва писала, что особыя неожиданныя обстоятельства заставили ее уѣхать въ Москву, не видавшись со мной, что она очень о томъ сожалѣетъ, но надѣется, по возвращеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, найти меня здоровымъ и веселымъ, какъ всегда. Въ концѣ письма была слѣдующая приписка: „моя племянница Annette просила передать вамъ ея искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ прощальный поклонъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, она не пріѣдетъ болѣе въ Петербургъ“. Письмо это меня поразило. Я просилъ разъясненія его у Ольги С..... и узналъ отъ нея слѣдующее. Т......ва была несовсѣмъ довольна, что я ухаживаю за ея племянницей; находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей матерью, она ей сообщила о моей любви къ Аннѣ С......ой и объяснила причины, по которымъ она не желала бы, чтобы я на ней женился. Моя мать, зная, что у Анны С....ой не было никакого состоянія, а у меня было весьма небольшое, пришла въ ужасъ при извѣстіи о моемъ желаніи жениться на Аннѣ С......ой. Какая была дальнѣйшая переписка между моей матерью и Т....ою,

Ольга С.... не знала, но полагала, что внезапный отъѣздъ Т....ой въ Москву и увѣдомленіе ея, что Анна С....ва не пріѣдетъ болѣе въ Петербургъ, были послѣдствіемъ этой переписки.

Разсказъ Ольги С..... подѣйствовалъ на меня удручающимъ образомъ. Неужели, подумалъ я, долженъ я отказаться отъ любви, сулящей мнѣ счастье всей моей жизни и забыть женщину, только потому, что она бѣдна. Мысль эта меня возмутила. Если моя мать, сказалъ я себѣ, не можетъ дать мнѣ средства, нужныя для содержанія моей жены и будущаго семейства, долженъ я ихъ пріобрѣсти моимъ трудомъ; но какимъ трудомъ?... Тутъ въ первый разъ явилась во мнѣ мысль искать эти средства въ службѣ. Я зналъ двухъ офицеровъ, которые женились на небогатыхъ дѣвушкахъ и которые, дослужившись до батарейныхъ командировъ, жили безбѣдно и очень счастливо. Отчего я не могу сдѣлать того же? задалъ я себѣ вопросъ и, отвѣтивъ на него утвердительно, рѣшился самымъ усерднымъ образомъ заняться службой, началъ изучать уставы и съ того времени сдѣлался добросовѣстнымъ исполнителемъ всѣхъ возлагаемыхъ на меня обязанностей. Мой батарейный командиръ полковникъ Кнорингъ, замѣтивъ происшедшую во мнѣ перемѣну, сказалъ мнѣ какъ-то откровенно, что, прослуживъ со мной около трехъ лѣтъ, онъ никакъ не думалъ, чтобы изъ меня могъ выйти хорошій офицеръ, но что ему особенно пріятно сознаться, что онъ въ этомъ ошибался. Время въ лагерѣ въ этомъ году я проводилъ совершенно иначе, чѣмъ въ прошломъ году; сидя большею частію дома, я много читалъ и немало посвящалъ времени служебнымъ занятіямъ. Кнорингъ назначилъ меня завѣдывать батарейной лабораторіей; я съ особенной акуратностью приготовлялъ боевые заряды, и на смотру Государя батарея стрѣляла отлично. Кнорингъ приписалъ удачную стрѣльбу мнѣ, хотя я долженъ сказать, что стрѣльба изъ бывшихъ въ то время орудій зависѣла болѣе отъ случайности, чѣмъ отъ хорошаго снаряженія зарядовъ. Батарейная батарея, состоявшая изъ 8

полупудовыхъ единороговъ и стрѣлявшая обыкновенно хуже всѣхъ, въ этомъ году также отличилась и поставлена была за стрѣльбу въ первомъ номерѣ; но этимъ отличіемъ она была обязана исключительно офицеру, завѣдывавшему лабораторіей, Рейнталю, который для увеличенія мѣткости стрѣльбы прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ: онъ насыпалъ гранаты полныя пескомъ и увеличивалъ зарядъ; чрезъ это, конечно, полетъ снарядовъ былъ правильнѣе, но порча орудій и лафетовъ была весьма велика. Батарейной батареей командовалъ въ то время полковникъ Бревернъ (нынѣ генералъ-адъютантъ графъ Бревернъ-Де-Лагарди), который былъ очень доволенъ хорошей стрѣльбой и благодарилъ Рейнталя, въ честь котораго батарея сдѣлала обѣдъ.

По окончаніи лагеря и послѣ травянаго довольствія, наша батарея пошла на зимнюю стоянку въ мызу Пеллу, гдѣ нашъ товарищескій кружокъ снова сплотился; но между нами не было уже Кельдермана, который, получивъ какое-то наслѣдство, уѣхалъ въ отпускъ и тамъ умеръ. Несчастная была судьба этого человѣка: подвергая себя всю жизнь лишеніямъ, онъ умеръ въ то время, когда счастіе ему улыбнулось, и лишенія эти должны были прекратиться.

Жизнь въ Пеллѣ была довольно однообразна, но я не скучалъ: у меня была цѣль въ жизни, къ которой я стремился, была надежда, что я достигну этой цѣли. Порой я былъ даже очень веселъ; меня забавляли школьныя выходки Павлова и Штакельберга съ однимъ изъ нашихъ товарищей, который боялся въ темнотѣ ходить одинъ и котораго они постоянно пугали. Въ видахъ экономіи я бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, а если иногда ѣздилъ, то проводилъ время исключительно у Ольги С....., съ которой сдружился болѣе, чѣмъ когда нибудь. Деньги я копилъ, чтобы поѣхать въ Москву и тамъ окончательно разъяснить мое положеніе относительно Анны С—ой. Долго я ждалъ желаннаго дня отъѣзда; наконецъ, онъ насталъ,

я получилъ отпускъ и въ февралѣ или въ мартѣ 1847 года былъ уже въ Москвѣ. Первое мое свиданіе съ Анной С—ой было въ церкви Іерусалимскаго подворья, напротивъ которой она жила, и затѣмъ я ее видѣлъ на вечерѣ у Пукаловой. Она была очень мила и любезна, но увы! всему бываетъ конецъ; насталъ конецъ и второму роману въ моей жизни: Анна С—ва была невѣстой Гончарова, брата Пушкиной. Гончаровъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ прелестный женихъ; умъ, образованіе, благородное сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее состояніе и прекрасная наружность, все соединилось въ немъ, чтобы прельстить Анну С—ву. Она сдѣлалась его женой и въ то же время матерью его дѣтей, которыхъ у него было отъ перваго брака шесть или семь. Съ замужествомъ С—ой рушилась цѣль, къ которой я стремился, и исчезла надежда на счастье; нелегко мнѣ было перенести этотъ ударъ! Вернувшись въ Петербургъ съ разбитымъ сердцемъ и гнетущей тоской, я сталъ избѣгать общества, чувствуя себя въ немъ лишнимъ и рѣшился посвятить мое время серьознымъ занятіямъ. Наиболѣе меня интересовавшими были философскіе вопросы. Купивъ случайно у букиниста сочиненія Спинозы, я ихъ читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ; затѣмъ я вскорѣ пріобрѣлъ сочиненія Вольтера, Декарта, Канта, Лейбница и Жанъ-Жака Руссо. Изъ Жанъ-Жака Руссо мнѣ болѣе всего понравился *Эмиль*, который мнѣ указалъ, какое важное значеніе имѣетъ воспитаніе въ жизни человѣка; заинтересовавшись воспитательными вопросами, я прочелъ: „Le perfectionnement moral ou l'éducation de soi-même par Dègérendo“ „L'éducation des mères de famille par Aimé Martin“ и много другихъ подобныхъ книгъ. На Русскомъ языкѣ въ то время не было книгъ философскаго содержанія, кромѣ развѣ Кизеветтера, который читался въ семинаріяхъ въ классахъ философіи. Мнѣ приходилось читать Французскія изданія, которыя трудно было достать, такъ какъ многія изъ нихъ были запрещены, какъ напримѣръ Спиноза и Вольтеръ. Я также немало прочелъ и христіанскихъ философовъ, какъ Боссюета, Фенелона, Жерюзе и долженъ сознаться, что масса книгъ,

которыя я перечиталъ въ теченіе двухъ лѣтъ, произвела на меня самое успокоивающее дѣйствіе. Мнѣ приходилось иногда просиживать цѣлыя ночи, заставляя работать свой умъ надъ тѣмъ, что̀ я прочелъ, и въ это время забывались всѣ горечи жизни. Небезинтересно также было прочтенное мной сочиненіе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: Le triomphe de l'Évangile, въ которомъ изложены были мысли одного посаженнаго въ тюрьму Испанца во время террора во Франціи; ожидая каждый день казни, онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и остался живъ только отъ того, что случайно былъ пропущенъ въ спискахъ. Сочиненіе это выдержало въ то время до 20-ти изданій и было переведено на всѣ языки и въ томъ числѣ и на Русскій.

Посвящая мое время чтенію, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ заниматься службой и невольно принималъ къ сердцу, если бывали какія-либо служебныя неудачи. Такъ напримѣръ, во время репетиціи ординарческой ѣзды, которую производилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, у меня выскочилъ изъ каски султанъ и упалъ къ ногамъ Его Высочества. Надобно сказать, что каски были даны войскамъ по желанію императора Николая Павловича, но Великому Князю онѣ не нравились. Когда онъ дѣлалъ репетицію ординарцамъ, войска донашивали еще кивера; ординарцамъ же велѣно было надѣть каски; моя каска была сдѣлана въ лучшемъ, въ то время, магазинѣ офицерскихъ вещей Скосырева, я ее надѣлъ въ первый разъ и, когда выскочилъ изъ нея султанъ, я былъ увѣренъ, что Великій Князь отправитъ меня на гауптвахту, что̀ меня не огорчило бы годъ тому назадъ, но въ то время, о которомъ говорю, мнѣ очень было бы прискорбно подвергнуться взысканію, котораго я не заслужилъ. Къ удовольствію моему, ни Великій Князь, никто изъ начальниковъ ни слова мнѣ не сказалъ объ упавшемъ султанѣ; оказалось, какъ мнѣ говорили потомъ, что Великому Князю было даже пріятно, что нелюбимый имъ головной уборъ осрамился въ его присутствіи; говорили, что Великій Князь

сострилъ даже по поводу касокъ. Въ каскахъ перваго образца дѣлались два отверстія въ шишакѣ, на который надѣвался султанъ; при быстромъ движеніи во время верховой ѣзды, въ эти отверстія проходилъ воздухъ и производилъ свистъ. Въ первый разъ, какъ Великій Князь услыхалъ этотъ свистъ, онъ обратился къ своей свитѣ и сказалъ съ улыбкой, что „каски сами себя освистали“.

Въ половинѣ лагеря 1847 года я былъ назначенъ адъютантомъ гвардейской конной артилеріи. Назначеніе это было мнѣ пріятно, служа доказательствомъ хорошаго мнѣнія, которое имѣло обо мнѣ начальство.

VI.

1847-й годъ.—Холера въ Петербургѣ.—Выступленіе Гвардейскаго корпуса изъ Петербурга въ маѣ 1849 года. — Возвращеніе. — Исторія Левина съ Шварцемъ. — Sophie. — Княгиня Нина.—Мое назначеніе въ Севастополь въ распоряженіе Князя Меншикова.

Вступивъ въ отправленіе должности адъютанта, я понималъ, что мнѣ нелегко будетъ служить съ бывшимъ въ то время начальникомъ гв. конной артилеріи генералъ-маіоромъ Шварцемъ, котораго не любили офицеры, не любили и батарейные командиры за его желчность и за его подчасъ несправедливость; но я рѣшился на его желчность отвѣчать хладнокровіемъ, а съ его несправедливостью бороться законными средствами; мнѣ казалось, что я не только долженъ быть посредникомъ между нимъ и офицерами, но и защитникомъ правъ и интересовъ этихъ послѣднихъ. Сознаюсь, что при моемъ экзальтированномъ характерѣ, я. можетъ быть, преувеличивалъ значеніе адъютантской должности; но тѣмъ не менѣе, направляя мою дѣятельность согласно моихъ тогдашнихъ убѣжденій, я успѣлъ заслужить симпатію моихъ товарищей и вѣжливое, хотя и холодное отношеніе ко мнѣ Шварца. Я зналъ, что Шварцъ меня не любилъ; но въ теченіе всей моей службы адъютантомъ, письменная часть была въ полной исправности, что̀ было неоднократно засвидѣтельствовано начальниками, производившими инспекторскіе смотры и что̀ зналъ самъ Шварцъ, который не разъ приходилъ въ канцелярію и рылся въ журналахъ и бумагахъ, желая найти какую нибудь неисправность, но найти ее не могъ.

Вскорѣ по назначеніи меня адъютантомъ былъ случай, уяснившій мнѣ характеръ Шварца и заставившій меня въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ съ нимъ руководствоваться крайней осторожностью. Объѣзжая военное поле, генералъ Шварцъ замѣтилъ, что, во время стрѣльбы боевыми зарядами, цѣпь отъ пѣшей артилеріи ушла ранѣе ея смѣны цѣпью отъ конной артилеріи. Вознегодовавъ на такой безпорядокъ, онъ приказалъ мнѣ сообщить о немъ въ дежурство гвардейской артилеріи и просить, чтобы на будущее время пѣшая артилерія исполняла въ точности существующія правила. На эту записку полученъ былъ весьма рѣзкій отвѣтъ, въ которомъ указано было, что не пѣшая артилерія произвела безпорядокъ, а конная артилерія, которая выслала свою цѣпь двумя часами позже, чѣмъ назначено было въ приказахъ; а потому начальникъ артилеріи предложилъ генералу Шварцу строго слѣдить, чтобы на будущее время подобные безпорядки не повторялись. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Шварцъ потребовалъ черновую записку, которую я написалъ въ дежурство артилеріи. По прочтеніи этой записки, онъ мнѣ сказалъ, что я перепуталъ, что онъ мнѣ никогда не говорилъ писать то, что̀ мной было написано. Хотя я былъ вполнѣ увѣренъ, что я почти дословно передалъ его слова, но, не имѣя никакихъ доказательствъ, такъ какъ онъ мнѣ говорилъ безъ свидѣтелей, я долженъ былъ молчать. Этотъ случай послужилъ мнѣ предостереженіемъ для будущаго, которое не замедлило представиться. Въ то время, о которомъ я говорю, образцовая конная батарея представляла ежегодно на смотръ Государя Императора команды нижнихъ чиновъ, отбывающихъ въ армію. Изъ командъ этихъ составлялся дивизіонъ, то-есть четыре орудія, которыя Государь смотрѣлъ въ Царскомъ Селѣ въ манежѣ. Манежъ былъ такъ малъ, что маневрированіе въ немъ четырехъ орудій сопряжено было съ большими трудностями; всѣ построенія дѣлались на карьерѣ, причемъ помѣщеніе было такъ разсчитано, что еслибы ящичный ѣздовой, управлявшій тремя лошадьми, ошибся при заѣздахъ на одинъ вершокъ, то несчастіе съ людьми было бы неминуемо; требова-

лись также большая ловкость и снаровка отъ уносныхъ фейерверкеровъ. Вообще смотръ этотъ походилъ болѣе на представленіе въ циркѣ, чѣмъ на строевое ученіе; иностранцы, видившіе его, удивлялись той высокой степени, на которой у насъ стояло фронтовое образованіе нижнихъ чиновъ. Послѣ смотра Государь Императоръ назначалъ обыкновенно весьма щедро денежныя награды всѣмъ бывшимъ въ строю нижнимъ чинамъ; наибольшія награды получали фейерверкеры (отъ 7 до 10 рублей) и ѣздовые (отъ 4 до 6 рублей); какъ фейерверкеры, такъ и ѣздовые принадлежали къ кадру батареи. Послѣ смотра, бывшаго въ октябрѣ мѣсяцѣ 1847 года, была, по обыкновенію, представлена строевая записка въ штабъ гвардейскаго корпуса, на основаніи которой назначены награды. Генералъ Шварцъ, находя несправедливымъ, что награды получатъ только бывшіе на смотру фейерверкеры и ѣздовые, между тѣмъ какъ кадровые нижніе чины (не бывшіе на смотру только потому, что въ строю находилось не 8 орудій, а 4, но не менѣе ихъ достойные) ничего не получатъ, приказалъ мнѣ просить дежурство гвардейской артилеріи, по докладу начальнику артилеріи, разрѣшить выдать наградныя деньги всѣмъ кадровымъ нижнимъ чинамъ, предоставивъ батарейному командиру раздѣлить ихъ по его усмотрѣнію. Должность начальника гвардейской артилеріи, за отсутствіемъ Сумарокова, исправлялъ въ то время командиръ 2-й гвардейской артилерійской бригады Мерхелевичъ, который не любилъ Шварца. Когда была ему доложена моя записка, онъ приказалъ отвѣчать, что, не считая себя въ правѣ измѣнять высочайшія повелѣнія, онъ удивляется, какъ генералъ Шварцъ не знаетъ, что воля Государя Императора должна быть исполняема въ точности и безпрекословно. Получивъ этотъ непріятный отвѣтъ и опасаясь, чтобы генералъ Шварцъ вновь не обвинилъ меня въ томъ, что написано было не такъ, какъ онъ приказалъ, я пошелъ къ нему и просилъ прочитать мою записку; прочитавъ ее и не измѣнивъ ни одного слова, онъ приказалъ ее тотчасъ же отправить въ дежурство артилеріи. Тогда я ему объяснилъ, что она уже была въ дежурствѣ, и на нее

полученъ отвѣтъ, который я ему и показалъ. Покраснѣвъ до ушей, онъ язвительно улыбнулся и пробормоталъ себѣ подъ носъ что-то нелестное для Мерхелевича.

Наступилъ 1848 годъ. Хотя политикой никто изъ офицеровъ не занимался и газетъ не читалъ, да и газетъ-то частныхъ была только одна *Сѣверная Пчела*, но тѣмъ не менѣе революція, вспыхнувшая во Франціи и въ Италіи, а затѣмъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, невольно заинтересовала военное сословіе, обѣщая скорую войну. Къ тому же, все это взятое вмѣстѣ возбудило много толковъ: говорили и о внѣшней войнѣ, и о внутреннихъ безпорядкахъ; а въ Москвѣ прошелъ даже слухъ, что родился Антихристъ и что скоро должно быть свѣтопреставленіе. Я лично продолжалъ читать моихъ философовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ войны; для меня было безразлично, съ кѣмъ бы она ни была: я желалъ войны не ради какихъ-либо политическихъ цѣлей, а исключительно изъ желанія испытать новыя невѣдомыя мнѣ ощущенія. Наконецъ, война открылась за Австрію противъ Венгріи. Войны этой никто не ожидалъ, она была весьма не популярна вслѣдствіе нерасположенія и непріязни Русской арміи къ Австрійской. Разсказывали, что когда окончилась война и когда предположено было выбить медаль съ надписью: „*съ нами Богъ*“, для раздачи Русскимъ войскамъ, возникъ вопросъ: какую сдѣлать надпись на медаляхъ, назначаемыхъ для раздачи Австрійской арміи? Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, славившійся своими остротами, совѣтовалъ написать: „*Богъ съ вами*“.

Зимой 1848 года въ Петербургѣ началась холера и продолжалась все лѣто. Приказомъ по гвардейскому корпусу приказано было всѣмъ полкамъ и артилерійскимъ бригадамъ немедленно доносить прямо Государю о каждомъ заболѣвшемъ холерой офицерѣ и нижнемъ чинѣ. Рапорты Государю, по устано-

вленной формѣ, должны были начинаться: „имѣю счастіе донести“; такая форма была болѣе чѣмъ неудобна въ донесеніяхъ о заболѣвшихъ холерой. Помню, что когда Государь пріѣхалъ на пожаръ въ кавалергардскихъ казармахъ и когда дежурный по полку офицеръ отрапортовалъ ему по принятому порядку, что дежурство состоитъ благополучно, Его Величество, указавъ на огонь, назвалъ его дуракомъ. Въ родѣ того же могло случиться, еслибы въ рапортѣ Шварца Государю было написано: «*имѣю счастіе донести, что такой-то заболѣлъ холерой*». Чтобы заблаговременно, до появленія холерныхъ больныхъ, разъяснить это дѣло, я и нѣкоторые другіе полковые адъютанты обратились къ бывшему въ то время начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанту Витовтову съ просьбой дать намъ указанія, какъ должно въ этомъ случаѣ писать рапорты Государю. Витовтовъ не далъ намъ тотчасъ отвѣта, но черезъ нѣсколько дней отданъ былъ приказъ, что въ донесеніяхъ Государю о несчастныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать: „Всеподданнѣйше доношу“, а великому князю Михаилу Павловичу: „Всепреданнѣйше доношу“. Холерныхъ случаевъ въ гв. конной артилеріи зимой было очень мало, въ лагерѣ ихъ было больше; но съ ужасной силой разразилась холера въ 1-й батареѣ на другой день по выступленіи ея изъ лагеря: въ одну ночь заболѣло около 30 человѣкъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ ту же ночь умерли. Докторъ Волховской, бывшій при батареѣ, такъ струсилъ, что скрылся изъ батареи неизвѣстно куда; офицеры всю ночь не спали, подавая вмѣстѣ съ фельдшеромъ помощь больнымъ; наибольшую энергію выказалъ Левинъ, который за отсутствіемъ Кноринга командовалъ батареей.

Въ лагерѣ я жилъ въ Красномъ Селѣ близъ церкви и видѣлъ ежедневно до 20 похоронныхъ процессій, которыя проходили мимо моихъ оконъ; видъ этихъ процессій не производилъ на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ холеры я не боялся: въ саду моего хозяина было много малины и клубники,

которыхъ онъ самъ не ѣлъ, вслѣдствіе запрета докторовъ, а предоставилъ ихъ въ полное мое распоряженіе; я и пріѣзжавшіе ко мнѣ товарищи пользовались его позволеніемъ и ѣли фрукты болѣе чѣмъ когда-нибудь. Изъ офицеровъ нашихъ одинъ только, на лѣто прикомандированный къ конной артилеріи, Новиковъ такъ боялся холеры, что питался почти однимъ бульономъ, и у него одного была холера; всѣмъ же другимъ офицерамъ холера нисколько не мѣшала проводить время очень пріятно. Большинство изъ нихъ уѣзжали по праздникамъ въ Петербургъ, гдѣ холера была очень сильна: заболѣвало въ день до 1000 человѣкъ, изъ которыхъ выздоравливавшихъ бывало немного. Цѣна на дроги такъ возвысилась, что генералъ-губернаторъ установилъ таксу по 3 рубля за каждыя похороны, но чтобы получить дроги по таксѣ, нужно было ждать нѣсколько дней; тѣ же лица, которыя не хотѣли долго держать покойника въ квартирѣ, вынуждены были платить вдвое и втрое дороже. Поѣхавъ въ Петербургъ во время самой сильной холеры, я былъ пораженъ унылымъ видомъ города: отъ Петергофской заставы до моей квартиры, въ казармахъ гв. конной артилеріи, близъ Преображенскаго плаца, я встрѣтилъ около 15 похоронъ и ни одной кареты. Но, отправившись вечеромъ на острова, я замѣтилъ тамъ то же движеніе и оживленіе, какъ всегда: вездѣ гремѣла музыка; на Крестовскомъ островѣ пѣли Цыгане и кутили молодые купчики, а на минеральныхъ водахъ въ Новой Деревнѣ была масса народа и шли обыкновенныя представленія разныхъ фокусниковъ и гимнастовъ; всѣ, какъ будто, спѣшили веселиться до прихода непрошенной гостьи. Служба въ лагерѣ была весьма легкая, ученья продолжались недолго, большихъ маневровъ вовсе не было; нѣкоторые офицеры, не любившіе службы, говорили даже, что они были довольны холерой, такъ какъ она давала имъ возможность часто уѣзжать изъ лагеря на дачи.

Служа строевымъ офицеромъ въ 1-й батареѣ, я могъ коротко ознакомиться и сблизиться только съ товарищами, слу-

жившими въ одной со мной батареѣ; офицеровъ же другихъ батарей я видалъ рѣдко, а потому не могъ ихъ знать хорошо. Сдѣлавшись же адъютантомъ гв. конной артилеріи, я вступилъ невольно въ сношенія съ офицерами всѣхъ батарей и имѣлъ возможность оцѣнить нравственныя качества весьма многихъ изъ тѣхъ, которыхъ прежде почти не зналъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ я могу указать на Апостола Спиридоновича Костанду, который былъ очень любимъ Сумароковымъ, бывшимъ начальникомъ гв. артилеріи. Близость Костанды къ начальству, котораго я всегда сторонился, боясь, изъ неумѣстнаго самолюбія, быть заподозрѣннымъ въ угодливости, была причиной, что я рѣдко видался съ Костандой; но когда я его узналъ коротко и былъ свидѣтелемъ его благороднаго поступка въ исторіи Левина, то убѣдился, что если найдутся, можетъ быть, люди равные ему по благородству чувствъ, но людей лучше его нѣтъ. Затѣмъ я сдружился съ Рейнгольдомъ Петровичемъ Рейнталемъ, Николаемъ Семеновичемъ Корсаковымъ и Николаемъ Павловичемъ Эйлеромъ, душевныя качества которыхъ внушили мнѣ глубокое къ нимъ уваженіе. Были и еще нѣкоторые изъ моихъ товарищей, съ которыми я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; но объ этихъ послѣднихъ я умолчу, въ виду того, что дальнѣйшая ихъ дѣятельность показала мнѣ, что или они перемѣнились, или я въ нихъ ошибался.

Черта моего характера, претившая мнѣ сближеніе съ начальствомъ, была причиной одного курьезнаго тоста, предложеннаго генераломъ Милюковымъ на обѣдѣ, который ему давали офицеры конной артилеріи, по случаю его производства въ генералъ-лейтенанты и оставленія имъ должности начальника гв. конной артилеріи. Это было въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ; я былъ въ то время полковникомъ и состоялъ по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ и спичей, произнесенныхъ на этомъ обѣдѣ съ восхваленіями Милюкову, разговоры оживились, на-

чали придумывать разные тосты. Милюковъ, въ свою очередь, всталъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: „Вы были такъ добры, господа, указали въ вашихъ спичахъ на многія мои качества и даже на такія, которыхъ я въ себѣ не подозрѣвалъ; но вы забыли одно изъ нихъ, о которомъ позволю себѣ вамъ напомнить: противъ меня сидитъ нашъ сослуживецъ Щербачевъ, который въ теченіе всей своей службы постоянно бранился съ начальствомъ, со мной же никогда!" Всѣ разсмѣялись. Я ему отвѣчалъ, что съ хорошими начальниками я никогда не ссорился и въ примѣръ привелъ рядомъ съ нимъ сидѣвшаго вице-директора Артилерійскаго Департамента генералъ-маіора Соловцова, бывшаго въ то время моимъ начальникомъ. Соловцовъ на это замѣтилъ, что ему трудно было со мной ссориться, такъ какъ онъ меня видитъ всего второй разъ, послѣ того какъ я поступилъ на службу въ Департаментъ.

Всю зиму съ 1848 года на 1849 г. я провелъ, сидя по утрамъ въ канцеляріи или въ кругу моихъ товарищей, заходившихъ ко мнѣ послѣ ученій, а по вечерамъ читая моихъ любимыхъ философовъ. Наконецъ, открылась Венгерская кампанія, и стали поговаривать, что двинутъ гвардейскій корпусъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи. Большинство офицеровъ радовалось предстоящему походу; но были и такіе, которые подумывали какъ бы уклониться отъ него; я былъ въ числѣ первыхъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался всѣми приготовленіями къ походу. Великимъ постомъ была наконецъ объявлена мобилизація, то есть поручено было батарейнымъ командирамъ купить лошадей для обозовъ. Въ это время Левинъ былъ уже командиромъ 2-й легкой батареи; не зная толка въ лошадяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не желая подвергаться нареканіямъ, что онъ оставилъ у себя въ карманѣ часть отпущенной на покупку лошадей суммы, онъ просилъ Шварца поручить покупку лошадей для 2-й батареи офицеру образцовой конной батареи Цеймерну. Шварцъ исполнилъ его просьбу, и Левинъ не только не сдѣлалъ на ку-

пленныхъ лошадяхъ ни малѣйшей экономіи, какъ это сдѣлали другіе батарейные командиры, но къ отпущенной суммѣ приложилъ даже свои деньги. Шварцъ это зналъ, но не взлюбивъ Левина за его прямой и несдержанный характеръ, онъ сдѣлалъ, при осмотрѣ лошадей 2-й батареи, много замѣчаній и намекнулъ, что лошади не стоили тѣхъ денегъ, которыя были отпущены на ихъ покупку. Эта безтактная выходка послужила первымъ поводомъ къ возбужденію въ Левинѣ ненависти и вражды къ Шварцу; при самолюбивомъ же, горячемъ и въ высшей степени благородномъ характерѣ Левина, можно было съ увѣренностью сказать, что зароненная искра ненависти къ Шварцу въ сердцѣ Левина не только не потухнетъ, но разгорится и дастъ сильное пламя, что̀ въ дѣйствительности и случилось.

Выступленіе гвардейскаго корпуса въ походъ началось эшелонами въ самомъ началѣ мая 1849 года. Ежедневно выступалъ ешелонъ, состоявшій изъ одного полка или изъ двухъ и трехъ батарей. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣзжалъ обыкновенно къ заставѣ и пропускалъ мимо себя выступавшіе ешелоны съ ихъ обозами; денщикамъ и лакеямъ офицеровъ приказано было идти въ двѣ шеренги позади обозовъ. Первый выступившій въ походъ Семеновскій полкъ Великій Князь сильно распекъ за то, что денщики и лакеи не только прошли не въ ногу мимо него, но нѣкоторые сняли фуражки и раскланялись съ нимъ. На другой же день по выступленіи этого полка, Шварцъ отдалъ приказъ, чтобы денщики и лакеи ежедневно по утрамъ собирались въ манежъ и обучались маршировкѣ. Распоряженіе это вызвало неудовольствіе многихъ офицеровъ, имѣвшихъ только одну прислугу: имъ приходилось оставаться по утру безъ чая и съ невыметенными полами, а подчасъ и съ невычищенными сапогами и платьемъ. Съ однимъ офицеромъ 2-й легкой батареи Рейнталемъ былъ такой случай. Назначенный идти квартирьеромъ, онъ спѣшилъ укладывать свои вещи и послалъ лакея Нѣмца купить въ лавочкѣ веревку. Лакей побѣжалъ и

забывши надѣлъ денщичью фуражку, между тѣмъ какъ платье его было штатское. Къ несчастію, въ то время какъ онъ вышелъ изъ подъѣзда, ѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ; увидавъ его, онъ остановился, подозвалъ къ себѣ и узналъ, что онъ лакей Рейнталя. Не прошло двухъ или трехъ часовъ послѣ этой встрѣчи, какъ я получилъ изъ штаба гвардейскаго корпуса конвертъ съ припечатаннымъ къ нему перомъ, что̀ означало наинужнѣйшую бумагу, въ которомъ было объяснено, что Великій Князь встрѣтилъ лакея Рейнталя, одѣтаго не по формѣ, за что Его Высочество приказалъ немедленно посадить Рейнталя на одинъ день на гауптвахту, а съ лакея взыскать по усмотрѣнію генерала Шварца. Когда я доложилъ объ этомъ Шварцу, онъ приказалъ мнѣ тотчасъ же отвести Рейнталя подъ арестъ, а лакея велѣлъ высѣчь розгами на другой день поутру, въ присутствіи всѣхъ денщиковъ и офицерскихъ лакеевъ, которыхъ собрать для этого въ манежѣ. Я объяснилъ Шварцу, что лакей Рейнталя—Нѣмецъ; на это онъ сказалъ: „тѣмъ лучше, пусть Нѣмецъ попробуетъ Русскихъ розогъ“. Нечего говорить, что Рейнталь былъ поставленъ въ весьма непріятное положеніе; уѣзжая изъ Петербурга на неопредѣленное время, онъ не имѣлъ возможности распорядиться своими дѣлами, такъ какъ прямо съ гауптвахты долженъ былъ на другой день выступить въ походъ съ квартирьерами.

Весь походъ, я и Барановъ (казначей гв. конной артилеріи) ѣхали съ Шварцемъ въ его коляскѣ; канцелярія же и наши вещи, а также и верховыя лошади шли въ бригадномъ обозѣ, которымъ завѣдывалъ берейторъ гв. конной артилеріи Михайловъ. По выступленіи изъ Петербурга Шварцъ находился при эшелонѣ, въ которомъ были гвардейскій конно-піонерный дивизіонъ и 2-я легкая батарея подъ командой Левина. Квартирьеры 2-й батареи отводили намъ квартиры, и въ то время какъ батарея дѣлала переходъ верхомъ, мы съ Шварцемъ переѣзжали въ коляскѣ съ одной станціи на другую. Въ большихъ

же городахъ, какъ Дерптъ, Рига, Шварцъ останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время, и затѣмъ мы догоняли нашъ ешелонъ на почтовыхъ лошадяхъ. Слѣдованіе Шварца при 2-й батареѣ было чрезвычайно непріятно Левину, чтó онъ и старался всячески ему выразить. Хотя я былъ очень друженъ съ Левинымъ, но по чувству справедливости я долженъ сказать, что нѣкоторыя выходки Левина относительно Шварца были болѣе чѣмъ неумѣстны; укажу на слѣдующія двѣ. Обозъ Шварца, въ которомъ были его верховыя и упряжныя лошади, шелъ съ обозомъ 2-й батареи; когда понадобилось ковать лошадей Шварца, Михайловъ, ими завѣдывавшій, послалъ за кузнецомъ 2-й батареи; кузнецъ лошадей подковалъ, но платы за ковку не получилъ. Когда Левинъ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ ковать лошадей Шварца не иначе, какъ по полученіи платы за ковку впередъ. Берейторъ Михайловъ страшно боялся Шварца; когда кузнецъ объявилъ ему о распоряженіи Левина, онъ пришелъ ко мнѣ и умолялъ меня уладить это дѣло, говоря, что за двѣ подковы онъ отдалъ уже свои деньги, но Шварцу не смѣетъ объ этомъ доложить. По просьбѣ моей, Левинъ согласился отмѣнить отданное имъ приказаніе, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы я сказалъ Шварцу, что онъ, наравнѣ съ другими офицерами, обязанъ платить батарейнымъ кузнецамъ за ковку его лошадей. Я обѣщалъ исполнить требованіе Левина; но вопросъ былъ такъ щекотливъ, что я не зналъ, какъ затронуть его, говоря съ Шварцемъ. Я рѣшился поступить такимъ образомъ: написавъ счетъ отъ имени кузнеца за ковку его лошадей и включивъ въ тотъ же счетъ и ковку моей лошади, я представилъ его Шварцу съ удостовѣреніемъ Михайлова, что счетъ вѣренъ и, сказавъ ему, что за ковку моей лошади я уже уплатилъ, просилъ указать, къ кому я долженъ препроводить счетъ для уплаты за ковку его лошадей? Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито и велѣлъ передать счетъ казначею, что я и сдѣлалъ, написавъ при этомъ форменную записку, что генералъ Шварцъ приказалъ уплатить слѣдующія по этому счету деньги.—Другая выходка Левина заключалась

въ томъ, что на одномъ изъ переходовъ было только двѣ офицерскія квартиры; одну квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ, заняли Шварцъ и я съ Барановымъ, а другая квартира, состоявшая изъ одной комнаты, была отведена Левину и всѣмъ офицерамъ батареи. Такое тѣсное помѣщеніе чрезвычайно разсердило Левина; онъ явился къ Шварцу и, объяснивъ ему, что онъ отнимаетъ квартиру у батареи, горячо доказывалъ, что было бы лучше и для него, и для батареи, если бы онъ и штабъ его уѣхали куда-нибудь подальше. Шварцъ отвѣчалъ сдержанно, и черезъ два дня мы уѣхали въ Дерптъ, гдѣ прожили двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени черезъ городъ прошла 2-я батарея, и одинъ изъ ея офицеровъ кн. В. былъ обокраденъ, какъ я уже говорилъ. Узнавъ эту исторію, Шварцъ, въ разговорѣ со мной, хотѣлъ сложить всю вину на кн. В. и на Левина; но будучи друженъ съ обоими этими офицерами и зная ихъ за благороднѣйшихъ людей, я далъ сильный отпоръ Шварцу, сказавъ, между прочимъ, что честь ихъ, въ безупречности которой я увѣренъ, мнѣ также дорога̀, какъ моя собственная и что я готовъ защищать ее также, какъ свою. Хотя Шварцъ зналъ и прежде, что я былъ друженъ съ Левинымъ и вслѣдствіе этого ко мнѣ не благоволилъ, но разговоръ этотъ сдѣлалъ его окончательно моимъ врагомъ. Весь походъ, который продолжался около полугода, я и Барановъ постоянно обѣдали у Шварца, ѣхали въ одномъ экипажѣ съ нимъ и нерѣдко по вечерамъ пили у него чай; но, не смотря на это, я не только не сблизился съ нимъ, но напротивъ отдалился отъ него.

Не зная, когда вернется гвардейскій корпусъ въ Петербургъ, большинство офицеровъ взяло съ собой довольно большія суммы денегъ, вслѣдствіе чего, въ каждомъ городѣ, черезъ который проходили войска, были страшные кутежи. Говорили, что въ Ригѣ гвардейскіе офицеры выпили такое количество шампанскаго, какое прежде расходовалось въ теченіи цѣлаго года; немалый доходъ доставили офицеры и разнымъ увеселитель-

нымъ заведеніямъ. Хотя я и Барановъ были скромные люди, но и мы, живя въ Ригѣ, заразились общимъ стремленіемъ къ кутежамъ и возвращались иногда домой только утромъ, въ то время когда писаря сидѣли уже за работой, а Шварцъ пилъ утренній чай. Изъ Риги мы поѣхали съ Шварцемъ въ Вильну, гдѣ прожили около полутора мѣсяца, а затѣмъ Гёрги сдался, Венгерская кампанія окончилась, и гвардейскому корпусу было предписано двинуться обратно въ Петербургъ. На обратномъ пути кутежей было менѣе, такъ какъ денегъ у офицеровъ поубавилось. Мы съ Шварцемъ ѣхали на почтовыхъ, остановились только въ Динабургѣ, гдѣ должно было ночевать тѣло покойнаго великаго князя Михаила Павловича, скончавшагося во время похода и перевозимаго въ Петербургъ. Помню, что въ церемоніалѣ встрѣчи тѣла, составленномъ Динабургскимъ комендантомъ, сказано было, что въ теченіи ночи, которую тѣло проведетъ въ соборѣ, при немъ должны стоять на часахъ офицеры въ полной траурной формѣ, съ вынутыми саблями и въ каскахъ на головахъ. Первыми часовыми при тѣлѣ были я и одинъ конно-піонерный офицеръ; намъ показалось весьма страннымъ приказаніе коменданта быть въ церкви въ каскахъ и съ вынутыми саблями, и мы рѣшились ослушаться его приказанія, за что не получили отъ него никакого замѣчанія. Панихиду въ соборѣ служили Уніатскіе священники, которые только передъ тѣмъ были присоединены къ Православію; провозглашая *вѣчную память*, одинъ изъ нихъ ошибся и вмѣсто *Михаила Павловича* помянулъ *Николая Павловича*. Надобно было видѣть, какъ поразила эта ошибка всѣхъ бывшихъ въ соборѣ, да и самъ священникъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно и остановилъ службу; наконецъ оправившись, онъ исправилъ свою ошибку и кончилъ панихиду въ большомъ волненіи.

Пробывъ въ походѣ около шести мѣсяцевъ, я вернулся въ Петербургъ безъ особенной радости. Время, проведенное мной въ походѣ, показалось мнѣ пріятнымъ сновидѣніемъ; но желаніе мое испытать ощущенія боевой службы не исполнилось.

Въ Петербургѣ жизнь моя пошла по обычной колеѣ: поутру канцелярскія занятія и докладъ Шварцу, вечеромъ чтеніе философовъ и изрѣдка—театръ. Отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ я отсталъ, не бывши у нихъ около двухъ лѣтъ, за исключеніемъ Ольги С......, которую я иногда видалъ и которая, своимъ дружескимъ ко мнѣ расположеніемъ, умѣла поддержать во мнѣ надежду на лучшее будущее. Я сталъ уже забывать прошлое и ожидалъ возвращенія Левина изъ похода, чтобы устроить нашу жизнь съ нимъ, по возможности, веселѣе и разнообразнѣе, но увы! планамъ моимъ не суждено было исполниться: въ день возвращенія батареи Левина въ Петербургъ, онъ имѣлъ съ Шварцемъ исторію, вслѣдствіе которой долженъ былъ навсегда уѣхать изъ Петербурга. Исторія эта была слѣдующая.

Императоръ Николай Павловичъ встрѣчалъ ежедневно на Адмиралтейской площади полки и батареи, возвращавшіеся изъ похода. Изъ батарей конной-артилеріи первая вступившая была батарейная батарея; за ней, черезъ нѣсколько дней, должна была вступить 2-я легкая, которою командовалъ Левинъ. Батарейная батарея прошла мимо Государя справа въ одно орудіе, имѣя ящики и номера за орудіями; когда вступала 2-я легкая батарея, Левинъ обратился къ Шварцу съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ должна проходить батарея мимо Государя. Шварцъ отвѣчалъ: „во фланговомъ порядкѣ въ одно орудіе“; во фланговомъ же порядкѣ номера должны быть сомкнуты и ящики съ бока орудій. Когда батарея прошла въ этомъ видѣ, Государь обратилъ вниманіе на разницу въ строяхъ двухъ конныхъ батарей и указалъ на это Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, бывшему въ то время главнокомандующимъ гвардейскими корпусами. Его Высочество спросилъ у Шварца, почему батареи прошли не въ одинаковомъ строю, и Шварцъ всю вину сложилъ на Левина. По окончаніи смотра, начальники частей приглашались обыкновенно во дворецъ, на тотъ случай, если бы Государю Императору угодно было сдѣлать

какія-либо замѣчанія; на этотъ разъ приглашенъ былъ и Левинъ во дворецъ. Войдя въ залу, онъ увидалъ Шварца, который говорилъ очень горячо съ Сумароковымъ и Мерхелевичемъ; подойдя ближе, онъ явственно услыхалъ, что Шварцъ называлъ его ослушникомъ его приказаній и человѣкомъ, который постоянно умничаетъ. Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Левинъ въ одно мгновеніе очутился передъ Шварцемъ и, махая пальцемъ передъ его носомъ, назвалъ его подлецомъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ (а другіе говорятъ, что онъ назвалъ его лжецомъ). Сумароковъ схватилъ Левина за руку и съ помощью Мерхелевича выпроводилъ его изъ дворца. Левинъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что едва могъ говорить; выпивъ нѣсколько стакановъ воды, онъ поѣхалъ отъ меня къ князю Ильѣ Андреевичу Долгорукову, бывшему въ то время начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, разсказалъ ему о случившемся и просилъ его заступничества. Князь Долгоруковъ, зная Левина съ хорошей стороны, обѣщалъ ему свою защиту и предложилъ батарею на Кавказѣ. Левинъ конечно согласился, и черезъ нѣсколько дней онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й батареи Кавказской гренадерской артилерійской бригады.

Левинъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; всѣ офицеры глубоко его уважали и рѣшили сдѣлать ему проводы, достойные той любви и уваженія, которыми онъ пользовался въ средѣ товарищей. Меня просили заказать серебрянный кубокъ, который хотѣли поднести ему на обѣдѣ отъ всѣхъ офицеровъ гвардейской конной артилеріи; затѣмъ офицеры его батареи заказали для него Кавказскую шашку съ великолѣпнымъ клинкомъ. Наконецъ, рѣшено было въ день отъѣзда проводить его всѣмъ офицерамъ до Краснаго Кабачка; но явились такія препятствія, которыхъ никто не ожидалъ. Въ ночь того дня, въ который назначенъ былъ обѣдъ Левину, получено было приказаніе начальника артилеріи Сумарокова собраться всѣмъ офицерамъ

гвардейской конной артилеріи у него на квартирѣ къ 10 часамъ утра. Когда всѣ собрались, Сумароковъ сказалъ весьма несвязную, но энергическую рѣчь, въ которой объяснилъ, что такъ какъ Левинъ провинился противъ начальства, то офицеры не должны давать ему обѣда, и что если кто-нибудь изъ офицеровъ будетъ въ этотъ день обѣдать вмѣстѣ съ Левинымъ, то онъ переведетъ его въ армію; при этомъ онъ очень выразительно постучалъ объ полъ палкой, съ которой всегда ходилъ вслѣдствіе болѣзни или раны въ ногѣ. Озадаченные такой рѣчью Сумарокова, офицеры не знали, что дѣлать; наконецъ, нѣкоторые рѣшили не обращать вниманія на слова Сумарокова и ѣхать обѣдать къ Жоржу, у котораго заказанъ былъ обѣдъ; но распорядитель обѣда объяснилъ, что, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, Жоржъ извѣстилъ его, что не можетъ приготовить заказаннаго ему въ этотъ день обѣда. Тогда одинъ изъ офицеровъ, Игнатьевъ, предложилъ сдѣлать Левину не обѣдъ, а вечеръ съ ужиномъ въ его квартирѣ. Всѣ согласились, и я извѣстилъ о томъ Левина. Вернувшись домой, я былъ очень доволенъ, что безтактный поступокъ Сумарокова не устрашилъ офицеровъ, а напротивъ далъ имъ возможность лучшимъ еще образомъ доказать Левину ихъ расположеніе и уваженіе; но едва я вошелъ къ себѣ въ комнату, какъ увидалъ одного офицера, съ которымъ я былъ друженъ и котораго зналъ за хорошаго человѣка и товарища; онъ мнѣ объявилъ, что хотя онъ вполнѣ уважаетъ Левина, но не хочетъ черезъ него портить себѣ служебную карьеру, а потому онъ просилъ меня не выставлять на серебрянномъ кубкѣ его фамиліи и исключить его изъ числа тѣхъ, которые участвуютъ въ сегодняшнемъ вечерѣ. Заявленіе это меня ужасно разсердило и вызвало весьма рѣзкій отвѣтъ; но затѣмъ пришли еще два или три офицера съ тою же просьбой, и я успокоился тѣмъ, что нашлось немного такихъ офицеровъ. Дѣйствительно, на вечерѣ были почти всѣ офицеры гвардейской конной артилеріи, находившіеся въ Петербургѣ; изъ батарейныхъ командировъ былъ только Кнорингъ, а изъ старшихъ офицеровъ пріѣхалъ даже Костанда,

не смотря на то, что онъ былъ очень близкимъ лицемъ къ Сумарокову и стоялъ по спискамъ первымъ кандидатомъ на полученіе гвардейской батареи. Этотъ поступокъ А. С. Костанды офицеры оцѣнили очень высоко; въ немъ проявились благородное сердце и товарищеское чувство Апостола Спиридоновича; во мнѣ же онъ возбудилъ живѣйшую благодарность, такъ какъ я любилъ Левина и не могъ не сочувствовать всему, что дѣлалось для него.

Левинъ уѣхалъ на Кавказъ въ началѣ 1850 года. Мнѣ горько было съ нимъ разстаться, такъ какъ въ дружбѣ его я находилъ немало утѣшенія въ горькія минуты моей жизни; Ольга же С... была въ отчаяніи и не скрывала этого отчаянія отъ мужа, который въ припадкѣ негодованія позволилъ себѣ весьма грубо къ ней отнестись. Тогда она рѣшилась оставить мужа и уѣхать за-границу съ сыномъ, для котораго, какъ говорили врачи, Петербургскій климатъ былъ вреденъ. Такимъ образомъ, почти одновременно, я лишился двухъ лучшихъ моихъ друзей, вслѣдствіе чего мнѣ было такъ непріятно видѣть каждый день человѣка, который вызвалъ исторію Левина, что я рѣшился отказаться отъ адъютантской должности и, подавъ рапортъ объ отчисленіи меня въ строй, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву. Меня назначили сначала въ 3-ю легкую батарею, а затѣмъ перевели въ 1-ю легкую, въ которой я служилъ до назначенія меня адъютантомъ. Въ это время Кнорингъ получилъ другое высшее назначеніе, а первой батареей командовалъ Овсянниковъ, съ которымъ я не поладилъ, какъ уже говорилъ.

Прослуживъ въ батареѣ не болѣе одного лагеря, я совершенно оставилъ строевую службу и получилъ мѣсто въ Артилерійскомъ отдѣленіи Военнаго Ученаго Комитета, съ оставленіемъ по гвардейской конной артилеріи. Въ новой моей службѣ, и начальство, и сослуживцы мои оказались прекрасными людь-

ми; я почувствовалъ себя какъ бы въ раю послѣ тѣхъ треволненій, которыя я испыталъ служа съ Шварцемъ. Но надобно сказать, что испытанныя мной треволненія имѣли для меня и хорошую сторону: они мало-по-малу залѣчили раны моего сердца, успокоили мое воображеніе и охладили порывистость моихъ чувствъ; я сдѣлался человѣкомъ нормальнымъ.

До отъѣзда Ольги С... за-границу, я бывалъ у ней очень часто; послѣ же ея отъѣзда я возобновилъ нѣкоторыя изъ старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ новыя. Объ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, заставившихъ снова заговорить мое сердце, я скажу нѣсколько словъ.

Товарищъ мой Владиміръ Павловъ предложилъ мнѣ однажды поѣхать вечеромъ къ его брату Николаю, котораго я зналъ когда онъ былъ на школьной скамьѣ и который пріѣхалъ съ семействомъ изъ Москвы, чтобъ провести зиму въ Петербургѣ. Я согласился; мы застали тамъ цѣлое общество. Хозяйка дома, какъ умная и пріятная женщина, умѣла занять всѣхъ. Меня она познакомила съ ея родственницей, которую я буду называть Sophie. Sophie была очень миловидная блондинка, съ томными сѣрыми глазами и самыми скромными манерами; проговоривъ съ ней цѣлый вечеръ, я былъ въ восторгѣ отъ нея. Передъ ужиномъ пріѣхалъ мужъ ея, съ которымъ она меня познакомила и который меня пригласилъ къ себѣ. Воспользовавшись черезъ нѣсколько дней его приглашеніемъ, я засталъ Sophie одну дома, и этотъ визитъ рѣшилъ судьбу моего сердца: я почувствовалъ, что оно вновь заговорило. Но на этотъ разъ я рѣшился быть осторожнѣе. Понимая, что во мнѣ только зародышъ любви къ Sophie, уничтожить который было бы нетрудно, если бы я рѣшился прекратить съ ней знакомство, я написалъ ей письмо, въ которомъ, объяснивъ мою любовь, просилъ сказать откровенно, могу ли я разсчитывать на взаим-

ность или нѣтъ; если нѣтъ, то я давалъ слово, что никогда болѣе ея не увижу; если же да, то я просилъ мнѣ написать въ отвѣтъ на мое письмо только одно слово: venez. Желаемое слово было написано, и жизнь моя получила для меня новую прелесть. Сначала Sophie конфузилась и какъ бы чуждалась меня, но мало-по-малу она убѣдилась въ моей горячей любви къ ней и вполнѣ ввѣрилась мнѣ, умоляя только, чтобы я не требовалъ отъ нея измѣны ея супружескимъ обязанностямъ. Когда я далъ ей слово удерживать порывы моей страсти, она стала мнѣ назначать свиданія безъ свидѣтелей. Иногда, зная, что я пріѣду, она оставалась дома подъ предлогомъ зубной боли, а мужъ уѣзжалъ въ театръ; въ другой разъ она ѣздила въ книжный магазинъ для перемѣны книгъ, на которыя была абонирована, и я просиживалъ съ ней въ магазинѣ два и три часа времени; я бывалъ вездѣ, гдѣ могъ ее встрѣтить: въ театрахъ, концертахъ, маскарадахъ, и вездѣ она устроивала такъ, что я могъ говорить съ ней наединѣ. Кромѣ нея я ни о комъ и ни о чемъ не думалъ; если я ея не видалъ нѣсколько дней, я считалъ себя несчастнымъ человѣкомъ и отправлялся къ ея теткѣ (съ которой познакомился), чтобы узнать, не больна ли она. Зима прошла незамѣтно; я былъ веселъ, счастливъ, доволенъ. Наконецъ, настало лѣто, Sophie должна была съ мужемъ ѣхать въ деревню. Прощаясь со мною, наканунѣ дня своего отъѣзда, она дала мнѣ свой портретъ и заплакала; слезы ея произвели на меня чарующее дѣйствіе; онѣ служили доказательствомъ ея любви; я былъ счастливъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было горько съ ней разстаться.

По отъѣздѣ Sophie я переѣхалъ на дачу въ Павловскъ, гдѣ жили многіе мои знакомые; въ числѣ ихъ была одна молодая и красивая вдова, которая обладала немалой дозой кокетства. Живя у желѣзныхъ воротъ близъ вокзала, она просила меня заходить за ней, каждый разъ какъ я буду идти въ вокзалъ на музыку. Сначала я заходилъ, но въ вокзалъ попадалъ съ ней

Bayerische
Staatsbibliothek
München

рѣдко: она увѣряла, что у ней болитъ голова, ложилась на кушетку въ граціозной позѣ и умоляла меня не оставлять ее одну больную. Я обыкновенно сидѣлъ, не зная что̀ дѣлать и что говорить съ ней; наконецъ, чтобъ выйти изъ глупаго положенія, въ которое она меня ставила, я рѣшился ей сказать, что я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ ее полюбить, но увы! не могу, потому что люблю другую женщину. Она очень удивилась моему признанію и хотѣла непремѣнно знать, кто была эта женщина; я ей, конечно, не сказалъ и, идя въ вокзалъ, къ ней болѣе не заходилъ. Возвратившись однажды изъ Петербурга, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней по службѣ, я нашелъ у себя записку вдовы, въ которой она просила меня зайти къ ней тотчасъ, какъ я вернусь въ Павловскъ, для переговоровъ по весьма важному дѣлу. Не понимая, какое могло быть это дѣло, я пошелъ къ ней и встрѣтилъ ее въ паркѣ; мы вошли въ гротъ и сѣли на скамейкѣ. „Вы очень любите ту женщину, о которой вы мнѣ говорили?“ спросила меня вдова. Я отвѣчалъ, что да, и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. „Дѣйствительно, она очень мила, продолжала вдова; у нея хотя и сѣрые, но чудные глаза, а цвѣтъ ея волосъ имѣетъ такой прелестный оттѣнокъ, который я рѣдко видала у блондинокъ; что̀ относится до ея ума, любезности и душевныхъ качествъ, то конечно вы знаете ихъ лучше меня, но“... „О комъ вы говорите?“ спросилъ я ее.—„О предметѣ вашей страсти, который увы! далеко теперь отъ васъ“. Пораженный сходствомъ съ Sophie описанія сдѣланнаго вдовой, я не могъ понять, откуда она могла узнать, что я люблю Sophie. „Вы такъ хорошо описали наружность женщины, которую я люблю, сказалъ я, что вамъ, нѣтъ сомнѣнія, должны быть извѣстны и ея душевныя качества“.—„Да, съ язвительной насмѣшкой, отвѣчала вдова: мнѣ извѣстно, что эта женщина васъ не любитъ, а любитъ другаго, что она не стѣсняясь обманывала своего мужа, а теперь еще менѣе стѣсняется обманывать васъ“. При этомъ она подала мнѣ письмо, какъ доказательство того, что̀ она говорила. Кровь бросилась мнѣ въ голову; я взялъ нерѣшительно письмо, и каково

же было мое удивленіе, когда я увидалъ почеркъ Ольги С... Прочитавъ его, я ровно ничего не понялъ; въ немъ Ольга С... описываетъ одной своей пріятельницѣ любовь ея къ Левину и между прочимъ намекаетъ на какого-то господина, который въ нее влюбленъ, но на котораго она не обращаетъ никакого вниманія. Недоумѣвая, что все это значитъ, я спросилъ вдову, откуда она взяла письмо, которое дала мнѣ прочесть. „Это не ваше дѣло, отвѣчала она; но увѣрены ли вы теперь въ томъ, что любимая вами женщина васъ обманываетъ, и съ кѣмъ же? Съ вашимъ другомъ, ради котораго вы готовы были пожертвовать своей карьерой? Мнѣ жаль васъ, продолжала она, но для лѣченія вашей болѣзни нужно было сильное средство; я его нашла и надѣюсь, что вы меня поблагодарите за него“. Слушая вдову, я сообразилъ, что она мнѣ описала Ольгу С..., которую, по случайному сходству съ Sophie, я принялъ за эту послѣднюю, и что она вдова и не подозрѣваетъ о существованіи Sophie, а воображаетъ, что я влюбленъ въ Ольгу С... Сообразивъ все это, я рѣшился оставить ее въ пріятномъ заблужденіи и при послѣднихъ ея словахъ, что я долженъ ее поблагодарить, въ избыткѣ внутренняго удовольствія, самъ не знаю какъ случилось, поцѣловалъ ея руку. Она меня нѣжно обняла и отвѣтила поцѣлуемъ. Поцѣлуй ея меня такъ сказать отрезвилъ: я понялъ мое положеніе и быстро ушелъ изъ грота, оставивъ вдову одну. Многимъ покажется невозможнымъ, чтобы молодой человѣкъ могъ такъ испугаться объятій хорошенькой женщины, какъ я это сдѣлалъ, а между тѣмъ фактъ этотъ вѣренъ; онъ объясняетъ характеръ мой того времени. Любя женщину, я считалъ безчестнымъ быть ей невѣрнымъ не только дѣломъ или словомъ, но даже мыслью или желаніемъ; въ физическомъ увлеченіи я видѣлъ профанацію чувства и неуваженіе къ той, которую люблю. Вообще, не смотря на всѣ мои романическія неудачи, я продолжалъ смотрѣть на женщинъ глазами Жоржъ-Занда и былъ противникомъ мнѣнія о нихъ Бальзака.

На другой день послѣ моего свиданія со вдовой я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ узналъ, что меня назначили дѣлопроизводителемъ коммиссіи, учрежденной для производства сравнительныхъ опытовъ надъ тонкостѣнными и толстостѣнными картечными гранатами. Опыты эти должны были рѣшить споръ, возникшій между начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера генераломъ Безакомъ и начальникомъ гв. артилеріи генераломъ Сумароковымъ, высказавшими два различныхъ мнѣнія. Членами коммиссіи назначены были нѣкоторые изъ гвардейскихъ артилерійскихъ командировъ частей и членъ Артилерійскаго отдѣленія Военно-Ученаго Комитета генералъ Баранцевъ. Опыты должны были производиться на Волковомъ полѣ ежедневно, вслѣдствіе чего я долженъ былъ переѣхать изъ Павловска въ Петербургъ. Опыты продолжались около полугода и окончились торжествомъ мнѣнія Безака.

Говоря объ этихъ опытахъ и о разногласіяхъ между артилерійскими генералами, я позволю себѣ привести здѣсь разсказъ одного офицера гв. конной артилеріи, въ которомъ онъ старался охарактеризовать главныхъ артилерійскихъ дѣятелей того времени. Разсказъ этотъ слѣдующій. Въ штабѣ генералъ-фельдцейхмейстера возникъ вопросъ: дѣйствительно ли $2 \times 2 = 4$? Въ виду того, что вопросъ этотъ еще не обсуждался въ артилерійскомъ вѣдомствѣ и офиціально не рѣшенъ, во избѣжаніе недоразумѣній и разногласія между начальниками артилерійскихъ частей, начальникъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера генералъ Безакъ обратился въ артилерійское отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, прося разсмотрѣть этотъ вопросъ всесторонне и сообщить о немъ свое заключеніе. Артилерійское отдѣленіе, исполнивъ порученіе начальника штаба, отвѣчало: что по всѣмъ даннымъ, имѣющимся въ отдѣленіи, $2 \times 2 = 4$; но для большей убѣдительности, оно полагаетъ полезнымъ произвести нѣкоторыя практическія изысканія и опыты при штабѣ артилеріи дѣйствующей арміи и при гвардейской артилеріи, поручивъ начальнику

артилеріи дѣйствующей арміи генералу Геленшмитду и начальнику гвардейской артилеріи генералу Сумарокову высказать ихъ мнѣнія. Начальникъ штаба согласился съ мнѣніемъ артилерійскаго отдѣленія и по окончаніи предписанныхъ опытовъ получилъ отъ гг. Геленшмидта и Сумарокова слѣдующіе отзывы. Первый сообщалъ, что отпускъ суммы денегъ на производство опытовъ при штабѣ артилеріи дѣйствующей арміи такъ малъ, что онъ не могъ въ обширныхъ размѣрахъ произвести порученные ему опыты и хотя онъ полагаетъ, что 2×2 дѣйствительно =4, но для окончательнаго рѣшенія этого вопроса онъ считаетъ нужнымъ ходатайствовать объ отпускѣ ему новой суммы денегъ, показанной въ прилагаемой вѣдомости. Генералъ же Сумароковъ отвѣчалъ, что его практическая опытность и многолѣтняя служба привели его къ полному убѣжденію, что 2×2 никогда не равнялась 4, а всегда было =5, о чемъ онъ и проситъ отдать въ приказахъ по артилеріи, чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался. Вѣчно жаловавшійся на недостатокъ денегъ Геленшмидтъ и упрямый Сумароковъ очерчены въ этомъ разсказѣ очень вѣрно.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Sophie пріѣхала изъ деревни; наши свиданія съ ней возобновились, она была очень нѣжна со мной, и я былъ вполнѣ счастливъ; но, тяготясь видѣться съ ней при свидѣтеляхъ, мы условились, что по вечерамъ она будетъ ставить лампу на столикѣ у втораго окна, когда она будетъ дома одна, а если у ней будутъ гости, или мужъ ея будетъ дома, то лампа должна оставаться на ея мѣстѣ на столѣ передъ диваномъ. Сдѣлавъ эти условія, я сталъ каждый день около 8 часовъ вечера ѣздить на Садовую, гдѣ жила Sophie, чтобы наблюдать за лампою. Первое время она часто появлялась у окна, и я спѣшилъ войти къ Sophie и проводилъ съ ней цѣлый вечеръ; но мало-по-малу лампа стала все рѣже и рѣже перемѣщаться къ окну; я былъ въ отчаяніи и съ грустью на сердцѣ уѣзжалъ домой. Sophie объяснила мнѣ, что она не можетъ ча-

сто принимать меня, потому что одинъ родственникъ ея мужа влюбился въ нее и, подозрѣвая, что опа любитъ меня, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ. Хотя я его не терплю, прибавила Sophie, но боюсь, чтобъ онъ не наговорилъ чего нибудь на меня мужу, и тогда намъ пришлось бы совсѣмъ прекратить наши свиданія. Эти слова Sophie мнѣ очень не понравились; я ей отвѣчалъ, что какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ ней, но если это нужно для ея семейнаго счастья, то я готовъ сейчасъ же на всегда съ ней проститься. „Нѣтъ, сказала она, я не могу жить безъ твоей любви; будемъ видаться по прежнему, я разскажу мужу о любви его родственника ко мнѣ и тѣмъ возбужу недовѣріе къ его словамъ, если бы онъ вздумалъ что нибудь говорить обо мнѣ“. Лампа стала снова появляться у окна также, какъ и прежде; просиживая у Sophie по нѣскольку часовъ, я видѣлъ ея любовь ко мнѣ въ каждомъ взглядѣ, словѣ, движеніи; счастье мое было полно, безгранично.

Въ срединѣ зимы я долженъ былъ поѣхать къ моей матери въ Москву, для чего взялъ отпускъ на 28 дней. Sophie обѣщала мнѣ писать, и дѣйствительно въ Москвѣ я получилъ отъ нея письмо слѣдующаго содержанія: „Tu as voulu, mon adoré ami, que je t'écrive; je le fais avec plaisir, toute heureuse de te donner cette petite preuve de mon amour. Ton départ, mon cher et mon bien aimé, m'a fait comprendre toute la violence de mon amour pour toi; en ton absence rien ne m'amuse, rien ne me distrait, je suis maussade, triste et parfois j'ai l'enfer dans l'âme. Les souffrances, que j'endure doivent te rejouir, méchant ami. Eh bien, rejouis toi, mais reviens plus vite, car j'ai hâte de te voir, de t'embrasser et de te dire de vive voix combien je t'aime...“ *)

*) „Ты хотѣлъ, мой обожаемый другъ, чтобы я тебѣ писала; исполняю это съ удовольствіемъ и чувствую себя счастливой, что могу тебѣ дать это маленькое доказательство моей любви. Твой отъѣздъ, мой милый и дорогой другъ, уяснилъ мнѣ всю силу моей любви къ тебѣ; безъ тебя ничто меня не радуетъ, не веселитъ, я скучаю, а иногда у меня адъ въ душѣ. Страданія, которыя я переношу, должны тебя радовать, мой злой другъ; радуйся же, но только пріѣзжай, чтобъ я могла скорѣе видѣть тебя, обнять и высказать, какъ горячо я тебя люблю....

Затѣмъ Sophie описала вечеръ, на которомъ она была и какъ ей было тамъ скучно.

По возвращеніи изъ Москвы я тотчасъ же отправился къ Sophie и нашелъ тамъ большое общество; былъ день рожденія ея мужа; въ числѣ гостей я замѣтилъ Леонида Т., офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, который былъ какимъ-то родственникомъ Sophie и который, какъ она говорила, былъ влюбленъ въ ея кузину. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ Sophie, я успѣлъ напомнить ей о лампѣ и обѣщалъ на другой же день пріѣхать къ ея окнамъ; но прошло много другихъ дней, а лампы у окна я болѣе не видалъ. Не зная, что думать, я рѣшился наконецъ видѣть Sophie, хотя бы она была и не одна дома, подошелъ къ ея крыльцу и только что взялъ за ручку колокольчика, чтобы позвонить, какъ дверь отворилась и вышла Sophie въ сопровожденіи Леонида Т. Увидавъ меня, она нѣсколько смутилась и сказала мнѣ, что у нея болитъ голова, что Леонидъ Т. обѣщалъ ее прокатить на его лошадяхъ и затѣмъ завезетъ къ теткѣ ея, гдѣ она намѣрена провести вечеръ. Не пріѣдете ли и вы туда? спросила она меня. Я сказалъ да, и черезъ пять минутъ стоялъ уже на подъѣздѣ дома, гдѣ жила ея тетка. Желая видѣть Sophie наединѣ, хотя бы нѣсколько минутъ, я рѣшился подождать ее на крыльцѣ и спрятался въ нишу, которая не была освѣщена. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали Sophie и Леонидъ Т.; не видя меня, они обнялись, и я услыхалъ звукъ поцѣлуевъ. Сцена эта до такой степени меня поразила, что я пошатнулся и за что-то зацѣпилъ саблей. При стукѣ сабли, Леонидъ Т. въ одно мгновенье очутился на подъѣздѣ, а Sophie побѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ жила ея тетка. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я вошелъ вслѣдъ за Sophie; лицо мое было такъ блѣдно, что тетка ея спросила меня, здоровъ ли я? Я сказалъ, что мнѣ дурно и тотчасъ уѣхалъ. Вернувшись домой, я не спалъ всю ночь, обдумывая, что мнѣ дѣлать.

Такимъ образомъ окончился мой третій романъ. Если въ грустныхъ результатахъ первыхъ двухъ романовъ я не могъ винить женщинъ мной любимыхъ, то въ этомъ послѣднемъ виновата была исключительно та, которой я отдалъ мое сердце. Я не понимаю, какимъ образомъ можно было согласить сцену на подъѣздѣ съ тѣмъ нѣжнымъ письмомъ, которое за мѣсяцъ передъ тѣмъ я получилъ отъ Sophie въ Москвѣ? Невольно вспомнилъ я слова Бальзака: „Le jésuite le plus jésuite est encore mille fois moins jésuite‘ que la femme la moins jésuite“ *).

Но если въ любви женщины измѣнчивы, думалъ я, то въ дружбѣ, по крайней мѣрѣ, онѣ постоянны. Случай привелъ меня испытать и дружбу женщины; считаю небезинтереснымъ разсказать его.

Одинъ изъ моихъ товарищей, добрый и веселый малый, но любившій покутить, нашелъ себѣ богатую невѣсту и сдѣлалъ ей предложеніе; ему отказали. Не долго думая, онъ предложилъ себя другой дѣвушкѣ; эта приняла и сдѣлалась княгигиней... назову ее хоть Нина. Супруги жили въ полномъ согласіи всего нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, мужъ, хотя оставался подъ одной кровлей съ женой, но иногда не видался съ ней по нѣсколько дней. Покинутая мужемъ, жена скучала и наконецъ составила себѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, въ нее влюбленныхъ и смотрѣвшихъ на нее, какъ на божество. Будучи молода, умна, мила и обладая особеннымъ даромъ нравиться мужчинамъ, она проводила все свое время въ этомъ кружкѣ, стараясь относиться ко всѣмъ своимъ обожателямъ съ одинаковой любезностью. Въ это время, заѣхавъ случайно къ ея мужу, я познакомился съ ней и хотя Левинъ, бывши другомъ ея дѣтства, говорилъ много хорошаго о ней, но она произвела на меня не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе; узнавъ, что

*) Самый большой іезуитъ въ тысячу разъ меньше іезуитъ чѣмъ самая малая іезуитка.

и я ей не понравился, я рѣшился ограничить мое знакомство только однимъ визитомъ. Послѣ этого прошло болѣе двухъ лѣтъ; пріѣхавъ однажды къ одной знакомой, я встрѣтилъ тамъ княгиню Нину. Она такъ мнѣ обрадовалась, какъ будто бы мы были старые и хорошіе знакомые. На вопросъ ея, отчего я у ней не бываю, я попросилъ позволенія быть откровеннымъ и отвѣчалъ ей, что у нея бываютъ только тѣ, которые влюблены въ нее, я же не могу быть въ нее влюбленъ, такъ какъ люблю другую женщину; къ тому же прибавилъ я, знаю, что я вамъ не понравился, когда я былъ у васъ въ первый разъ два года назадъ. Она стала увѣрять меня, что это неправда, что, напротивъ, зная меня за горячаго поклонника женщинъ, она очень мнѣ симпатизируетъ, и взяла съ меня слово, что я непремѣнно къ ней пріѣду. Въ это время произошелъ мой разрывъ съ Sophie; скучая страшно, я рѣшился поѣхать къ княгинѣ Нинѣ, думая сколько нибудь развлечься отъ гнетущей меня тоски. Увидавъ меня въ мрачномъ расположеніи духа, она спросила о причинѣ такого настроенія. Не видя надобности скрывать, я разсказалъ ей мою исторію съ Sophie и при этомъ показалъ ей письмо, которое я только-что получилъ отъ Левина и въ которомъ онъ, высказывая много лестнаго о моемъ характерѣ, совѣтовалъ смотрѣть на женщинъ съ менѣе идеальной точки зрѣнія, чѣмъ я это дѣлалъ. Княгиня Нина очень любила Левина какъ друга своего дѣтства, и просила оставить у нея письмо до слѣдующаго дня. На другой день поутру она прислала письмо, и при немъ была приложена ея записка: „La lecture de cette lettre me prouve ce dont j'etais sûre, que vous êtes l'homme le plus loyal et le plus noble, que j'ai jamais connu. Voulez vous mon amitié, mais une amitié à toutes épreuves, amitié comme je la comprends; vous êtes le premier homme, auquel je l'offre comme cela, mais soyez franc et ne craignez pas de m'offenser en la refusant, car tout cruel, que votre refus me sera, je le préfère à une demie-amitié. Si vous voulez de mon amitié, je vous dois l'entière confession de mon passé, car je ne veux pas surprendre votre affection, je veux la mériter.

Rèpondez moi et soyez persuadé, que rien au monde ne saura altérer le sentiment d'estime, que j'ai pour vous" *). Записка эта меня чрезвычайно удивила, такъ какъ я видѣлъ княгиню Нину не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ моей жизни. Хотя мнѣ была очень пріятна дружба такой женщины, которая обворожала всѣхъ своимъ умомъ и граціей, но я посмотрѣлъ на ея предложеніе съ серіозной точки зрѣнія и объяснилъ ей въ моемъ отвѣтѣ, что ея довѣріе налагаетъ на меня священную обязанность быть съ ней откровеннымъ, что дружба, которую она предлагаетъ, возможна только между лицами, коротко знающими другъ друга; я же знаю ее очень мало, а потому я умоляю ее отсрочить мнѣ отвѣтъ на нѣкоторое время, чтобы я могъ ближе съ ней ознакомиться и чтобы мой отвѣтъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ моего сердца. Моя откровенность, прибавилъ я, можетъ служить ей доказательствомъ моего высокаго къ ней уваженія. Послѣ этого письма я сталъ получать отъ нея почти каждый день записки, въ которыхъ она приглашала меня къ себѣ самымъ любезнымъ образомъ. Такъ въ одной изъ ея записокъ она пишетъ: „Je commence à remarquer, mon cher ami, que je suis toute aussi exigeante en amitié, qu'en amour et j'aime mieux vous confesser mon péché, que de le garder sur le coeur; grondez moi bien fort. Voici l'histoire: hier soir je vous attendais, je vous attendais et vous n'êtes pas venu; mon amitié n'a pas eu assez de raison pour s'en faire une et sur le coup de onze heures, j'étais furieuse contre vous. Grondez moi donc, grondez moi et venez le faire demain matin; car ce soir je vais au théâtre français et de là prendre le thé chez Nadine

*) „Чтеніе этого письма меня убѣдило, въ чемъ я была уже увѣрена, что вы честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, которыхъ я когда-либо знала. Хотите ли мою дружбу, но дружбу не боящуюся никакихъ испытаній, дружбу какъ я ее понимаю? Вы—первый человѣкъ, которому я предлагаю такую дружбу; но будьте откровенны, не бойтесь меня оскорбить вашимъ отказомъ; какъ ни горекъ онъ мнѣ будетъ, но во всякомъ случаѣ я его предпочитаю *полудружбѣ*. Если вы хотите мою дружбу, я должна вамъ сдѣлать полную исповѣдь моего прошлаго, такъ какъ я не хочу *вырвать* ваше расположеніе, я хочу его заслужить. Отвѣчайте мнѣ и будьте увѣрены, что ничто на свѣтѣ не поколеблетъ чувства уваженія, которое я къ вамъ имѣю".

M., mais demain je serai à la maison jusqu'à quatre heures“ [1]. Въ другой ея запискѣ была слѣдующая фраза: „J'ai peur de vous ennuyer cher ami, mais j'ai bien envie de vous voir ce soir; donnez moi un mot de réponse: pouvez vous venir!?“ [2]. Наконецъ въ третьей запискѣ она мнѣ говорила, что она больна и проситъ ее навѣстить; къ этому прибавила, что болѣзнь ея не физическая только, но и моральная.

Когда я пріѣхалъ къ княгинѣ Нинѣ по полученіи первой ея записки, она меня очень благодарила за то, что я не отказываюсь отъ ея дружбы и выразила увѣренность, что она вскорѣ заслужитъ мое расположеніе; при этомъ она объяснила, что отослала всѣхъ своихъ поклонниковъ, притворившись больной, чтобы провести этотъ вечеръ со мной наединѣ и откровенно разсказать мнѣ свое прошедшее, какъ она обѣщала это въ своемъ письмѣ. Выслушавъ ея разсказъ, который она называла исповѣдью, я поблагодарилъ ее и замѣтилъ, что мнѣ интересно было бы знать не одно прошлое ея, но и настоящее. Она улыбнулась и сказала мнѣ, что если меня интересуютъ ея обожатели, то она признаетъ ихъ за людей честныхъ, хорошихъ и душой къ ней расположенныхъ; но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на тотъ идеалъ, который она создала въ своемъ воображеніи и которому могла бы отдать свое сердце. Одинъ изъ нихъ, не смотря на его умъ и образованіе, такъ ломаетъ ноги и руки, что намоминаетъ собой картоннаго *паяца*, котораго дергаютъ за веревку; другой при каждомъ словѣ смѣется и

[1]) „Я начинаю думать, *любезный другъ*, что я также требовательна въ дружбѣ, какъ и въ любви. Хочу лучше признаться вамъ въ этомъ грѣхѣ, чѣмъ держать его на сердцѣ: побраните же меня построже за это. Вотъ въ чемъ дѣло: я васъ ждала вчера вечеромъ, а вы не пріѣхали; хотя дружба моя не давала мнѣ никакого основанія на васъ сердиться, но когда пробило 11 часовъ и васъ не было, я чувствовала нѣчто въ родѣ бѣшенства противъ васъ. Браните же меня, браните и пріѣзжайте меня бранить *завтра* утромъ; сегодня вечеромъ я буду во Французскомъ театрѣ, а изъ театра поѣду пить чай къ Надеждѣ М.; завтра же я буду дома до четырехъ часовъ дня“.

[2]) „Я боюсь вамъ наскучить, но мнѣ очень бы хотѣлось видѣть васъ сегодня вечеромъ; отвѣчайте, можете ли вы пріѣхать?“

даже не могъ удержаться отъ смѣха, когда признавался въ любви къ ней; третій имѣетъ видъ пивнаго боченка и заботится болѣе о служебной карьерѣ, чѣмъ о любви къ ней. Наконецъ, говоря о четвертомъ, она сказала, что любовь, по ея мнѣнію, всегда тѣсно связана съ поэзіей; но какая же можетъ быть поэзія въ дѣятельности врача, лѣчащаго ее отъ женской болѣзни? Такимъ образомъ она увѣрила меня, что ея сердце свободно и что единственное лице, которое она могла бы полюбить, находится въ ссылкѣ, въ степяхъ Средней Азіи. Затѣмъ она заставила меня высказать и мое мнѣніе о ея обожателяхъ. Былъ уже второй часъ ночи, когда я взялъ фуражку. Прощаясь со мной, она сказала, что желаетъ меня видѣть какъ можно чаще и будетъ устроивать такъ, чтобы я бывалъ у нея одинъ, въ то время когда не будетъ ея обожателей; на другой день она просила меня пріѣхать поутру. Какъ ни пріятны были мои бесѣды съ княгиней Ниной, но излѣченіе моего сердца отъ любви къ Sophie шло весьма медленно, я все еще не могъ ея забыть.

Пріѣхавъ однажды вечеромъ къ княгинѣ по ея приглашенію, я засталъ ее одну въ весьма веселомъ расположеніи духа. „Представьте себѣ, сказала она, что сегодняшній вечеръ я осталась совершенно одна дома; лакей и горничная сейчасъ уходятъ въ гости къ сосѣдямъ, живущимъ на верху; но, прибавила она, мой другъ будетъ со мной, и мнѣ никого и ничего болѣе не нужно“. Помѣстившись рядомъ съ ней у камина, я сказалъ, что хочу обратиться къ ней за совѣтомъ. Пожавъ мнѣ руку въ знакъ благодарности, она спросила, въ чемъ дѣло? Тогда я ей разсказалъ, что одна моя родственница, пріѣхавшая изъ Москвы, предлагаетъ мнѣ жениться на одной очень хорошей молодой дѣвушкѣ. Хотя я этой дѣвушки не видалъ, но мысль жениться, съ досады, par dépit, какъ говорятъ Французы, мнѣ такъ нравится, что я рѣшился спросить ея мнѣнія. Кончивъ мой разсказъ, я взглянулъ на княгиню и замѣтилъ, что она была очень блѣдна. „Такъ вы хотите жениться, ска-

зала она, съ особенной интонаціей; ну чтожъ, я вамъ не мѣшаю". Съ этими словами она вскочила съ своего мѣста, бросилась передо мной на колѣна, повторяя визгливымъ голосомъ: Костя, Костя, прости меня!... Что означалъ этотъ возгласъ— я не знаю; но знаю, что мужа ея звали Константиномъ; затѣмъ, придя въ какое то изступленіе, она схватила и поцѣловала мою руку, прежде чѣмъ я успѣлъ ее отдернуть. Не зная что мнѣ дѣлать, я бросился на верхъ за горничной и когда я ее привелъ, мы нашли княгиню Нину лежавшую на полу, обхватившую горло руками и хрипѣвшую. Горничная просила меня помочь ей разжать ея руки, чтобы она не задушила себя; затѣмъ она разстегнула ей платье и корсетъ, и мы перенесли ее въ спальню на постель. Я хотѣлъ поѣхать за докторомъ; но горничная мнѣ сказала, что припадки, подобные тому, который я видѣлъ, бываютъ обыкновенно, когда она чѣмъ-нибудь разстроится, но что припадокъ уже прошелъ, а потому доктора не нужно.

Вернувшись домой и обдумывая сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, я не зналъ, что думать о княгинѣ Нинѣ. Я не допускалъ мысли, чтобы она могла влюбиться въ меня, человѣка, который ея не любитъ; показывая же мнѣ такъ явно свою любовь, она должна была играть роль пустой кокетки. Но, съ другой стороны, я полагалъ, что женщина съ ея сердцемъ и умомъ не могла быть кокеткой; и такъ что же означала вчерашняя сцена? Недоумѣвая, я рѣшился спросить ее и написалъ ей письмо, которое началъ тѣмъ, что дружба ея ко мнѣ обязываетъ меня не скрывать отъ нея ни одной моей мысли, а потому обращаясь къ ней съ вопросомъ, какъ я долженъ понимать вчерашнюю сцену, я повинуюсь моему долгу и прошу мнѣ простить, если она найдетъ мою откровенность неумѣстною. На это письмо я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Mon cher Tscherbatscheff! Je vous prie d'oublier la scène d'hier, comme je l'ai fait. Non seulement je vous pardonne du font de mon

coeur, mais je tâche de vous trouver des excuses et à moi des torts. De grâce, venez me voir comme par le passé; j'espère, que le temps vous prouvera, que je ne suis pas une coquette effrenée, mais bien une bonne patte de femme, capable de beaucoup d'amitié pour les personnes, qui même la calomnient. Je vous supplie encore de prendre mon billet comme il a été écrit, c'est à dire, dicté par l'indulgence et l'amitié, et non la coquetterie. Croyez à l'amitié de celle, qui met sa coquetterie à oublier les offenses et les pardonner sincèrement" *). Отвѣтъ этотъ ровно ничего не объяснилъ, онъ послужилъ только началомъ охлажденія нашихъ съ княгиней Ниной отношеній: она перестала меня приглашать проводить съ ней вечера наединѣ, а я сталъ ѣздить къ ней рѣже и рѣже. Впослѣдствіи, какъ я слышалъ она сошлась съ своимъ мужемъ, а три или четыре года тому назадъ, мнѣ говорилъ ея двоюродный братъ, что она лѣчится за границей отъ психическаго разстройства, которое врачи признаютъ неизлѣчимымъ.

Насталъ 1856-й годъ. Посольство князя Меншикова въ Константинополь потерпѣло фіаско, вслѣдствіе чего наши войска вступили въ Дунайскія княжества Молдавію и Валахію, и затѣмъ вскорѣ началась война съ Турціей. Разочарованіе въ любви и въ дружбѣ женщинъ навѣяло на меня ужасную тоску, жизнь потеряла для меня прелесть, и во мнѣ явилось желаніе, какъ и въ 1848 году, испытать ощущенія боевой службы. Случай къ тому не замедлилъ представиться. Князь Меншиковъ, назначенный командовать войсками, расположенными въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, ожидая высадки непріятеля въ Крыму, про-

*) „Я прошу васъ забыть вчерашнюю сцену, какъ я это сдѣлала. Я не только васъ прощаю отъ чистаго сердца, но стараюсь найти вамъ оправданіе, а вину приписываю себѣ. Ради Бога, навѣщайте меня по прежнему; надѣюсь, что время вамъ докажетъ, что я не бѣшеная какая-нибудь кокетка, а женщина, способная дружески любить даже тѣхъ, которые на нее клевещутъ. Я васъ умоляю читать мое письмо въ томъ смыслѣ, какъ оно написано, то-есть видѣть въ немъ снисхожденіе и дружбу, а не кокетство. Вѣрьте въ дружбу той, которой кокетство заключается въ томъ, чтобы прощать оскорбленія и ихъ забывать".

силъ императора Николая Павловича прислать ему конгревовы ракеты для дѣйствія ими съ судовъ и офицера, который бы умѣлъ ими дѣйствовать. Я обратился къ начальству съ просьбой послать меня и вскорѣ получилъ предписаніе отправиться съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ въ Севастополь и, по прибытіи на мѣсто, состоять въ распоряженіи князя Меншикова.

VII.

Севастополь.—Высадка непріятеля около Евпаторіи.—Рекогносцировка 7-го сентября.—Алминское сраженіе и его послѣдствія.

Непріязненное положеніе, принятое Австріей въ началѣ 1854 года, было главною причиною поспѣшности, съ которою осада Силистріи была снята Русскими войсками и наша армія перешла за рѣку Прутъ, въ предѣлы Бессарабіи. Это обстоятельство, развязавъ руки союзникамъ, совершенно измѣнило ходъ войны на Дунаѣ: Турки стали высказывать свои предположенія о предстоящемъ расширеніи владѣній Порты, въ ущербъ Россіи. Англо-Французскія войска, непрерывно подвозимыя множествомъ транспортныхъ судовъ и пароходовъ, сосредоточивались въ Варнѣ, гдѣ ихъ главнокомандующіе дѣятельно подготовляли всѣ средства, необходимыя для высадки большаго десантнаго корпуса, сохраняя въ тайнѣ свой планъ относительно мѣстности, избранной для осуществленія этого предпріятія. Хотя иностранные журналы давно уже писали, что главныя усилія союзниковъ будутъ направлены на Севастополь, для уничтоженія Черноморскаго флота, но высадка въ Крымъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какихъ требовало это предпріятіе, казалась для многихъ невозможною; люди, спеціально знакомые съ военнымъ дѣломъ, думали, что всякое покушеніе непріятеля высадить свои войска на Таврическомъ полуостровѣ неминуемо повлечетъ за собою гибель десантнаго корпуса. Я помню, что генералъ Сумароковъ писалъ къ своему зятю и мо-

ему товарищу князю Оболенскому, съ которымъ я жилъ, по отступленіи нашихъ войскъ къ Бахчисараю, въ одной палаткѣ, что, по мнѣнію его, Крымъ былъ совершенно безопасенъ отъ непріятельскихъ нападеній, потому что высадка въ большихъ размѣрахъ казалась ему неисполнимой, а въ малыхъ размѣрахъ она противорѣчила стратегическимъ соображеніямъ непріятеля. Письмо это было получено моимъ товарищемъ въ то время, когда взятіе Севастополя, послѣ Альминскаго сраженія, не представлялось невозможнымъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ 3-го іюля 1854 года, я пріѣхалъ въ Симферополь только въ концѣ августа мѣсяца, по причинѣ неисправности транспортныхъ ямщиковъ. Тутъ я узналъ, что нашъ пароходъ „Элборусъ“ подходилъ къ Варнѣ, гдѣ замѣтилъ необыкновенную дѣятельность: огромное количество транспортныхъ судовъ стояло въ гавани, и нѣкоторыя изъ нихъ были уже нагружены разными принадлежностями десантнаго корпуса. Приготовленія, дѣлаемыя непріятелемъ, ясно выказывали намѣренія его произвести высадку на нашихъ берегахъ. Извѣстіе, привезенное пароходомъ „Элборусъ“, привело въ восторгъ военное населеніе Симферополя; всѣ видѣли съ особеннымъ удовольствіемъ приближеніе того времени, когда приходилось стать въ ряды защитниковъ отечества. На балѣ, данномъ офицерами Ингерманландскаго гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка Симферопольскому обществу, на который я былъ приглашенъ, танцы продолжались до 2-хъ часовъ утра; когда же дамы разъѣхались и офицеры остались одни, распорядитель бала провозгласилъ тостъ за здоровье будущихъ побѣдителей. Всѣ были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что выражали нетерпѣливое желаніе скорѣйшаго начала той драмы, въ счастливой развязкѣ которой никто не сомнѣвался.

1-го сентября я пріѣхалъ въ Севастополь. Здѣсь мнѣ повторили все слышанное мною въ Симферополѣ, и кромѣ того я

узналъ, что къ нашему береговому телеграфу подходилъ одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, съ котораго объявлено было офицеру, находившемуся на телеграфѣ, на самомъ чистомъ Русскомъ языкѣ: „мы скоро къ вамъ будемъ“.—„Милости просимъ, мы давно васъ ждемъ“, было ему отвѣтомъ. Хотя подобную выходку непріятельскаго парохода нельзя было считать непремѣннымъ доказательствомъ намѣренія союзниковъ высадить къ намъ свои войска, но тѣмъ не менѣе она служила нѣкоторымъ подтвержденіемъ общаго слуха.

Въ день моего пріѣзда я явился къ князю Меншикову и доложилъ ему о моемъ порученіи. Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятельской эскадры съ десантомъ къ берегамъ Крыма. Извѣстіе это произвело на всѣхъ, бывшихъ у его свѣтлости, самое пріятное впечатлѣніе; разговоры оживились, начались догадки о томъ, гдѣ непріятель высадится, составлялись различныя предположенія. Не зная численности нашихъ войскъ, готовыхъ встрѣтить непріятеля, я обратился къ штабъ-ротмистру Жолобову *), находившемуся при князѣ Меншиковѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, и спрашивалъ его мнѣнія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Его твердые и положительные отвѣты дали мнѣ полную надежду на скорое и блестящее окончаніе открывшейся кампаніи; онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ нашего оружія, что въ разговорѣ со мной сталъ придумывать, кого могутъ послать съ донесеніемъ къ Государю объ одержанной побѣдѣ надъ непріятелемъ. Хотя я высказывалъ ему нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, чтобы непріятель могъ съ такой опрометчивостью начать свои военныя дѣйствія, но увлеченный его доводами, я увѣровалъ въ вѣроятность нашихъ будущихъ побѣдъ; а потому, встрѣтивъ на другой день Тотлебена, съ которымъ я жилъ въ од-

*) Жолобову оторвало ногу въ сраженіи при Альмѣ; не согласившись на операцію, онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ дѣла.

ной гостиницѣ, я сказалъ ему, что труды его, безъ сомнѣнія, будутъ напрасны, потому что непріятеля не допустятъ до Севастополя. Не помню, что̀ мнѣ отвѣчалъ Тотлебенъ; но въ отвѣтѣ его, кажется, было гораздо менѣе увѣренности, чѣмъ въ словахъ Жолобова.

Вечеромъ 1-го сентября я поѣхалъ въ театръ. Играли „Ревизора". Артисты довольно удовлетворительно выполняли свои роли, но умы всѣхъ такъ были заняты открывавшеюся кампаніей, что никто почти не обращалъ вниманія на даваемое представленіе. Въ антрактѣ между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями прискакалъ посланный отъ князя Меншикова къ военному губернатору Севастополя, адмиралу Станюковичу, находившемуся съ семействомъ въ ложѣ, и объявилъ, что непріятель сталъ на якорь и готовитъ суда для перевозки войскъ на берегъ. Слухъ объ этомъ извѣстіи пронесся по театру съ быстротой молніи; губернаторъ тотчасъ уѣхалъ, а офицеры, толпясь въ партерѣ, толковали о привезенной новости. Представленіе вскорѣ кончилось, театръ опустѣлъ; но Екатерининская улица, по которой я шелъ домой, представляла необыкновенное, въ этотъ часъ, зрѣлище: всѣ окна въ домахъ были освѣщены, народъ ходилъ взадъ и впередъ, и на каждомъ перекресткѣ я замѣчалъ группы офицеровъ, преимущественно моряковъ, разсуждавшихъ о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Стараясь вслушаться въ ихъ разговоры, я узналъ, между прочимъ, что предположено было изъ двухъ флотскихъ экипажей сформировать два батальона въ пѣшемъ строю и отправить ихъ въ дѣйствующій отрядъ для усиленія пѣхоты.

Вся ночь съ 1-го на 2-е сентября прошла въ различныхъ приготовленіяхъ къ открывшейся кампаніи; на всѣхъ улицахъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность, и конечно большая часть военнаго населенія города эту ночь не спала. Силь-

ныя впечатлѣнія дня отняли и у меня сонъ. На другой день, рано поутру, я былъ уже на ногахъ и отправился узнать, не получено ли новыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля. Мнѣ сказали, что союзники заняли Евпаторію безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны и что они начали высаживать свои войска, близъ стараго укрѣпленія, недалеко отъ устья Альмы.

2-го сентября я явился къ коменданту генералъ-лейтенанту Кизмеру и къ начальнику штаба Черноморскаго флота генералъ-адъютанту Корнилову. Г. Корниловъ пригласилъ меня обѣдать. За обѣдомъ было нѣсколько моряковъ и инженерный полковникъ Тотлебенъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до меня изъ нашей Дунайской арміи. Корнилову предложили вопросъ, какъ великъ можетъ быть десантный корпусъ, начавшій высаживаться; его превосходительство отвѣчалъ, что точныхъ свѣдѣній у него нѣтъ, но, что, судя по тому, что весь Черноморскій флотъ едва былъ въ силахъ перевести одну нашу дивизію съ ея артилеріей на Кавказъ, онъ полагаетъ, что болѣе 40 тысячъ человѣкъ непріятель не можетъ высадить *). Затѣмъ, говоря со мной о привезенныхъ ракетахъ, онъ пожелалъ видѣть ихъ дѣйствіе и просилъ меня показать ему, какъ онѣ стрѣляютъ. Я ему объяснилъ, что ими можно дѣйствовать на разстоянія не болѣе 250 саженъ и что онѣ стрѣляютъ гранатами въ два фунта. На другой день была поставлена барка въ 250 саженяхъ отъ берега, и изъ 10 выпущенныхъ ракетъ ни одна въ нее не попала. Увидавъ это, Корниловъ улыбнулся и приказалъ мнѣ сдать ракеты на храненіе въ Николаевскую батарею.

Оставшись такимъ образомъ безъ всякаго дѣла, но не желая быть празднымъ зрителемъ совершающихся событій, я рѣшился просить о назначеніи меня въ дѣйствующій отрядъ, ко-

*) Впослѣдствіи оказалось, что во всѣхъ трехъ контингентахъ, Французскомъ, Англійскомъ и Турецкомъ, всѣхъ родовъ высадившихся войскъ было около 70 тысячъ человѣкъ.

торый собирался на Альмѣ близъ деревни Бурлюка. Трудно описать мою радость, когда я получилъ предписаніе князя Меншикова отправиться немедленно въ отрядъ и находиться тамъ въ распоряженіи отряднаго начальника артилеріи генералъ-маіора Кишинскаго. Предписаніе это я получилъ 4-го сентября, а 5-го въ 6 часовъ утра я былъ уже въ отрядѣ, стоявшемъ въ 40 верстахъ отъ Севастополя.

Чтобы охарактеризовать качества привезенныхъ мной ракетъ, приведу здѣсь выдержки изъ статьи моей, помѣщенной въ № V-мъ Артилерійскаго Журнала за 1857 годъ. Поводы, побудившіе меня написать эту статью, были слѣдующіе. Генералъ-маіоръ Константиновъ, завѣдуя ракетнымъ заведеніемъ, ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ производствѣ ракетъ и, пользуясь своимъ авторитетомъ, сталъ увѣрять, что этотъ новый снарядъ, имъ приготовляемый, незамѣнимъ по той громадной пользѣ, которую онъ принесетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ военное время; приготовленіе же его онъ держалъ въ секретѣ. Артилерійское вѣдомство поддержало эту рекламу г. Константинова, признавъ хорошія дѣйствія ракетъ, между тѣмъ какъ, во время опытовъ на Волковомъ полѣ, при мнѣ были случаи, когда ракета, ударившись хвостомъ въ землю, летѣла не горизонтально, а подымаясь вверхъ, и при небольшомъ даже вѣтрѣ, ни одна ракета не попадала въ мишень. Прокричавъ о превосходномъ дѣйствіи ракетъ, Константиновъ желалъ конечно, чтобы славу ихъ подтвердили офицеры, дѣйствовавшіе ими на войнѣ, вслѣдствіе чего онъ былъ очень доволенъ офицеромъ, посланнымъ на Кавказъ и доносившимъ ему, что ракеты отличны и крайне разсерженъ на меня за то, что я подобныхъ донесеній не дѣлалъ. По возвращеніи моемъ изъ Севастополя, онъ сталъ обвинять меня въ бездѣятельности и въ равнодушномъ отношеніи къ данному мнѣ порученію. Узнавъ объ этомъ, я счелъ наилучшимъ способомъ оправданія—уяснить печатно причины, по которымъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло въ Крыму. Содержаніе моей статьи было слѣдующее.

„Въ № III-мъ Артилерійскаго Журнала за нынѣшній (1857-й) годъ помѣщено начало статьи генералъ-маіора Константинова: „О боевыхъ ракетахъ“. Свѣдѣнія, сообщенныя въ этой статьѣ о моей командировкѣ въ 1854 году съ ракетами въ Севастополь, изложены весьма кратко; а потому, желая пополнить этотъ незначительный пробѣлъ, я считаю нелишнимъ представить здѣсь подробный отчетъ о дѣйствіяхъ моихъ въ Крыму и о результатѣ возложеннаго на меня порученія по предмету употребленія ракетъ, присовокупивъ къ этому и соображенія мои относительно достоинства ракетъ, отправленныхъ со мной въ Севастополь“.

„Г. инспектору всей артилеріи угодно было въ 1854 году назначить меня для сопровожденія транспорта съ 600 боевыми 2-хъ дюймовыми ракетами, отправленнаго въ Севастополь по требованію князя Меншикова. Согласно сему мнѣ было предписано, по прибытіи транспорта на мѣсто, состоять въ распоряженіи его свѣтлости и ожидать приказаній для употребленія ракетъ въ дѣло противъ непріятеля“.

„Ракеты, со мной посланныя, заряжены были гранатами, имѣвшими вѣсъ около 2-хъ фунтовъ; дальность ихъ дѣйствительнаго выстрѣла не превышала 250 саженъ. Для дѣйствія ими мнѣ дано было 8 станковъ съ четырехгранными желобами, вѣсившими каждый (станокъ съ желобомъ) около 2-хъ пудовъ; кромѣ того, для приданія бо́льшей вѣрности полету ракетъ, я имѣлъ для каждаго станка по одной трубѣ, длиною 7 футовъ. Команда, назначенная для сопровожденія транспорта, состояла изъ одного фейерверкера и четырехъ рядовыхъ, взятыхъ изъ ракетной батареи“.

„Прибывъ въ Севастополь 1-го сентября и явившись къ князю Меншикову, я получилъ отъ него приказаніе сдать ракеты въ артилерійскій гарнизонъ и ожидать дальнѣйшихъ рас-

поряженій. Въ тотъ самый день его свѣтлость получилъ извѣстіе съ приморскаго телеграфа, что сильная непріятельская эскадра съ десантомъ показалась въ виду Крымскихъ береговъ и идетъ по направленію къ Евпаторіи. Вслѣдствіе этого, главная квартира командовавшаго войсками и штабъ его были тотчасъ же перенесены въ деревню Мамашай. Я долженъ былъ остаться въ Севастополѣ, не получивъ никакого назначенія. Предполагая, что непріятель не будетъ имѣть возможности приблизиться къ городу и что вся открывшаяся кампанія ограничится только полевыми дѣйствіями, я обратился къ генералъ-адъютанту Корнилову съ просьбой дозволить мнѣ сдѣлать въ адмиралтействѣ, по моему указанію, нѣсколько полевыхъ станковъ, при помощи которыхъ я имѣлъ бы возможность дѣйствовать ракетами въ полѣ, причемъ я представилъ, что устройство этихъ станковъ не могло потребовать большаго числа рабочихъ рукъ и много времени; но генералъ Корниловъ, не вполнѣ довѣряя хорошему дѣйствію привезенныхъ мной ракетъ, изъявилъ желаніе предварительно лично убѣдиться въ пользѣ, которую можно отъ нихъ ожидать и предложилъ мнѣ съ этой цѣлью произвесть, въ его присутствіи, испытаніе. Такъ какъ назначеніемъ ракетъ, по желанію князя Меншикова, было преимущественно дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ, то для производства опытовъ избрана была 8-я батарея на южной сторонѣ города, а мишенью служила старая барка, поставленная отъ берега на разстояніи 250 саженъ. При производствѣ испытанія, чтобы не истощать запаса привезенныхъ мной ракетъ, а также и по недостатку времени, выпущено было только 10 ракетъ, изъ которыхъ ни одна не попала въ барку“.

„Такимъ образомъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ, убѣдившись, что дальность ракетъ не превышаетъ 250 саж. и что даже на этомъ разстояніи дѣйствительность ихъ не велика, а равно имѣя въ виду, что адмиралтейство завалено самыми спѣшными работами, нашелъ невозможнымъ исполнить мою просьбу

и осудилъ ракеты на временное бездѣйствіе. Не желая оставаться празднымъ въ такое время, когда дѣятельность каждаго была направлена къ общей защитѣ, я обратился къ исправлявшему должность начальника штаба войскъ, расположенныхъ въ Крыму, полковнику Вуншу, съ просьбой доложить князю Меншикову о желаніи моемъ получить какое-либо назначеніе въ отрядѣ, стоявшемъ на позиціи; на эту просьбу мою изъявлено было согласіе, и на другой же день я былъ назначенъ въ распоряженіе отряднаго начальника артилеріи, генералъ-маіора Кишинскаго, при которомъ состоялъ отъ 4-го до 26-го сентября".

„Въ промежутокъ этого времени отрядъ нашъ, послѣ Альминскаго дѣла, отступилъ въ Севастополь, гдѣ мы пробыли около двухъ дней *). Послѣ того войска наши двинулись къ Бахчисараю и, по совершеніи этого флангового движенія, были на короткое время отрѣзаны отъ Севастополя непріятельскою арміей, переходившей въ это время съ сѣверной стороны на южную. Сообщенія наши съ сѣверной стороной Севастополя и съ самимъ городомъ возстановлены были только черезъ нѣсколько дней: тогда отрядъ нашъ придвинулся къ Бельбеку, и я при первой возможности счелъ обязанностью отправиться въ Севастополь узнать, что сталось съ ракетами и не предвидится ли какой-либо возможности употребить ихъ съ пользою въ дѣло при оборонѣ крѣпости. Тутъ я узналъ, что генералъ Корниловъ, по предложенію штабсъ-капитана Пестича, сформировалъ ракетную батарею, уложивъ 350 ракетъ и 5 станковъ въ телѣги, взятыя отъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи, и назначилъ къ нимъ прислугу, состоявшую изъ 5-ти человѣкъ, прибывшихъ со мной и изъ 15-ти матросовъ 29-го экипажа. Назначеніе этой

*) Въ сраженіи при Альмѣ подо мной была убита лошадь, которая при паденіи своемъ придавила мнѣ ногу. По прибытіи въ Севастополь, я не имѣлъ возможности въ продолженіе двухъ дней выйти изъ комнаты, а потому и не могъ собрать свѣдѣній о распоряженіяхъ, которыя были сдѣланы относительно ракетъ.

батареи заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ штурма города она могла поспѣвать на тѣ пункты, которые наиболѣе нуждались въ защитѣ. Имѣя въ виду, что союзныя войска сосредоточивали всѣ свои усилія и вниманіе на осажденный городъ, я испросилъ разрѣшеніе начальства о дозволеніи мнѣ обратиться снова на тотъ родъ службы, который долженъ былъ въ Крыму составлять мою спеціальность. Поэтому 26-го сентября я былъ уже въ Севастополѣ и по приказанію генерала Корнилова тотчасъ же вступилъ въ командованіе сформированной имъ ракетной батареей".

„Ракетная батарея находилась постоянно при полкахъ, составлявшихъ общій резервъ. Октября 5-го, въ день перваго бомбардированія, она была расположена съ Тарутинскимъ полкомъ на театральной площади. Генералъ-адъютантъ Корниловъ, проѣзжая въ 11 часовъ утра того дня по площади и замѣтивъ, что непріятельскіе снаряды не только долетали, но и перелетали черезъ батарею, по справедливости заключилъ, что бомба, упавъ на ракетный ящикъ, могла нанести огромный вредъ войскамъ, составлявшимъ резервъ, а потому приказалъ сложить ракеты на Николаевской батареѣ, а телѣги отправить для подвозки зарядовъ на бастіоны".

„Послѣ страшной бомбардировки 5-го октября непріятель ограничивался во всѣ слѣдующіе дни только слабымъ обстрѣливаніемъ города и, судя по землянымъ работамъ, которыя союзники производили, можно было заключить, что они и не думали о штурмѣ, вслѣдствіе чего ракетная батарея, въ видахъ сбереженія лошадей, болѣе не запрягалась. Октября 18-го послѣдовало ко мнѣ предписаніе генералъ-лейтенанта Моллера, командовавшаго Севастопольскимъ гарнизономъ, о возвращеніи лошадей и телѣгъ обратно въ полки. Исполненіемъ этого приказанія окончилось существованіе ракетной батареи, не прини-

мавшей никакого дѣятельнаго участія въ оборонѣ въ теченіе того времени, когда я находился въ Крыму".

„Я сказалъ выше, что ракетная батарея, сформированная генералъ-адъютантомъ Корниловымъ, составлена была изъ 350 ракетъ и 8 станковъ; остальныя ракеты и станки, изъ числа привезенныхъ мной изъ С.-Петербурга, находились на приморскихъ батареяхъ Александровской и Константиновской. Александровская батарея доставшихся на ея долю ракетъ въ дѣло не употребляла, а Константиновская выпустила 5-го октября около 10 ракетъ противъ непріятельскихъ кораблей. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Союзный флотъ, замѣтивъ, что Константиновская батарея не вездѣ представляетъ одинаково сильную оборону, атаковалъ ея слабѣйшую сторону и открылъ противъ нея жесточайшій огонь; вскорѣ верхняя открытая батарея была сбита, а въ казематахъ взрывъ нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ произвелъ такое замѣшательство между орудійной прислугой, что батарея на нѣкоторое время прекратила огонь. Въ эту-то критическую минуту командиръ батареи обратился къ ракетамъ и чтобъ прервать молчаніе крѣпостныхъ орудій выпустилъ около 10 боевыхъ ракетъ. Въ промежутокъ этого времени нѣкоторыя орудія приведены были въ возможность дѣйствовать и, когда изъ нихъ открыли огонь, дѣйствіе ракетами было прекращено. Само собою разумѣется, что ракеты въ этомъ случаѣ не могли нанести непріятелю никакого вреда, потому что ни одинъ союзный корабль не приближался къ батареѣ на ракетный выстрѣлъ. Можно однакожъ думать, что вслѣдствіе этого распоряженія непріятель не замѣтилъ временнаго прекращенія огня нашихъ орудій".

„Въ началѣ ноября мѣсяца того же 1854 года, когда непріятельскіе подступы къ 4-му бастіону подведены были на довольно близкое разстояніе, князь Меншиковъ желалъ употребить ракеты для дѣйствія по траншеямъ. Ракеты въ этомъ слу-

чаѣ могли бы принести дѣйствительную пользу; а потому, желая предварительно осмотрѣть мѣстность и выбрать удобный пунктъ для постановки спусковъ, я пошелъ на 4-й бастіонъ, но не дойдя до него, былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы, вслѣдствіе чего долженъ былъ отправиться въ госпиталь, откуда, спустя нѣкоторое время, уволенъ былъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни. О послѣдующемъ употребленіи ракетъ при оборонѣ Севастополя мнѣ ничего неизвѣстно. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я представилъ отчетъ обо всемъ моему ближайшему начальству".

„Сдѣлавъ краткій очеркъ моихъ дѣйствій въ Крыму, позволю себѣ высказать, по поводу отправленныхъ со мной ракетъ, нѣкоторыя соображенія, которыя не считаю непогрѣшимыми, представляя ихъ на обсужденіе гг. артилеристовъ".

„1) Если вышеупомянутыя ракеты назначались для дѣйствія съ береговыхъ батарей противъ непріятельскихъ судовъ, что̀ усматривается изъ статьи генералъ-маіора Константинова, то 2-хъ дюймовый калибръ ракетъ не могъ соотвѣтствовать этому назначенію, потому что вредъ отъ гранатъ, вѣсомъ въ два фунта, слишкомъ незначителенъ, а еще болѣе потому, что трудно было предположить, чтобы суда подошли къ батареямъ на разстояніе 250 саженъ; но если бы это и случилось, то, конечно, одинъ выстрѣлъ изъ крѣпостнаго орудія нанесъ бы несравненно болѣе вреда непріятелю чѣмъ десятки ракетъ".

„2) Если отъ ракетъ, о которыхъ идетъ рѣчь, потребовалось бы зажигательное дѣйствіе, какъ напр. для сожженія судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурею 2-го ноября, то и тутъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло, потому что были заряжены не зажигательнымъ составомъ, а гранатами; производить же зажженіе своимъ собственнымъ горѣніемъ ракеты

могутъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ главную роль играетъ случайность".

„3) Если разсмотрѣть, могли ли эти ракеты быть употреблены для дѣйствія въ полѣ, то нельзя не согласиться, что и этому назначенію онѣ не могли удовлетворить, потому что спуски, посланные вмѣстѣ съ ракетами, были тяжелы и неудобоподвижны, а легкихъ станковъ, какъ сказано мной выше, я не имѣлъ средствъ построить".

Объяснивъ непригодность ракетъ, привезенныхъ мной въ Севастополь, буду продолжать мой разсказъ.

4-го сентября я получитъ предписаніе князя Меншикова явиться въ дѣйствующій отрядъ, стоявшій на позиціи близъ деревни Бурлюка, на рѣкѣ Альмѣ. Я тотчасъ же нанялъ лошадей и, взявъ съ собой сѣдло, небольшой вьючный чемоданчикъ и подушку, выѣхалъ изъ Севастополя въ туже ночь. По пріѣздѣ въ отрядъ, я помѣстился въ одной палаткѣ съ командиромъ 4-й легкой батареи 14-й артилерійской бригады, капитаномъ Маевскимъ, съ которымъ былъ прежде знакòмъ. Сначала положеніе мое было весьма непріятно; изъ первыхъ дней моего пребыванія между людьми, которыхъ видѣлъ въ первый разъ и между которыми былъ совершенно чужой, я вынесъ грустное воспоминаніе. Мой гвардейскій мундиръ внушалъ многимъ изъ армейскихъ артилеристовъ какое-то недружелюбное чувство, которое не старались даже отъ меня скрывать. Во мнѣ никто не хотѣлъ видѣть товарища, готоваго дѣлить и горе и радость боевой жизни, искавшаго хоть слабаго сочувствія въ тѣхъ, между которыми его бросила судьба; во мнѣ видѣли человѣка, пріѣхавшаго за наградами, съ намѣреніемъ предъявлять на нихъ бòльшія права, чѣмъ тѣ, которые носили армейскій мундиръ. Однако, это первое невыгодное впечатлѣніе,

произведенное моимъ пріѣздомъ, изгладилось, и со многими изъ артилерійскихъ офицеровъ я былъ впослѣдствіи въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ что три мѣсяца послѣ этого, при отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, меня провожали какъ сослуживца, съ которымъ разставались не безъ сожалѣнія. Положеніе мое въ отрядѣ было сначала затруднительно и тѣмъ, что я не имѣлъ верховой лошади; купить ее было негдѣ, а оставаться безъ лошади было невозможно, вслѣдствіе чего я долженъ былъ взять пристяжную, предложенную мнѣ ямщикомъ, который привезъ меня изъ Севастополя, и хоть она была совершенно разбита, тѣмъ не менѣе я заплатилъ за нее сто рублей. Недружелюбный пріемъ, оказанный мнѣ артилеристами, заставилъ меня отказаться отъ желанія служить въ строю одной изъ батарей. Генералъ Кишинскій оставилъ меня при себѣ въ качествѣ адъютанта.

Пользуясь моимъ новымъ положеніемъ, я объѣзжалъ нѣсколько разъ нашу позицію, разсматривалъ со вниманіемъ расположеніе каждой части нашихъ войскъ, старался вникнуть въ планъ нашихъ будущихъ дѣйствій и по неопытности моей въ военномъ дѣлѣ, а также, по незнанію численности высадившихся непріятельскихъ войскъ, я полагалъ, что мы непремѣнно удержимъ за собой занятую нами позицію. Объѣзжая наше бивачное расположеніе, я замѣтилъ, между прочимъ, что во многихъ полкахъ производились ученія разсыпному строю. Недоумѣвая что это значитъ, я обратился къ одному офицеру Бородинскаго полка, который далъ мнѣ слѣдующее разъясненіе. Наша пѣхота, въ то время, раздѣлялась на тяжелую и егерей. Полки тяжелой пѣхоты вовсе не обучались разсыпному строю, а имѣли назначеніе дѣйствовать только въ сомкнутомъ порядкѣ; но въ виду того, что нѣкоторые полковые командиры признали необходимымъ, чтобы всѣ солдаты знали правила застрѣльщичьей службы, они рѣшились воспользоваться свободнымъ временемъ и обучить ихъ застрѣльщичьему строю.

Жизнь на бивакахъ была не совсѣмъ пріятна. Погода стояла ясная; но днемъ жара доходила до 20° и болѣе, а ночью было такъ холодно, что, не смотря, что я спалъ въ толстой солдатской шинелѣ, не раздѣваясь, меня къ утру пронимала дрожь отъ холода, какъ въ лихорадкѣ. Обѣдъ состоялъ изъ одного блюда: солдатскихъ щей; водки можно было пить сколько угодно, но она такъ отзывалась сивушнымъ масломъ, что пить ее я не могъ. Прошло два дня, непріятель отъ берега не двигался. Наконецъ, настало 7-е сентября. Въ этотъ день мы отобѣдали, по обыкновенію, въ первомъ часу дня. Не имѣя привычки спать послѣ обѣда, я, какъ нарочно, заснулъ въ этотъ день самымъ крѣпкимъ сномъ, послѣдствія котораго были для меня весьма непріятны. Непріятель выслалъ дивизію пѣхоты и свою кавалерію для рекогносцировки; съ нашей стороны послали также маленькій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова, чтобы остановить наступленіе непріятеля. Съ этимъ отрядомъ поѣхалъ и начальникъ мой генералъ Кишинскій. Не зная ничего о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, я проснулся лишь въ то время, когда раздались наши выстрѣлы. Въ одно мгновеніе я былъ на ногахъ, бросился въ палатку моего генерала и, узнавъ, что онъ уѣхалъ, поскакалъ къ нему на едва осѣдланной лошади; но дѣло (ограничившееся нѣсколькими выстрѣлами и не имѣвшее никакихъ послѣдствій) было уже кончено: я встрѣтилъ отрядъ на обратномъ пути. Трудно себѣ представить то горькое чувство, которое овладѣло мной при этомъ. Генералъ Кишинскій молча выслушалъ мои извиненія, и это было для меня мучительнѣе, невыносимѣе всякой пытки. Я чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ моемъ самолюбіи и понималъ, что самъ далъ поводъ сомнѣваться въ моей военной чести; мнѣ казалось, что я погибъ во мнѣніи всѣхъ и что мнѣ остается одно—искать смерти.

Рекогносцировка 7-го сентября ознаменовалась маленькимъ недоразумѣніемъ. Одинъ изъ дивизіоновъ Кіевскаго гусарскаго герцога Лейхтенбергскаго полка стоялъ въ этотъ день на аван-

постахъ и былъ одѣтъ въ кителя; другіе же дивизіоны этого полка, вышедшіе на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ генерала Кирьякова, имѣли на себѣ доломаны. Въ концѣ дѣла, при отступленіи гусаръ на позицію, съ ними отступалъ и примкнувшій къ нимъ дивизіонъ въ кителяхъ. Между тѣмъ одна изъ пѣшихъ батарей поставлена была на удобномъ мѣстѣ и получила приказаніе, пропустивъ нашу кавалерію, немедленно открыть огонь по непріятельской, которая направлялась вслѣдъ за нашей. Мѣстность, по которой проходили гусары, была пересѣчена возвышенностями, и надобно было, къ довершенію несчастія, чтобы дивизіонъ въ кителяхъ тогда только показался изъ за возвышенія, когда другіе дивизіоны уже открыли мѣсто для стрѣльбы. Не сомнѣваясь, что показавшаяся кавалерія была непріятельская, командиръ батареи тотчасъ открылъ по ней огонь и прежде, чѣмъ разъяснилось недоразумѣніе, успѣлъ сдѣлать три или четыре выстрѣла. Отъ этихъ выстрѣловъ, сколько мнѣ помнится, былъ раненъ рядовой и убито двѣ или три лошади. Въ тотъ же самый день 7-го сентября, былъ взятъ въ плѣнъ подполковникъ Французскаго генеральнаго штаба Де-Лагонди, ѣхавшій съ порученіемъ отъ лорда Раглана къ маршалу Сентъ-Арно. По близорукости своей, онъ самъ наѣхалъ на нашихъ гусаръ, которыми тотчасъ же былъ схваченъ. Попавшись въ плѣнъ, Де-Лагонди былъ въ отчаяніи. Ему предложили послать парламентера за его вещами; онъ было согласился на это предложеніе, но, подумавъ, просилъ не посылать за ними, говоря, что во Французскомъ лагерѣ могутъ невыгодно истолковать поспѣшную заботу его объ удобствахъ жизни въ плѣну, при чемъ у него вырвалось восклицаніе: „que diront de moi les journaux“ *)!

Послѣ рекогносцировки, сдѣланной непріятельской арміей, союзныя войска приблизились къ нашей позиціи и расположились верстахъ въ четырехъ отъ нашего лагеря; ясно было, что

*) Что̀ скажутъ про меня газеты!

на другой день мы должны были ожидать рѣшительнаго боя. Вечеромъ, какъ у непріятеля, такъ и у насъ, зажжены были костры. Обходя наши биваки, я видѣлъ во многихъ полкахъ веселые хоры пѣсельниковъ, слышалъ шумные разговоры солдатъ, выражавшихъ полную увѣренность въ предстоявшей побѣдѣ. Проходя мимо батальона, составленнаго изъ моряковъ, я услыхалъ, что одинъ изъ матросовъ выражалъ горячее желаніе, чтобы во время сраженія не было дождя; я остановился и спросилъ, отъ чего онъ боится дождя? *«Я не боюсь, ваше благородіе, а ружья наши боятся: какъ пойде дождь, такъ и палитъ нельзя»*, отвѣчалъ онъ. Оказалось, что у нихъ были ружья съ кремневыми замками. Близъ палатки князя Меншикова, я встрѣтилъ адъютанта его Сколкова, котораго зналъ въ Петербургѣ. „Что вы думаете о завтрашнемъ днѣ?“ спросилъ я его. Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво, но потомъ объяснилъ, что по свѣдѣніямъ князя Меншикова высадилось около 70 тысячъ союзныхъ войскъ, у насъ же было всего около 30 тысячъ; слѣдовательно, хотя духъ нашихъ солдатъ превосходный, но ручаться за побѣду нельзя. Сколковъ былъ первый, отъ котораго я слышалъ сомнѣніе въ успѣхѣ нашего оружія; на другой день ему оторвало руку. На правомъ флангѣ нашей позиціи артилерійскіе офицеры собрались въ кружокъ и, толпясь около разложеннаго костра, горячо толковали о завтрашнемъ днѣ. Одинъ только командиръ 3 батареи 14 артилерійской бригады, котораго фамиліи не припомню, отошелъ въ сторону и, не смотря на свой постоянно веселый характеръ, не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ былъ убитъ на другой день пулею въ грудь и, замѣчательное дѣло, кромѣ него, въ батареѣ, имъ командуемой, не было ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Наконецъ, мало-по-малу, костры погасли, шумный говоръ стихъ, всѣ отправились по своимъ палаткамъ... Мнѣ приказано было явиться на разсвѣтѣ въ главную квартиру за полученіемъ приказаній относительно артиллеріи. Хотя я прибылъ туда еще

до восхода солнца, однако князь Меншиковъ и весь штабъ его были уже на ногахъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ, исправлявшій должность начальника штаба 6-го корпуса, которымъ командовалъ князь П. Д. Горчаковъ (братъ главнокомандующаго Дунайской арміи), узнавъ о причинѣ моего пріѣзда, поручилъ мнѣ передать всѣмъ батареямъ, чтобы онѣ немедленно снимали палатки, отправляли обозы и запрягали орудія. Передавъ это приказаніе, я возвратился около 8 часовъ утра, вмѣстѣ съ генераломъ Кишинскимъ, въ главную квартиру, гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока непріятель не двинулъ противъ насъ своихъ колонъ. Въ промежуткѣ этого времени я успѣлъ два раза съѣздить на разные пункты расположенія артилеріи съ приказаніями генерала Кишинскаго. Въ 12-мъ часу онъ послалъ меня въ третій разъ; но по возвращеніи, я не нашелъ въ главной квартиры ни его, ни князя Меншикова: они уѣхали, какъ мнѣ сказали, на лѣвый флангъ, откуда я только что пріѣхалъ. Это было въ началѣ перваго часа по полудни; непріятельскія колоны подходили въ то время къ нашей позиціи. Поскакавъ отыскивать генерала Кишинскаго, я встрѣтилъ его на лѣвомъ флангѣ, разставлявшаго легкія № 4-й и 5-й батареи 17-й артиллерійской бригады противъ Французскихъ орудій, открывшихъ огонь; къ этимъ батареямъ вскорѣ присоединены были 12-я конная и 4-я Донская, взятыя изъ резерва. Дѣйствіе всѣхъ этихъ батарей было такъ успѣшно, что Французскія орудія должны были вскорѣ замолчать. Мы подвинулись нѣсколько впередъ и конечно, если бы пѣхота поддержала наступленіе артилеріи, то непріятелю не легко было бы сбить насъ съ позиціи лѣваго фланга; но батальоны Московскаго полка, составлявшіе наше прикрытіе, стояли позади батарей и не получали никакого приказанія идти впередъ. Самое положеніе ихъ за батареями, а не на флангахъ, было причиною огромныхъ потерь, которыя они понесли въ этомъ дѣлѣ; кромѣ того, они не выслали застрѣльщичьей цѣпи и тѣмъ дали возможность непріятельскимъ стрѣлкамъ, покровительствуемымъ мѣстными неровностями, подходить къ орудіямъ на 300 шаговъ

и, ближе, и бить прислугу почти безнаказанно. Одно спасеніе противъ этихъ стрѣлковъ артилеристы видѣли въ картечи, и дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ штуцерный огонь непріятеля становился менѣе смертоносенъ.

Не могу при этомъ случаѣ не разсказать слѣдующій эпизодъ изъ дѣйствія 4-й легкой батареи 17-й артилерійской бригады. Генералъ Кишинскій, замѣтивъ позади нашихъ орудій выгодную мѣстность для дѣйствія артилеріи, приказалъ 4-й батареѣ, въ самомъ разгарѣ боя, занять эту мѣстность. Батальонъ Московскаго полка, стоявшій позади батареи, пропустилъ ее черезъ свои ряды, но потомъ сомкнулся и тѣмъ закрылъ ея огонь; хотя артилеристы требовали скорѣйшаго очищенія мѣста для стрѣльбы, но достигнуть того было не легко. Въ это самое время толпа непріятельскихъ всадниковъ, замѣтивъ происшедшее замѣшательство, кинулась батареѣ во флангъ, и такъ какъ пѣхота находилась въ самомъ неправильномъ строѣ и не могла оказать большаго сопротивленія атакѣ, а артилерія и вовсе никакого не представляла въ рукопашномъ бою, то конечно кавалеристы могли бы нанести намъ огромный вредъ; къ счастію, командиръ 1-го взвода 4-й батареи прапорщикъ Чарторижскій, замѣтивъ во время намѣреніе всадниковъ, повернулъ противъ нихъ фланговое орудіе и однимъ картечнымъ выстрѣломъ успѣлъ ихъ разсѣять. Находчивость этого офицера спасла насъ отъ большаго урона.

Стойкость нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ заставила непріятеля подкрѣпить свои колоны, противъ насъ дѣйствовавшія, дивизіею Канробера, при этомъ численный перевѣсъ оказался столь значителенъ на сторонѣ непріятеля, что отступленіе наше дѣлалось неизбѣжнымъ. При первыхъ отступательныхъ движеніяхъ подо мной убита была лошадь пулею въ лобъ; пуля эта была вѣроятно назначена мнѣ въ грудь, но въ моментъ вы-

стрѣла лошадь взмахнула головой вверхъ и тѣмъ спасла меня отъ смерти. Упавъ вмѣстѣ съ лошадью, я едва могъ высвободить ногу изъ-подъ сѣдла и почувствовалъ въ ногѣ сильную боль. Кишинскій, съ которымъ я стоялъ рядомъ на 4-й батареѣ, увидавъ, что я упалъ, предположилъ, что я убитъ и ускакалъ къ другой батареѣ; я же, спѣшенный, отправился назадъ, но прошелъ около двухъ верстъ прежде, чѣмъ успѣлъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Рядомъ со мной шелъ раненый солдатъ Московскаго полка; у него была оторвана рука; рана причиняла ему сильныя страданія, онъ ужасно стоналъ и вскорѣ упалъ; къ довершенію несчастья, сзади насъ разорвало гранату, осколокъ которой попалъ ему въ ногу. Хотя мнѣ жаль было бросить этого несчастнаго, но измученный усталостью и жарой, и къ тому же съ больной ногой, я рѣшительно не могъ тащить его на себѣ. Замѣтивъ, что по полю, въ разныхъ направленіяхъ, шли другіе раненые, я успѣлъ собрать нѣкоторыхъ, которыхъ раны были не такъ тяжелы, и съ помощью ихъ довелъ перваго до лазаретнаго полуфурка.

Сцены, которыхъ я былъ тутъ свидѣтелемъ, останутся мнѣ памятны на всю жизнь. Болѣе ста человѣкъ раненыхъ, плавая въ лужахъ крови, лежали около полуфурка, оглашая воздухъ самыми ужасными стонами; страданія нѣкоторыхъ были такъ велики, что они умоляли скорѣе ихъ приколоть; другіе, томясь жаждой, просили, какъ благодѣянія, дать имъ глотокъ воды, но воды не было. Фельдшеръ, при нихъ находившійся (врача же не было), не имѣлъ ни средствъ, ни времени всѣмъ подавать помощь; нерѣдко онъ подходилъ къ раненому въ то время, когда тотъ испускалъ послѣдній вздохъ. Я позабылъ и о жаждѣ и о голодѣ, которые передъ тѣмъ чувствовалъ, позабылъ и объ усталости, и рѣшился отойти отъ зрѣлища раздиравшаго сердце. Въ это время подъѣхалъ изъ Севастополя генералъ-адъютантъ Корниловъ и остановился около меня; я разсказалъ ему подробно все, чему былъ свидѣтелемъ; онъ съ

грустію выслушалъ меня, взялъ у казака лошадь и поскакалъ отыскивать князя Меншикова. Въ тоже время показалась невдалекѣ пѣшая батарея; я направился къ ней, сѣлъ на лафетъ одного изъ орудій и къ утру пріѣхалъ, вмѣстѣ съ батареей, на сѣверную сторону Севастополя. Батарея эта, въ которой въ иныхъ орудіяхъ осталось всего по двѣ лошади, была легкая № 5-й 17-й артилерійской бригады; командовалъ ею подполковникъ Хлопонинъ.

Альминское дѣло было съ нашей стороны дѣломъ артилерійскимъ. Артилерія наша принимала въ немъ самое дѣятельное участіе. Въ продолженіи трехъ часовъ она удерживала своимъ огнемъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля и, не смотря на огромныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, оставила на полѣ сраженія только два орудія батарейной № 2-й батареи 16-й артилерійской бригады, которыя, послѣ потери всѣхъ лошадей, не могли быть взвезены на возвышенность, находившуюся позади батареи. Изъ батарей, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ, наиболѣе пострадали легкія № 4-й и № 5-й 17-й артилерійской бригады, во все время боя находившіяся подъ штуцернымъ огнемъ зуавовъ и Французскихъ стрѣлковъ. Въ нѣкоторыхъ орудіяхъ этихъ батарей осталось едва по двѣ лошади, а въ другихъ орудіяхъ одинъ номеръ нерѣдко исполнялъ обязанности двухъ и трехъ номеровъ. Потеря наша отъ огня Французской артилеріи и судовъ, стоявшихъ у мыса Лукулла, была, сколько мнѣ извѣстно, не велика. Трудно опредѣлить число убитыхъ и раненыхъ этимъ огнемъ, но подбитыхъ лафетовъ и взорванныхъ ящиковъ оказалось немного. Потеря же непріятеля произошла преимущественно отъ нашихъ артилерійскихъ снарядовъ, потому что дѣйствіе нашей пѣхоты изъ гладкоствольныхъ ружей было ничтожно. Потеря эта, по донесеніямъ главнокомандующихъ союзными силами, состояла изъ 4301 человѣка убитыми и ранеными. Эта цифра лучше всего можетъ свидѣтельствовать о дѣйствіи нашей артилеріи 8-го сентября. Князь

Меншиковъ, оцѣняя заслуги артилеристовъ въ этомъ дѣлѣ, далъ сравнительно больше Георгіевскихъ крестовъ въ батареи, чѣмъ въ прочіе ряды войскъ.

Много было говорено и писано объ Альминскомъ сраженіи. Позволю себѣ, не вдаваясь въ разборъ его съ военной точки зрѣнія, сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находилась наша армія сравнительно съ непріятельской.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, наша армія подъ Альмой состояла изъ 42 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 батарей 8-ми-орудійнаго состава, всего изъ 33 тысячъ человѣкъ. Въ непріятельской же арміи было 32 тысячи Французовъ, 26 тысячъ Англичанъ, 7 тысячъ Турокъ, всего 65 тысячъ; слѣдовательно союзники были почти вдвое сильнѣе насъ. Вооруженіе нашей пѣхоты состояло изъ гладкоствольныхъ ружей, которыми съ успѣхомъ можно было дѣйствовать не далѣе 200 шаговъ; непріятельская же пѣхота имѣла штуцера, которые на разстояніи 500 шаговъ производили убійственный огонь; слѣдовательно наша пѣхота относительно непріятельской была въ положеніи человѣка съ палкой передъ человѣкомъ, который вооруженъ пистолетомъ. О сравнительномъ достоинствѣ нашихъ и непріятельскихъ ружей разсказывали въ то время слѣдующій анекдотъ. Всѣхъ раненыхъ въ Севастополѣ нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, представляли императору Николаю Павловичу. На одномъ изъ такихъ представленій Его Величество спросилъ одного солдата, какого онъ мнѣнія о непріятельскихъ ружьяхъ? Солдатъ отвѣчалъ, что ружья у непріятеля не въ примѣръ лучше нашихъ, потому что у него ружья Англійскія, а у насъ казенныя. Артилерійскія орудія и лафеты, какъ у Французовъ, такъ и у Англичанъ, были превосходные; въ нашей же артилеріи, въ большинствѣ батарей, орудія были старыя съ выбоинами въ кана-

лахъ, а лафеты дослуживавшіе свои сроки; въ одной же батареѣ лафеты были такъ плохи, что когда Кишинскій совѣтовалъ эту батарею назначить въ резервъ, то князь Меншиковъ сказалъ, что лучше было бы поставить ее въ первую линію, такъ какъ, если она будетъ оставлена въ резервѣ и ее придется вызвать на позицію, то у ней разсыпятся лафеты прежде, чѣмъ она доѣдетъ. Если я выше сказалъ, что наша артилерія подъ Альмой дѣйствовала превосходно, то этимъ она обязана была энергіи и находчивости генерала Кишинскаго и прекрасному составу корпуса артилерійскихъ офицеровъ, которые, не щадя своей жизни, подъѣзжали къ непріятелю на самыя близкія разстоянія и оставались на позиціи подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; въ батареѣ № 4-й 17-й артилерійской бригады, которою командовалъ полковникъ Кондратьевъ, выбыло изъ строя 48 человѣкъ, то-есть половина батареи, и самъ онъ былъ раненъ. Что же относится до матеріальной части нашей артилеріи, то нѣтъ сомнѣнія, что она была несравненно хуже непріятельской.

Въ чемъ мы имѣли перевѣсъ надъ непріятелемъ, такъ это въ кавалеріи; да и то перевѣсъ былъ только количественный, но не качественный. У насъ было подъ Альмой регулярной кавалеріи всего два гусарскихъ полка, которыми командовали генералы Халецкій и Бутовичъ. Вотъ что пишетъ о нихъ генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ своей *Исторіи обороны Севастополя*: „25 сентября наша кавалерія дѣлала рекогносцировку за рѣкой Черной. Находившійся при отрядѣ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Виллебрантъ и генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ доложили князю Меншикову, что командиры гусарскихъ полковъ Халецкій и Бутовичъ струсили и ретировались безъ всякой причины“.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію, каковы были генералы въ нашей арміи. Главнокомандующій ея князь Меншиковъ былъ

безспорно умный и образованный человѣкъ; но онъ никогда не командовалъ арміей и провелъ большую часть своей службы не въ сухопутныхъ войскахъ, а во флотѣ. Внѣшній видъ его былъ самый печальный, въ немъ не было ни малѣйшей молодцоватости; здоровался онъ такъ, что его не было слышно, говорить съ солдатами не умѣлъ; внѣшность же имѣетъ большое значеніе, когда нужно возбудить въ солдатахъ энтузіазмъ и внушить довѣріе. Онъ не любилъ военной службы и военныхъ почестей. Разсказывали, что когда онъ жилъ въ Севастополѣ, то, выходя изъ своего дворца, онъ избѣгалъ проходить мимо гауптвахты, чтобы не заставлять караулъ отдавать ему честь. Начальникомъ штаба у него былъ полковникъ Вуншъ, который имѣлъ, можетъ быть, много достоинствъ, какъ человѣкъ, но но имѣлъ военнаго образованія и не умѣлъ выбрать себѣ сколько нибудь способныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Затѣмъ, князь Горчаковъ, командиръ 6-го корпуса и начальники дивизій Моллеръ, Квицинскій и Кирьяковъ, всѣ были безъ всякихъ военныхъ способностей; а Кирьяковъ, хотя былъ рекомендованъ князю Меншикову изъ Петербурга, какъ brave soldat et bon général *), но оказался, какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ Исторіи обороны Севастополя“, и нераспорядительнымъ, и пьяницей, и хвастуномъ. Я могу съ своей стороны сказать, что, бывши во все время Альминскаго боя на лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ Кирьяковъ, я его не видалъ и, хотя искалъ, по приказанію Кишинскаго, чтобы просить его внести какой нибудь порядокъ въ дѣйствія пѣхоты, которая мѣшала стрѣлять артилеріи и не оказывала ей никакой защиты противъ непріятельскихъ стрѣлковъ, но найти нигдѣ не могъ.

Не въ такомъ положеніи была союзная армія. Главнокомандующій Французами Сентъ-Арно былъ хотя больной старикъ, но даровитый и опытный генералъ; начальники дивизій:

*) Храбрый солдатъ и хорошій генералъ.

Канроберъ, Боске, Фаре и принцъ Наполеонъ успѣли уже составить себѣ имя въ военномъ дѣлѣ и пользовались полнымъ довѣріемъ командуемыхъ ими частей; наконецъ, самыя войска были отборныя, имѣвшія опытность; а нѣкоторыя, какъ напримѣръ зуавы, пріобрѣли вполнѣ заслуженную славу въ Африканской войнѣ. Пѣхота была вооружена ружьями Минье *), пули которыхъ попадали даже въ наши резервы; такъ одной изъ нихъ былъ убитъ, какъ я выше сказалъ, командиръ 3-й батареи 14-й артилерійской бригады. Какъ примѣръ храбрости и самоотверженія Англичанъ, я могу привести переходъ ихъ черезъ Альму подъ картечнымъ огнемъ нашей двухъ-ярусной батареи 16-й артилерійской бригады, заблаговременно поставленной и окопанной. Альма была запружена ихъ тѣлами, уронъ ихъ былъ громадный; но, не смотря на нашъ убійственный огонь, они не только перешли Альму, но и завладѣли нашими двумя орудіями, которыя мы не могли вывезть въ гору и оставили въ ихъ рукахъ.

Нѣкоторые военные писатели, указывая на ошибки нашихъ генераловъ, предполагаютъ, что если бы ошибокъ не было, то мы могли бы выиграть Альминское сраженіе. Съ этимъ согласиться нельзя. Изъ сравненія, сдѣланнаго мной нашей арміи съ непріятельскою видно, что перевѣсъ силъ на сторонѣ союзниковъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что остановить наступленіе непріятеля мы не имѣли никакой возможности. Мы могли бы, можетъ быть, продлить только агонію нашего пораженія, то-есть отступить не черезъ нѣсколько часовъ, а черезъ нѣсколько дней, но едва ли это послѣднее обстоятельство было бы лучше перваго: потерявъ большую часть нашей арміи, мы дали бы возможность непріятелю занять Севастополь почти безъ выстрѣла, такъ какъ, кромѣ моряковъ, въ Севастополѣ

*) Въ Петербургѣ говорили, что Минье, по изобрѣтеніи имъ ружья съ чашечкой, предложилъ его Россіи; но наше Военное Министерство отказалось его принять, вслѣдствіе того, что ружьемъ этимъ было почему-то неудобно дѣлать ружейные пріемы.

было только шесть резервныхъ батальоновъ, вооруженныхъ старыми ружьями, изъ которыхъ многія были испорчены и не стрѣляли; сохранивъ же нашу армію, черезъ быстрое отступленіе, мы заставили союзниковъ начать правильную осаду Севастополя, прославившую стойкость Русскаго солдата и, можетъ быть, содѣйствовавшую къ заключенію мира сравнительно на менѣе тягостныхъ условіяхъ.

VIII.

Фланговое движеніе къ Бахчисараю.—Севастополь послѣ Альминскаго сраженія.—Мусина Пушкина.—Первое бомбардированіе Севастополя 5-го октября. — Удачное дѣло Липранди подъ Балаклавой. — Похороны Корнилова. — Тотлебенъ. — Инкерманское сраженіе.

9-го сентября рано утромъ 5-я батарея пришла на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ была ея стоянка до высадки непріятеля. Батарея пришла одна. Куда отступила вся наша армія, никто не зналъ. Отдохнувъ 2—3 часа и выпивъ стаканъ чаю, я попросилъ у батарейнаго командира Хлопонина верховую лошадь и поѣхалъ отыскивать моего генерала. Сначала я ѣхалъ по берегу моря и видѣлъ очень много непріятельскихъ пароходовъ, сновавшихъ но разнымъ направленіямъ; затѣмъ я сталъ встрѣчать нашихъ пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ кучками и по одиночкѣ; у нѣкоторыхъ не было ружей. На мой вопросъ, гдѣ ихъ полки, всѣ отвѣчали незнаніемъ; а когда я поинтересовался знать, отчего они отдѣлились отъ своихъ полковъ, они объясняли, что отъ ихъ ротъ никого не осталось, всѣ были перебиты и что вслѣдствіе темноты ночи они не могли отыскать своихъ полковъ. Все это была ложь, какъ я впослѣдствіи узналъ; это были отсталые мародеры. Замѣтивъ, что одинъ пѣхотный солдатъ ѣхалъ на одной лошади верхомъ, а другую держалъ въ поводу, и узнавъ, что онъ поймалъ этихъ лошадей на полѣ сраженія, я предложилъ ему продать одну изъ нихъ, на что онъ согласился и продалъ мнѣ за два золотыхъ; купленная мной лошадь была гораздо лучше той, которую убили

подо мной. Отъѣхавъ около 10 верстъ отъ Севастополя, я увидалъ въ полѣ лежавшихъ въ разныхъ мѣстахъ раненыхъ, которые шли вѣроятно всю ночь съ поля сраженія и обезсилѣвъ упали; всѣ они были въ крови, а нѣкоторые обратились уже въ трупы. Около этихъ раненыхъ стояли элегантные экипажи съ дамами и двумя военными врачами, которые, переходя отъ одного раненаго къ другому, перевязывали раны, а дамы имъ давали водку и разные съѣстные припасы, какъ напримѣръ булки бѣлаго хлѣба, бутерброды, пирожки, привезенные съ ними въ большихъ корзинахъ. Нѣкоторыхъ раненыхъ клали въ фуры, слѣдовавшія за экипажами; а другіе, подкрѣпившись, имѣли достаточно силъ, чтобы идти пѣшкомъ. Объѣхавъ все поле, я видѣлъ, что нѣкоторыя дамы выходили изъ экипажей и, стоя на колѣнахъ предъ ранеными, помогали докторамъ дѣлать перевязки. Въ особенности я обратилъ вниманіе на одну молодую красивую особу, которая пріѣхала не въ элегантномъ экипажѣ, а на извощикѣ и, подавая доктору бинты и корпію, заливалась горькими слезами; докторъ мнѣ сказалъ, что это была жена одного моряка—Мусина-Пушкина, о которой я буду еще говорить. При видѣ съѣстныхъ припасовъ, меня страшно разобралъ голодъ, такъ какъ наканунѣ, въ день сраженія, я ровно ничего не ѣлъ до вечера, а вечеромъ, когда мы начали отступать, одинъ изъ артилерійскихъ солдатъ предложилъ мнѣ выпить водки изъ его манерки, а другой подѣлился со мной нѣсколькими кистями винограда, которыя онъ сорвалъ, проходя чрезъ виноградники; въ тотъ же день, который я описываю, я выпилъ всего одинъ стаканъ чаю, которымъ меня угостили офицеры 5-й батареи. Не принадлежа къ числу раненыхъ, мнѣ совѣстно было попросить у благотворительныхъ дамъ чего-нибудь поѣсть, и я рѣшился уѣхать отъ соблазна.

Когда я подъѣхалъ къ почтовой станціи на Бельбекѣ, мнѣ представилась слѣдующая сцена. Какой-то Татаринъ стоялъ на колѣнахъ предъ пьянымъ фурштатскимъ солдатомъ, ругавшимъ

его и махавшимъ надъ его головой саблей. Увидя меня, Татаринъ умолялъ его защитить; я приказалъ солдату оставить Татарина въ покоѣ, но тотъ продолжалъ махать саблей и, едва держась на ногахъ, повторялъ: „онъ, ваше благородіе, измѣнникъ, онъ—бусурманъ!“ Выйдя изъ терпѣнія, я вынулъ саблю и ударилъ ею плашмя по спинѣ солдата; онъ тотчасъ вытянулся предо мной, сколько могъ спьяна; я ему скомандовалъ, какъ въ строю: *сабли въ но — жны*, и онъ вложилъ саблю въ ножны, ничего не сказавъ, но съ трудомъ отыскавъ отверстіе ноженъ. Татаринъ, конечно, въ это время исчезъ. Это былъ единственный случай, когда, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму, я вынулъ саблю и вынулъ ее не противъ непріятеля, а противъ своего солдата. Нѣсколько далѣе стоялъ разбитый кабакъ, около котораго валялись пьяные солдаты разныхъ полковъ. Случаи пьянства и безобразій, дѣлаемыхъ нашими солдатами, были и въ другихъ мѣстахъ. Генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ своей книгѣ „Исторія обороны Севастополя“ говоритъ: „Были уже сумерки (послѣ Альминскаго сраженія), когда я спустился въ долину рѣки Качи у деревни Ефендикіой, гдѣ былъ страшный безпорядокъ: войска и обозы перемѣшались, не зная куда идти; крики, даже ружейные выстрѣлы раздавались повсюду. Ночью солдаты разбрелись по селенію, зажгли его, разбили бочки съ виномъ и многіе перепились“. Генералъ-адъютантъ Хрущовъ, какъ извѣстно, въ сраженіи при Альмѣ командовалъ Волынскимъ полкомъ, а затѣмъ, отличившись въ Крымской кампаніи своими военными дарованіями и геройскимъ духомъ, онъ въ концѣ своей жизни былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири. Это былъ человѣкъ честный и недюжиннаго ума.

Проѣхавъ почтовую станцію и поднявшись на гору, я увидалъ скакавшаго казака и кричавшаго: „непріятель идетъ!“ Посмотрѣвъ въ даль, я дѣйствительно могъ отличить красные мундиры Англичанъ и, чтобы не попасть въ плѣнъ, рѣшился вер-

нуться назадъ. Въ обратный путь я поѣхалъ не по берегу моря, а черезъ Инкерманъ, надѣясь кого нибудь встрѣтить, чтобы узнать, гдѣ находится главная квартира. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, я обогналъ какой-то пѣхотный полкъ, шедшій въ Севастополь, гдѣ, какъ мнѣ сказали офицеры, долженъ былъ находиться и князь Меншиковъ.

Слѣдуя за полкомъ, я, въ сумерки, пріѣхалъ на южную сторону Севастополя и отправился въ гостиницу „Золотой Якорь“, въ номеръ, который я тамъ занималъ. Въ номерѣ я нашелъ, къ немалому удовольствію, лакея моего, только что прибывшаго съ моими вещами, находившимися въ обозѣ. Снявъ платье, которое было на мнѣ день и ночь съ 4-го сентября, я съ особеннымъ наслажденіемъ усѣлся за чайный столъ, чтобъ утолить голодъ и жажду; затѣмъ легъ спать. Утромъ у меня такъ распухла нога, которую мнѣ придавила лошадь, что я не могъ надѣть сапога и долженъ былъ цѣлый день просидѣть въ номерѣ. Вечеромъ, услыхавъ, что Тотлебенъ, котораго номеръ былъ рядомъ съ моимъ, вернулся съ работъ, я надѣлъ туфлю и пошелъ къ нему, чтобы узнать, что̀ дѣлается? Онъ въ это время пилъ чай и спѣшилъ отправиться къ Корнилову. Отъ него я узналъ, что Меншиковъ и его штабъ находятся въ Севастополѣ, что нашей арміи приказано собраться на Куликовомъ полѣ, близъ Севастополя, что капитанъ Зоринъ, на бывшемъ военномъ совѣтѣ, предлагалъ заградить входъ въ бухту, затопивъ наши старые корабли, но Корниловъ этого не хочетъ и что, наконецъ, непріятель показался на Бельбекѣ. Поблагодаривъ его за сообщенныя свѣдѣнія, я твердо рѣшился на другой день отправиться къ Кишинскому. Вставъ рано утромъ и разрѣзавъ сапогъ въ подъемѣ, чтобы имѣть возможность его надѣть, я вышелъ изъ гостиницы и очень обрадовался, встрѣтивъ старшаго адъютанта штаба Кишинскаго, котораго фамиліи не припомню; но онъ, увидавъ меня, чуть не отскочилъ, объяснивъ, что по приказанію Кишинскаго онъ включилъ меня

въ списокъ убитыхъ и что Кишинскій разсказывалъ даже подробности, какъ я былъ убитъ. Когда я явился къ моему генералу, видъ мой произвелъ на него не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ и на его адъютанта. Разспросивъ о всемъ, что̀ со мной было, онъ сказалъ: „Очень жаль, что у васъ нѣтъ лошади; князь Меншиковъ назначилъ сегодня вечеромъ смотръ войскамъ на Куликовомъ полѣ, и мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы были при мнѣ“. Я ему отвѣтилъ, что лошадь я уже купилъ и готовъ явиться къ нему тотчасъ, какъ онъ прикажетъ. Онъ назначилъ къ 5 часамъ быть у него. У меня не было сѣдла; но, узнавъ, что Жолобовъ уже умеръ вслѣдствіе того, что не согласился на ампутацію ноги, я взялъ его сѣдло (которое впослѣдствіи купилъ) и въ назначенный часъ былъ у Кишинскаго. Полагая, что смотръ продолжится не долго, Кишинскій предложилъ мнѣ, послѣ смотра, пить у него чай и велѣлъ денщику поставить самоваръ. Когда мы пріѣхали на смотръ, войска были уже построены. Унылый видъ солдатъ, ихъ небритыя бороды, нечищенные ремни аммуниціи и испачканныя, а отчасти и изорванныя шинели производили весьма грустное впечатлѣніе; нѣкоторые батальоны по численности похожи были на роты, такъ велики были ихъ потери. По пріѣздѣ князя Меншикова, заиграла музыка, но оживленія она не произвела: у всѣхъ были грустныя лица, а князь Меншиковъ смотрѣлъ грустнѣе всѣхъ. Остановившись передъ войсками, онъ что-то сказалъ, но никто не разслышалъ, затѣмъ подъѣхалъ поближе и еще что-то сказалъ; какой-то батальонъ отвѣтилъ: *рады стараться*, и тѣмъ смотръ окончился. Кишинскій хотѣлъ уже ѣхать домой, какъ барабаны ударили походъ, и первый полкъ двинулся по дорогѣ, идущей отъ Севастополя. Всѣ въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: куда мы идемъ? Но отвѣта на этотъ вопросъ никто не могъ дать. Начало темнѣть, наконецъ стемнѣло, а мы уходили все дальше и дальше отъ Севастополя. Кишинскій вспомнилъ въ это время, что нашъ паркъ, безъ котораго артилерія не можетъ обойтиться, остался въ Севастополѣ. Онъ просилъ меня отыскать князя Меншикова и доложить ему объ этомъ. Я по-

ѣхалъ рысью, желая обогнать колону нашихъ войскъ; но было такъ темно, что только по бряцанью ружей и говору солдатъ я слышалъ, что ѣду близъ идущихъ войскъ, обогнать же ихъ было невозможно; не только нельзя было разсмотрѣть дорогу и мѣстность около дороги, но я не видѣлъ даже головы моей лошади. Вскорѣ войска остановились; сдѣланъ былъ привалъ. Проѣзжая мимо группы офицеровъ, курившихъ и говорившихъ объ Альминскомъ сраженіи, я остановился, слѣзъ съ лошади и, попросивъ огня, чтобы закурить папиросу, вмѣшался въ разговоръ. Одинъ изъ говорившихъ сказалъ, между прочимъ, что наши солдаты струсили; я сталъ ему горячо возражать, объясняя, что виною нашего пораженія были не солдаты, а наши бездарные генералы и при этомъ разсказалъ дѣйствія Кирьякова на лѣвомъ флангѣ. Въ это время, кто-то подошелъ ко мнѣ и заглянулъ мнѣ въ лице такъ близко, что я невольно отскочилъ; это былъ князь Меншиковъ, который лежалъ гдѣ-то въ травѣ и, слыша мои горячія возраженія, пожелалъ вѣроятно знать кто я? Въ группѣ же говорившихъ были два адъютанта князя Меншикова и флигель-адъютантъ Альбединскій, который на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ. Говорили, что первый посланный князя Меншикова съ донесеніемъ Государю Грейгъ сказалъ, что войска наши бѣжали; но Альбединскій доложилъ Его Величеству о всемъ имъ видѣнномъ, не подтвердивъ этого донесенія, чѣмъ много утѣшилъ Государя. Князь Меншиковъ узналъ меня; я ему доложилъ о причинѣ моего пріѣзда. Его свѣтлость приказалъ тотчасъ же послать одного изъ офицеровъ казачьей артилеріи съ приказаніемъ парку немедленно выступить изъ Севастополя и присоединиться къ войскамъ. Поѣхавъ исполнить приказаніе князя Меншикова, я натолкнулся на полковника Вунша, который узналъ меня по голосу и съ удивленіемъ спросилъ, какимъ образомъ случилось, что онъ видитъ меня живымъ, между тѣмъ какъ Кишинскій сообщилъ штабу главнокомандующаго, что я убитъ. Я объяснилъ ему какъ было дѣло; онъ пожалъ мнѣ руку и выразилъ удовольствіе, что донесеніе Кишинскаго оказалось невѣрнымъ. Вернувшись къ Ки-

шинскому, я передалъ ему приказаніе князя Меншикова; офицеръ былъ посланъ въ Севастополь, паркъ выступилъ, но въ то время, какъ онъ шелъ къ Бахчисараю для присоединенія къ нашему отряду, то есть съ запада на востокъ, союзная армія переходила съ сѣверной стороны на южную и встрѣтилась съ паркомъ. Командиръ парка полковникъ Хамратъ говорилъ, что, не подозрѣвая близости непріятеля, онъ шелъ безъ прикрытія и безъ всякихъ военныхъ предосторожностей; каково же было его удивленіе, когда онъ наткнулся на непріятельскую цѣпь, и раздались выстрѣлы. Повозки его поскакали по разнымъ направленіямъ, люди разбѣжались; а онъ, не желая попасть въ плѣнъ, уѣхалъ въ сторону, противоположную движенію союзниковъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля весь парковый обозъ, всѣ свои вещи и деньги, лежавшія въ денежномъ ящикѣ. Онъ былъ въ отчаяніи. Нѣкоторыя повозки и много людей успѣли скрыться отъ непріятеля и присоединились къ нашему отряду, но большая часть парка была взята въ плѣнъ. На одной изъ повозокъ ѣхалъ артилерійскій капитанъ (фамилія его, сколько помню была Кузовлевъ), который, не пріѣхавъ почему-то на смотръ князя Меншикова на Куликовомъ полѣ, воспользовался тѣмъ, что паркъ выступилъ изъ Севастополя для соединенія съ нашимъ отрядомъ, легъ на одну изъ повозокъ и крѣпко заснулъ; соннымъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи его промѣняли на Французскаго плѣннаго де-Лагонди. Я стоялъ на берегу моря въ то время, когда нашъ пароходъ подъ бѣлымъ флагомъ повезъ де-Лагонди къ ближайшему Англійскому кораблю, на которомъ находился Кузовлевъ. Когда пароходъ подошелъ и Кузовлевъ сходилъ съ Англійскаго корабля, его провожали Англійскіе офицеры, съ которыми онъ разцѣловался. Вернувшись въ свою батарею, онъ разсказывалъ, что въ плѣну ему было очень хорошо, что офицеры постоянно угощали его отличнымъ коньякомъ и что со многими изъ нихъ онъ очень сдружился, хотя не зналъ Англійскаго языка, но научился объясняться пантомимами.

13-го сентября, утромъ, мы пришли къ Бахчисараю и расположились на бивакахъ въ 3 или 4 верстахъ отъ города. Полковые обозы, которымъ было велѣно двинуться за своими полками, пришли нѣсколько позже, къ нимъ присоединился и обозъ Кишинскаго; но мой лакей, не получившій отъ меня никакихъ приказаній, остался съ вещами въ Севассополѣ; такимъ образомъ, не имѣя при себѣ ни бѣлья, ни подушки, я былъ бы поставленъ въ весьма печальное положеніе, если бы меня не выручилъ мой товарищъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, который, состоя при Хомутовѣ, былъ имъ присланъ съ двумя Донскими казачьями батареями для подкрѣпленія нашего отряда. Встрѣтившись съ нимъ въ Бахчисараѣ, я чрезвычайно обрадовался; это былъ первый человѣкъ въ Крыму, въ расположеніи и дружбѣ котораго я былъ увѣренъ. Онъ предложилъ мнѣ помѣститься въ одной съ нимъ палаткѣ и далъ изъ своихъ вещей все, что̀ мнѣ было нужно.

Первые дни нашей бивачной жизни мы были отрѣзаны отъ Севастополя непріятелемъ, переходившимъ съ сѣверной стороны на южную; только 15-го сентября капитанъ-лейтенантъ Стуценко, знавшій хорошо мѣстность, пробрался пѣшкомъ въ Севастополь и извѣстилъ Корнилова о мѣстѣ нахожденія нашего отряда. Затѣмъ, когда непріятель взялъ Балаклаву и очистилъ намъ сообщеніе съ Севастополемъ, князь Меншиковъ послалъ нѣсколько полковъ на сѣверную сторону, а свою главную квартиру перенесъ на Бальбекъ. Стоя на бивакахъ, мы знали все, что́ дѣлается въ Севастополѣ отъ пріѣзжавшихъ оттуда артилерійскихъ офицеровъ; такъ мы знали, что умеръ Сентъ-Арно и что Канроберъ вступилъ въ командованіе Французской арміей; мы знали, что наше фланговое движеніе къ Бахчисараю произвело на жителей Севастополя самое удручающее впечатлѣніе: узнавъ, что армія ушла неизвѣстно куда, оставивъ городъ беззащитнымъ, многимъ пришла въ голову нелѣпая мысль объ измѣнѣ князя Меншикова, и городомъ овла-

дѣлъ паническій страхъ. Если вникнуть въ положеніе, въ которомъ остался Севастополь, по уходѣ арміи, то нельзя не сказать, что страхъ, овладѣвшій жителями, былъ не безоснователенъ. Хотя Тотлебенъ успѣлъ уже обнести городъ бастіонами, но многіе изъ бастіоновъ не были еще вооружены орудіями, а тамъ, гдѣ стояли орудія, не было еще зарядовъ. Гарнизонъ же Севастополя, состоявшій, кромѣ матросовъ, всего изъ 6-ти резервныхъ и одного сапернаго батальоновъ, былъ такъ слабъ, что не могъ оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія союзнымъ войскамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы непріятель рѣшился атаковать городъ тотчасъ по переходѣ его на южную сторону, то онъ могъ бы вступить въ него почти что церемоньяльнымъ маршемъ; не сдѣлалъ же онъ этого потому что, съ одной стороны, у него не было никакихъ свѣдѣній о печальномъ положеніи Севастополя, а съ другой, вслѣдствіе перехода нашей арміи къ Бахчисараю, откуда, получивъ значительныя подкрѣпленія, она могла ударить ему въ тылъ. Союзные главнокомандующіе, сочтя штурмъ дѣломъ рискованнымъ, рѣшились, прежде всего, укрѣпить свои позиціи, чтобы обезпечить себя отъ нападенія; а въ то время, какъ они укрѣплялись, Корниловъ и Тотлебенъ, дѣйствуя съ неимовѣрной энергіей, успѣли привести городъ въ такое оборонительное положеніе, при которомъ штурмъ не могъ быть страшенъ для насъ. Мы знали также отъ пріѣзжавшихъ на бивакъ офицеровъ, что жители города провели одну ночь безъ сна, вслѣдствіе тревоги, возбудившей въ нихъ сильный страхъ. Причина тревоги была слѣдующая. Въ Севастополь гнали гурты скота, которые вслѣдствіе ночной темноты остались ночевать на возвышенностяхъ, окружавшихъ городъ; погонщики гуртовъ зажгли костры, которые и произвели тревогу; при слабомъ освѣщеніи костровъ, скотъ приняли за многочисленнаго непріятеля, и въ ожиданіи ночнаго нападенія, всѣ жители провели ночь на улицахъ; разсказывали, что жена одного генерала отъ страха выкинула. До Альминскаго сраженія не только никто не выѣхалъ изъ Севастополя, но были даже семейства,

которыя пріѣхали изъ Симферополя и Бахчисарая; считая Севастополь самымъ безопаснымъ мѣстомъ въ Крыму; никому не приходило въ голову, чтобы непріятеля не разбили, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до Севастополя, но послѣ ночи, проведенной безъ сна, выселеніе изъ города началось въ громадныхъ размѣрахъ.

Стоя на бивакахъ, я не разъ ѣздилъ въ разныя батареи съ приказаніями Кишинскаго. Одинъ разъ я развозилъ Георгіевскіе кресты, данные нижнимъ чинамъ за Альминское сраженіе и помню, что въ 4-й батареѣ подполковникъ Кондратьевъ предложилъ солдатамъ выбрать самимъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которыхъ они считаютъ наиболѣе достойными получить Георгія. Солдаты, между прочими, выбрали единогласно юнкера Колемина, который, оставшись при своемъ орудіи одинъ цѣлъ и невредимъ, исполнялъ обязанности всѣхъ номеровъ и продолжалъ стрѣлять. Другой разъ, я ѣздилъ къ князю Горчакову, который былъ начальникомъ отряда, просить его о перемѣщеніи одной батареи ближе къ водопою. Подъѣхавъ къ его палаткѣ въ то время, какъ онъ обѣдалъ, я объяснилъ ему причину моего пріѣзда; но онъ такъ разсердился за то, что я прервалъ его обѣдъ, что, раскричавшись на меня, не сдѣлалъ никакого распоряженія. Возвращаясь отъ него, я заѣхалъ на бивакъ Ингерманландскаго гусарскаго Принца Веймарскаго полка, съ офицерами котораго я былъ знакомъ по балу въ Симферополѣ. Подъѣхавъ къ полку, всѣ меня окружили, а одинъ офицеръ, увидавъ лошадь, на которой я сидѣлъ и которую, какъ я уже говорилъ, купилъ за два золотыхъ, призналъ ее за свою, пропавшую у него въ день Альминскаго сраженія; онъ убѣдительно просилъ возратить ее, предлагая отдать два золотыхъ, которые она мнѣ стоила. Положеніе мое было весьма щекотливое: съ одной стороны я сознавалъ право офицера требовать возврата украденной у него лошади; но съ другой, я не могъ рѣшиться остаться безъ лошади, а потому, обратившись къ

офицерамъ, я просилъ ихъ указать мнѣ, какъ я долженъ поступить. Офицеры вошли въ мое положеніе и кончилось тѣмъ, что хозяинъ лошади взялъ ее, а мнѣ далъ, на мѣсто ея, другую лошадь, конечно старую и разбитую на ноги, но я доволенъ былъ и тѣмъ, что могъ уѣхать изъ полка верхомъ, а не уйти пѣшкомъ. Въ то время какъ я говорилъ съ офицерами, полкъ получилъ приказъ немедленно двинуться къ Черной рѣчкѣ; простившись съ офицерами, я поѣхалъ къ Кишинскому и на другой день узналъ, что наши гусары осрамились, отступивъ передъ однимъ эскадрономъ Англійской кавалеріи. Говорили, что за это дѣло смѣнятъ полковаго командира Бутовича, но слухъ не оправдался. Ѣздилъ я также съ бивака въ Бахчисарай для покупки разныхъ фруктовъ, которые продавались на базарѣ почти въ такихъ же количествахъ, какъ и въ мирное время, только стоили гораздо дороже. Хотя Бахчисарай былъ въ сферѣ военныхъ дѣйствій, но жизнь въ немъ текла обыкновеннымъ порядкомъ: на крышахъ домовъ и на улицахъ можно было видѣть, какъ сапожники шьютъ сапоги, какъ булочники пекутъ хлѣбы, какъ цирюльники брѣютъ бороды и даже женщины Татарки не стѣснялись гулять по городу, но только съ закрытыми лицами, въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. Нерѣдко встрѣчались пьяные солдаты, но буйствъ не было; за этимъ строго слѣдили начальники частей.

Обѣдалъ я обыкновенно съ княземъ Оболенскимъ; послѣ обѣда пріѣзжалъ съ почты писарь и привозилъ ему письма, въ которыхъ описывалось все, что̀ о насъ думаютъ и говорятъ въ Петербургѣ, и странное дѣло, всѣ предположенія Петербургскихъ жителей о нашихъ дѣйствіяхъ оказывались невѣрными съ дѣйствительностью; вѣроятно тамъ вовсе не знали положенія, въ которомъ мы находились.

Праздная жизнь, которую я велъ на бивакѣ, мнѣ такъ наскучила, наконецъ, что я рѣшился переѣхать въ Севастополь.

Предупредивъ Кишинскаго, я явился къ Корнилову и по его предложенію вступилъ въ завѣдываніе ракетной батареей, сформированной штабсъ-капитаномъ морской артилеріи Пестичемъ. Переѣхавъ въ Севастополь, я помѣстился въ одной квартирѣ съ капитаномъ Маевскимъ, въ домѣ купчихи Закревской. Батарея, въ командованіе которой я вступилъ, была въ престранномъ положеніи. Въ ней было 25 нижнихъ чиновъ и 15 лошадей, запряженныхъ въ 5 телѣгъ, на которыхъ лежали ракеты и станки; для прокормленія же людей и лошадей мнѣ не было дано ни денегъ, ни провіанта, ни фуража. Людей я успѣлъ прикомандировать къ батареѣ Маевскаго, который согласился кормить ихъ при своей батареѣ, но фуражъ я вынужденъ былъ покупать два или три дня на свои деньги, платя за пудъ сѣна около 2-хъ рублей; наконецъ, Корниловъ приказалъ мнѣ брать фуражъ, подъ квитанцію, отъ какого-то Грека, поставщика фуража для арміи, который отпускалъ мнѣ только одно сѣно до 5-го октября; 5-го же октября домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ розрушенъ бомбой, и онъ неизвѣстно куда скрылся; въ этотъ день убитъ былъ и Корниловъ. Оставшись такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ прокормленію лошадей, я вынужденъ былъ упрашивать знакомыхъ мнѣ батарейныхъ командировъ ссужать меня нѣсколькими пудами сѣна, чтобы не дать лошадямъ околѣть съ голода. Фурштатскіе солдаты, бывшіе при лошадяхъ, просили меня дозволить имъ отправиться въ Татарскія деревни для фуражировки. Дозволить грабежъ своихъ подданныхъ и въ своей странѣ было бы дѣломъ въ высшей степени безчестнымъ; я имъ конечно отказалъ и подалъ рапортъ начальнику Севастопольскаго гарнизона Моллеру, что если мнѣ не будетъ отпущенъ фуражъ, то лошади околѣютъ, и я слагаю съ себя въ томъ отвѣтственность. Въ отвѣтъ на рапортъ я получилъ предписаніе возвратить людей и лошадей въ тѣ части, изъ которыхъ они были взяты. Я исполнилъ предписаніе; но дошли ли лошади и телѣги до ихъ полковъ, не знаю. Черезъ два года послѣ войны я получилъ запросы изъ двухъ полковъ: куда дѣвались лошади, телѣги и

фурштатскіе рядовые, находившіеся при оборонѣ Севастополя въ моемъ вѣдѣніи? Я отвѣчалъ незнаніемъ. Вообще безпорядокъ по хозяйственной части при князѣ Меншиковѣ былъ ужасный. Весь штабъ его состоялъ изъ начальника штаба полковника Вунша и нѣсколькихъ писарей; при арміи не было ни генералъ-квартирмейстера, ни интенданта, ни директора госпиталей. По письменной части въ штабѣ былъ такой хаосъ, что не знали иногда, гдѣ какой полкъ находится; такъ одинъ вновь произведенный офицеръ пріѣхалъ въ Севастополь и прожилъ около 10 дней, прежде чѣмъ ему могли указать, гдѣ стоитъ его полкъ. Я считался состоящимъ при штабѣ князя Меншикова, но во все время моего нахожденія въ Крыму не получилъ ни копѣйки жалованья и даже передъ отъѣздомъ изъ Крыма я едва могъ добиться выдачи мнѣ свидѣтельства о томъ, что жалованье мнѣ не было выдано. При такихъ безпорядкахъ могли быть, конечно и злоупотребленія; ходили слухи, что при помощи одного писаря можно было получить за деньги и отпускъ, и награду, и даже переводъ изъ одного полка въ другой. Но что особенно всѣхъ возмущало, это — безпорядки по госпитальной части: въ день Инкерманскаго сраженія, не сотни, а тысячи раненыхъ лежали въ грязи подъ дождемъ, около госпиталя, оглашая воздухъ раздирающими душу стонами; имъ не было мѣста въ госпиталѣ и не было людей, которые бы могли оказать имъ какую-нибудь помощь; большая часть этихъ несчастныхъ обратилась къ утру въ трупы. Корпіи у насъ вовсе не было; когда я лежалъ въ госпиталѣ, мнѣ принесли, вмѣсто корпіи, какія-то толстыя нитки; солдатамъ же клали на раны, какъ говорили въ то время, дерганыя изъ рогожъ мочалы.

По переѣздѣ моемъ въ Севастополь, я занялся, прежде всего, обученіемъ матросовъ дѣйствію ракетами, затѣмъ я объѣзжалъ бастіоны, на которыхъ кипѣла работа: возили заряды къ орудіямъ, которыя были поставлены, устраивали траверзы, дѣлали землянки и блиндажи; непріятель же въ это время окапывался

и возводилъ батареи. Чтобы мѣшать его работамъ, приказано было производить противъ нихъ постоянную стрѣльбу, и кромѣ того дѣлалось ежедневно распоряженіе, чтобы въ извѣстномъ часу всѣ бастіоны открывали частый огонь противъ укрѣпленій, который продолжался обыкновенно около часа. Такая безумная трата пороха замедлила конечно на нѣсколько дней устройство непріятельскихъ батарей, но, истощивъ пороховые запасы, вынудила насъ впослѣдствіи на 10 непріятельскихъ выстрѣловъ отвѣчать однимъ. Говорили, что въ сентябрѣ и октябрѣ 1854 года истратили въ Севастополѣ болѣе пороха, чѣмъ во всю компанію 1812 года.

Ежедневная канонада наша оставалась безъ отвѣта со стороны непріятеля; мы такъ привыкли къ его молчанію, что когда онъ открылъ огонь своихъ батарей 5-го октября, то мы были поражены дальностью его выстрѣловъ. Мѣстность, въ которой я жилъ съ Маевскимъ, была осыпана снарядами. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ разрушенъ былъ сосѣдній домъ; а затѣмъ, когда я уѣхалъ къ командуемой мной ракетной батареѣ, стоявшей на театральной площади, бомба упала въ нашъ домъ, пробила два этажа и разорвалась въ подвалѣ, въ который спрятались хозяйка дома Закревская, ея дочь и кухарка; всѣ онѣ были разорваны на части. Находясь въ то время на театральной площади съ Тарутинскимъ полкомъ, составлявшимъ резервъ, я сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія на случай штурма: приказалъ развязать ракеты, приготовить станки и зажечь пальники. Сначала непріятельскіе снаряды до насъ не долетали; но вскорѣ бобмба упала въ театръ, гдѣ я курилъ съ офицерами Тарутинскаго полка, и если никто изъ насъ не былъ убитъ, то только потому, что бомбу не разорвало. Затѣмъ другая бомба перелетѣла черезъ театръ и разорвалась близъ батареи, которая была сдѣлана женщинами, взятыми изъ домовъ терпимости, имя которыхъ она и носила. Сознавая опасность, грозившую Тарутинскому полку, въ томъ случаѣ, если бомба упа-

деть въ ящики съ ракетами, офицеры просили полковаго командира доложить объ этомъ Кирьякову, командовавшему резервомъ; но Кирьяковъ, выслушавъ объясненія полковаго командира, посмотрѣлъ на него какими-то дикими глазами, ударилъ лошадь нагайкой и, ничего не сказавъ, поѣхалъ по Екатериненской улицѣ. Тогда офицеры обратились ко мнѣ съ просьбой увезти ракетную батарею куда нибудь подальше отъ ихъ полка; но я не могъ исполнить ихъ желанія безъ приказанія начальства. Къ счастью, въ это время показался Корниловъ, ѣхавшій на Малаховъ курганъ, гдѣ онъ былъ убитъ; увидавъ меня, онъ подъѣхалъ и спросилъ, не долетаютъ ли непріятельскіе снаряды до театральной площади; на мой утвердительный отвѣтъ и вслѣдствіе просьбы командира Тарутинскаго полка, онъ велѣлъ мнѣ немедленно увезти ракеты, сложить ихъ на Николаевской батареѣ, а телѣги съ лошадьми отправить для возки зарядовъ на бастіоны. Исполнивъ это приказаніе, я пошелъ къ офицерамъ двухъ пѣшихъ батарей, которыя стояли на площади у Графской пристани. Стрѣльба производилась безостановочно; подчасъ мы слышали долетавшіе до насъ съ бастіоновъ крики: ура, означавшіе, что взорванъ непріятельскій пороховой погребъ или зарядный ящикъ. Ура! подхватывалось и стоящими на площади артилеристами. Наконецъ, около 2-хъ часовъ дни, мы замѣтили движеніе непріятельскаго флота къ нашимъ приморскимъ бататеямъ; медленно подвигались его громадные корабли, нѣкоторые шли на буксирѣ пароходовъ. На Николаевской батареѣ ударили тревогу, и вскорѣ открылся огонь съ обѣихъ сторонъ. Около 2000 орудій огромныхъ размѣровъ громили Севастополь до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, земля буквально дрожала подъ ногами, какъ во время землетрясенія, дымъ такъ сгустился, что ничего не было видно въ пяти шагахъ, а солнце черезъ дымъ казалось краснымъ пятномъ, какъ въ закоптѣлое стекло. Непріятельскіе корабли, медленно двигались одинъ за другимъ по фронту нашихъ батарей, стрѣляли бортами; болѣе всѣхъ пострадала наша каменная Константиновская батарея, которая, будучи оваль-

ной формы, имѣла такое устройство, что, при извѣстномъ положеніи непріятельскаго корабля, могла въ него дѣйствовать только изъ одного орудія, между тѣмъ какъ съ короблязее осыпали ядрами и бомбами. По приблизительному разсчету, непріятелемъ было брошено въ Севастополь съ суши и съ моря до 100 тысячъ разныхъ снарядовъ; казалось бы, что городъ, какъ центръ огромнаго кольца, составленнаго изъ непріятельскихъ орудій, долженъ быть уничтоженъ, а между тѣмъ ни одна наша батарея не замолчала, и на другой день, по исправленіи ночью всѣхъ поврежденій, сила обороны нисколько не уменьшилась. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что наша потеря состояла всего изъ 1000 человѣкъ, изъ которыхъ около 100 человѣкъ мы потеряли отъ разрыва нашихъ собственныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ плохаго чугуна и не выдержавшихъ частой стрѣльбы. По окончаніи бомбардированія, я поѣхалъ на Константиновскую батарею, чтобы узнать, что̀ стало съ ракетами, которыхъ тамъ было нѣсколько десятковъ. Положеніе батареи было ужасно: въ казематахъ лежали вывороченные огромные камни; орудія и лафеты были разбиты и перевернуты, вездѣ виднѣлась кровь; въ нижнемъ этажѣ и въ верхней открытой батареѣ валялись изуродованные трупы, которыхъ не успѣли еще убрать. Батарейный камандиръ (помнится, капитанъ Козловскій) говорилъ мнѣ, что если бомбардировка возобновится на другой день, то батарея не въ состояніи будетъ держаться, такъ какъ большая часть орудій подбита; но во всякомъ случаѣ, онъ надѣялся, что съ прикрытіемъ, находившимся при батареѣ, онъ не допуститъ непріятеля занять ее.

Приказавъ мнѣ увезти ракеты съ театральной площади, Корниловъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ и въ то время, когда онъ говорилъ съ солдатами, стараясь ихъ воодушевить, ядро попало ему въ ногу и оторвало ее почти у самаго бедра. Его положили на носилки и унесли къ нему въ домъ, гдѣ онъ умеръ черезъ три или четыре часа. Потеря Корнилова привела въ

отчаяніе весь Севастопольскій гарнизонъ: это былъ единственный человѣкъ, который пользовался общимъ довѣріемъ и на котораго возлагались самыя радужныя надежды. По службѣ онъ былъ моложе многихъ генераловъ, занимая постъ не болѣе какъ начальника штаба Черноморскаго флота, не дававшаго ему права вмѣшиваться въ распоряженія сухопутными войсками; но начальникъ Севастопольскаго гарнизона Моллеръ назначилъ его начальникомъ штаба морскихъ и сухопутныхъ силъ Севастополя и, давъ ему неограниченное право дѣйствовать его именемъ, тѣмъ поставилъ его въ положеніе полновластнаго распорядителя обороной; правой его рукой былъ Тотлебенъ. Этимъ двумъ лицамъ Севастополь обязанъ былъ тѣмъ, что, будучи совершенно открытымъ городомъ съ сухопутной стороны, онъ, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени, сдѣлался крѣпостью, которую четыре союзныя арміи могли взять только послѣ 11-ти-мѣсячной осады. Въ энергіи и преданности своему дѣлу Корниловъ и Тотлебенъ могли соперничать, но въ военныхъ способностяхъ и знаніи Русскаго солдата перевѣсъ былъ конечно на сторонѣ Корнилова. Тотлебенъ былъ только хорошій инженеръ, но не геніальный, какъ нѣкоторые думаютъ; онъ удивлялъ всѣхъ своею дѣятельностью, заставлявшею его ѣздить день и ночь по сдѣланнымъ имъ укрѣпленіямъ и создавать новыя, не заботясь о томъ ужасномъ трудѣ, которому онъ подвергалъ войска гарнизона; но нѣкоторыя изъ его укрѣпленій, въ настоящее время, подвергаются критикѣ людей компетентныхъ, какъ напр. генералъ-адъютанта Хрущова, описавшаго совершенно безпристрастно оборону Севастополя. Я, съ своей стороны, изъ моего знакомства съ Тотлебеномъ, могу привести слѣдующій случай. Въ концѣ октября мѣсяца по городу разнесся тревожный слухъ, что непріятель ведетъ мины, которыми думаетъ взорвать на воздухъ бастіоны и городъ. Я и два артилерійскихъ офицера пѣшей артилеріи, стоявшей въ Севастополѣ, рѣшились отправиться къ Тотлебену, чтобъ узнать, на сколько можно довѣрять этому слуху. Тотлебенъ, выслушавъ насъ, объявилъ съ полной увѣренностью, что при каменистомъ

грунтѣ, на которомъ стоитъ Севастополь и его окрестности, минныя работы невозможны; а потому онъ просилъ насъ слуху не вѣрить. Слова Тотлебена, какъ извѣстно, не оправдались; впослѣдствіи мы вели съ непріятелемъ самую упорную минную войну, героемъ которой былъ инженеръ Мельниковъ, прозванный *кротомъ*. Не знаю, какъ объяснить увѣренность Тотлебена въ невозможности минныхъ работъ; если это была ошибка съ его стороны, то едва ли ее сдѣлалъ бы геніальный инженеръ.

6-го октября рано утромъ я отправился на квартиру Корнилова, чтобы поклониться покойнику и узнать, когда будутъ похороны; тамъ я увидалъ нѣсколько морскихъ офицеровъ и одного изъ адъютантовъ князя Меншикова, выражавшихъ искреннее сожалѣніе о понесенной потерѣ не только Севастополемъ, но и всей Россіей. Похороны были назначены въ седьмомъ часу вечера того же дня. Гробъ несли по Екатерининской улицѣ въ строившуюся въ то время на горѣ церковь св. Владиміра, гдѣ похороненъ былъ Лазаревъ и гдѣ приготовили могилу и для Корнилова. Помню, что когда несли гробъ, ручка, за которую я держалъ его, сломалась и осталась у меня въ рукахъ; долго я хранилъ ее въ знакъ воспоминанія. Въ продолженіе всего времени, когда похоронная процессія шла въ храмъ св. Владиміра, непріятель пускалъ бомбы, которыя хотя не долетали до насъ, но своимъ разрывомъ пугали духовенство, шедшее впереди процессіи. Когда гробъ стали опускать въ могилу, батальонъ матросовъ, провожавшій тѣло, сдѣлалъ залпъ изъ ружей согласно военному уставу. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ и пѣвчіе, не ожидая залпа, такъ перепугались, что остановили служеніе и выразили готовность бѣжать, но вскорѣ оправились, и служба продолжалась. Можно навѣрно сказать, что у всѣхъ присутствовавшихъ на похоронахъ была въ головѣ мысль, что вмѣстѣ съ Корниловымъ хоронятъ и Севастополь. На похоронахъ было довольно много женщинъ, большею частію женъ матросовъ, которыя плакали навзрыдъ; въ числѣ

женщинъ я замѣтилъ и Мусину-Пушкину, которую видѣлъ на другой день Альминскаго сраженія подававшую помощь раненымъ и плакавшую при видѣ ихъ страданій. Моряки, товарищи ея мужа, мнѣ разсказывали, что хотя жены всѣхъ служащихъ уѣхали изъ Севастополя, но Мусина-Пушкина такъ любила своего мужа, что ни за что не хотѣла съ нимъ разстаться и осталась въ городѣ, считая себя счастливой, что мужъ приходилъ къ ней иногда по вечерамъ на нѣсколько минутъ съ четвертаго бастіона, на которомъ онъ служилъ. Сначала она жила въ Екатерининскомъ дворцѣ, потомъ перешла на какую-то шкуну, стоявшую въ бухтѣ и наконецъ, чтобы быть ближе къ мужу, поселилась въ землянкѣ позади 4-го бастіона. Это послѣднее помѣщеніе находилось подъ непріятельскими выстрѣлами, было очень опасно выходить изъ него днемъ; горничная ея, ставившая самоваръ внѣ землянки, была контужена въ спину осколкомъ бомбы. Познакомившись съ Мусиной-Пушкиной, я бывалъ у нея, когда она жила на шкунѣ и всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ моряковъ; не рѣдко тамъ бывалъ Поповъ, извѣстный изобрѣтатель *поповокъ*. Обращеніе ея со всѣми было скромное, непринужденное, но исполненное достоинства; страдая за мужа, который подвергался ежеминутно опасностямъ, она старалась скрыть свои страданія и подчасъ улыбалась въ то время, когда ей, вѣроятно, хотѣлось плакать. Не смотря на ея молодость и красивую наружность, видно было, что эта женщина имѣла твердую волю и сильный характеръ. Бывши у нея одинъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ ея мужъ, я былъ пораженъ видѣть ту восторженную любовь, съ которой она его встрѣтила и которая просвѣчивала въ каждомъ ея движеніи. Это идеалъ женщины, думалъ я, и сталъ себя упрекать въ томъ, что, послѣ испытанныхъ мной разочарованій, я нѣсколько измѣнилъ мое хорошее мнѣніе о женщинахъ. Оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, что исторія съ Мусиной-Пушкиной окончилась вовсе не идеально, а самымъ обыкновеннымъ образомъ. Мужъ ея не былъ ни убитъ, ни раненъ, а умеръ отъ тифа; черезъ три мѣсяца послѣ его смерти, она вышла замужъ за од-

ного инженера, котораго я у нея видалъ и который купилъ у меня тарантасъ, вѣроятно для того, чтобы увезти ее изъ Севастополя.

Послѣ похоронъ Корнилова, офицеры 14-й батареи, которою командовалъ Маевскій, просили меня зайти къ нимъ пить чай въ палатку, поставленную ими на Николаевской площади. Разсказавъ имъ обо всемъ, что́ я видѣлъ и слышалъ на похоронахъ, мы стали обсуживать наши предположенія о томъ, что намъ предстоитъ въ будущемъ; въ это время, къ удивленію нашему, поднялась пола палатки, и передъ нами явился монахъ, никому не знакомый. Офицеры предложили ему стаканъ чаю съ ромомъ; онъ охотно согласился и сѣлъ къ столу, объяснивъ намъ, что онъ—Грекъ, былъ священникомъ на одномъ изъ кораблей, а въ настоящее время живетъ въ Севастополѣ безъ всякихъ занятій. Затѣмъ, выпивъ два стакана пуншу, онъ оживился и перешелъ къ разсказамъ о частной жизни нѣкоторыхъ адмираловъ; мы слушали его и смѣялись. Въ это время за палаткой раздался женскій голосъ, звавшій монаха скорѣе идти домой. Офицеры встали съ своихъ мѣстъ, а одинъ изъ нихъ взялъ полу палатки, чтобы открыть ее и посмотрѣть женщину, которой принадлежалъ слышанный голосъ; но монахъ схватилъ его за руку и, обратившись къ офицерамъ, просилъ ихъ дать слово, что они не тронутъ его красавицы. Всѣ обѣщали. Въ палатку вошла дѣйствительно красавица: черные выразительные глаза, смуглое лицо и порывистыя манеры изобличали въ ней женщину бывалую и не-русскаго происхожденія; то была, какъ оказалось, Итальянка. Обратившись къ монаху, на коверканномъ Русскомъ языкѣ, съ упрекомъ, что онъ заставилъ ее ждать подъ дождемъ болѣе получаса, между тѣмъ какъ обѣщалъ выйти изъ палатки черезъ пять минутъ, она пригрозила сдѣлать ему на голову такое украшеніе, на которое нельзя будетъ надѣть клобукъ. Монахъ разсмѣялся этой выходкѣ и увѣрялъ ее, что онъ не боится никакихъ украшеній, такъ какъ клобукъ его легко растягивается, но что для нея невыгодно

мѣнять монаха на офицера: офицера могутъ убить ежеминутно, а монахъ всегда останется при ней. Офицеры предложили ей стаканъ чаю; она поблагодарила, повеселѣла, шутила надъ монахомъ, говорила двусмысленности, на которыя офицеры отвѣчали ей тѣмъ же. Время шло очень весело; наконецъ она рѣшилась даже спѣть какой-то романсъ, но при первыхъ звукахъ ея голоса раздались на бастіонахъ выстрѣлы, за которыми послѣдовала частая ружейная стрѣльба. Монахъ схватилъ свою красавицу и поспѣшно вышелъ изъ палатки. Кто былъ этотъ монахъ, осталось неизвѣстнымъ. Мнѣ показалось страннымъ, что у него были короткіе волосы. Не былъ ли это переряженный въ монашеское платье?

Пальба продолжалась довольно долго; мы полагали. что непріятель подготавливаетъ ночное нападеніе, но выстрѣлы мало-по-малу прекратились, и все умолкло. Причиною тревоги, какъ оказалось, былъ Французскій капитанъ, который, провѣряя свою цѣпь, наткнулся въ темнотѣ на нашъ секретъ; солдатъ, бывшій въ секретѣ, выстрѣлилъ, а за нимъ открыли огонь цѣпь и орудія на бастіонахъ; непріятель съ своей стороны сталъ стрѣлять, думая, что готовится вылазка. Прошло немало времени, покуда обѣ стороны убѣдились въ своей ошибкѣ и прекратили стрѣльбу. Тревоги, подобныя этой, бывали нерѣдко въ первое время осады. Французскій капитанъ, въ котораго выстрѣлилъ нашъ секретъ, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ, подъ конвоемъ, на гауптвахту, находившуюся на Николаевской батареѣ. Я спросилъ его, скоро ли мы можемъ ожидать штурма; онъ мнѣ отвѣчалъ, что при главнокомандующемъ Канроберѣ штурма вѣроятно не будетъ, такъ какъ онъ считаетъ правильную осаду наилучшимъ средствомъ взять городъ, но что вѣроятно императоръ Наполеонъ III его смѣнитъ и назначитъ Пелисье, который извѣстенъ въ арміи энергіей и рѣшимостью. Плѣннаго капитана на другой день услали изъ Севастополя въ центральныя губерніи Россіи.

Я сказалъ, что домъ, въ которомъ мы жили съ Маевскимъ, былъ разрушенъ бомбой. Начальникъ артилерійскаго гарнизона полковникъ Карповъ пригласилъ насъ поселиться съ нимъ въ одномъ изъ казематовъ Николаевской батареи; мы, конечно, съ благодарностью приняли его приглашеніе. Николаевская батарея, которой теперь въ Севастополѣ нѣтъ (на мѣстѣ, гдѣ она стояла, разбитъ садъ) составляла, въ то время, двухъэтажное каменное длинное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго жили солдаты и находились всѣ хозяйственныя помѣщенія, а верхній этажъ состоялъ изъ большихъ комнатъ или казематовъ, въ которыхъ стояли крѣпостныя орудія. Въ стѣнѣ казематовъ, обращенной къ морю, прорѣзаны были амбразуры или отверстія, въ которыя смотрѣли дула орудій, а по стѣнѣ противоположной морю, выходящей на Николаевскую площадь, шла галерея, въ которую выходили окна казематовъ. Изъ сказаннаго видно, что въ казематахъ было не совсѣмъ свѣтло, такъ какъ окна были сдѣланы не внаружу, а въ галерею; было сыро вслѣдствіе того, что лучи солнца туда не проникали; наконецъ, было холодно въ зимнее время отъ наружнаго воздуха, свободно входившаго въ амбразуры. Но, помѣстившись въ одномъ изъ такихъ казематовъ, я былъ очень доволенъ моимъ помѣщеніемъ, сравнивая его съ палаткой, въ которой жилъ на бивакахъ; болѣе же всего я былъ доволенъ тѣмъ, что жилъ не одинъ, а съ Маевскимъ и Карповымъ, которые оба были весьма хорошіе и обязательные люди.

Бомбардированіе съ моря послѣ 5-го октября нс повторялось: непріятель понялъ, что обстрѣливаніе флотомъ нашихъ морскихъ батарей было безцѣльно, такъ какъ ни одна наша батарея, кромѣ Константиновской, не пострадала, между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ непріятельскихъ судахъ наши орудія сдѣлали существенныя поврежденія. Стрѣльба съ суши продолжалась, но первые дни послѣ 5-го Октября была весьма слаба: слышались днемъ изрѣдка выстрѣлы, на которые мы отвѣчали,

вечеромъ же воцарялась полная тишина; ночь служила намъ и непріятелю для исправленія сдѣланныхъ днемъ поврежденій и возведенія новыхъ укрѣпленій. Вскорѣ непріятель открылъ вторую паралель. Чтобы препятствовать его работамъ, производились вылазки, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ особенности противъ Англичанъ, были всегда удачны; вылазки же противъ Французовъ встрѣчали большею частію сильный отпоръ, причинявшій намъ большія потери. Разсуждая, въ настоящее время, хладнокровно о нашихъ дѣйствіяхъ при оборонѣ Севастополя, нельзя не сказать, что вылазки не приносили намъ никакой пользы; онѣ послужили только къ уничтоженію двухъ или трехъ тысячъ человѣческихъ жизней и дали Георгіевскіе и другіе кресты лицамъ, въ нихъ участвовавшимъ. Начальникъ одного изъ отдѣленій Севастопольской обороны, адмиралъ Истоминъ, понимая безполезность вылазокъ, не допускалъ ихъ въ своемъ отдѣленіи. На вылазкахъ въ особенности прославился извѣстный матросъ *Кошка* и отличился молодой лейтенантъ Бирюлевъ, который получилъ Георгія и сдѣланъ быль флигель-адъютантомъ; но недешево обошлась ему сдѣланная имъ военная карьера: онъ умеръ, далеко не доживъ до старости, отъ психическаго разстройства.

Живя на Николаевской батареѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, я неимовѣрно скучалъ. Поутру я писалъ письма къ лицамъ, съ которыми былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Эти лица были большею частію женщины; въ числѣ ихъ были и Ольга С..., и Гурьева, и Хлюстина, и даже княгиня Нина, которая передъ моимъ отъѣздомъ въ Севастополь дала мнѣ образокъ. Всѣ онѣ сами писали мнѣ нерѣдко, и я находилъ особенное удовольствіе перечитывать ихъ письма: такъ много въ нихъ было горячаго ко мнѣ участія. Затѣмъ, не думая остаться въ живыхъ при томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ мы находились, я написалъ исповѣдь моего прошлаго и, въ случаѣ моей смерти, просилъ передать ее моей сестрѣ,

въ дружбѣ которой я былъ увѣренъ. Вечеромъ я отправился на Графскую пристань, куда привозили тѣла всѣхъ убитыхъ въ этотъ день; у пристани стоялъ пароходъ, на которомъ ихъ перевозили на сѣверную сторону и тамъ хоронили безъ гробовъ въ одной общей могилѣ. На Графской пристани собиралось обыкновенно много офицеровъ, которые сообщали другъ другу новости дня; въ нѣкоторыхъ разсказахъ, несмотря на драматическую обстановку, была и комическая сторона. Такъ одинъ морякъ разсказывалъ, что на 4-мъ бастіонѣ какому-то матросу оторвало ядромъ голову; когда туловище перевезли въ помѣщеніе для покойниковъ, двѣ жены матросовъ, принявъ его каждая за своего мужа, стали спорить, кому изъ нихъ голосить; споръ дошелъ бы до драки, если бы священникъ не началъ служить панихиду. Съ Графской пристани я возвращался домой и садился пить чай съ Карповымъ и Маевскимъ. Въ это время къ Карпову пріѣзжалъ обыкновенно морской офицеръ Хитрово, который завѣдывалъ снабженіемъ батарей и бастіоновъ зарядами. Онъ сообщалъ сколько выпущено было въ этотъ день снарядовъ и сколько ихъ слѣдуетъ доставить на слѣдующій день. Карповъ, какъ начальникъ артилерійскаго гарнизона, дѣлалъ распоряженія, а затѣмъ мы обсуживали трудное положеніе, въ которомъ находились. Мы очень хорошо понимали, съ одной стороны, что непріятель не могъ отказаться отъ намѣренія взять Севастополь и что, имѣя громадныя денежныя средства и прекрасно вооруженную армію, онъ будетъ настойчиво стремится къ этой цѣли; но съ другой стороны, мы знали отвагу и доблесть нашего солдата, и заключенія, къ которымъ мы приходили, заставляли насъ сильно призадумываться надъ тѣмъ, что̀ насъ ожидаетъ въ будущемъ. Хитрово говорилъ, что солдаты и матросы желаютъ съ нетерпѣніемъ штурма; но непріятель, окруживъ насъ желѣзнымъ кольцомъ, медлитъ, и эта медлительность приводила всѣхъ въ отчаяніе.

Чтобы ободрить войска Севастопольскаго гарнизона и возвысить ихъ духъ, князь Меншиковъ прислалъ въ Севастополь

реляцію объ удачномъ дѣлѣ 13-го Октября подъ Балаклавой, въ которомъ Липранди взялъ три непріятельскіе редута и удержалъ ихъ, несмотря на всѣ усилія непріятеля отнять ихъ. Реляція эта читалась съ особенномъ удовольствіемъ и дѣйствительно произвела на всѣхъ самое ободряющее дѣйствіе; но на другой день, то-есть 14-го Октября, случилось событіе, немало отравившее благотворное дѣйствіе реляціи. Князь Меншиковъ извѣстилъ запиской начальника Севастопольскаго гарнизона Моллера, что Англійскія батареи имѣютъ слабое прикрытіе. Моллеръ долго обдумывалъ значеніе этой записки и наконецъ рѣшивъ, что противъ Англійскихъ батарей должна быть сдѣлана вылазка, послалъ Бутырскій полкъ съ 4-мя полевыми орудіями, въ одинацатомъ часу утра, для атаки ихъ съ фронта. Результатъ можно было предвидѣть: едва полкъ подошелъ на выстрѣлъ крѣпостнаго орудія, какъ непріятель открылъ огонь и положилъ на мѣстѣ почти половину полка; другая же половина вернулась, не сдѣлавъ непріятелю ни малѣйшаго вреда. Я и нѣкоторые артилерійскіе офицеры стояли въ это время на крышѣ Николаевской батареи и слѣдили за движеніемъ полка; горько намъ было видѣть, какъ сотни человѣческихъ жизней приносились въ жертву неспособности нашихъ генераловъ.

Вскорѣ послѣ дѣла Липранди, по городу разнесся слухъ, что къ намъ идутъ сильныя подкрѣпленія съ Дуная; всѣ ожили духомъ, въ надеждѣ, что вновь пришедшія войска атакуютъ непріятеля и заставятъ его снять осаду Севастополя. Дѣйствительно, въ 20-хъ числахъ Октября пришли 10-я и 11-ая пѣхотныя дивизіи подъ командою генераловъ Соймонова и Павлова. По прибытіи ихъ князь Меншиковъ рѣшилъ атаковать непріятеля 24-го Октября двумя колонами, одной со 2-го бастіона, а другой отъ Инкерманскаго моста, отчего сраженіе было названо Инкерманскимъ. Мы, какъ извѣстно, проиграли это сраженіе и понесли потерю болѣе 10 тысячъ человѣкъ, исключительно вслѣдствіе безпорядковъ, бывшихъ въ нашей арміи и вслѣд-

ствіе неспособности нашихъ генераловъ. Никто изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей не зналъ плана сраженія; каждый полкъ шелъ въ атаку и уходилъ съ поля сраженія безъ всякой связи съ дѣйствіями другихъ полковъ. Былъ случай, когда одинъ полкъ стрѣлялъ въ другой нашъ полкъ, принявъ его за непріятеля, вслѣдствіе бывшихъ на немъ особой формы шапокъ, данныхъ ему Хомутовымъ. Князь Меншиковъ обвинялъ въ неудачѣ генерала Даненберга, которому онъ поручилъ командованіе войсками, бывшими въ бою; но, какъ кажется, болѣе всего виноватъ былъ самъ князь, у котораго не было ни порядочнаго начальника штаба, ни сколько нибудь дѣльныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Войска, только что пришедшія съ Дуная, не знали мѣстности и, не имѣя колоновожатыхъ, блуждали по полю, атаковали и преслѣдовали непріятеля безъ всякаго приказанія, а затѣмъ, попавъ подъ сильный огонь непріятельскихъ орудій, расходились въ разныя стороны, не зная кто былъ ихъ начальникъ и гдѣ онъ находится. Несмотря однакожъ на всѣ эти безпорядки, Англичане были совершенно разбиты, и сраженіе могло бы быть выиграно, если бы князь Горчаковъ атаковалъ Боске, стоявшаго противъ него у Сапунъ-горы; но, оставаясь въ бездѣйствіи, онъ далъ возможность Французской дивизіи уйти на помощь Англичанамъ и разбить наши полки, преслѣдовавшіе Англичанъ. При этомъ надобно замѣтить, что у Французовъ всѣ войска были введены въ дѣло, у насъ же нѣкоторые полки вовсе не были въ дѣлѣ. При отступленіи, которое совершалось въ полномъ безпорядкѣ, былъ такой случай: десять артилерійскихъ батарей сошлись въ одной балкѣ и, утопая въ грязи, едва двигались по направленіи къ Севастополю. Замѣтивъ это, Французскіе стрѣлки залегли по сторонамъ балки и открыли противъ нихъ огонь. Положеніе нашей артилеріи было ужасное; непріятель, перебивъ прислугу, могъ бы взять всѣ орудія; но спасителемъ явился Тотлебенъ: онъ откуда-то привелъ саперъ и баталіонъ пѣхоты; пѣхота оттѣснила стрѣлковъ, а саперы исправили дорогу и помогли вывести орудія изъ грязи. Нельзя не сказать, что

если бы у насъ былъ не одинъ Тотлебенъ, а нѣсколько такихъ генераловъ, то непріятель дорого бы поплатился за дерзость, съ которой онъ внесъ войну въ наши предѣлы. Генералъ-адъютантъ Хрущовъ, описывая Инкерманское сраженіе, говоритъ: „Во время дѣла допущенъ былъ большой безпорядокъ; солдаты толпами уходили съ поля битвы подъ предлогомъ уноса раненыхъ и не возвращались къ своимъ частямъ. Полки водились въ атаку безъ опредѣленныхъ указаній, батальонъ за батальономъ, а будучи отброшены непріятелемъ, изчезали съ поля сраженія. Никто не заботился собрать разстроенныя части и снова ввести въ дѣло. Хотя иностранцы писали, что мы отступали въ порядкѣ, но они не могли видѣть, что у насъ дѣлалось на отлогостяхъ горъ, а Англичане были такъ разстроены, что не мыслили о настойчивомъ преслѣдованіи. Большая часть войска отступала не командами, а въ разбродъ: отъ одного и того же полка нѣкоторые шли въ городъ, а другіе на Инкерманскій мостъ“.

IX.

Контузія въ голову.—Жизнь въ госпиталѣ.—Мои впечатлѣнія.—Отъѣздъ въ Москву.—Кончина Императора Николая Павловича.

Наканунѣ Инкерманскаго сраженія пріѣхали въ Севастополь Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Во все время боя они находились при войскахъ и своимъ присутствіемъ немало содѣйствовали къ ихъ воодушевленію. Князь Меньшиковъ едва могъ удержать стремленіе Ихъ Высочествъ быть въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя. Живя въ Севастополѣ, Великіе Князья постоянно посѣщали госпиталь, утѣшая раненыхъ, помогали нуждающимся и своимъ ласковымъ и гуманнымъ обращеніемъ успѣли внушить къ себѣ общую любовь и уваженіе.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, уныніе овладѣло городомъ; исчезла надежда на скорое снятіе осады Севастополя. Но моряки стали утѣшать себя мыслью, что бури, которыя бываютъ обыкновенно на Черномъ морѣ въ осеннее время, разсѣютъ союзный флотъ. Одна изъ такихъ бурь разразилась 2-го Ноября; сила вѣтра была такъ велика, что я съ большимъ трудомъ могъ перейти черезъ Николаевскую площадь. Въ это время я видѣлъ, какъ какой-то отставной солдатъ опрокинутъ былъ вѣтромъ и катился по площади почти до самой Графской пристани, не имѣя силы встать; со многихъ домовъ сорваны были крыши, на улицахъ лежали обломки разрушенныхъ строе-

ній. Несмотря на такую ужасную бурю, ни одинъ союзный военный корабль не былъ сорванъ съ якоря; выброшено было на берегъ только около 15-ти транспортныхъ судовъ, что, конечно, не могло оказать никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ началѣ Ноября непріятель направилъ свои осадныя работы преимущественно на 4-й бастіонъ. Подступы свои онъ довелъ до 80 саженъ отъ бастіона и устроилъ траншеи и рвы, изъ которыхъ стрѣлки поражали нашу орудійскую прислугу почти безъ промаха; бывали ночи, когда на 4-й бастіонъ ложилось до 700 бомбъ. Ежедневная потеря людей была огромная. Въ это время, кому-то изъ начальства пришла въ голову мысль послать на бастіонъ ракеты для дѣйствія ими противъ стрѣлковъ. Я тотчасъ же вынулъ ихъ изъ ящиковъ, осмотрѣлъ станки, собралъ обученныхъ мной матросовъ и ждалъ ежеминутно приказа отправиться на бастіонъ; но прошло нѣсколько дней, и приказа я не получалъ. Сознаюсь, что эти нѣсколько дней, я провелъ въ немаломъ волненіи, такъ какъ, въ то время, считалось невозможнымъ вернуться съ 4-го бастіона, иначе какъ убитымъ или раненымъ. Не за долго передъ тѣмъ, я получилъ письмо отъ моей хорошей знакомой Титовой, въ которомъ она просила узнать, что стало съ ея племянникомъ морскимъ офицеромъ Быковымъ, отъ котораго мать его давно не получала писемъ. Узнавъ, что онъ находится на 5-мъ бастіонѣ, я рѣшился повидаться съ нимъ до полученія приказа, а такъ какъ дорога на 5-й бастіонъ шла очень близко отъ 4-го, то, выбравъ обѣденный часъ, когда стрѣльба производилась рѣдко, я отправился прежде на 4-й бастіонъ, чтобы ознакомится съ мѣстностью и найти удобное мѣсто для дѣйствія ракетами; но, не доходя до этого бастіона, надъ моей головой пролетѣла бомба, которую разорвало позади меня, и я упалъ безъ чувствъ. Не знаю, долго ли я лежалъ; но очнувшись, я увидалъ себя окруженнымъ пѣхотными солдатами,

изъ которыхъ у одного въ рукахъ были носилки. Чувствуя небольшую боль въ головѣ, но не видя никакой раны, я быстро всталъ и пошолъ на перевязочный пунктъ, устроенный въ Дворянскомъ Собраніи, чтобы просить доктора меня осмотрѣть и сказать, что̀ со мной случилось. На перевязочномъ пунктѣ я нашелъ очень много раненыхъ, которымъ нѣсколько врачей подавали помощь. Не желая отвлекать ихъ отъ занятій, я сказалъ дежурному плацъ-адъютанту о причинѣ моего прихода и хотѣлъ уйти, но плацъ-адъютантъ просилъ меня остаться и позвалъ какого-то доктора изъ другой комнаты. Когда я разсказалъ ему подробно все, что со мною было, онъ сталъ щупать голову и, дотронувшись до шишки, которая вскочила на затылкѣ и которой я не замѣтилъ, сдѣлалъ мнѣ такую боль, что я вскрикнулъ. Объяснивъ мнѣ, что я контуженъ въ голову, онъ приказалъ немедленно обрить затылокъ и поставить шпанскую мушку. Я отказался исполнить его приказаніе, разсчитывая, что шишка пройдетъ и безъ лѣченія и ушелъ домой; но черезъ три дня, проснувшись утромъ, я, къ ужасу моему, замѣтилъ, что плохо вижу. Переспектива потерять зрѣніе такъ меня испугала, что я тотчасъ отправился къ старшему врачу госпиталя и просилъ его дать мнѣ совѣтъ. Онъ потребовалъ, чтобъ я остался въ госпиталѣ и предложилъ мнѣ помѣститься въ одной комнатѣ съ раненымъ 24-го Октября командиромъ Колыванскаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ. По переѣздѣ моемъ въ госпиталь я не могъ читать: такъ плохо было мое зрѣніе. Мнѣ тотчасъ обрили часть головы, положили три шпанскіе мушки на затылокъ одну подлѣ другой и поставили восемь банокъ на шеѣ и между плечъ. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, узнавъ отъ моего товарища, состоявшаго при немъ поручика Савицкаго, что я контуженъ, прислалъ ко мнѣ своего доктора осмотрѣть меня и спросить, не имѣю ли я къ нему какой-либо просьбы. Я выразилъ мою глубокую благодарность и просилъ передать Его Высочеству, что мое единственное желаніе заключается въ томъ, чтобы уѣхать въ отпускъ и серьозно полѣчиться у спеціалистовъ по глазнымъ

болѣзнямъ; въ госпиталѣ же нѣтъ окулистовъ, да къ тому же помѣщеніе такъ сыро, что, по словамъ старшаго врача, оно можетъ имѣть вліяніе на мое общее здоровье. Одновременно съ этимъ я подалъ прошеніе князю Меньшикову объ увольненіи меня въ отпускъ и приложилъ свидѣтельство врачей госпиталя, удостовѣряющее, что отпускъ мнѣ необходимъ. Вскорѣ его свѣтлость разрѣшилъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ; но я долженъ былъ остаться въ госпиталѣ около трехъ недѣль, чтобы имѣть возможность, по состоянію моего здоровья, отправиться въ путь.

Жизнь моя въ госпиталѣ имѣла для меня интересъ, вслѣдствіе знакомства, которое я сдѣлалъ съ нѣкоторыми ранеными. Первый изъ нихъ былъ мой товарищъ по комнатѣ Пересвѣтовъ. Будучи очень разговорчивъ, онъ разсказывалъ мнѣ постоянно разные эпизоды изъ его служебной практики, при чемъ отзывался очень рѣзко обо всемъ и обо всѣхъ. Мнѣніе его о Русскомъ солдатѣ извѣстно уже читателямъ моихъ замѣтокъ; объ офицерахъ онъ отзывался весьма нелѣстно, увѣряя, что въ 10-й дивизіи офицеры такъ малограмотны, что полковые командиры съ трудомъ могутъ выбрать полковыхъ адъютантовъ; о неспособности нѣкоторыхъ генераловъ онъ разсказывалъ весьма забавные анекдоты. Хвалилъ онъ только своего бывшаго начальника дивизіи Соймонова, убитаго въ сраженіи подъ Инкерманомъ, и начальника инженеровъ на Дунаѣ Шильдера. Особенно хорошаго мнѣнія онъ былъ о капитанѣ Апостолѣ Спиридоновичѣ Костандѣ, котораго зналъ на Дунаѣ и которому пророчилъ блестящую военную карьеру.

Другой раненый, жившій въ комнатѣ рядомъ со мной, былъ командиръ Томскаго полка полковникъ П—въ. Это былъ человѣкъ 65 л., здоровой комплекціи, прослужившій въ военной службѣ болѣе 40 лѣтъ. По словамъ Пересвѣтова, когда онъ (П—въ) поступилъ на службу, то не имѣлъ никакого состоя-

нія, а прокомандовавъ полкомъ около 15 лѣтъ, успѣлъ съэкономить себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, которые лежали у него въ полковомъ ящикѣ; семейства онъ не имѣлъ, хотя былъ женатъ, но жена съ нимъ не жила. Будучи раненъ въ Инкерманскомъ сраженіи шестой разъ, онъ подалъ въ отставку и имѣлъ право быть причисленъ къ раненымъ перваго разряда. Выслуживъ такимъ образомъ все, что можно было и вполнѣ обезпечивъ себя подъ старость, П—въ находилъ безразсудствомъ продолжать службу и хлопоталъ о скорѣйшемъ полученіи отставки. Но пріѣхалъ его навѣстить командующій Томскимъ полкомъ какой-то маіоръ и сообщилъ ему, что князь Меньшиковъ утвердилъ очень высокія справочныя цѣны, такъ что, по сдѣланному ими обоими разсчету, ежемѣсячный доходъ съ полка долженъ былъ составлять не менѣе восьми тысячъ рублей. По отъѣздѣ маіора, П—въ призадумался и на другой день написалъ письмо къ князю Меньшикову, въ которомъ изложилъ, что рана его заживаетъ и что онъ чувствуетъ себя въ силахъ продолжать службу, а потому проситъ отставку его возвратить; при этомъ въ письмѣ была, конечно, ссылка на патріотизмъ, и выражено было желаніе служить царю и отечеству до послѣдней капли крови. Отвѣтъ на это письмо, какъ можно было ожидать, былъ самый теплый, и всѣ незнавшіе истиннаго мотива письма̀ отнеслись къ старому ветерану съ сочувствіемъ и благодарностью.

Въ одной комнатѣ съ П—мъ жилъ маіоръ, у котораго отняли ногу; онъ постоянно жаловался, что у него чешутся пальцы ноги, которая отнята и что онъ испытываетъ такія непріятныя ощущенія, которыя заставляютъ его страдать болѣе, чѣмъ во время операціи.

Пересвѣтовъ, получившій подъ Инкерманомъ двѣ раны, подалъ также въ отставку и, не соблазнившись справочными цѣнами, собирался уѣхать на свою родину, въ Смоленскую гу-

бернію; но я уѣхалъ изъ Севастополя прежде него и что стало съ нимъ и съ П—мъ послѣ моего отъѣзда, не знаю.

10-го Декабря 1854 года я послалъ за перекладной, уложилъ въ нее самыя нужныя мои вещи и, вмѣстѣ съ моимъ лакеемъ, мы тронулись въ путь, сопровождаемые наилучшими пожеланіями моихъ новыхъ знакомыхъ по госпиталю. Многія мои вещи, которыя я привезъ изъ Петербурга въ тарантасѣ и въ числѣ которыхъ былъ большой сундукъ съ книгами, я долженъ былъ оставить на Николаевской батареѣ, по неимѣнію для нихъ мѣста въ телѣгѣ. Кому достались эти вещи, я не знаю; но помню, что, бывши черезъ годъ послѣ Севастопольской войны во Франціи, я познакомился въ Luc sur Mer съ однимъ Нормандскимъ помѣщикомъ, который разсказывалъ, что его знакомый офицеръ показывалъ ему сочиненія Спинозы, привезенныя имъ изъ Севастополя. Эти книги не изъ моего ли сундука?

Прежде чѣмъ говорить о моемъ путешествіи въ Москву, подведу итоги впечатлѣніямъ и всему, что̀ я испыталъ и перечувствовалъ въ Севастополѣ. Я сказалъ уже въ моихъ замѣткахъ, что не честолюбіе заставило меня искать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а исключительно желаніе испытать ощущенія, вызываемыя боевой службой. Разочаровавшись въ моихъ идеалахъ, я хотѣлъ создать новыя цѣли, чтобы наполнить ими пустоту жизни. Я полагалъ, что опасности жизни, грозящія людямъ и возбуждающія въ нихъ борьбу чувства долга съ чувствомъ самосохраненія, нравственно улучшаютъ ихъ, заставляя забывать матеріальные разсчеты эгоизма; я думалъ найти въ боевыхъ товарищахъ и сочувствіе, и примѣръ безкорыстнаго служенія своему долгу. Но я жестоко ошибся: нигдѣ и никогда я не видѣлъ болѣе зависти, интригъ и пустаго тщеславія, какъ тамъ, гдѣ каждый могъ жить только настоящимъ, не будучи увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Меня поражало, до чего

доходила жажда къ наградамъ. Для примѣра разскажу слѣдующій случай. Въ день Инкерманскаго сраженія, генералу Тимофѣеву поручено было съ Минскимъ полкомъ и батареей № 4-й, которою командовалъ Маевскій, атаковать Французскія батареи. Порученіе это было исполнено блестящимъ образомъ: батареи были взяты, орудія заклепаны; но при общемъ отступленіи нашихъ войскъ долженъ былъ отступить и отрядъ Тимофѣева. Будучи въ наилучшихъ отношеніяхъ съ офицерами 4-й батареи и увидавъ издали, что она возвращается въ Севастополь, я поспѣшилъ ей на встрѣчу, чтобы узнать, не раненъ ли или не убитъ ли кто изъ офицеровъ. На вопросъ мой объ этомъ офицеру, который ѣхалъ впереди батареи, онъ, съ лицомъ сіяющимъ отъ радости, не выслушавъ моего вопроса, сказалъ мнѣ: „Представьте, Тимофѣевъ обѣщалъ представить меня и всѣхъ офицеровъ къ наградамъ!“ Это чувство особеннаго удовольствія, вызванное въ офицерѣ надеждою на награду и заставившее его забыть и наше пораженіе, и наши громадныя потери людей, показалось мнѣ возмутительнымъ. Возмущался я не разъ и дѣйствіями нѣкоторыхъ честолюбцевъ, которые, ради полученія крестика, жертвовали сотнями людей, и дѣйствіями тѣхъ интригановъ, которые умѣли достигать своихъ честолюбивыхъ цѣлей не личными заслугами, а искательствомъ, угожденіемъ и пользуясь самоотверженіемъ другихъ. Когда я пріѣхалъ въ Севастополь, мнѣ говорили, что Корниловъ и Нахимовъ не ладили между собой, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ почитателей и своихъ близкихъ людей. Была въ Севастополѣ одна личность весьма сомнительной нравственности, которая умѣла снискать къ себѣ расположеніе Корнилова, у Нахимова же никогда не бывала; но умеръ Корниловъ, и эта самая личность въ самое короткое время сдѣлалась необходимымъ человѣкомъ у Нахимова. Я не назову этого лица, но увѣренъ, что каждый морякъ временъ Севастопольской войны его легко угадаетъ.

Если мнѣ грустно было видѣть, какъ торжествуетъ нахальство и какъ остается въ тѣни истинное достоинство, то смот-

рѣть на страданія людей, эту закулисную сторону войны, и чувствовать свое безсиліе помочь имъ, было болѣе, чѣмъ грустно, было почти невыносимо. Думаю, что если бы дипломатовъ, отъ которыхъ зависятъ война и миръ, заставить сморѣть на несчастныхъ, плавающихъ въ крови и просящихъ, какъ милости приколоть ихъ, то едва ли они рѣшились бы произнести слово: война. Я былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ одной сцены, которая меня довела чуть не до дурноты. Когда я пришелъ на перевязочный пунктъ, чтобы поговорить съ врачами о контузіи, съ № 4-го бастіона привезли раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ Французъ, совершенно голый (его раздѣли, вѣроятно, наши солдаты), получившій три раны штыкомъ въ грудь; онъ ужасно стоналъ и дрожалъ отъ холода. Солдаты вынули его изъ фуры, принесли въ лазаретъ и такъ небрежно бросили на полъ, что дежурный плацъ-адъютантъ распекъ ихъ за ихъ безчеловѣчье. Видя страдальческое лицо Француза, я подошелъ къ нему и спросилъ, не желаетъ ли онъ чего? Французъ полуоткрылъ глаза и сказалъ мнѣ: „Je vous remercie, monsieur“, и затѣмъ слабымъ голосомъ произнесъ: adieu! и умеръ. Къ кому относилось его adieu, я не знаю; но мнѣ представилось, что онъ прощался съ людьми ему близкими, вдали отъ которыхъ судьбѣ угодно было послать ему смерть. Долго страдальческое лицо умиравшаго Француза носилось въ моемъ воображеніи.

Результатомъ всего сказаннаго было то, что я не разъ раскаявался, что сдѣлался добровольно участникомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. У другихъ честолюбіе брало верхъ надъ состраданіемъ; я же, будучи совершенно равнодушенъ къ наградамъ, хотя и получилъ крестикъ, уѣхалъ изъ Севастополя съ разбитыми нервами.

Переѣздъ мой изъ Севастополя въ Москву продолжался около трехъ недѣль. Ѣхалъ я такъ долго, вслѣдствіе недостатка въ

почтовыхъ лошадяхъ на станціяхъ, равно и вслѣдствіе головныхъ болей, которыя заставляли меня останавливаться въ нѣкоторыхъ городахъ на два и три дня для отдыха. Наконецъ, я выѣхалъ съ послѣдней почтовой станціи, показались золотые куполы Московскихъ церквей. Трудно описать то сладкое чувство, которое наполнило мое сердце при видѣ города, гдѣ жили всѣ близкіе мнѣ люди; слеза радости навернулась на глазахъ, и я крикнулъ ямщику, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе.... Вотъ и застава.... часовой приглашаетъ меня на гауптвахту расписаться въ книгѣ, кто я и откуда пріѣхалъ. Я иду и отъ волненія ставлю не буквы, а какія-то каракули. Еще полчаса, и я дома, въ объятіяхъ матери и сестры. Всѣ въ восторгѣ отъ моего пріѣзда, но удивляются моей повязкѣ на головѣ, которая прикрываетъ мой выбритый и не совсѣмъ зажившій затылокъ; я разсказываю, что былъ контуженъ въ голову. Съ моей матерью чуть не сдѣлалось дурно, но часы восторга проходятъ, какъ и все на землѣ, и жизнь вступаетъ въ свою ежедневную колею.

Въ Москвѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ; меня всюду приглашали, на меня смотрѣли, какъ на героя, распрашивали о Севастополѣ, о Меншиковѣ; въ маскарадахъ же маски не давали мнѣ покою. Все это было, конечно, очень пріятно: но настало 18 Февраля 1855 года, и жизнь веселья и шумныхъ удовольствій остановилась. Москва какъ будто замерла: въ этотъ день скончался императоръ Николай Павловичъ. Всѣ имѣли такую вѣру въ глубокій умъ и сильную волю Императора, что въ кончинѣ его видѣли предвѣстіе гибели Россіи; но воцарился императоръ Александръ Николаевичъ, который не только возвеличилъ Россію, но и облагодѣтельствовалъ миліоны своихъ подданныхъ, даровавъ имъ человѣческія права.

Новое царствованіе потребовало новыхъ людей; все старое оказалось несостоятельнымъ. Исцѣлить и заживить раны Рос-

сіи могли только новые порядки, новые идеалы. Я это понялъ и, простившись со всѣмъ, что наполняло мою жизнь въ прошломъ царствованіи, сдѣлался усерднымъ поклонникомъ требованій и идей новаго царствованія. Во имя ихъ я принялъ горячее участіе во всѣхъ реформахъ 60-хъ годовъ.

ЧАСТЬ II.

I.

Служба въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ.—Баронъ Корфъ.—Подполковникъ Штосъ.—Полковникъ Богдановъ.—1856 годъ въ Петрозаводскѣ.—Поѣздка въ чужіе края.—Въ Шлангенбадѣ.—Въ Парижѣ.

По пріѣздѣ моемъ изъ Севастополя въ Москву въ началѣ Января 1855 года, радость свиданія съ близкими родными такъ цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, что головныя боли, которыми я страдалъ, совершенно прошли, и зрѣніе пострадавшее отъ контузіи въ голову, вполнѣ возстановилось. Но не такъ легко я избавился отъ нервнаго разстройства, возбужденнаго во мнѣ картинами смерти и страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ осажденномъ городѣ. Въ Москвѣ случалось со мною, иногда ночью, что я вскакивалъ съ постели, какъ будто слыша выстрѣлы, и затѣмъ не могъ заснуть до утра; я отвѣчалъ невпопадъ на предлагаемые мнѣ вопросы, воображая себя на Николаевской батареѣ, говорящимъ съ Карповымъ или съ Маіевскимъ. Помню, что когда, по приказанію коменданта, я поѣхалъ въ Успенскій Соборъ присягать, по случаю восшествія на престолъ Императора Александра II и когда, во время самой присяги, упалъ съ Ивана Великаго колоколъ, пробившій всѣ этажи колокольни и раздавившій людей, тамъ жившихъ, я не могъ, выходя изъ церкви, удержаться отъ смѣха: мнѣ казалось почему-то очень комичнымъ положеніе лицъ, которыхъ

колоколъ накрылъ и увлекъ внизъ. Смѣхъ мой былъ, конечно, послѣдствіемъ нервнаго разстройства. Причиною паденія колокола, какъ говорили, было халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ лицъ завѣдывавшихъ церковными постройками; пять лѣтъ передъ тѣмъ замѣчено было, что балки, на которыхъ держался колоколъ, подгнили. По этому поводу возбуждена была переписка, но колоколъ не дождался ея окончанія, упалъ и раздавилъ не мало людей. Въ паденіи колокола нѣкоторые видѣли дурное предзнаменованіе для царствованія новаго Императора.

Проживъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, я уѣхалъ въ Петербургъ ранѣе срока отпуска, даннаго Меншиковымъ. Въ то время Великій Князь Михаилъ Николаевичъ не вступалъ еще въ должность генералъ-фельдцехмейстера; артиллеріей управлялъ инспекторъ всей артиллеріи баронъ Николай Ивановичъ Корфъ, который предложилъ мнѣ быть при немъ личнымъ адъютантомъ. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, такъ какъ, съ одной стороны, баронъ Николай Ивановичъ былъ отличный человѣкъ, съ которымъ пріятно было служить, а съ другой стороны новое мое назначеніе избавляло меня отъ обязанности вернуться въ Севастополь. Я желалъ остаться на службѣ въ Петербургѣ, потому что, полюбивъ въ Москвѣ одну молодую дѣвушку, я долженъ былъ въ скоромъ времени жениться. Свадьба моя была въ Москвѣ.

Когда мы переѣхали въ Петербургъ, баронъ Николай Ивановичъ, его жена и дочь (вышедшая вскорѣ замужъ за Моренгейма, въ настоящее время нашего посла въ Парижѣ) отнеслись съ такимъ вниманіемъ и такой любезностью ко мнѣ и моей женѣ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, когда я былъ у барона Корфа адъютантомъ. Благородное сердце и искренность чувствъ составляли главныя черты его характера.

Начальникомъ штаба у него былъ генералъ-адъютантъ Безакъ, человѣкъ недюжиннаго ума, но довольно сухой, непри-

вѣтливый и, за исключеніемъ своихъ родныхъ, рѣдко исполнявшій просьбы, обращенныя къ нему его подчиненными. Мнѣ не разъ приходилось совѣтовать офицерамъ, получившимъ отъ него отказъ въ ихъ просьбахъ, обратиться къ Николаю Ивановичу, который, не отмѣняя рѣшеній Безака, умѣлъ удовлетворить ихъ желанія другимъ путемъ. Былъ напримѣръ такой случай. Одинъ артиллерійскій офицеръ, служившій въ бригадѣ, которая стояла въ Харьковской губерніи, женился на дѣвушкѣ, у которой имѣніе было въ Тверской губерніи. Чтобы поближе быть къ имѣнію своей жены, онъ просилъ Безака перевести его въ бригаду, стоявшую въ Тверской губерніи; Безакъ отказалъ по неимѣнію вакансіи. Офицеръ просилъ меня передать его просьбу барону Корфу. Я исполнилъ желаніе офицера и при этомъ придумалъ такую комбинацію. Зная, что, одинъ изъ офицеровъ, служащихъ въ Тверской губерніи, долженъ быть въ скоромъ времени прикомандированъ къ гвардейской артиллеріи и что ему было совершенно безразлично въ какой бы бригадѣ не считаться по спискамъ, до прикомандированія его къ гвардіи, я предложилъ ему помѣняться мѣстомъ своей службы съ офицеромъ, желавшимъ служить въ Тверской губерніи. Онъ согласился; я доложилъ объ этомъ барону, и офицеры были перемѣщены, согласно ихъ желанію.

Въ параллель къ этому случаю, я могу впрочемъ привести другой, когда Николай Ивановичъ не исполнилъ просьбы офицера. Было это такимъ образомъ. Пріѣхалъ ко мнѣ какой-то конно-артиллерійскій подполковникъ, котораго я не зналъ (фамилія его была, сколько помню, Штосъ) и умолялъ меня попросить барона Корфа принять его наединѣ, такъ какъ онъ имѣлъ передать его высокопревосходительству весьма важное дѣло о какихъ-то несправедливостяхъ начальника артиллеріи въ одномъ изъ корпусовъ. Зная доброту Николая Ивановича, я сказалъ Штосу, чтобы онъ заѣхалъ къ Корфу на другой день послѣ общаго пріема и тогда я, какъ дежурный въ этотъ день адьютантъ, доложу о немъ и надѣюсь, что онъ будетъ тотчасъ

принять. Штосъ пріѣхалъ. Оставивъ его въ пріемной комнатѣ, я пошелъ къ Николаю Ивановичу въ кабинетъ и объяснилъ ему желаніе Штоса; но едва я произнесъ эту фамилію, какъ Николай Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и рѣзко мнѣ сказалъ: „Что вы дѣлаете! Знаете ли вы, кто этотъ Штосъ?“ Я отвѣчалъ, что не знаю его. „Штосъ—сумашедшій, у котораго вынуждены были отнять батарею, и онъ, считая себя жертвою несправедливости, ѣздитъ ко всѣмъ отыскивать правосудія. Это—второй Богдановъ. Велите ему удалиться; я его не приму“. Послѣ этихъ словъ, я, посовѣтовалъ Штосу не пріѣзжать болѣе къ Николаю Ивановичу, а предложилъ написать письмо или докладную записку, которую я, если онъ желаетъ, могу передать его высокопревосходительству. Штосъ обѣщалъ написать, но почему-то не написалъ. Я не знаю, былъ ли Штосъ дѣйствительно сумашедшій, но помню одну изъ его выходокъ, которая показалась мнѣ весьма странной: сидя у меня въ кабинетѣ и разсказывая исторію его столкновенія съ какимъ-то начальникомъ, онъ пришелъ въ такой азартъ, что началъ бранить этого начальника, употребляя выраженія, которыя можно слышать только въ кабакахъ, и при этомъ такъ возвысилъ голосъ, что еслибы моя жена была дома, то непремѣнно услышала бы его, сидя за двѣ комнаты отъ моего кабинета. Послѣ этой выходки я не велѣлъ его принимать къ себѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что онъ дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ, но сошелъ съ ума не до отнятія у него батареи, а послѣ.

Я сказалъ выше, что Корфъ, отказавшись принять Штоса, выразился про него, что это второй Богдановъ. Считаю небезъинтереснымъ разсказать исторію этого Богданова, съ которымъ я случайно познакомился на пароходѣ, ѣхавъ семь или восемь лѣтъ передъ тѣмъ изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ. Богдановъ въ то время былъ отставной полковникъ Корпуса путей сообщенія. Сидя рядомъ со мной на палубѣ, онъ началъ разговоръ съ того, что предложилъ мнѣ за 1 р. 50 к., которые онъ заплатилъ за мѣсто на пароходѣ, купить у него 3000 де-

сятинъ земли. Такое предложеніе меня чрезвычайно удивило; чтобы уяснить его, онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ его служебной дѣятельности, а позже я узналъ всѣ подробности его жизни отъ другихъ лицъ. Послѣднее мѣсто служенія Богданова была должность начальника дистанціи по дорогѣ отъ Петербурга въ Новую Ладогу. Въ то время чины Министерства Путей Сообщенія, во главѣ котораго стоялъ графъ Клейнмихель, извѣстны были своимъ умѣніемъ собирать незаконные доходы. Мѣсто начальника дистанціи, которое занималъ Богдановъ, было одно изъ самыхъ доходныхъ мѣстъ; но какъ честный человѣкъ, онъ не только уничтожилъ всѣ поборы, которые дѣлались съ судовъ, проходящихъ по Невѣ и по каналамъ въ Петербургъ, но и педантично слѣдилъ за своими подчиненными, чтобы они не брали взятокъ. Такая честность, какъ несогласная съ порядками, существовавшими въ Министерствѣ Путей Сообщенія, не могла, конечно, не возбудить къ нему ненависти не только его подчиненныхъ, но и лицъ окружавшихъ графа Клейнмихеля. Начались жалобы, наговоры, доносы. Богдановъ не обращалъ на нихъ вниманія, продолжалъ работать и преслѣдовать взятки; наконецъ, онъ напечаталъ какую-то брошюру, которая заслужила вниманіе ученаго міра. Тогда графъ Клейнмихель рѣшился его наградить и далъ ему въ полное и потомственное владѣніе 3000 десятинъ земли въ тундрахъ Архангельской губерніи. Эту-то землю онъ и предлагалъ мнѣ купить за 1 р. 50 к. Получивъ такую награду, которую Богдановъ счелъ за насмѣшку, онъ сошелъ съ ума, и первымъ проявленіемъ его сумашествія была слѣдующая выходка. Надѣвъ полную парадную форму, онъ отправился на гауптвахту и потребовалъ именемъ Государя двухъ часовыхъ. Въ караулѣ стоялъ молодой офицеръ, который, видя передъ собою полковника грозно приказывающаго Высочайшимъ именемъ, не рѣшился ему отказать и далъ требуемыхъ часовыхъ съ ефрейторомъ. Онъ повелъ ихъ къ дому, гдѣ жилъ графъ Клейнмихель, поставилъ у дверей и велѣлъ никого не впускать и никого не выпускать изъ квартиры его сіятельства. Затѣмъ онъ поѣхалъ

къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, велѣлъ доложить, что желаетъ видѣть министра по весьма важному дѣлу, и когда графъ Перовскій принялъ его у себя въ кабинетѣ, онъ объяснилъ, что вся Россія благодарна его сіятельству за то, что онъ энергически преслѣдуетъ воровъ и мошенниковъ и что, сочувствуя его благимъ стремленіямъ, онъ пріѣхалъ къ нему указать на самаго главнаго вора, къ задержанію котораго онъ принялъ уже мѣры. На вопросъ графа Перовскаго, кто этотъ воръ, Богдановъ отвѣчалъ: графъ Клейнмихель и, вынувъ изъ кармана пистолетъ, прибавилъ, что этотъ воръ отъ него не уйдетъ. Графъ Перовскій, понявъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сумашедшимъ, сказалъ, что для этого вора у него есть другое оружіе и, указавъ на нагайку, висѣвшую на стѣнѣ въ числѣ принадлежностей охоты, взялъ у Богданова пистолетъ. Затѣмъ его арестовали и отправили въ сумашедшій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ два года. По выздоровленіи ему дали небольшой пенсіонъ, дочерей опредѣлили въ одинъ изъ институтовъ, и онъ поселился съ семействомъ гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Когда я съ нимъ познакомился на пароходѣ, онъ былъ вполнѣ въ здравомъ умѣ, бранилъ только графа Клейнмихеля и разсказалъ мнѣ, какой онъ придумалъ способъ для преслѣдованія своего бывшаго начальника. Встрѣтившись съ графомъ гдѣ-то случайно, онъ замѣтилъ, что встрѣча эта произвела на графа весьма непріятное впечатлѣніе; вслѣдствіе этого онъ рѣшился каждый день приходить на Дворцовую набережную, гдѣ обыкновенно гулялъ графъ Клейнмихель и, увидавъ его, онъ становился за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ и шелъ не отставая, куда бы графъ ни повернулъ. Хоть этимъ способомъ, прибавилъ онъ, буду мстить ему за все зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

Вскорѣ по назначеніи меня адъютантомъ къ барону Корфу, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, вступилъ въ исправленіе должности генералъ-фельдцехмейстера, а баронъ Корфъ назначенъ былъ товарищемъ генералъ-фельдцехмейстера, причемъ Государю угодно

было, по просьбѣ барона Корфа, оставить при немъ двухъ его адъютантовъ: меня и Рота (бывшаго впослѣдствіи директоромъ Артилерійской Академіи и Артилерійскаго Училища). Въ день пріема артилеріи отъ барона Корфа, Его Высочество съ своимъ адъютантомъ, а баронъ Корфъ со мной объѣхали разныя артилерійскія учрежденія, причемъ изъ словъ, сказанныхъ Великимъ Княземъ, представлявшимся ему чинамъ Артилерійскаго Департамента, уяснилось, что въ личномъ составѣ артилеріи предстоятъ большія перемѣны. И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, начальникомъ штаба генералъ-фельдцехмейстера былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Баранцевъ, директоромъ Артилерійскаго Департамента — генералъ-адъютантъ Лутковскій, а Безакъ получилъ 4-й пѣхотный корпусъ. При перемѣнѣ высшихъ артилерійскихъ начальниковъ, штабъ генералъ-фельдцехмейстера остался въ томъ же составѣ; но изъ Артилерійскаго Департамента нѣкоторые низшіе чины должны были уйти. Къ реформѣ этой въ артилеріи отнеслись весьма сочувственно.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя заключено было перимиріе, и хотя всѣ ожидали, что за перемиріемъ послѣдуетъ миръ, но военныя приготовленія шли своимъ чередомъ. Для обороны Кронштадта сухопутное артилерійское вѣдомство заказало Александровскому чугунно-литейному заводу въ Петрозаводскѣ около ста 60-ти фунтовыхъ пушекъ и поставило условіемъ изготовить ихъ непремѣнно къ 1-му Марта 1856 года. Для ускоренія отливки пушекъ и доставки ихъ въ Петербургъ Его Высочеству генералъ-фельдцехмейстеру угодно было командировать меня на заводъ. Это было въ Январѣ 1856 года.

По пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, я объяснилъ цѣль моей командировки начальнику завода; но, оказалось, что не только не отлито, но и не можетъ быть отлито къ условленному сроку ни одного орудія, такъ какъ заводъ, находясь въ вѣдѣніи Морскаго Министерства, считалъ себя обязаннымъ исполнить, прежде

всего, заказъ этого министерства и въ то время занятъ былъ изготовленіемъ орудій для Балтійскаго флота. Такимъ образомъ нашъ Балтійскій флотъ, запертый въ Кронштадтѣ, получилъ бы къ открытію навигаціи орудія, изъ которыхъ ему не пришлось бы стрѣлять; а наши Кронштадскія укрѣпленія, имѣвшія цѣлью защищать Кронштадтъ и флотъ отъ непріятельскихъ судовъ, остались бы безъ дальнобойныхъ орудій! Когда я донесъ объ этомъ штабу генералъ-фельдцехмейстера, мнѣ предписано было войти въ соглашеніе съ заводомъ объ ускореніи изготовленія морскихъ орудій, а затѣмъ, по пріѣздѣ капитана 1-го ранга Посьета (занимавшаго въ недавнее время постъ министра путей сообщенія), командированнаго генералъ-адмираломъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для надзора за отливкою орудій, передать все дѣло ему, опредѣливъ въ точности, сколько орудій можетъ быть изготовлено къ 1-му Марта для сухопутной артилеріи.

Въ Петрозаводскѣ прожилъ я болѣе мѣсяца и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Губернаторомъ былъ Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ *), который, какъ оказалось, нѣсколько зналъ меня по наслышкѣ отъ брата своего Николая Николаевича, бывшаго въ то время Амурскимъ генералъ-губернаторомъ (Николай Николаевичъ, уѣзжая въ Сибирь въ началѣ 1850 года, предлагалъ мнѣ перейти къ нему на службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ; но я не рѣшился разстаться съ Петербургской жизнію; онъ взялъ съ собой молодого офицера Семеновскаго полка, своего родственника и моего хорошаго знакомаго Михаила Семеновича Корсакова, который послѣ смерти Муравьева сдѣланъ былъ на его мѣсто генералъ-губернаторомъ). Валерьянъ Николаевичъ былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что далъ мнѣ помѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ и предложилъ ежедневно у него обѣдать. Будучи вдовцомъ, онъ лю-

*) Отецъ нынѣшняго Министра Юстиціи.

билъ говорить о своей покойной женѣ и съ такой душевной теплотой вспоминалъ о своей прошлой семейной жизни, что не могъ не вызвать во мнѣ искренней къ нему симпатіи и душевнаго уваженія. Только что женившись и не испытавъ еще всѣхъ треволненій семейной жизни, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ его, когда онъ говорилъ, что единственное прочное счастіе на землѣ, это—счастье семейное.

На другой день моего пріѣзда въ Петрозаводскъ со мной былъ такой случай. Пріѣхавъ вечеромъ, я занялъ квартиру, въ которой печи не были топлены; я приказалъ ихъ затопить, провелъ всю ночь не раздѣваясь и только къ утру, когда комнаты нѣсколько согрѣлись, легъ спать; но не прошло и двухъ часовъ, какъ я уснулъ, лакей меня разбудилъ и объявилъ, что меня желаетъ видѣть жандармскій полковникъ князь Мышецкій. Я хотѣлъ одѣться, но полковникъ просилъ меня убѣдительно тотчасъ же его принять по весьма важному дѣлу. Будучи въ то время въ чинѣ капитана, я немало былъ удивленъ, увидавъ передъ собой полковника въ полной парадной формѣ, но удивился еще болѣе, когда онъ мнѣ сказалъ, что счелъ долгомъ ко мнѣ явиться, чтобы, прежде чѣмъ я увижу губернатора, разсказать мнѣ подробно дѣло о плѣнномъ Англичанинѣ, о которомъ губернаторъ можетъ сообщить невѣрныя свѣдѣнія. Выслушавъ эту тираду, я невольно подумалъ, что передо мной стоитъ сумашедшій и ожидалъ, что онъ, или какъ Штосъ станетъ браниться, или, какъ Богдановъ, предложитъ мнѣ арестовать губернатора. Я просилъ его сѣсть, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Одинъ, взятый въ плѣнъ въ Финляндіи, морской Англійскій офицеръ былъ присланъ на жительство въ Петрозаводскъ; по распоряженію губернатора ему дано было помѣщеніе на чугунно-литейномъ заводѣ у помощника начальника завода полковника Фелькнера, который, будучи самъ Англійскаго происхожденія, не только дозволялъ Англичанину осматривать заводъ, но и самъ сообщалъ ему подробныя свѣдѣнія о нашемъ пушечномъ производствѣ. Такія измѣнническія дѣй-

ствія Фелькнера вынудили князя Мышецкаго сдѣлать о нихъ доносъ 3-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи и увѣдомить губернатора. При этомъ князь Мышецкій разсказалъ, что въ Англичанина влюбилась какая-то барыня, которая, по его наущенію, собирала различныя свѣдѣнія о нашихъ военныхъ силахъ, что Англичанинъ успѣлъ уже составить записку о всемъ имъ узнанномъ и вѣроятно, съ помощью Фелькнера, отправилъ ее въ Англію. Выслушавъ князя Мышецкаго, я спросилъ его: съ какою цѣлью онъ мнѣ передалъ собранныя о плѣнномъ Англичанинѣ свѣдѣнія? На это онъ отвѣчалъ, что изъ моей подорожной, которую онъ видѣлъ въ полиціи, ему извѣстно, что я — адъютантъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и что я пріѣхалъ на заводъ для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера, а потому онъ счелъ долгомъ уяснить мнѣ измѣнническое направленіе этого лица, зная, что отъ губернатора, находящагося съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, я правды не узнаю. Понявъ ошибку князя Мышецкаго, я его поблагодарилъ за все имъ разсказанное и прибавилъ, что я не смѣю сомнѣваться въ истинѣ собранныхъ имъ свѣдѣній о плѣнномъ Англичанинѣ, но что свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ обо мнѣ и о причинѣ моего пріѣзда совершенно невѣрны: я не имѣю чести быть адъютантомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и пріѣхалъ на заводъ вовсе не для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера. При этомъ я подалъ ему подорожную, которую мнѣ только что принесли изъ полиціи, и просилъ повнимательнѣе ее прочесть. Князь Мышецкій очень сконфузился, извинился и уѣхалъ. Я надѣлъ полную парадную форму и отдалъ ему визитъ. Проживъ нѣкоторое время въ Петрозаводскѣ, я узналъ, что князь Мышецкій былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и постоянно дѣлалъ на него доносы. Чѣмъ окончилось дѣло по доносу о плѣнномъ Англичанинѣ, я не знаю. Надобно сказать, что въ то время отношенія между губернаторами и жандармскими штабъ-офицерами въ губерніяхъ были престранныя: будучи независимы другъ отъ друга, они должны были доносить

о всемъ, что̀ дѣлается въ губерніи, каждый своему начальству. Отъ этого нерѣдко бывали между ними столкновенія, но такое двоевластіе имѣло для населенія ту хорошую сторону, что, сдерживая порывы начальническаго произвола, оно заставляло обѣ власти осмотрительнѣе и добросовѣстнѣе относиться къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, служба моя при баронѣ Корфѣ состояла только въ томъ, что я ѣздилъ съ нимъ на разводы и смотры. На одномъ изъ разводовъ былъ такой случай. Когда всѣ адъютанты собрались вокругъ коменданта для полученія пароля, комендантъ назначилъ г. Изюмъ и передалъ его на ухо рядомъ съ нимъ стоящему адъютанту; этотъ передалъ другому, другой третьему и, наконецъ, когда пароль дошелъ до послѣдняго адъютанта, то этотъ сказалъ коменданту не Изюмъ, а Черносливъ, Комендантъ страшно разсердился; но въ виду того, что при отдачѣ пароля соблюдается полная тишина и всѣ держатъ руку подъ козырекъ, онъ долженъ былъ сдержать свой гнѣвъ и передалъ пароль Изюмъ въ другой разъ; на этотъ разъ пароль дошелъ вѣрно. Говорили, что адъютанта, который сошкольничалъ, нашли и посадили подъ арестъ. Это былъ одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ гвардейской пѣхоты.

Наконецъ перемиріе окончилось, и 18-го марта 1856 года заключенъ былъ миръ, окончившій кровопролитную и славную, но неуспѣшную для насъ войну. Россіи, привыкшей къ побѣдамъ, тяжело было потерять Черноморскій флотъ и часть владѣній; но всѣ понимали, что миръ былъ необходимъ и съ благодарностью отнеслись къ императору Александру II, даровавшему его.

По заключеніи мира баронъ Корфъ предположилъ лѣто 1856 года провести за границей и вернуться къ коронаціи, которая была назначена на 26 августа. Я просилъ также заграничнаго отпуска для пользованія моей жены минеральными во-

дами. Въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Николаевской, а потому мы съ женой должны были отправиться моремъ въ Штетинъ. Путешествіе наше на пароходѣ *Владиміръ*, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ, продолжалось около пяти дней. Всѣ ѣхавшіе на пароходѣ страдали отъ морской болѣзни, кромѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, который съ особеннымъ вниманіемъ ухаживалъ за больными дамами, лежавшими на палубѣ и въ палубной каютѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались слабые женскіе голоса, обращенные къ принцу: „Monseigneur, donnez moi mon châle… Monseigneur, faites moi apporter un verre d'eau“ и т. п., и Его Высочество ни одной просьбы не оставлялъ безъ вниманія. Я хотя также чувствовалъ непріятныя ощущенія отъ качки, но крѣпился и помогалъ, сколько могъ, принцу исполнять желанія дамъ. На пароходѣ ѣхалъ Бельгіецъ Капельмансъ, которому наше правительство поручило редакцію Брюссельскаго журнала „Le Nord“, долженствовавшаго служить нашимъ печатнымъ органомъ за границей. Капельмансъ мнѣ не понравился вслѣдствіе своихъ рѣзкихъ и подчасъ несправедливыхъ сужденій о Россіи. Онъ выражалъ даже сомнѣніе въ доблести нашего солдата, говоря, что тамъ, гдѣ царствуетъ кнутъ и палка, люди невольно обращаются въ животныхъ, а у животныхъ не можетъ быть ни самолюбія, ни чести и чувства долга; храбрость нашего солдата онъ объяснялъ равнодушіемъ его къ жизни, полной страданій, которымъ подвергаютъ его военныя власти. О молодомъ нашемъ Императорѣ онъ говорилъ съ особеннымъ восторгомъ, предвѣщая ему славное царствованіе и пророча Россіи блестящую страницу въ ея исторіи. Возмущаясь парадоксальными сужденіями Капельманса о нашемъ солдатѣ и о всемъ русскомъ, я не понималъ, какимъ образомъ могли поручить лицу съ такимъ направленіемъ быть нашимъ адвокатомъ передъ Европой.

Изъ Штетина мы поѣхали съ женой по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Одинъ изъ нѣмцевъ, сидѣвшихъ съ нами въ вагонѣ,

узнавъ, что мы русскіе путешественники, совѣтовалъ намъ остановиться въ Берлинѣ въ новооткрытой гостиницѣ „Черниговъ“ (Tchernigof's Hôtel), восхваляя ее до небесъ. Мы послушались этого совѣта и горько раскаялись. Докторъ Ромбергъ, приглашенный женой для совѣта, очень удивился, найдя насъ въ гостинницѣ, хуже которой, какъ онъ говорилъ, нѣтъ во всемъ Берлинѣ. Мы тотчасъ же переѣхали въ гостиницу „Римъ“, считавшуюся въ то время лучшею. Ромбергъ, извѣстный спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, предписалъ моей женѣ лѣченіе ваннами въ Шлангенбадѣ, куда мы и отправились. Берлинъ произвелъ на меня не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе; онъ имѣлъ мрачный видъ вслѣдствіе окраски домовъ въ темный цвѣтъ.

Шлангенбадъ (въ буквальномъ переводѣ: Змѣиная Баня) получилъ свое названіе отъ большаго количества змѣй, которыя тамъ водятся. Онъ состоялъ въ то время изъ 20—25 домовъ, построенныхъ въ ущеліи, между небольшими горами, у источника воды, которую всѣ пили какъ простую (такъ она была безвредна) и изъ которой дѣлались ванны для нервно-больныхъ. Шлангенбадъ получилъ нѣкоторую извѣстность послѣ того, какъ въ немъ провела весь лѣтній сезонъ императрица Александра Ѳеодоровна. Докторъ Бертранъ, единственный въ Шлангенбадѣ, носилъ всегда въ петличкѣ на сюртукѣ орденъ св. Станислава 3-ей степени, который ему пожаловалъ императоръ Николай I за лѣченіе императрицы. При источникѣ воды былъ кургаузъ съ помѣщеніями для ваннъ и небольшой паркъ, гдѣ иногда играла довольно плохая музыка; другихъ развлеченій не было; не было даже библіотеки. Пріѣзжихъ въ этомъ году было много. Изъ русскихъ мы познакомились съ семействомъ Серно-Соловьевичъ, состоявшимъ изъ матери двухъ сыновей, только что окончившихъ курсъ въ Петербургѣ въ Александровскомъ Лицеѣ. Эти молодые люди, о которыхъ я буду еще говорить, получили впослѣдствіи весьма печальную извѣстность; но въ то время они политикой не занимались и

своимъ умомъ и образованіемъ умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь Шлангенбада. Мы познакомились еще съ однимъ французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ мужа и жены; оба были молоды и красивы. M-me Daguin была хорошенькая брюнетка, любившая пококетничать, а мужъ ея, помѣщикъ изъ Нормандіи, думалъ, кажется, о своемъ хозяйствѣ болѣе, чѣмъ о своей женѣ. По вечерамъ мы ходили гулять въ паркъ, или ѣздили на ослахъ въ горы. Помню, что, проходя одинъ разъ по площадкѣ, на которой стояли ослы, одна наша петербургская знакомая К. М. Туманская спросила у одного изъ погонщиковъ, много ли тутъ ословъ; онъ ей съ большой наивностью отвѣчалъ: столько, сколько пріѣзжихъ иностранцевъ. Всѣ разсмѣялись этой остротѣ, хотя по добродушному виду погонщика, надобно было думать, что она была неумышленная.

Моя жена и m-me Daguin брали ванны иногда въ одинъ часъ; я же и m-r Daguin, въ ожиданіи нашихъ женъ, садились и бесѣдовали о политикѣ. Говоря одинъ разъ о вышедшей въ то время брошюрѣ: „Napoléon le Petit par Victor Hugo“ я спросилъ моего собесѣдника, какъ смотрятъ на Наполеона III во Франціи? Онъ мнѣ отвѣчалъ такой фразой: „Oh! c'est un homme d'esprit; nous l'aurons encore, certes, pour dix ans“ (О, это человѣкъ умный; намъ его хватитъ, вѣрно, еще на десять лѣтъ). О Крымской кампаніи онъ говорилъ, что Французамъ было, конечно, пріятно получать бюллетени о побѣдахъ надъ Русскими, но съ неменьшимъ удовольствіемъ читались во Франціи извѣстія объ успѣхахъ Русскихъ надъ Англичанами, хотя эти послѣдніе были ихъ союзники. Про *Тьера* Дагенъ выразился такъ: „C'est un homme d'état manqué“ (это неудавшійся государственный человѣкъ), а про Виктора Гюго: „C'est un poëte, qui cherche ses inspirations dans les basfonds“ (это поэтъ, который ищетъ свои вдохновенія въ низменностяхъ). Вообще Дагенъ былъ человѣкъ ничѣмъ недовольный и подвергалъ все и всѣхъ критикѣ. Про свое хозяйство онъ говорилъ, что оно

идетъ хорошо, но шло бы еще лучше, если бы на престолѣ Франціи былъ не искатель приключеній (aventurier), а законный Французскій король изъ дома Бурбоновъ. Если Дагенъ, былъ, какъ видно, легитимистъ, то нельзя сказать, чтобы его партія имѣла въ немъ виднаго представителя. Тьера онъ не любилъ въ особенности за то, что Тьеръ принадлежалъ въ то время къ Орлеанской партіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Шлангенбадъ, сидя у окна, я увидѣлъ огромную фуру, подъѣхавшую къ нашему дому. Когда фуру начали выгружать, меня удивило, что въ числѣ вещей были огромные утюги той формы, какая употребляется въ Россіи; но я еще болѣе удивился, когда услыхалъ, что люди, пріѣхавшіе съ фурой, говорили по-русски. На вопросъ мой у горничной, намъ служившей, кто были эти Русскіе, она мнѣ отвѣчала, что привезенныя вещи принадлежали Русской графинѣ, а пріѣхавшіе люди были служащіе при ней. Вскорѣ подъѣхала коляска, и изъ нея вышла дама среднихъ лѣтъ въ элегантномъ костюмѣ. Увидавъ ее, я тотчасъ же узналъ Мину Ивановну, извѣстную въ то время всему Петербургу силу, дававшую мѣста, ордена и устроительницу служебной карьеры для лицъ, къ ней обращающихся. Но къ чести ея надобно сказать, что она это дѣлала по душевной добротѣ, а не изъ-за денегъ, какъ многія ей подобныя женщины. Красота Мины Ивановны уже поблекла, ей было около 40 лѣтъ; покровитель ея выдалъ ее замужъ за однаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который не имѣлъ графскаго титула, а потому она могла называться генеральшей, но не графиней. Отчего она носила этотъ титулъ и даже на всемъ своемъ бѣльѣ поставила мѣтки съ графскимъ вензелемъ, я не знаю. Помѣщеніе, ею занятое, было роскошное. Она ежедневно приходила гулять въ паркъ; но Русскіе, бывшіе въ Шлангенбадѣ, съ ней не знакомились, и кружокъ ея составился изъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ и Нѣмокъ.

На Французской границѣ насъ заставили открыть чемоданы; но когда увидали, что на верху моихъ вещей лежала военная фуражка, то просили тотчасъ же закрыть, не подвергая осмотру. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Парижъ около 12 часовъ ночи. Когда я хотѣлъ получить вещи изъ багажа, мнѣ ихъ не дали, говоря, что онѣ должны быть осмотрѣны городской таможней; оказалось, что въ Парижѣ существуетъ octroi, то есть акцизъ на привозимые въ городъ колбасы и свиные продукты, вслѣдствіе чего всѣ вещи пасажировъ подвергаются осмотру: это на подобіе нашихъ бывшихъ винныхъ откуповъ, когда у каждой заставы находились откупные досмотрщики, которые останавливали всѣхъ проѣзжающихъ и совали свои желѣзные щупы въ ихъ сундуки, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ водки. Моего чемодана я никакъ не могъ открыть; ключъ испортился. Тогда я объяснилъ досмотрщику, что колбасы у меня нѣтъ, такъ какъ я не колбасный торговецъ, а Русскій офицеръ и при этомъ показалъ ему мой паспортъ *), въ которомъ было сказано, что я уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, происшедшей отъ контузіи въ голову. Досмотрщикъ, какъ оказалось, былъ солдатомъ въ Севастополѣ и, выйдя въ отставку послѣ войны, поступилъ на службу въ octroi. Онъ схватилъ у меня руку, пожалъ ее и съ удареніемъ сказалъ: Oh! Je connais les Russes; vous êtes un brave, monsieur. Prenez vos colis et filez (О, я знаю Русскихъ; вы храбрый офицеръ, берите ваши сундуки и проходите). Добродушное, хотя грубовато выраженное сочувствіе къ Русскимъ бывшаго солдата меня разсмѣшило; я понялъ, что контузія моя мнѣ пригодилась на что нибудь: безъ нея пришлось бы, или ломать замокъ въ чемоданѣ, или ночевать въ вокзалѣ желѣзной дороги.

Передъ отъѣздомъ за границу, баронесса Корфъ, жившая долгое время въ Парижѣ, рекомендовала намъ остановиться въ меблированныхъ комнатахъ „rue de Provence“. Взявъ свои

*) Прежніе заграничные паспоры писались по-русски и по-нѣмецки. Досмотрщикъ былъ Эльзасецъ, а потому зналъ Нѣмецкій языкъ.

вещи, мы поѣхали туда въ огромномъ омнибусѣ въ часъ ночи. Намъ дали очень хорошее помѣщеніе въ двѣ комнаты по 10 франковъ въ день; содержательница этихъ комнатъ была очень милая особа, употреблявшая всѣ усилія чтобы намъ угодить. Разскажу два случая, бывшіе со мной, которые могутъ служить иллюстраціей вѣжливости Французовъ второй имперіи. Проходя мимо какой-то лавочки, я замѣтилъ выставленную у окна коробочку въ родѣ пепельницы. Коробочка мнѣ понравилась, и я спросилъ у лавочника, стоявшаго съ сигарой во рту у открытой на улицу двери, сколько она стоитъ; онъ мнѣ отвѣчалъ — два франка; тогда я пожелалъ знать изъ бронзы она, или нѣтъ. При этомъ вопросѣ лавочникъ покраснѣлъ до ушей и, возвысивъ голосъ, сказалъ мнѣ, что я не имѣю права предлагать ему вопросъ, который можетъ означать, что я подозрѣваю торговца въ воровствѣ, такъ какъ только одинъ воръ можетъ продавать такія бронзовыя вещи по два франка, что если у меня есть глаза, то я могу видѣть, что коробка сдѣлана изъ папье-маше. Выходка этого лавочника, къ которому я отнесся вполнѣ вѣжливо, меня удивила. Другой случай былъ слѣдующій. Я поѣхалъ въ „Jardin des Plantes“ и, выходя изъ экипажа, сказалъ извощику, чтобы онъ меня дожидался; но извощикъ грозно мнѣ крикнулъ, чтобы я вернулся и его расчелъ, иначе онъ обѣщалъ позвать полицейскаго комиссара. Отчего извощикъ разгнѣвался на меня, я рѣшительно не понимаю. Эти два случая нѣсколько охладили мою симпатію къ Французамъ; но вину такихъ нахальныхъ выходокъ Французскихъ bourgeois того времени я приписываю правленію Наполеона III-го, который, желая упрочить свой престолъ и пріобрѣсти популярность, поощрялъ развитіе въ народѣ тщеславія и другихъ дурныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего люди малообразованные прониклись самодовольствомъ и самохвальствомъ; считая себя выше всѣхъ, они думали поддерживать свое верховенство грубостью и нахальствомъ. Къ развитію въ нихъ высокаго о себѣ мнѣнія не мало содѣйствовала и слава, пріобрѣтенная Наполеономъ послѣ Крымской кампаніи. Невѣжливость французскаго средняго со-

словія проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ, войдя въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ, я увидѣлъ прикащиковъ, безъ сюртуковъ вслѣдствіе бывшей жары и въ однихъ жилетахъ, говорившихъ съ приходившими дамами; въ другой разъ жена моя хотѣла купить альбомъ въ одномъ изъ магазиновъ въ Палерoялѣ (Palais Royal) и, не замѣтивъ выставленную въ магазинѣ этикетку: „prix fixe" предложила за выбранный ею альбомъ болѣе дешевую цѣну, чѣмъ ей объявила продавщица. Эта послѣдняя чрезвычайно разсердилась и грубо замѣтила, что въ магазинѣ, который продаетъ безъ запроса, не слѣдуетъ торговаться, а между тѣмъ, когда жена хотѣла уйти, она уступила альбомъ за предложенную цѣну. Послѣ 1856 года я былъ въ Парижѣ два раза, когда имперіи уже не было, и ничего подобнаго я не видалъ, что̀ и даетъ мнѣ право думать, что нахальныя выходки Французскихъ bourgeois обязаны были своимъ происхожденіемъ развращающей системѣ правленія Наполеона III. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, конечно, что въ Наполеонѣ III не было ни геніальности Наполеона I, ни особеннаго государственнаго ума; но въ то время, о которомъ я говорю, стоя на верху своей славы, онъ считался великимъ человѣкомъ: вся Франція ему кланялась и рукоплескала. Однакожъ и въ то время попадали въ печать весьма нелестныя о немъ сужденія. Я помню, что въ Брюсселѣ я прочелъ въ какой-то книгѣ описаніе разговора о немъ двухъ „bourgeois", когда избраніе его было подвергнуто всеобщему голосованію. Est-ce que vous l'auriez pris pour votre garçon de caisse? спросилъ одинъ другаго.—Jamais, il me volerait; mais comme Empereur, il sera bien: je voterai pour lui *), отвѣчалъ другой.

Домой возвращались мы черезъ Варшаву, гдѣ купили дормезъ, и на почтовыхъ пріѣхали въ Москву недѣлю послѣ коронаціи. Изъ коронаціонныхъ празднествъ мы застали только

*) Взяли бы вы его къ себѣ въ кассиры? — Никода, онъ обокралъ бы меня; но какъ императоръ, онъ будетъ хорошъ, и я подамъ голосъ за него.

фейерверкъ, который былъ спущенъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и на которомъ присутствовали вся императорская фамилія и всѣ иностранные гости. Отъ фейрверка ожидали чудесъ; его приготовлялъ генералъ-маіоръ Константиновъ. Въ день фейерверка десятки тысячъ народа собрались на полѣ передъ Кадетскимъ Корпусомъ, всѣ окна корпуса были заняты зрителями; но пошелъ дождь, и фейерверкъ потерпѣлъ полное фіаско. Императрица Марія Александровна зажгла птицу, которая, двигаясь по проволокѣ, должна была воспламенить всѣ фейерверочныя чудеса; но птица не послушалась императрицы. Тогда начали зажигать руками разныя колеса, щиты, ракеты; все это шипѣло, трещало, бросало огненные языки и наконецъ тухло. Вину неудачи фейерверка свалили на дождь.

Изъ Москвы мы пріѣхали въ Петербургъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и я снова вступилъ въ исправленіе моей должности адъютанта при баронѣ Корфѣ.

II.

Новое царствованіе.—Сенатскій указъ.—Н. Серно-Соловьевичъ.—Начало раскрѣпощенія.—Александръ II-й.

Человѣколюбивое направленіе, просвѣщенный умъ и освободительныя стремленія императора Александра II-го извѣстны были всѣмъ. По восшествіи его на престолъ, Россія предвидѣла начало новой эры въ своей государственной жизни, а Европа привѣтствовала новаго монарха выраженіемъ самыхъ горячихъ къ нему симпатій. Но въ то время, когда императоръ Александръ II-й принялъ бразды правленія, Россія, неустроенная внутри и обезсиленная внѣшней войной, была въ самомъ печальномъ положеніи. Императоръ Николай I-й въ теченіи 30-ти лѣтняго своего царствованія заботился почти исключительно о поддержаніи военнаго могущества Россіи; посвящая значительную часть своего времени занятіямъ объ устройствѣ арміи, онъ придалъ ей блестящій наружный видъ, назначая же на высшія государственныя должности военныхъ генераловъ, привлекъ на службу въ ея рядахъ лучшія силы нашего дворянства. Но усилія его не имѣли успѣха. Съ паденіемъ Севастополя пало военное обаяніе Россіи, ослабла ея внѣшняя сила, прикрывавшая внутреннюю слабость; обнажились такія язвы на всемъ ея организмѣ, которыя требовали немедленнаго лѣченія, немедленныхъ реформъ. Императоръ Александръ II-й сознавалъ это; но прежде чѣмъ приступить къ внутреннимъ реформамъ, необходимо было окончить внѣшнюю войну; война же, давшая перевѣсъ надъ

нами нашимъ врагамъ, не могла быть окончена безъ пожертвованій. По заключеніи перемирія, Австрія предложила свое посредничество для веденія мирныхъ переговоровъ; оказалось, что жертвы, потребованныя отъ Россіи, не были такъ велики. Императоръ Александръ II-й могъ легко на нихъ согласиться, такъ какъ онъ не былъ нравственно отвѣтственъ ни за начало войны, ни за ея безуспѣшность. Наконецъ, къ общей радости всѣхъ друзей человѣчества, миръ былъ заключенъ въ Парижѣ 18-го Марта 1856 года.

Окончивъ, такимъ образомъ, войну, императоръ рѣшился приступить къ реформамъ и прежде всего къ уничтоженію крѣпостнаго права, которое и въ нравственномъ отношеніи и въ экономическомъ служило тормазомъ къ развитію всѣхъ силъ Россіи. Хотя всѣмъ извѣстно было, что молодой монархъ былъ сторонникомъ идеи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но, въ первый годъ его царствованія, война поглощала общее вниманіе, и лица, несочувствовавшія идеѣ государя, успокоились, полагая, что отъ идеи до приведенія ея въ исполненіе очень далеко, тѣмъ болѣе, что въ манифестѣ о восшествіи на престолъ не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на намѣреніе императора приступить къ крестьянской реформѣ. Императоръ Александръ I-й, говорили эти лица, выражалъ также желаніе освободить крестьянъ, но не рѣшился сдѣлать эту реформу въ Россіи, ограничившись только уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Остзейскихъ губерніяхъ. Императоръ Николай I-й, въ свою очередь, пытался улучшить положеніе крѣпостныхъ, но освободить ихъ совершенно отъ власти помѣщиковъ онъ находилъ невозможнымъ. При этомъ разсказывали случай, бывшій въ Москвѣ, во время коронованія императора Николая I *). На Ходынскомъ полѣ устроенъ былъ народный праздникъ, на который собрались массы народа. Для лицъ,

*) О случаѣ этомъ я слышалъ въ моемъ дѣтствѣ отъ отца.

желавшихъ видѣть этотъ праздникъ, устроена была двухъярусная галлерея, которая вся наполнилась зрителями. По пріѣздѣ государя столы были открыты, и Его Величество крикнулъ народу, что все тутъ находящееся онъ даетъ ему. Въ одно мгновеніе всѣ бросились къ бочкамъ съ водкой и къ столамъ и по уничтоженіи всего стоявшаго, кинулись ломать галерею, говоря, что государь имъ отдалъ все, слѣдовательно и галерею. Сидѣвшіе на ней, въ страшномъ испугѣ, стали выходить; но нѣкоторые не успѣли спуститься по лѣстницѣ и попадали внизъ съ подрубленными столбами. Разсказывавшіе объ этомъ случаѣ прибавляли, что императоръ Николай I-й и всѣ иностранные гости, видѣвшіе эти буйства, убѣдились, что народъ Русскій отличается отъ другихъ народовъ такими звѣрскими инстинктами, которые дѣлаютъ освобожденіе его изъ крѣпостной зависимости столь же опаснымъ, сколько опасно освобожденіе львовъ и тигровъ изъ клѣтокъ въ зоологическихъ садахъ. Многіе съ увѣренностію говорили, что императоръ Александръ II-й не рѣшится уничтожить крѣпостное право и потому еще, что этимъ нарушено было бы право собственности дворянъ, которые всегда были и должны быть опорой престола и государства.

Итакъ первый годъ новаго царствованія прошелъ спокойно для помѣщиковъ, но на второмъ году обнародованный манифестъ по случаю заключенія мира и слова государя московскимъ дворянамъ о томъ, что лучше начать сверху, нежели ожидать, чтобы движеніе началось снизу, внесли сильную тревогу въ помѣщичій лагерь и убѣдили всѣхъ въ твердомъ намѣреніи государя приступить къ освобожденію крестьянъ. Съ этого времени всѣ слои нашего общества какъ бы пробудились отъ сна; крестьянскій вопросъ наэлектризовалъ умы всѣхъ; не было дома въ Петербургѣ, въ которомъ не говорили бы о крестьянскомъ вопросѣ; не было кружка лицъ, гдѣ не обсуживали бы его со всѣхъ сторонъ. Люди сердца и мысли, интеллигентная молодежь и печать восторженно привѣтствовали на-

мѣреніе государя уничтожить рабство; наши же крѣпостные, съ твердымъ упованіемъ на царя, нетерпѣливо ожидали счастливаго дня ихъ освобожденія и вѣрили каждому нелѣпому слуху, къ нимъ проникавшему. Для примѣра могу разсказать такой случай. Мы жили въ Петербургѣ въ своемъ домѣ; приходитъ ко мнѣ дворникъ и проситъ позволенія сходить въ Сенатскую типографію купить указъ о волѣ. Не понимая, какой могъ быть этотъ указъ, я поѣхалъ самъ въ типографію и увидалъ множество народа, стоявшаго на Исакіевской площади и сдерживаемаго полиціей; у входа же въ типографію стояли городовые и пропускали въ дверь по одному и по два человѣка. Протиснувшись черезъ толпу, я пріобрѣлъ этотъ указъ и, прочитавъ его, съ трудомъ понялъ, въ чемъ заключалось дѣло: до того его редакція была мало понятна. Указъ былъ такъ озаглавленъ: „По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ“. Текстъ его былъ слѣдующій: „Гражданскія палаты, немедленно по полученіи указовъ Правительствующаго Сената объ увольнительныхъ договорахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, вносятъ сіи договоры въ крѣпостныя свои книги, и затѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ участвующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежащей о совершеніи договора публикаціи“. Безграмотный людъ, конечно, ничего не понялъ въ указѣ, но слыша слова: помѣщикъ, увольненніе, приписка, принялъ его за указъ о волѣ.

Общее воодушевленіе, охватившее наше общество и восторгъ, съ которымъ были приняты слова государя, сказанныя въ Москвѣ, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Служа въ Петербургѣ, я никогда не размышлялъ о горькомъ положеніи, въ которомъ находятся наши крѣпостные; но тѣмъ не менѣе я вполнѣ сознавалъ, что крѣпостное право было пятномъ, лежавшимъ на

Россіи и унижавшимъ ее передъ образованнымъ міромъ. Мысль, что это пятно будетъ скоро снято и что 20-ти милліонное Русское населеніе получитъ человѣческія права, возбудила во мнѣ какое-то особенное чувство умиленія и благодарности къ императору Александру II. Я такъ заинтересовался вопросомъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, что сталъ читать все, что о немъ писалось, и съ наслажденіемъ слушалъ, что̀ о немъ говорилось. У меня мало-по-малу составился мой собственный взглядъ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса, вслѣдствіе чего я слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми сторонами его развитія.

Въ началѣ 1857 года, встрѣтивъ случайно на Невскомъ проспектѣ старшаго брата Николая Серно-Соловьевича, котораго я не видалъ послѣ нашего отъѣзда изъ Шлангенбада, я съ нимъ разговорился и узналъ отъ него, что, для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ, учрежденъ былъ секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ императора. Въ составъ комитета были назначены членами: князь Орловъ предсѣдатель государственнаго совѣта, съ правомъ предсѣдательствовать въ комитетѣ въ отсутствіе государя; министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, Блудовъ, Чевкинъ, Брокъ, князь Долгорукій, князь П. П. Гагаринъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, баронъ М. А. Корфъ, М. Н. Муравьевъ и Я. И. Ростовцевъ. Производителемъ дѣлъ комитета назначенъ былъ Бутковъ, который, будучи родственникомъ Серно-Соловьевича, взялъ его къ себѣ въ видѣ секретаря, для занятій по письменной части. Серно-Соловьевичъ отзывался о всѣхъ членахъ комитета, за исключеніемъ Ланскаго и Ростовцева, какъ о лицахъ не сочувствовавшихъ дѣлу, къ рѣшенію котораго они призваны, и полагалъ, что всѣ работы комитета окончатся какими-либо пустыми мѣропріятіями для облегченія крѣпостной зависимости крестьянъ, или что дѣло свобожденія будетъ отложено въ долгій ящикъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на первое постановленіе комитета, признавшее, что *освобожденіе крестьянъ должно быть постепенное*, *безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ*. Слово *посте-*

пенное и слова *безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ* давали самое неопредѣленное понятіе о времени и способахъ приведенія въ исполненіе воли государя. Но, прибавилъ онъ, все будетъ зависѣть отъ настойчивости, съ которой государь поведетъ дѣло. Россія велика; въ ней найдутся люди, которые съумѣютъ обнаружить передъ нимъ несочувствіе его сановниковъ къ освобожденію крестьянъ и окажутъ безкорыстное содѣйствіе къ исполненію его священной воли. Въ послѣднихъ словахъ Серно-Соловьевича я видѣлъ только фразу, но впослѣдствіи смыслъ ея мнѣ уяснился. Работая у Буткова, какъ секретарь, онъ, конечно, зналъ подробно весь ходъ дѣлъ въ комитетѣ и убѣжденія всѣхъ его членовъ. Главными противниками уничтоженія крѣпостнаго права были князь Орловъ и М. Н. Муравьевъ; Бутковъ, будучи съ ними однѣхъ мыслей, старался имъ помогать, затягивая дѣлопроизводство. Серно-Соловьевичъ, возмущаясь противодѣйствіемъ комитета волѣ государя, составилъ подробную записку, въ которой изложилъ взгляды Комитета на крестьянскій вопросъ и употребилъ всю силу логики, чтобы доказать невѣрность этихъ взглядовъ. Составивъ эту записку, которая, какъ мнѣ говорили (я самъ не читалъ), была очень умно и дѣльно написана, онъ рѣшился представить ее государю и поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ въ то время жила вся императорская фамилія. Занявъ случайно мѣсто въ одномъ вагонѣ съ шефомъ жандармовъ княземъ Долгорукимъ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: какимъ образомъ и гдѣ онъ можетъ представиться государю, чтобы лично ему передать записку, имъ составленную, о крестьянскомъ вопросѣ. Князь Долгорукій, удивленный этимъ вопросомъ, сказалъ, что государь его не приметъ, а записку онъ можетъ представить не иначе, какъ чрезъ него, шефа жандармовъ. Серно-Соловьевичъ записки ему не далъ, а по пріѣздѣ въ Царское Село успѣлъ пробраться рано утромъ въ паркъ, въ которомъ государь гулялъ обыкновенно въ 8 часовъ утра. Хотя постороннихъ въ паркъ не пускали, но Серно-Соловьевичъ нашелъ какое-то средство обойти запрещеніе и въ то время, когда государь шелъ по одной изъ

аллей, онъ смѣло пошелъ къ нему на встрѣчу, держа въ рукахъ записку. Увидавъ его, государь остановился и, нахмуривъ брови, спросилъ: кто онъ и что ему нужно? Серно-Соловьевичъ назвалъ свою фамилію и, подавъ записку, умолялъ государя прочесть ее лично самому, а не передавать ее другому лицу; къ этому онъ прибавилъ, что въ этой запискѣ изложены мысли по крестьянскому вопросу. Государь взялъ записку, положилъ въ карманъ и сказалъ: „хорошо, ступай". Серно-Соловьевичъ не безъ страха ожидалъ результата своего смѣлаго поступка. На другой день пріѣхалъ къ его матери братъ ея (кажется Кирилинъ), занимавшій довольно высокій постъ и бывшій съ Бутковымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и объявилъ ей, что сынъ ея Николай сошелъ съ ума, что, по словамъ Буткова, онъ будетъ вѣроятно посаженъ въ сумашедшій домъ за дерзость, съ которой онъ ворвался въ паркъ при Царскосельскомъ дворцѣ и подалъ государю какую-то глупую записку. Мать съ отчаянія занемогла. Прошло нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, получилось предписаніе Николаю Серно-Соловьевичу явиться къ князю Орлову въ извѣстный день и часъ. Онъ поѣхалъ. Князь Орловъ вышелъ къ нему и громко сказалъ: „Мальчишка, знаешь ли что сдѣлалъ бы съ тобой покойный государь Николай Павловичъ, если бы ты осмѣлился подать ему записку? Онъ упряталъ бы тебя туда, гдѣ не нашли бы и костей твоихъ"... Затѣмъ, помолчавъ, онъ прибавилъ: „А государь Александръ Николаевичъ такъ добръ, что приказалъ тебя поцѣловать. Цѣлуй меня"!...

Этотъ случай съ Серно-Соловьевичемъ извѣстенъ былъ многимъ, мною же слышанъ онъ отъ его матери, съ которой я изрѣдка видался. Что стало послѣ этого съ Серно-Соловьевичемъ, остался ли онъ на службѣ у Буткова или нѣтъ, я не знаю; но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я прочиталъ въ газетахъ объявленіе, что по какому-то экономическому вопросу назначается публичный диспутъ въ пассажѣ графа Стенбока; представителями двухъ различныхъ мнѣній явятся Полетика и

Серно-Соловьевичъ, а суперарбитромъ, то есть рѣшителемъ спора, приглашенъ Ламанскій. Публика допускается по билетамъ. Я поѣхалъ и вынесъ весьма грустное впечатлѣніе изъ этого диспута. Скандалъ былъ полный. Вмѣсто хладнокровнаго обсужденія вопроса, Серно-Соловьевичъ позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки и остроты относительно противной стороны; Полетика отвѣчалъ ему тѣмъ же; началась брань; никто не хотѣлъ слушаться суперарбитра, который долженъ былъ руководить преніями; наконецъ, этотъ послѣдній, выведенный изъ терпѣнія крикомъ и гамомъ, воцарившимися въ залѣ, произнесъ надѣлавшую въ то время много шуму фразу: „Мы еще не дозрѣли" и оставилъ свое мѣсто. Многія газеты, подвергая обсужденію происшедшее на диспутѣ, напали на Ламанскаго за произнесенную имъ фразу, считая ее оскорбительною для Русскаго самолюбія; другіе же приняли его сторону. Во всякомъ случаѣ диспутъ кончился ничѣмъ; онъ былъ первымъ и послѣднимъ. Слушая Серно-Соловьевича на диспутѣ, я былъ удивленъ перемѣнѣ, которая въ немъ произошла: изъ скромнаго вѣжливаго до утонченности и вполнѣ приличнаго молодого человѣка, какимъ я зналъ его въ Шлангенбадѣ, онъ обратился въ самоувѣреннаго, дерзкаго и даже нахальнаго оратора, забывшаго всѣ приличія и уваженіе къ публикѣ. Послѣдующія обстоятельства его жизни извѣстны. Увлекшись псевдо-либеральными идеями, онъ сталъ проповѣдывать революціонные принципы и былъ сосланъ, сколько помнится, на каторжныя работы. Въ чемъ заключались обвиненія противъ него, въ точности никто не зналъ; говорили, что онъ завелъ книжный магазинъ, въ которомъ можно было читать всевозможныя запрещенныя книги; указывали на его участіе въ изданіи, въ Петербургѣ, подпольнаго журнала „Великоруссъ"; но вѣрныхъ свѣдѣній о совершенныхъ имъ преступленіяхъ въ печать не проникло. Младшій его братъ Александръ избѣгъ ссылки только потому, что успѣлъ заблаговременно уѣхать за границу.

До учрежденія комитета по крестьянскому вопросу, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской говорилъ съ предводителями дво-

рянства, во время коронаціи, о желаніи государя отмѣнить крѣпостное право; но предводители сочувствія къ этой реформѣ не выказали. Сговорчивѣе другихъ оказались предводители трехъ Западныхъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской), которые, подъ давленіемъ на нихъ генералъ-губернатора Назимова, переговорили съ дворянами и рѣшились оказать содѣйствіе правительству къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Назимовъ донесъ объ этомъ государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; государь отвѣчалъ ему рескриптомъ отъ 20 го Ноября 1857 года, въ которомъ, одобряя намѣреніе дворянъ составить проектъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, повелѣлъ учредить въ каждой изъ трехъ губерній Комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства. Въ число членовъ должны были вступить по одному отъ каждаго уѣзда по выбору дворянъ и два лица по назначенію генералъ-губернатора. Проэкты положеній, составленные губернскими комитетами, должны были поступить на разсмотрѣніе и окончательное заключеніе особой Комиссіи, учрежденной въ Вильнѣ изъ членовъ по два отъ каждаго губернскаго комитета, одного отъ генералъ-губернатора и одного отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ рескриптѣ указаны были главныя основанія, которыми должны были руководствоваться комитеты; развитіе же этихъ основаній изложено было въ особой инструкціи, составленной министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ первый шагъ, оффиціально сдѣланный правительствомъ къ осуществленію крестьянской реформы. Радость лицъ, ей сочувствовавшихъ, доходила до восторга. Всѣ были увѣрены, что примѣру дворянъ трехъ Западныхъ губерній послѣдуютъ дворяне другихъ губерній и что первая, которая откликнется на призывъ государя, будетъ Московская губернія; но оказалось, что первою была Петербургская, второю Нижегородская, а Московская была только третью. На такой поздній отзывъ государь обратилъ вниманіе, и рѣчь, съ которой онъ обратился къ Московскимъ дворянамъ въ 1858 г., онъ началъ въ такомъ смыслѣ:

„Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство; но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ я не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется; но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ Наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начàла и отъ нихъ никакъ не отступлю. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для вашей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ"... Рѣчь государь окончилъ такъ: „Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность". Москва опоздала откликнуться на призывъ государя, потому что въ Москвѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ графъ Закревскій, извѣстный крѣпостникъ, который, будучи другомъ князя Орлова, увѣрялъ дворянъ, что затѣя освободить крестьянъ окончится ничѣмъ, что онъ имѣетъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга. Въ параллель съ холоднымъ отношеніемъ Московскихъ дворянъ къ крестьянской реформѣ, нельзя не указать на восторженность, съ которой она была принята въ Москвѣ людьми мысли и прогресса: 28-го Декабря 1857 года состоялся обѣдъ по подпискѣ, на который собралось до 180 лицъ разныхъ сословій, принадлежавшихъ къ Московской интеллигенціи. На обѣдѣ

тосты за государя императора сопровождались восторженными рѣчами; воодушевленіе дошло до того, что многіе плакали отъ избытка чувствъ. Первую рѣчь сказалъ Катковъ. Объ этой рѣчи и о рѣчахъ Кокорева, Павлова и Кавелина много говорили въ Петербургѣ. Обѣдъ этотъ не могъ не возбудить неудовольствія графа Закревскаго: по его представленію обѣды подобные этому были запрещены, и Кокоревъ *) получилъ выговоръ.

Въ началѣ 1859 года, при крестьянскомъ комитетѣ образованы были двѣ Редакціонныя Комиссіи, слившіяся, въ скоромъ времени въ одну. Предсѣдателемъ Комиссіи назначенъ былъ Я. И. Ростовцевъ. Цѣль Комиссіи заключалась въ разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, начертаніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ и представленіи его на обсужденіе въ Крестьянскій Комитетъ. Членами Комиссіи должны были состоять по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ каждой губерніи, нѣкоторые члены земскаго отдѣла Министерства внутреннихъ дѣлъ и лица по приглашерію Я. И. Ростовцева, которыхъ назвали членами-экспертами.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе хода работъ въ Редакціонной Комиссіи, укажу на составъ нашего общества того времени и на отношеніе его къ работамъ Комиссіи, а также и на участіе, которое принимала печать въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса.

*) Кокоревъ сказалъ довольно длинную рѣчь; онъ началъ ее такъ: „Свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ — настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма — настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ дѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II-го. Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская земля“...

Общество наше раздѣлилось на двѣ партіи. Одна, не сочувствовавшая освобожденію крестьянъ, употребляла всѣ усилія, чтобы крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ исключително съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ. Сначала она требовала выкупа за личную свободу крестьянъ, затѣмъ она предлагала освободить ихъ безъ земли; наконецъ, когда появились рескрипты губернаторамъ, въ которыхъ указаны были главныя основанія, на которыхъ должно состояться освобожденіе, партія обрадовалась, что помѣщикамъ предоставлялась полицейская власть надъ крестьянами и хотѣла такъ расширить эту власть, чтобы крѣпостное право оказалось отмѣненнымъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ крестьяне остались въ той же зависимости отъ помѣщиковъ, какъ и прежде. Для достиженія своихъ цѣлей, она употребляла мѣры застращиванія: увѣряла, что бывшія волненія между крестьянами служили наилучшимъ доказательствомъ неподготовленности ихъ къ свободѣ, что уничтоженіе помѣщичьей власти можетъ отдать крестьянъ въ руки демагоговъ и повести Россію къ демократической революціи и т. п. Нѣкоторыми извѣстными лицами была составлена даже записка объ ужасной опасности, которая грозитъ спокойствію Россіи отъ уничтоженія крѣпостнаго права; записка эта была представлена государю черезъ шефа жандармовъ, но никакого вліянія на ходъ крестьянскаго вопроса она не оказала. Къ вышеуказанной партіи принадлежали большинство помѣщиковъ и болшиньство членовъ Крестьянскаго Комитета. Печатнымъ органомъ ей служилъ „Журналъ Землевладѣльцевъ“ издаваемый въ Москвѣ Казанскимъ помѣщикомъ Желтухинымъ. Другая партія, стремившаяся, съ отмѣной крѣпостнаго права, уничтожить всякую возможность къ ея проявленію въ какомъ бы то ни было видѣ, желая поставить крестьянъ въ такое положеніе, чтобы они съ полнымъ сознаніемъ могли понять, что ихъ бытъ улучшенъ. Этимъ способомъ устранялся всякій поводъ къ какимъ бы то ни было волненіямъ. Для достиженія этой цѣли она предлагала освободить крестьянъ съ землей, допустить выкупъ, въ которомъ бы участвовали всѣ сословія, и устранить помѣщи-

ковъ отъ вотчиной полиціи и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ; она сознавала, что отъ такого устройства могутъ пострадать, на первое время, помѣщичьи интересы; но благо государства она ставила выше частныхъ выгодъ. Къ этой партіи принадлежали всѣ интеллигентные люди и довольно большое меньшинство помѣщиковъ; ей сочувствовали министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и большинство членовъ Редакціонной Комиссіи. Печатными органами ея была вся Русская печать, за исключеніемъ „Журнала Землевладѣльцевъ"; лучшія въ то время періодическія изданія, какъ напримѣръ „Русскій Вѣстникъ" подъ редакціей Каткова и „Сельское благоустройство" подъ редакціей Кошелева, постоянно наполнялись статьями, защищавшими и разработывавшими требованія нашей либеральной партіи. Между нашими литераторами было такое единодушіе, что крѣпостническая партія, желая основать свой органъ въ Петербургѣ, вынуждена была отказаться отъ этого намѣренія, потому, что не могла найти редактора для своего журнала. Борьба партій велась и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Покровителямъ крѣпостниковъ мы были обязаны такими цензурными стѣсненіями, смыслъ которыхъ совершенно непонятенъ; такъ напримѣръ, въ началѣ возникновенія крестьянскаго вопроса, запрещено было употреблять слово, *освобожденіе*, замѣнивъ его выраженіемъ *улучшеніе быта крестьянъ;* затѣмъ не дозволено было входить въ критическое обсужденіе главныхъ основаній, указанныхъ въ рескриптахъ къ губернаторамъ; наконецъ наложено было veto на разсмотрѣніе вопроса о выкупѣ, въ первое время, какъ онъ былъ возбужденъ губернскими комитетами Калужской и Тверской губерній. Ланской вынужденъ былъ вести постоянную борьбу съ врагами гласности. Сознавая, что главною причиною крестьянскихъ волненій было незнаніе крестьянами положенія, въ которомъ находится крестьянскій вопросъ и вслѣдствіе того явившіеся между ними кривотолки объ ожидаемой ими свободѣ, онъ приказалъ разсылать рескрипты губернаторамъ во всѣ волостныя правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра не мало содѣйствовава къ

успокоенію крестьянъ; но крѣпостники продолжали раздувать ничтожные безпорядки между крестьянами, придавая имъ значеніе грозныхъ возстаній. Ланской и въ этомъ случаѣ оказалъ услугу дѣлу освобожденія, доказавъ государю донесеніями губернаторовъ невѣрность свѣдѣній, собираемыхъ крѣпостниками; въ подтвержденіе спокойнаго ожиданія крестьянами обѣщаннаго имъ освобожденія, онъ привелъ слѣдующій фактъ: до возбужденія крестьянскаго вопроса, среднее число помѣщиковъ убитыхъ ихъ крѣпостными въ годъ было—13; по возбужденіи же этого вопроса не было ни одного убитаго помѣщика *)

Какъ бы то нибыло, но при твердой волѣ государя, вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ подвигался къ своему рѣшенію довольно быстро. Цензура мало по малу дѣлала уступки общественному мнѣнію, дозволяя журналамъ обсуждать много такихъ вопросовъ, на которыхъ прежде лежало veto. Редакціонная Комиссія работала безъ устали и, не смотря на оппозицію депутатовъ губернскихъ комитетовъ, измѣнила, съ разрѣшенія государя, главныя основанія, указанныя въ рескриптахъ губернаторамъ. Въ такомъ положеніи 1860-й годъ засталъ крестьянскій вопросъ.

Вспоминая то время нельзя не удивляться той энергіи съ которой государь велъ крестьянское дѣло. Въ Россіи, всякое желаніе царя находило всегда полную поддержку въ лицахъ его окружающихъ; въ крестьянскомъ же вопросѣ государь встрѣтилъ въ своихъ сановникахъ не поддержку, а противодѣйствіе, и мотивами къ этому противодѣйствію они выставляли не нарушеніе помѣщичьихъ интересовъ, а высокое чувство патріотизма, заставлявшее ихъ стремиться къ устраненію опасности, которая грозитъ Россіи. На этомъ инструментѣ играли всѣ крѣпостники, а Желтухинъ основалъ на немъ даже цѣлую

*) Фактъ этотъ могъ быть истолкованъ иначе: можетъ быть, въ ожиданіи скораго уничтоженія крѣпостнаго права, помѣщики сдерживали свой дикій произволъ и не давали крестьянамъ повода къ совершенію преступленій надъ ними.

систему освобожденія крѣпостныхъ, увѣряя, что для пользы государства слѣдуетъ, въ переходное время, надѣлить крестьянъ землей не болѣе одной десятины на душу, а по истеченіи этого времени обезземелить ихъ, сохранивъ барщинный трудъ. Одинъ историкъ, описавшій то время, говоритъ: „Въ исторіи крестьянской реформы повторилось хорошо извѣстное исторіи народовъ явленіе. Ближайшіе совѣтники верховной власти, консерваторы всякихъ оттѣнковъ, противятся реформѣ ради охраненія порядка, предупрежденія смуты, не вѣдая того, что именно своимъ противодѣйствіемъ назрѣвшему въ соціальной жизни движенію они вызываютъ смуту. Громадная заслуга императора Александра II-го передъ Россіей и исторіей заключается въ томъ, что онъ понялъ требованіе времени, понялъ своихъ сановниковъ и въ пятилѣтній періодъ времени умѣлъ совершить такую громадную реформу, какъ уничтоженіе трехъ-вѣковаго рабства. Не странно ли, послѣ этого видѣть, что нѣкоторые наши комиссіи, какъ напримѣръ, паспортная, работаютъ десятки лѣтъ и не могутъ окончить дѣла, имъ порученнаго“?

III.

Въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.—Гласнымъ въ Петербургской Думѣ.— Публичныя лекціи Лаврова.—М. П. Погодинъ.—М. Н. Муравьевъ.

Прослуживъ по одному году въ чинѣ штабсъ-капитана и капитана, я былъ произведенъ въ полковники въ 1856 году. Въ чинѣ полковника я не могъ оставаться адъютантомъ у барона Корфа и по моей просьбѣ былъ прикомандированъ къ образцовой конной батареѣ, какъ кандидатъ на полученіе батареи. Я не чувствовалъ никакого призванія къ строевой службѣ и вовсе не желалъ командовать батареей, но прикомандировался къ образцовой конной батареѣ единственно для того, чтобы остаться на службѣ въ Петербургѣ, полагая, что очередь для полученія батареи дойдетъ до меня нескоро. Къ сожалѣнію не прошло и полугода, какъ мнѣ предложили принять батарею гдѣ-то на Югѣ, я отказался; прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я снова получилъ предложеніе вступить въ командованіе батареей, квартировавшей въ Твери. Мнѣ всѣ совѣтовали принять эту батарею, такъ какъ она считалась одной изъ лучшихъ въ полевой конной артиллеріи, и по строевому образованію, и въ хозяйственномъ отношеніи, и по мѣсту стоянки; но, сознавая себя мало способнымъ къ командованію батареей, я откровенно сказалъ Баранцеву (начальнику штаба генералъ-фельдцейхмейстера), что я никакой батареей командовать не желаю и останусь въ прикомандированіи къ образцовой конной батареѣ весьма не долго, до пріисканія другого рода службы, или до выхода въ отставку.

Въ это время крестьянскій вопросъ былъ въ полномъ разгарѣ; мой интересъ къ нему росъ не по днямъ, а по часамъ. На сколько служба батарейнымъ командиромъ казалась мнѣ мало привлекательной, хотя въ то время она давала хорошія средства къ жизни, на столько велико было мое желаніе принять какое либо участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Чтобы быть ближе къ источнику, отъ котораго исходили всѣ распоряженія по крестьянскому вопросу, я рѣшился поѣхать къ Ланскому, запасшись нѣкоторыми рекомендаціями, и просилъ его прикомандировать меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Ланской изъявилъ согласіе, и я былъ зачисленъ въ число состоящихъ при министерствѣ военныхъ чиновъ. Лица, состоявшія при министерствѣ, не получали содержанія, но наиболѣе бѣдныя изъ нихъ выхлопатывали себѣ командировки, которыя вознаграждались довольно щедро и давали имъ нужныя средства къ жизни. Вступивъ въ министерство, я продолжалъ дорожить своею жизнію въ Петербургѣ, а потому не искалъ командировокъ во внутреннія губерніи, которыхъ такъ желали другіе состоящіе. Даваемыя министерствомъ командировки были большею частію самыя пустыя, а подчасъ онѣ создавались въ угоду лицъ, пользовавшихся покровительствомъ директора Департамента Общихъ Дѣлъ Гвоздева. Гвоздевъ пользовался полнымъ довѣріемъ Ланскаго и распоряжался въ министерствѣ, какъ полновластный хозяинъ; онъ назначалъ по своему усмотрѣнію губернаторовъ, перемѣщалъ ихъ и увольнялъ. Говорили, что во всѣхъ своихъ назначеніяхъ онъ преслѣдовалъ корыстныя цѣли; но правда ли это? Я не знаю. Знаю только то, что онъ взялъ въ одной изъ внутреннихъ губерній винный откупъ подъ чужимъ именемъ и назначилъ туда губернаторомъ близкаго себѣ человѣка, который смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣлаемыя откупными агентами злоупотребленія. Вскорѣ Гвоздевъ былъ удаленъ отъ должности и, ѣхавши по Николаевской желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву, бросился съ площадки вагона, на которой онъ стоялъ, на рельсы. Этотъ родъ самоубійства былъ въ первый разъ примѣненъ въ Россіи Гвоздевымъ.

Состоя при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, я не имѣлъ никакихъ служебныхъ занятій. Просить, чтобы мнѣ ихъ дали, я не хотѣлъ, такъ какъ на подобныя просьбы смотрѣли какъ на желаніе пріобрѣсти деньги; кромѣ того, чтобы подобныя просьбы могли быть удовлетворены, нужно было умѣть пріобрѣсти благосклонность разныхъ начальственныхъ лицъ, а умѣніемъ этимъ я не обладалъ. Я предпочелъ заняться моими собственными дѣлами: купилъ известковый и плитный заводъ, завелъ типографію. Не вдаваясь въ подробное описаніе моихъ предпріятій, скажу только, что всѣ они, при моей неопытности и слишкомъ большой довѣрчивости, пробили не малую брешь въ моихъ финансовыхъ дѣлахъ. Затѣмъ, имѣя въ Петербургѣ свой домъ, я былъ избранъ гласнымъ въ Городскую Думу, и при постоянномъ посѣщеніи всѣхъ засѣданій, мнѣ не разъ приходилось принимать участіе въ разныхъ комиссіяхъ. Одно мое заявленіе въ Думу (копія котораго у меня сохранилась) по вопросу о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для улучшенія нашей прислуги, я позволю себѣ привести здѣсь, полагая, что оно можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и въ настоящее время, такъ какъ прислуга наша нисколько не стала лучше, чѣмъ она была около 30 лѣтъ назадъ. Текстъ моего заявленія былъ слѣдующій: „Въ засѣданіи Общей Думы отъ 13 Ноября обсуживался проектъ положенія о наемной прислугѣ въ С.-Петербургѣ, представленный гласнымъ П. В. Жуковскимъ. Хотя проектъ этотъ и былъ принятъ въ общихъ основаніяхъ, но, находя въ немъ много недостатковъ, дѣлающихъ его совершенно непрактичнымъ, я позволю себѣ предложить новую мысль о началахъ, которыми, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться для обезпеченія нанимателя отъ недобросовѣстности нанимаемаго. Регламентація, которую узаконяетъ проектъ гласнаго Жуковскаго, никогда не давала и не можетъ дать хорошихъ результатовъ; въ особенности она противна Русскому простолюдину. Подъ вліяніемъ ея и другихъ историческихъ причинъ, онъ научился неуваженію къ закону, и въ немъ развилось недовѣріе ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя хотятъ влить жизнь въ

заранѣе придуманныя формы. Казалось бы, что́ можетъ быть удобнѣе и полезнѣе расчетныхъ книжекъ, заведенныхъ въ настоящее время при волостяхъ для сельскихъ рабочихъ? Между тѣмъ книжки эти остаются безъ всякаго требованія, и конечно, нанимателю, которому хотѣлось бы заставить работника запастись подобной книжкой, пришлось бы остаться безъ работника, или нанять дурнаго, хорошій же работникъ и самъ не беретъ книжки, да никто отъ него и не требуетъ ея. Очень вѣроятно, что та же участь постигнетъ и книжки, предлагаемыя проектомъ *). Кромѣ того, отзываясь съ дурной стороны о наемной прислугѣ, мы не должны забывать, что многіе наниматели не лучше ея; книжки же, при безграмотности и неразвитости нашихъ служителей, могутъ дать поводъ этимъ нанимателямъ опредѣлять въ нихъ самыя тягостныя условія найма, которыя повели бы къ спорамъ, и мировому судьѣ ихъ разбирающему пришлось бы, при рѣшеніи дѣлъ, или руководствоваться нравственнымъ убѣжденіемъ и тѣмъ уронить значеніе книжныхъ условій, или придерживаться ихъ въ ущербъ интересовъ служителей и тѣмъ подорвать кредитъ служительскихъ обществъ.

*) Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ концѣ царствованія императора Александра II, былъ возбужденъ вопросъ о тѣхъ убыткахъ, которые наноситъ нашимъ землевладѣльцамъ недобросовѣстность сельскихъ рабочихъ, которые, забравъ деньги впередъ, уходятъ въ рабочую пору отъ своихъ хозяевъ и нанимаются у другихъ за болѣе высокую плату. Иски, которые представляются къ этимъ рабочимъ мировому судьѣ, нисколько ихъ не страшатъ, такъ какъ, не имѣя никакого имущества, они не въ состояніи заплатить даже самаго ничтожнаго штрафа, а потому ихъ недобросовѣстность остается безнаказанною. Объяснивъ вредъ отъ этого происходящій для нашего сельскаго хозяйства, собранія ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи такихъ правилъ, которыя бы могли удержать рабочихъ отъ ихъ недобросовѣстныхъ дѣйствій. Въ числѣ этихъ правилъ Калужское губернское земское собраніе, по моему предложенію, указало на одно, которое, по моему мнѣнію, могло бы имѣть весьма важное значеніе, это —облагать штрафами не только рабочихъ, но и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые ихъ наняли, зная, что они ушли отъ своихъ хозяевъ. Правительство вняло ходатайствамъ собраній, разработало и издало правила, регулирующія отношенія рабочихъ къ нанимателямъ; но въ этихъ правилахъ, какъ оказалось, стоитъ па первомъ планѣ таже разсчетная книжка, которая была введена около 30 лѣтъ назадъ. Я живу каждое лѣто въ деревнѣ въ Калужской и Харьковской губерніяхъ, имѣю много рабочихъ и годовыхъ, и лѣтнихъ, и мѣсячныхъ, но ни разу не видалъ введенной рабочей книжки.

Проектъ гласнаго Жуковскаго указываетъ еще на необходимость выдавать служителямъ денежныя пособія или пенсіоны и видитъ средства къ этому въ суммахъ, поступающихъ въ Думу отъ адреснаго сбора и въ ежегодныхъ взносахъ отъ служительскихъ обществъ.

Финансовыя средства города находятся въ настоящее время въ такомъ дурномъ положеніи, что извлечь изъ доходовъ на улучшеніе прислуги адресный сборъ, составляющій болѣе 160 тысячъ рублей, едва ли возможно. Надобно только желать, чтобы фискальное его назначеніе, существующее de facto, было узаконено. Сборъ же съ служителей, хотя бы и по 1 рублю въ годъ, можетъ служить для нихъ немалымъ препятствіемъ къ поступленію членами въ общества. Польза отъ этого сбора такъ отдаленна и неясна для людей неразвитыхъ, привыкшихъ жить только настоящимъ, что едва ли найдется много желающихъ пожертвовать для нея какой бы то ни было частью своей заработанной платы. На указаніе гласнаго Жуковскаго, что побужденіемъ къ поступленію въ служительскія общества можетъ служить запросъ нанимателей на лица, записанныя въ нихъ членами,—я отвѣчу, что большинство нанимателей состоитъ изъ людей бѣдныхъ, которые всегда будутъ обращать болѣе вниманія на величину жалованья, требуемаго нанимающимся, чѣмъ на ярлыкъ или номеръ, который носитъ служитель и, если членъ общества запроситъ хотя бы 10 копѣекъ дороже другого, не-члена, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній будетъ предпочтенъ первому.

Вообще учрежденіе служительскихъ обществъ обусловливается, по моему мнѣнію, такой степенью нравственнаго и умственнаго развитія, котораго наша прислуга не имѣетъ въ настоящее время и, если найдется нѣсколько сотенъ лицъ, желающихъ поступить въ эти общества, то этимъ доставится нѣкоторое удобство нанимателямъ богатымъ; всѣмъ же другимъ служительскія общества едва ли принесутъ какую-либо пользу.

Переходя теперь къ разъясненію моей мысли о мѣрахъ. которыя, нужно принять для улучшенія нашей прислуги, я считаю нужнымъ обратить вниманіе на причины, по которымъ наша прислуга находится въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи.

Причины эти, по моему мнѣнію, слѣдующія:

1. Историческія, которыя объяснены въ докладѣ состоящихъ при Общей Думѣ постоянныхъ комиссій. Подъ вліяніемъ ихъ наша прислуга дошла до самой низкой степени нравственнаго упадка; но измѣнить нравственность настоящаго поколѣнія прислуги мы не имѣемъ никакой возможности; мы можемъ только дѣйствовать на развитіе будущаго поколѣнія, чему лучшимъ средствомъ представляется учрежденіе народныхъ школъ.

2. Безнаказанность прислуги за всѣ тѣ мелкіе проступки, которые составляютъ ея неотъемлемое свойство. Разбирать жалобы нанимателей и налагать взысканія за проступки входить въ кругъ дѣйствія правительственной власти, которая, нѣтъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на этотъ важный вопросъ и, при введеніи новой судебной реформы, дастъ надлежащія инструкціи мировымъ судьямъ.

3, Беззаботность и равнодушіе къ своимъ пользамъ самихъ нанимателей. Адресный билетъ даетъ намъ въ нѣкоторой степени средство высказывать наше мнѣніе о находящихся у насъ въ услуженіи; но большинство нанимателей не только нс пользуется этимъ средствомъ, но выдаетъ иногда письменные атестаты лицамъ, которыя вовсе ихъ не заслуживаютъ. Мнѣ не разъ случалось посылать за справкой о нанимаемомъ мной служителѣ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ; отзывъ о немъ давали обыкновенно хорошій, на повѣрку же выходило, что онъ вовсе его не стоилъ. Многіе изъ нанимателей дѣлаютъ это по какому-то худо понятому стремленію къ филантропіи; Богъ съ нимъ,

говорятъ они, за что его лишать мѣста, позабывая, что вредъ приносимый подобнымъ разсужденіемъ самому служителю, гораздо сильнѣе вреда, происходящаго отъ неполученія имъ мѣста.

4. Недостатокъ въ поощрительныхъ средствахъ и наградахъ за хорошее поведеніе служителей. Ежедневный опытъ насъ убѣждаетъ, что служители, получающіе большое жалованіе (я говорю относительно) ведутъ себя лучше тѣхъ, которые получаютъ малое; и это не потому чтобы нравственность первыхъ была лучше послѣднихъ, а потому что, при боязни потерять мѣсто, матеріальный интересъ заглушаетъ въ нихъ порочныя побужденія.

Кромѣ этихъ главныхъ причинъ есть много второстепенныхъ, но уничтожитъ ихъ можетъ только время и прогрессъ въ нравственномъ развитіи нашего общества.

На основаніи вышеизложеннаго, я полагаю, что если мы не можемъ перевоспитать настоящаго поколѣнія прислуги, то-есть внушить ей истинное пониманіе нравственныхъ началъ то отъ насъ зависитъ поставить ее въ такое положеніе, чтобы матеріальный ея интересъ вполнѣ зависилъ отъ добросовѣстнаго исполненія возложенныхъ на нее обязанностей. Вотъ цѣль, къ которой, по моему мнѣнію, мы должны стремится и для возможнаго достиженія которой я имѣю честь предложить слѣдующее:

1. Обязать нанимателей, при наймѣ служителей, дѣлать взносъ отъ 25 коп. до 2-хъ рублей, смотря по роду должности, къ которой предназначается служитель.

2. Капиталъ, составленный изъ этихъ взносовъ, опредѣлить на выдачу наградъ и пособій служителямъ, которые проживутъ не менѣе двухъ или трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ и получатъ отъ лица, у котораго жили, удостовѣреніе въ хорошенъ поведеніи.

3. Завести книжки для вписыванія въ нихъ наградъ, которыя получилъ служитель и атестацій нанимателей. Неимѣніе у служителя книжки должно служить доказательствомъ, что онъ не получалъ наградъ.

4. Выдача наградъ и пособій должна производиться на первое время въ наивозможно-большихъ размѣрахъ, чтобы внушить довѣріе къ нимъ служителей. При производствѣ выдачъ не слѣдуетъ требовать никакихъ формальностей, какъ напр. подаваніе прошеній, или представленіе свидѣтельствъ о личности; слѣдуетъ только, во избѣжаніе злоупотребленій, требовать, чтобы подпись руки нанимателя была засвидѣтельствована полиціей.

5. Храненіе денегъ, раздача наградъ и пособій, а также контроль надъ всѣми поступающими и расходуемыми суммами должны лежать на обязанности Общей Думы.

6. Съ этой цѣлью необходимо завести алфавитныя книги для вписыванія именъ всѣхъ служителей, которые получили награды. Кромѣ того, хорошо было бы завести и другія книги для записи тѣхъ изъ нихъ, которые въ данное время находятся безъ мѣста. Какъ тѣ, такъ и другія книги должны быть открыты для всѣхъ желающихъ.

Эти главныя основанія моего предложенія требуютъ, конечно, тщательной разработки, но они достаточно поясняютъ мою мысль. Я не думаю, чтобы сборъ съ нанимателей могъ быть для нихъ обременителенъ, но во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы за удобства жизни платили тѣ, которые хотятъ ими пользоваться. Осуществленіе моего предложенія не должно служить помѣхою къ учрежденію служительскихъ обществъ, которыхъ пользы я не отрицаю, но сомнѣваюсь въ ихъ своевременности. Желаю впрочемъ, чтобы я въ этомъ ошибался.

Вскорѣ послѣ подачи этаго заявленія, я долженъ былъ выйти изъ состава гласныхъ, такъ какъ мы продали нашъ Петербургскій домъ.

Полковникъ Лавровъ, извѣстный нашъ эмигрантъ, бывшій въ то время профессоромъ Артиллерійской Академіи, долженъ былъ прочесть въ Пассажѣ три публичныя лекціи о разныхъ философскихъ системахъ; я, конечно, какъ любитель философскихъ вопросовъ, былъ на всѣхъ трехъ лекціяхъ. Рядомъ со мной сидѣлъ какой-то господинъ, который по видимому былъ чиновникъ, такъ какъ у него не было ни усовъ, ни бороды, а между тѣмъ въ петлицѣ его жакетки висѣлъ Георгіевскій крестъ. Разговорившись съ нимъ, я нашелъ его весьма умнымъ и симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Затѣмъ я его встрѣтилъ у одного моего знакомаго; оказалось, что это былъ Александръ Александровичъ Оболонскій, служившій прежде на Кавказѣ при князѣ Воронцовѣ, а въ то время состоявшій на службѣ чиновникомъ въ 4-мъ отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества. Онъ былъ помѣщикъ Полтавской губерніи и такъ сочувствовалъ крестьянскому вопросу, что желалъ бы быть чѣмъ нибудь полезнымъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нашего знакомства, онъ заѣхалъ какъ-то ко мнѣ и съ лицемъ, сіяющимъ отъ удовольствія, сказалъ, что онъ придумалъ средство сослужить службу Русскому простонародью и пріѣхалъ мнѣ предложить принять въ немъ участіе. На мой вопросъ, какое это средство, онъ объяснилъ, что съ паденіемъ крѣпостнаго права, образованіе и развитіе народа становится первымъ и необходимымъ дѣломъ; что содѣйствовать этому развитію можно, давая народу такія книги, чтеніе которыхъ соединяло бы полезное съ пріятнымъ; что на этомъ основаніи онъ рѣшился издавать спеціальный журналъ для простолюдиновъ и, зная мое сочувствіе къ крестьянскому вопросу, пріѣхалъ предложить мнѣ принять участіе въ изданіи и редакціи его журнала. Предложеніе А. А. Оболонскаго меня чрезвычайно обрадовало. Я конечно согласился, и мы стали

вдвоемъ составлять программу будущаго журнала и обдумывать средства къ скорѣйшему его осуществленію. Прежде всего мы рѣшили, что журналъ долженъ быть дешевъ, такъ какъ онъ назначается для чтенія лицамъ, имѣющимъ самыя ограниченныя средства; затѣмъ, чтобы онъ могъ достигнуть цѣли, къ которой мы стремились, мы нашли необходимымъ пригласить къ участію въ немъ всѣхъ нашихъ лучшихъ литераторовъ, въ особенности тѣхъ, которые близко знакомы съ бытомъ и характеромъ нашего народа; наконецъ, не заботясь о денежныхъ выгодахъ, а желая только сводить концы съ концами, мы считали нужнымъ приложить все стараніе, чтобы журналъ имѣлъ наибольшое распостраненіе, такъ какъ этимъ способомъ мы могли значительно понизить подписную цѣну. Но удешевленіе журнала немало зависѣло я отъ удешевленія почтовой пересылки, которая была въ то время 1 р. 50 к. въ годъ со всѣхъ періодическихъ изданій. Обдумавъ хорошенько, я рѣшился обратиться къ Великому Князю Михаилу Николаевичу съ просьбой оказать журналу свое высокое покровительство для уменьшенія платы за пересылку до 10 коп. за годовой экземпляръ. Его Императорское Высочество былъ такъ добръ, что, во имя благой цѣли журнала, поддержалъ мое ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія, и вскорѣ мы получили разрѣшеніе платить за пересылку въ годъ по 10 коп. вмѣсто 1 р. 50 к. *)

Достигнувъ такимъ образомъ удешевленія пересылки, мы рѣшились начать изданіе журнала съ 1-го Января 1859 года, назвавъ его „Народное Чтеніе". Онъ долженъ былъ выходить

*) Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 15 Февраля 1858 года за № 155, которымъ поддержано мое ходатайство объ изданіи журнала *„Народное Чтеніе"*, между прочимъ сказано: „Находя предположенное изданіе полковника Щербачева несомнѣнно полезнымъ и принимая въ немъ особое участіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство ускорить по возможности производствомъ этого дѣла, испросить у Государя Императора всемилостивѣйшее соизволеніе на прошеніе полковника Щербачева и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ".

книжками по одной въ два мѣсяца съ платою въ годъ по 2 рубля съ пересылкой. Составляя расходный бюджетъ журнала, мы назначили за статьи по 100 рублей за листъ *).

Трудъ приглашенія сотрудниковъ мы раздѣли съ Оболонскимъ пополамъ, причемъ на мою долю выпало поѣхать въ Москву, гдѣ я познакомился съ Погодинымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Бѣляевымъ, Павловымъ и другими; всѣ они выразили полное сочувствіе къ нашему журналу и обѣщали доставлять статьи, но къ сожалѣнію не всѣ исполнили данное обѣщаніе.

Первый мой визитъ Михаилу Петровичу Погодину произвелъ на него не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Произошло слѣдующее. Надѣвъ полковничій мундиръ съ эполетами и аксельбантами, которые были присвоены всѣмъ окончившимъ курсъ въ Академіи, я пріѣхалъ къ нему довольно рано утромъ; онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ своемъ домѣ, при которомъ былъ довольно большой садъ. Лакей мнѣ сказалъ, что Михаилъ Петровичъ въ саду, и предложилъ мнѣ туда идти. Я пошелъ и увидалъ на лужайкѣ стоящаго ко мнѣ спиной какого-то господина, читавшаго книгу. Это былъ Погодинъ. Подойдя къ нему, я ударилъ нечаянно саблей о шпору; онъ обернулся и, увидавъ меня, съ громкимъ восклицаніемъ, выражавшимъ испугъ, отъ меня отскочилъ. Я непонималъ, чѣмъ я могъ его испугать; но когда мы съ нимъ познакомились, и я объяснилъ ему причину моего пріѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что, увидавъ передъ собой совершенно незнакомаго ему полковника съ аксельбантомъ, онъ вообразилъ, что я жандармскій штабъ-офицеръ, „а къ жандармамъ, прибавилъ онъ, я чувствую инстинктивный страхъ“.

Изъ Петербургскихъ литераторовъ, я познакомился, между

*) Цифра эта въ дѣйствительности измѣнилась: мы платили по 100 рублей за листъ только Марку Вовчку, Кулишу, Бѣляеву, Киттарѣ, Разину и, кажется, Н. Успенскому; другимъ же мы платили по 80 и даже по 60 рублей за листъ. Стихотворенія намъ стоили дороже чѣмъ мы предполагали: такъ напримѣръ Мей получалъ по 3 руб. за строчку.

прочими, съ Панаевымъ и Некрасовымъ, которые издавали „Современникъ“ и жили на дачѣ близъ Стрѣльны.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ около 10 часовъ утра, лакей мнѣ предложилъ какъ у Погодина, войти въ садъ, гдѣ они пили чай. Подойдя къ бесѣдкѣ, я услыхалъ веселый женскій и два мужскіе голоса; это были Панаевъ, Некрасовъ и молодая красивая женщина, жена Панаева, какъ мнѣ сказалъ лакей. Всѣ встрѣтили меня очень любезно, выразили сочувствіе къ журналу назначенному для народа и обѣщали свою поддержку; „но, сказалъ мнѣ Панаевъ, вамъ предстоитъ ужасная борьба съ цензурою; приготовьтесь къ ней. Цензоры не только вычеркиваютъ изъ учебниковъ Исторіи имена великихъ людей, республиканцевъ древнихъ Рима и Греціи, но не дозволяютъ даже писать въ поваренныхъ книгахъ о тѣхъ кушаньяхъ, которыя слѣдуетъ приготовлять въ „вольномъ духу“. При этомъ было разсказано много другихъ цензурныхъ курьезовъ, о которыхъ я уже слышалъ прежде. Причиною ихъ была правительственная система, которая безпощадно карала цензоровъ за пропускъ какого нибудь пустаго слова, но не дѣлала имъ никакого замѣчанія, если строгость цензуры переходила въ глупость „Лучше слыть глупымъ, говорилъ одинъ изъ Московскихъ цензоровъ, да сохранить свое мѣсто, чѣмъ слыть умнымъ, да потерять его“.

О наибольшемъ распостраненіи журнала хлопоталъ Оболонскій у котораго было много знакомыхъ. Ему представился такой случай. Будучи хорошо знакомъ съ Шереметевымъ, женатымъ на дочери Михаила Николаевича Муравьева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, онъ познакомился съ этимъ послѣднимъ въ домѣ его дочери и разсказалъ ему о нашемъ намѣреніи издавать журналъ для народа. Муравьевъ заинтересовался журналомъ и сказалъ, что *онъ забросаетъ крестьянъ нашими книжками* *), если

*) Собственное выраженіе Михаила Николаевича Муравьева.

только редакція приметъ его условія. Оболонскій поѣхалъ, къ нему; условія имъ предложенныя заключались въ томъ, чтобы въ редакціи участвовалъ чиновникъ имъ назначенный и чтобы ни одна статья не печаталась въ журналѣ безъ согласія этого чиновника. На эти условія Оболонскій отвѣчалъ положительнымъ отказомъ; переговоры прекратились, но въ скоромъ времени опять возобновились. Муравьевъ согласился предоставить намъ вполнѣ веденіе журнала согласно нашимъ убѣжденіямъ но выразилъ желаніе, чтобы въ редакціи правительственнаго отдѣла, въ которомъ предполагалось излагать мотивы къ явившимся правительственнымъ распоряженіямъ, участвовалъ его чиновникъ. Оболонскій рѣшился сдѣлать уступку и согласился на это послѣднее предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы чиновникъ былъ назначаемъ по нашему выбору. На этомъ окончились переговоры. Муравьевъ сдѣлалъ докладъ на Высочайшее имя прося разрѣшеніе взять изъ какого-то капитала нужную сумму денегъ для выписки журнала „Народное Чтеніе", Государь изъявилъ согласіе, и Муравьевъ намъ объявилъ, что онъ возметъ до 100 тысячъ экземпляровъ, если журналъ ему понравится; но на первое время онъ предложилъ намъ печатать для Министерства Государственныхъ Имуществъ не болѣе 25 тысичъ экземпляровъ. Мы его поблагодарили и выразили желаніе, чтобы чиновникомъ для участія въ редакціи правительственнаго отдѣла былъ назначенъ П. А. Валуевъ, бывшій въ то время директоромъ одного изъ департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; съ Валуевымъ же мы предварительно переговорили и заручились его согласіемъ,

Переговоры съ Муравьевымъ велись во второй половинѣ 1858 г. Мы рѣшили начать изданіе съ 1 Января 1859 года и запасались матеріаломъ, который поступалъ въ редакцію въ большомъ количествѣ. Въ объявленіяхъ о журналѣ, напечатанныхъ во всѣхъ газетахъ, цѣна ему назначена была за шесть книгъ въ годъ 2 рубля съ пересылкой; но мы хотѣли, когда Муравьевъ возметъ у насъ 25.000 экземпляровъ, уменьшить

ее до 1 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы тѣмъ подписчикамъ, которые уплатили два рубля, высылать жуналъ въ теченіи двухъ лѣтъ, Къ сожалѣнію, намѣреніямъ нашимъ не суждено было осуществиться.

Первая книжка журнала „Народное Чтеніе" вышла въ концѣ Декабря 1858 г. Содержаніе ея было слѣдующее: I. Правительственныя распоряженія. II. Разсказы изъ Русской исторіи, С, Максимова. III. Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое, П. Небольсина. IV Надежа, Марки Вовчка. V. Отставной солдатъ, Маева, VI. Разсказъ за чаемъ, Н. Успенскаго. VII. Радость и кручина, И. Никитина. Два стихотворенія Цыганова.

По выходѣ первой книжки, всѣ напечатанныя въ ней статьи показались Муравьеву слишкомъ либеральными; но главное вниманіе онъ обратилъ на заглавную виньетку, представлявшую внутренность крестьянской избы, въ которой за столомъ сидѣли крестьяне и крестьянки, а отставной солдатъ читалъ имъ книгу. Впереди избы виднѣлся мальчикъ съ топоромъ въ рукѣ, которымъ онъ хотѣлъ разрубить кнутъ; но старуха, увидавши это, грозила ему пальцемъ. Конечно, виньетка эта имѣла мысль, но далеко не ту, которую ей придали Муравьевъ и лица его окружавшія; одно то, что она прошла черезъ самую строгую цензуру и была ею разрѣшена, служитъ доказательствомъ ея невинности. Какъ бы то ни было, Муравьевъ страшно разсердился на нашъ журналъ и заставивъ насъ напечатать первую книжку въ 25 тысячахъ экземпляровъ, не только ихъ не взялъ, но и запретилъ Палатамъ Государственныхъ Имуществъ подписываться на „Народное Чтеніе" для крестьянъ. Хотя отказъ былъ непріятенъ, но мы рѣщились твердо держаться принятаго направленія и разослали первую книжку, какъ образецъ, губернаторамъ, архіереямъ, начальникамъ военныхъ частей и въ редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ; отовсюда были получены сочувственные отзывы. Число подписчиковъ дошло до 6 ты-

сячъ въ 1859 году, а въ 1860 году было нѣсколько болѣе; подписной суммы намъ не только доставало на расходы по изданію, но и былъ небольшой остатокъ въ видѣ чистаго дохода.

Вспоминая то время, я долженъ сказать, что если мы имѣли много хлопотъ съ цензурой, то съ сотрудниками было немало столкновеній. Цензура, имѣя въ виду назначеніе нашего журнала для низшихъ сословій, не пропускала иногда такихъ статей, которыя легко находили себѣ мѣсто въ другихъ журналахъ. Историческія статьи Кулиша и въ особенности Бѣляева бывали такъ испещрены краснымъ карандашомъ цензора, что теряли значительно въ своемъ достоинствѣ. Мы вели постоянную борьбу съ цензурой: на цензора жаловались Цензурному Комитету, на Цензурный Комитетъ жаловались Главному Управленію цензуры, а на это послѣднее министру народнаго просвѣщенія; но ни разу наши жалобы не были удовлетворены. Одинъ разъ меня хотѣли даже отдать подъ судъ (Оболонскаго не было въ то время въ Петербургѣ) за то, что я напечаталъ извѣщеніе о смерти Я. И. Ростовцева въ черной рамкѣ. Текстъ этого извѣщенія былъ посланъ цензору и, хотя неохотно, но былъ имъ пропущенъ; черную же рамку я сдѣлалъ не испрашивая его разрѣшенія, полагая, что для рамокъ нѣтъ цензуры. Текстъ извѣщенія былъ слѣдующій: „Шестаго Февраля скончался предсѣдатель Редакціонной Комиссіи по составленію положеній для освобожденія крестьянъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ послѣдніе три года своей жизни посвятилъ всего себя великому дѣлу улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“.

„Ростовцевъ горячо дѣйствовалъ для освобожденія крестьянъ. Какія были его личныя цѣли, это не наше дѣло; этого доищется Богъ. Мы знаемъ, что предсѣдатель Редакціонной Комиссіи Яковъ Ивановичъ окружилъ себя сотрудниками, которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной слу-

жбѣ, не по рекомендаціи. Это было нововведеніе многознаменательное и не безъ будущности. Ростовцевъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его отечества, освобожденію крестьянъ. Мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислять его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій. Хотя бы въ настоящее время милліоны голосовъ не были нашего мнѣнія, мы всетаки увѣрены, что впослѣдствіи явятся, тоже во множествѣ, иные судьи, болѣе отрѣшенные отъ вліянія текущихъ событій, болѣе независимые, и дай Богъ, чтобы потомство повторяло имя Ростовцева не въ укоризну другимъ".

„Графу В. Н. Панину высочайше повелѣно быть предсѣдателемъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу".

Цензору не нравилось, что назначеніе графа Панина стояло вслѣдъ за выраженіемъ *не въ укоризну другимъ;* читателю, по его мнѣнію, могло показаться, что между ними есть связь.

Мы имѣли хлопоты и съ сотрудниками. Одни обѣщали и не присылали своихъ статей; другіе присылали такія статьи, которыя не могли быть напечатаны, а деньги за статьи были уплачены; наконецъ третьи обижались, отчего статьямъ другихъ авторовъ давалось предпочтеніе передъ ихъ статьями однороднаго съ первыми содержанія. Нужно было имѣть немало такта, терпѣнія и, прибавлю, денегъ, чтобы умѣть примирить нравственные и матеріальные интересы сотрудниковъ съ интересами журнала.

Мы имѣли нѣсколько кореспондентовъ изъ крестьянъ, письма которыхъ печатались иногда въ „Народномъ Чтеніи". Одинъ изъ наиболѣе сочувствовавшихъ нашему журналу былъ государственный крестьянинъ Курганскаго уѣзда *Ивановъ*, въ письмахъ котораго заключались большею частію сѣтованія на полицію и описаніе злоупотребленій, дѣлаемыхъ различными влас-

тями. Конечно, письма эти не пропускались въ печать цензурою; изъ нихъ печатались только самыя безцвѣтныя.

Послѣ двухлѣтняго существованія журнала, крестьянскій вопросъ близился къ своему рѣшенію. Оболонскій рѣшился выйти въ отставку и уѣхать въ свое имѣніе Полтавской губерніи, полагая, что онъ можетъ быть тамъ полезнѣе, чѣмъ живя въ Петербургѣ. Мнѣ же такъ надоѣли непріятныя хлопоты по редакціи, и, при моемъ впечатлительномъ характерѣ, я такъ волновался отъ неудачъ, постигавшихъ журналъ, что ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ продолжать изданіе безъ Оболонскаго, вслѣдствіе чего мы рѣшились продать журналъ. Въ то время одинъ молодой человѣкъ Лермонтовъ, только что окончившій курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, открылъ книжный магазинъ на Караванной улицѣ и, сочувствуя направленію нашего журнала, предложилъ намъ купить его за 18 тысячъ, съ уплатою денегъ по честямъ въ теченіи шести лѣтъ. Мы охотно согласились, но денегъ получили всего три тысячи, такъ какъ Лермонтовъ вскорѣ обанкрутился, и кридиторы его получили по 5 копѣекъ за рубль. Хотя послѣ банкротства Лермонтова право изданія „Народнаго Чтенія“ снова вернулось къ намъ, но мы отказались отъ него, и журналъ нашъ прекратился на всегда.

IV.

„Народное Чтеніе".—Либералы-хамелеоны.—Петербургскіе пожары.

У всѣхъ народовъ и во всѣ историческія эпохи, наболѣвшее зло производило такую реакцію въ государственномъ организмѣ, которая, оздоровляя организмъ, возбуждала въ немъ нѣкоторые временные болѣзненные припадки. Эти болѣзненные припадки, въ эпоху освобожденія крестьянъ, выразились въ Россіи образованіемъ кружка лицъ, которые думали достигнуть свободы не мирнымъ путемъ, указаннымъ императоромъ Александромъ II, а путемъ насилія, путемъ возбужденія ненависти въ однихъ классахъ общества противъ другихъ. Громя проклятіями произволъ и дезпотизмъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, они проповѣдывали тотъ же произволъ и тотъ же деспотизмъ въ средѣ своихъ единомышленниковъ и служили такимъ образомъ не свободѣ, во имя которой они думали дѣйствовать, а врагамъ свободы, давая имъ наилучшее оружіе для противодѣйствія освободительнымъ стремленіямъ правительства. Такихъ людей было, конечно, немного; но нашъ консервативный лагерь какъ называли себя крѣпостники, умышленно указывалъ на нихъ, какъ на представителей либеральнаго направленія и тѣсно связывалъ съ ихъ появленіемъ близившееся освобожденіе крестьянъ. Какъ ни твердо было намѣреніе государя уничтожить крѣпостное право, но эти непрошенные радѣтели о благѣ народа служили все-таки нѣкоторымъ тормазомъ для его освобожденія. Ненормальныя явленія въ общественной жизни Петербурга, ко-

торыя приписывали этимъ лицамъ, заключались, въ то время, въ появленіи подпольнаго журнала „*Великоруссъ*“ и разныхъ печатныхъ прокламацій, печатавшихъ такой сумбуръ, который изобличалъ въ авторахъ не только людей не знавшихъ Россіи и нашего народа, но какихъ-то малолѣтокъ, которые, нахватавшись верхушекъ прочитанныхъ ими революціонныхъ сочиненій, хотѣли щеголять болѣе остроуміемъ, чѣмъ логикой. Такъ напримѣръ, въ прокламаціи „*Къ молодому поколѣнію*“, авторомъ которой считали *Михайлова* (сосланнаго впослѣдствіи въ каторжныя работы), была такая фраза: „*помните, что если разбить генеральскій носъ, то изъ него потечетъ такая же кровь, какъ и изъ мужицкаго носа*“. Конечно, люди здравомыслящіе и либеральные въ истинномъ смыслѣ этого слова были очень опечалены этими выходками и отъ души жалѣли молодыхъ людей, которые ими увлекались зная, что увлеченія эти не имѣли эгоистической подкладки, а происходили исключительно отъ недоразвитія и незнанія жизни. Въ государствахъ Западной Европы, которыя давно уже живутъ политической жизнью, подобныя увлеченія были бы менѣе возможны, чѣмъ въ Россіи. На Западѣ есть печать, которая разоблачаетъ политическія ухищренія и ратуетъ противъ нихъ. У насъ же печать не смѣла даже помянуть о журналѣ „Великоруссъ“ и о прокламаціяхъ, которыя разсылались въ огромномъ числѣ экземпляровъ и читались всѣми. На Западѣ всѣ люди интеллигентные имѣютъ свои убѣжденія и не скрываютъ ихъ, такъ какъ знаютъ, что всѣ убѣжденія уважаются, и что законъ караетъ только за дѣйствія, а не за убѣжденія; высказывая же ихъ, они вызываютъ возраженія, которыя даютъ возможность каждому выводить заключенія, согласныя съ здравымъ смысломъ. У насъ даже въ интеллигентныхъ слояхъ общества царитъ безпринципность, которая, съ одной стороны, представляетъ самую лучшую почву для увлеченій, а съ другой, готовитъ хамелеоновъ, принимающихъ окраску, требуемую ихъ эгостическими стремленіями. Въ то время, о которомъ я говорю, былъ большой спросъ на либераловъ, и они явились; но большинство этихъ лицъ были ли-

бералами только по имени, изъ подражанія, ради моды, готовые сдѣлаться, при перемѣнѣ вѣяній, и консерваторами, и ретроградами, и чѣмъ угодно. Людей же съ твердыми либеральными убѣжденіями, любившихъ свое отечество безкорыстно и выше своихъ личныхъ выгодъ, было немного. Къ числу этихъ послѣднихъ должны быть причислены дорогія имена Русскому народу: Н. А. Милютина, Кавелина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, В. В. Тарновскаго, А. Н. Татаринова и многихъ другихъ членовъ Редакціонной Комиссіи.

Либералы-хамелеоны, какъ впослѣдствіи оказалось, были и въ печати; но читающая публика ихъ знаетъ, а потому говорить о нихъ не буду. Изъ общественной же среды мнѣ пришлось встрѣтиться съ тремя такими либералами. Два изъ нихъ были мировые посредники перваго призыва; одинъ считался краснѣйшимъ изъ красныхъ, а другой старался брать ему въ тонъ. Дѣйствія перваго съ помѣщиками доходили до нахальства: такъ, пріѣзжая въ помѣщичье имѣніе, онъ не входилъ въ домъ помѣщика, а требовалъ его къ себѣ и дозволялъ крестьянамъ на общественныхъ сходахъ говорить помѣщику всевозможныя дерзости. Другой же представлялъ изъ себя Молчалина и, чтобы не раздражать крестьянъ, молчалъ даже и въ то время, когда крестьяне, вслѣдствіе незнанія Положенія 19-го Февраля, говорили чушь. Третій изъ мной указанныхъ лицъ былъ и учителемъ, и фабрикантомъ, и помѣщикомъ. Мнѣ случилось лѣтъ 18 назадъ слышать его сужденія о соціализмѣ; начитавшись Прудона, Маркса, онъ выражалъ полное сочувствіе къ этому ученію и вѣроятно поэтому отданъ былъ подъ надзоръ полиціи. Чтоже сдѣлалось теперь съ этими корифеями либерализма, трудно себѣ представить: всѣ они въ палкахъ и розгахъ видятъ единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ и восхищаются мудростью „*Домостроя*“; одинъ изъ нихъ совѣтуетъ даже сѣчь дворянъ за ихъ политическія убѣжденія, если они не согласны съ правительственными указаніями.

Для характеристики одного изъ подобныхъ либераловъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, я разскажу слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый, Николай Васильевичъ Михно, служившій чиновникомъ въ какомъ то министерствѣ и бывшій редакторомъ театральнаго журнала „*Русская Сцена*“, встрѣтилъ у кого-то на вечерѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ, который любилъ щеголять своими либеральными взглядами; по окончаніи вечера, Михно и этотъ господинъ поѣхали домой на одномъ извощикѣ; дорогой либеральный господинъ вступилъ въ разговоръ съ извощикомъ и, узнавъ, что онъ изъ крѣпостныхъ, спросилъ его, скоро ли ихъ освободятъ? Извощикъ отвѣчалъ конечно незнаніемъ; тогда онъ ему сказалъ: „Чтоже вы смотрите? развѣ вамъ даны топоры только для того, чтобы дрова рубить; взяли бы ихъ, да и маршъ къ Зимнему Дворцу“. Извощикъ молчалъ. Былъ уже четвертый часъ ночи; фонари были потушены, но въ концѣ Знаменской улицы, по которой ѣхали, виднѣлся огонекъ. Либералъ спросилъ у извощика что̀ это за огонь? Извощикъ, не запинаясь, отвѣчалъ: „тамъ собираются наши, чтобы идти къ Зимнему дворцу“. Либералъ сконфузился: ему дѣйствительно показалось, что около огня ходятъ люди; подъѣхавъ поближе, онъ сказалъ извощику: „поверни-ка направо въ переулокъ“. Извощикъ громко расхохотался. „Вишь, баринъ, болтать ты умѣешь, сказалъ онъ, а враковъ мужика не умѣлъ разобрать, да еще и испугался“. Оказалось, что фонарь горѣлъ около ямы, которая была вырыта для исправленія какой-то подземной трубы. Этотъ случай ясно указываетъ не только глупыя выходки либераловъ того времени, но и здравый смыслъ нашего мужика, котораго наши консерваторы считали чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и животнымъ.

1858 годъ ознаменовался въ Петербургѣ страшными пожарами, которые общественное мнѣніе приписывало поджогамъ. Съ какой цѣлью дѣлались поджоги, никто не зналъ; но случалось, что полиція получала анонимныя письма, извѣщавшія что и гдѣ будетъ горѣть, и дѣйствительно пожаръ случался

тамъ, гдѣ былъ указанъ. Позднѣе, о пожарѣ Апраксина двора знали изъ анонимныхъ писемъ, что онъ будетъ въ Духовъ день. Въ этотъ день бываетъ обыкновенно въ Лѣтнемъ саду гулянье, на которое являются массы купеческихъ дочекъ и купеческихъ сыновей для выбора невѣстъ. Къ тремъ часамъ дня всѣ лавки на Апраксиномъ дворѣ были закрыты, и въ виду обѣщаннаго пожара число сторожей было удвоено. Пожаръ считали невозможнымъ; но я помню, только что мы сѣли обѣдать въ этотъ день, на каланчѣ Литейной части, наискось отъ которой мы жили, взвился флагъ, и раздался колоколъ, призывавшій пожарную команду. Я послалъ узнать, гдѣ пожаръ; мнѣ сказали, что горитъ Апраксинъ дворъ. Едва успѣвъ пообѣдать, я поѣхалъ на пожаръ и за домомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ почти до Чернышева моста увидалъ море пламени: всѣ лавки горѣли; жара отъ огня была такая, что стекла лопались даже въ Театральной Школѣ, а у дома Министерства Внутреннихъ Дѣлъ едва можно было стоять. Масса народа, окружавшая пожаръ, кричала, что поджигаютъ студенты и если бы не полиція, то одинъ изъ нихъ, явившійся на пожаръ, былъ бы непремѣнно брошенъ въ огонь. Волненіе народа было такъ сильно, что на помощь полиціи были присланы команды пѣхотныхъ солдатъ. Апраксинъ дворъ состоялъ въ то время изъ нѣсколькихъ сотенъ деревянныхъ ветхихъ лавокъ, скученно-построенныхъ между Садовой и Фонтанкой; всѣ онѣ были охвачены огнемъ, и ни одной нельзя было спасти. Я бывалъ на многихъ пожарахъ; но такого пожара, гдѣ бы одновременно горѣли постройки на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, я не видалъ. Трудно себѣ представить, какой ужасный былъ жаръ отъ этого громаднаго костра.

Паническій страхъ отъ пожаровъ развилъ такую подозрительность въ Петербургскомъ населеніи, что полиція брала въ часть и мальчиковъ, торговавшихъ спичками, и маляровъ, несшихъ краски и полотеровъ, шедшихъ съ мастикой; думали что, у нихъ есть такой составъ, которымъ стоитъ только по-

мазать стѣну, чтобы она загорѣлась отъ дѣйствія на нее лучей солнца. Вслѣдствіе подозрительности былъ такой случай. Шла очень высокая ростомъ Нѣмка по Торговой улицѣ; плохо говоря по русски, она спросила у дворника, стоявшаго у воротъ дома (дворники или ихъ помощники должны были день и ночь находится у воротъ домовъ), не живетъ ли тутъ ея знакомая и при этомъ назвала какую-то трудную фамилію. Дворникъ отвѣчалъ, что нѣтъ; она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ дворнику сосѣдняго дома, этотъ далъ ей тоже отрицательный отвѣтъ; но когда она подошла къ дворнику третьяго дома, городовой, слышавшій ея вопросы, рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это должна быть не женщина, а переодѣтый мущина и повелъ ее въ полицію для освидѣтельствованія; хотя она оказалась женщиной, но тѣмъ не менѣе просидѣла въ кутузкѣ до слѣдующаго дня. Нѣмка эта была гувернантка, которую зналъ одинъ мой знакомый, разсказавшій мнѣ о бывшемъ съ ней приключеніи. Въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ 1858 года, взято было полиціей по подозрѣнію въ поджигательствѣ около 2000 лицъ; слѣдствіе поручено было особо составленной Комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комиссіи, котораго я зналъ, говорилъ мнѣ, что никто изъ взятыхъ полиціей не былъ уличенъ въ поджигательствѣ, а потому никто не былъ преданъ суду; многіе высланы были только изъ Петербурга административнымъ порядкомъ. Итакъ съ формальной стороны поджигателей не оказалось, а между тѣмъ Петербургъ горѣлъ ежедневно: не проходило дня чтобы не было двухъ-трехъ пожаровъ. Всѣ были увѣрены, что существуетъ шайка поджигателей, которую полиція не умѣетъ или не хочетъ открыть. Я, какъ домовладѣлецъ, получилъ также анонимное письмо съ предупрежденіемъ, что черезъ три дня будетъ горѣть Сергіевская улица, на которой былъ нашъ домъ; но я не дождался обѣщаннаго дня: застраховавъ всю движимость мы уѣхали съ женой на другой день въ Гапсаль, гдѣ провели все лѣто. Впослѣдствіи оказалось, что на Сергіевской улицѣ не было ни одного пожара.

V.

Депутаты по дѣлу раскрѣпощенія крестьянъ.—Депутатъ Горсткинъ.—П. А. Булгаковъ.—19 Февраля 1861 года.

Въ началѣ второй половины 1859 года всѣ губернскіе комитеты, обсуждавшіе мѣры къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, окончили свои занятія, составили проекты положеній объ освобожденіи крестьянъ и выбрали депутатовъ для участія въ работахъ Редакціонной Комиссіи. Проекты комитетовъ имѣли крѣпостническій характеръ; но наиболѣе имъ отличавшіеся были проекты Костромской, Петербургской, а затѣмъ Московской и Симбирской губерній. Члены меньшинства комитетовъ составили также свои проекты положеній, въ которыхъ выразилась забота не объ одныхъ помѣщичьихъ интересахъ, но и о крестьянскихъ. За составленіе этихъ проектовъ, члены большинства комитетовъ такъ озлобились противъ членовъ меньшинства, что угрожали этимъ послѣднимъ побоями, вслѣдствіе чего Кошелевъ, членъ Рязанскаго комитета, долженъ былъ обратится къ правительству съ просьбою о защитѣ его; Самаринъ, членъ Самарскаго комитета, запасся револьверомъ и окружилъ себя тѣлохранителями; а князь Черкасскій, членъ Тульскаго комитета, на дворянскихъ выборахъ, бывшихъ, по закрытіи комитета, съ трудомъ выбрался изъ залы Дворянскаго Собранія, гдѣ дворяне хотѣли нанести ему побои (Мат. для ист. упразд. крѣп. сост. т. I. глава V). Такое явное несочувствіе дворянъ къ справедливому освобожденію крестьянъ не могло внушить

довѣрія членамъ Редакціонной Комиссіи къ депутатамъ присланнымъ губернскими комитетами въ Петербургъ; съ другой стороны, и депутаты, зная, что Редакціонная Комиссія взяла на себя защиту крестьянскихъ интересовъ и что членами-экспертами ея назначены многія лица изъ меньшинства комитетовъ, стали въ самое непріязненное къ ней отношеніе и рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы дискредитировать ее въ глазахъ государя. Но государь, зная, съ одной стороны, каждое слово которое говорилось въ Комиссіи и каждое ея постановленіе, а съ другой стороны, прочитавъ сводъ крѣпостническихъ рѣшеній губернскихъ комитетовъ, не могъ не стать на сторону первой и всѣ представляемыя ему записки и разные документы, имѣвшіе цѣлью подорвать его довѣріе къ Комиссіи, передавалъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Однимъ изъ первыхъ документовъ, разсмотрѣнныхъ Комитетомъ, была записка Безобразова, въ которой, уличая членовъ Комиссіи въ замыслахъ погубить Россію, авторъ доказывалъ, что единственное спасеніе заключается въ обращеніи государя къ дворянству и въ порученіи ему крестьянскаго дѣла. За эту записку Безобразовъ уволенъ былъ отъ службы и высланъ изъ Петербурга. Въ это же время появилось письмо графа Орлова-Давыдова къ Ростовцеву, написанное въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ на Французскомъ языкѣ и разосланное разнымъ лицамъ. Читалась также всѣми записка графа Шувалова и князя Паскевича, написанная въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія на одно изъ постановленій Редакціонной Комиссіи. Во всѣхъ этихъ документахъ проводилась одна и таже мысль, мысль о политической неблагонадежности членовъ Редакціонной Комиссіи. На самомъ же дѣлѣ, суть заключалась въ томъ, что крѣпостническая партія хотѣла дать крестьянамъ какъ можно менѣе земли, а Редакціонная Комиссія настаивала на сохраненіи существующаго крестьянскаго надѣла; крѣпостническая партія хотѣла поставить во главѣ вотчинной полиціи помѣщиковъ, а Редакціонная Комиссія въ интересахъ крестьянъ находила это невозможнымъ. Кромѣ этихъ главныхъ спорныхъ вопросовъ, были и другіе, въ кото-

рыхъ Редакціонная Комиссія не сходилась съ мнѣніями депутатовъ, но политическихъ тенденцій никакихъ не было. Если же крѣпостники хотѣли придать этимъ спорамъ подкладку неблагонадежности, то потому, что склонить государя другимъ путемъ они считали невозможнымъ. Оказалось,что избранный ими путь былъ также неудаченъ.

Одновременно съ этими доносами на Редакціонную Комиссію, очередныя дворянскія собранія губерній: Рязанской, Тверской, Ярославской и Владимірской, бывшія въ 1859 году, представили государю адресы, въ которыхъ, на основаніи статей закона, дозволявшихъ дворянамъ обращаться прямо къ государю съ объясненіемъ своихъ пользъ и нуждъ, просили о введеніи другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ напримѣръ о дарованіи суда присяжныхъ, объ учрежденіи хозяйственно-распорядительнаго управленія, основаннаго на выборномъ началѣ, объ ограниченіи произвола администраціи и т. п. За всѣ эти адресы, губернскіе предводители дворянства получили выговоры, а Тверской губерніи предводитель дворянства Унковскій былъ смѣщенъ съ должности и сосланъ административнымъ порядкомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кажется въ Вятскую; въ одно время съ нимъ сосланы были и главные единомышленники Головачевъ н Европеусъ.

Депутаты губернскихъ комитетовъ были раздѣлены на двѣ очереди или два призыва. Депутаты перваго призыва пріѣхали въ Петербургъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1859 г. и пробыли тамъ до Декабря; послѣ ихъ отъѣзда, пріѣхали депутаты втораго призыва. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ столкновеній, бывшихъ между Редакціонной Комиссіей и депутатами, изложу въ короткихъ словахъ историческій ходъ дѣла. По пріѣздѣ депутатовъ перваго призыва, они представились министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, Ростовцеву, князю Орлову и наконецъ, государю. Затѣмъ они были приглашены въ засѣданіе Редакціонной Ко-

миссіи, которое началось тѣмъ, что Ростовцевъ прочелъ имъ инструкцію, для нихъ составленную и утвержденную государемъ, изъ которой видно было, что депутаты должны были отвѣчать только на тѣ вопросы, которые будутъ имъ предложены Редакціонной Комиссіей и отъ нихъ потребуется выраженіе ихъ мнѣній только по примѣненію общихъ началъ къ мѣстнымъ условіямъ, но что участія въ обсужденіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ они не будутъ принимать. Такое низведеніе ихъ изъ депутатовъ на степень экспертовъ, имъ конечно не понравилось и показалось обиднымъ. Чтобы уяснить свое положеніе, они написали письмо Ростовцеву, въ которомъ просили доложить государю, что они находятъ весьма полезнымъ для дѣла собираться и обсуживать вмѣстѣ всѣ вопросы, относящіеся до освобожденія крестьянъ, а потому просятъ разрѣшить имъ эти собранія. Государь приказалъ имъ объявить, что они могутъ собираться гдѣ и какъ хотятъ, но собранія эти должны быть частныя и мнѣнія по вопросамъ Редакіонной Комиссіи должны быть представляемы каждымъ депутатомъ отдѣльно, но не коллективно. Огорченные той ролью которая сыла имъ указана, они приступили къ занятіямъ, и многіе изъ нихъ старались излить свою желчь въ рѣзкости отвѣтовъ данныхъ ими на вопросы Редакціонной Комиссіи. Къ 10 Ноября занятія ихъ были окончены, и они получили разрѣшеніе возвратится къ себѣ. На мѣсто ихъ прибыли депутаты втораго призыва. Въ это время Ростовцавъ заболѣлъ и хотя онъ былъ здороваго организма, но, вслѣдствіе несвоевременнаго вскрытія карбункула, у него сдѣлался антоновъ огонь, и онъ умеръ 6 Февраля 1860 года. Государь постоянно его навѣщалъ во время болѣзни и даже присутствовалъ при его смерти. Говорятъ, что послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ государю, были: „не бойтесь, не бойтесь“. Смерть Ростовцева очень обрадовала помѣщичью партію и депутатовъ втораго призыва; явилась надежда повернуть дѣло на сторону помѣщиковъ. Друзья же народа, огорченные потерей лица, преданнаго душой интересамъ крестьянъ, ждали съ нетерпѣніемъ назначе-

нія новаго предсѣдателя Редакціонной Комиссіи, чтобы судить по этому назначенію о направленіи, которое приметъ крестьянское дѣло. Къ удовольствію помѣщиковъ и къ ужасу членовъ Редакціонной Комиссіи, назначенъ былъ графъ Панинъ, извѣстный своими крѣпостническими тенденціями. Между нимъ и Ростовцевымъ не было ничего общаго; это были два противоположные полюса во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ чего государь такъ любившій Ростовцева и даже плакавшій о немъ послѣ его смерти, назначилъ ему преемникомъ Панина,—никто не могъ понять; предполагали, что это была уступка, сдѣланная крѣпостнической партіи.

Изъ депутатовъ втораго призыва, въ Москвѣ, возлагали большія надежды на депутата Пензенской губерніи Горсткина, который, въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, при всѣхъ, съ увѣренностью говорилъ, что при помощи графа Панина онъ похоронитъ всѣ труды Комиссіи. На дѣлѣ вышло однакожъ не то. Графъ Панинъ, какъ ловкій царедворецъ и какъ человѣкъ понимавшій то, чего желаетъ Государь, хотя и высказывалъ свои крѣпостническія мнѣнія въ Редакціонной Комиссіи; но если большинство рѣшало вопросъ несогласно съ его мнѣніемъ, онъ молчалъ и подписывался вмѣстѣ съ большинствомъ. Горсткинъ, въ свою очередь, познакомившись съ членами Редакціонной Комиссіи, не только не явился ихъ грознымъ опонентомъ, но предлагалъ даже депутатамъ дать обѣдъ членамъ Комиссіи. Обѣдъ этотъ не состоялся; но былъ данъ обѣдъ Херсонскимъ депутатомъ Касимовымъ, на который были приглашены нѣкоторые члены Комиссіи, многіе депутаты и лица трудившіяся по крестьянскому вопросу. Обѣдъ этотъ ознаменовался небольшимъ скандаломъ, о которомъ много говорили въ то время въ Петербургѣ и о которомъ узналъ государь. Скандалъ заключался въ слѣдующемъ. На обѣдѣ въ числѣ приглашенныхъ, былъ членъ Редакціонной Комиссіи Булгаковъ; о Булгаковѣ знали только, что онъ былъ губернаторомъ въ Калугѣ и, кажется, Тамбовѣ, а за тѣмъ, по ходатайству

военнаго министра Сухозанета, сдѣланъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ. Каковы были его убѣжденія въ крестьянскомъ дѣлѣ, о томъ никто не говорилъ; но надобно думать, что они были согласны съ взглядами Ростовцева, такъ какъ онъ былъ не только членомъ Редакціонной Комиссіи, но и въ отсутствіи Ростовцева замѣщалъ его на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Послѣ тостовъ за здоровье членовъ Редакціонной Комиссіи и за здоровье депутатовъ, депутатъ Калужской губерніи князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за здоровье всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ числѣ ихъ назвалъ Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ, сидѣвшій недалеко отъ князя Оболенскаго, обратился къ своимъ сосѣдямъ и сказалъ въ полголоса: „Ужъ если пить, то лучше бы начать сначала, съ перваго кто трудился за крестьянъ, съ Пугачева“. Узнавъ объ этихъ словахъ Булгакова, государь сильно разсердился; но Булгаковъ объяснилъ, что зная Кавелина и Унковскаго за людей неблагонадежныхъ, онъ сравнилъ ихъ съ Пугачевымъ, чтобы заклеймить тостъ, предложенный за ихъ здоровье. Такая ли была мысль Булгакова или иная — сказать трудно; но что фактъ былъ, это—несомнѣнно: мнѣ рассказывалъ о немъ товарищъ мой Хлюстинъ, о которомъ я говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ *«Двѣнадцать лѣтъ молодости»*. Хлюстинъ вскорѣ послѣ Крымской компаніи вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и, будучи присланъ депутатомъ отъ Орловской губерніи, былъ изъ числа присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ.

Редакціонная Комиссія окончила свои занятія къ 10 октября 1860 года. Старанія графа Панина измѣнить главныя основанія положеній, выработанныхъ при Ростовцевѣ, не имѣли успѣха; но онъ не терялъ надежды передѣлать Положеніе въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ и на вопросъ, ему предложенный однимъ депутатомъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга: какого можно ждать окончанія крестьянскаго дѣла? онъ отвѣчалъ: „во всякомъ случаѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ предложено Ре-

дакціонной Комиссіей". Наконецъ 11 октября все дѣло было передано въ Главный Комитетъ. Въ это время предсѣдатель Комитета князь Орловъ былъ разбитъ параличемъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Какъ только объ этомъ узнала великая княгиня Елена Павловна, принимавшая горячее участіе въ освобожденіи крестьянъ, она тотчасъ написала Милютину, пользовавшемуся ея расположеніемъ: Je suis chargée de vous annoncer une bonne nouvelle, secrète encore, c'est que le Grand-Duc Constantin est nommé président du Grand Comité et qu'à son retour, l'Empereur présidera lui-même. Avais-je raison, ce matin, de croire à une Providence spéciale pour la Russie et pour vous tous?" H. 8 Octobre 1860 года (Revue des Deux Mondes, 1888 *).

При разсмотрѣніи въ Главномъ Комитетѣ Положеній, составленныхъ Редакціонной Комиссіей, за всѣ статьи Положеній стояли предсѣдатель и три члена: Блудовъ, Ланской и Чевкинъ; противъ же Положеній, по 29 вопросамъ, мнѣнія членовъ такъ раздѣлились, что четыре голоса защитниковъ Положеній являлись большею частію, относительнымъ большинствомъ. Наконецъ, послѣ трехъ-мѣсячнаго разсмотрѣнія въ Комитетѣ, Положенія поступили въ Государственный Совѣтъ. Въ первомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ самъ государь. Въ рѣчи, съ которой Его Величество обратился къ Совѣту была выражена, между прочимъ, такая мысль: „Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть моя прямая воля". Слѣдующія засѣданія Государственнаго Совѣта были подъ предсѣдательствомъ Блудова; разсмотрѣніе Положеній про-

*) Мнѣ поручено сообщить вамъ пріятную новость, но еще секретную: предсѣдателемъ Главнаго Комитета назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а по возвращеніи, Государь самъ будетъ предсѣдательствовать. Не права ли я была, думая сегодня утромъ, что есть особое Провидѣніе, покровительствующее Россіи и вамъ всѣмъ? 8 октября 1860 года.

должалось 2½ недѣли. Послѣ каждаго засѣданія государю представлялся журналъ, который Его Величество утверждалъ, большею частію, согласно съ мнѣніемъ меньшинства. Измѣненій въ Положеніяхъ, съ которыми государь согласился, было два: 1) Уменьшены были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ maximum и minimum надѣловъ и 2) введенъ былъ даровой надѣлъ.

17 февраля 1861 года было послѣднее засѣданіе Государственнаго Совѣта, а 19 февраля государь подписалъ Положенія.

Такимъ образомъ совершилась громадная реформа: пало трехъ-вѣковое позорное рабство. Слава императора Александра II прогрѣмѣла по всей вселенной; а въ Россіи не было уголка, гдѣ бы крѣпостной людъ не возсылалъ самыя теплыя молитвы ко Всевышнему за своего обожаемаго царя-освободителя.

По подписаніи государемъ Положеній, нужно было время, чтобы ихъ напечатать; а потому объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ отлошено было до 5 Марта. Положенія печатались въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ въ типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и въ двухъ частныхъ типографіяхъ, которымъ было объявлено, что если черезъ кого либо изъ служащихъ, въ народъ проникнетъ слухъ о печатаемыхъ Положеніяхъ, то типографія будетъ закрыта и служащіе подвергнутся ссылкѣ. Не смотря на такую угрозу, слухъ проникъ въ народъ, въ чемъ я могъ убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства. У насъ въ домѣ жилъ кавалергардскій офицеръ, который присылалъ мнѣ деньги за квартиру обыкновенно съ своимъ бывшимъ дядькой изъ крѣпостныхъ. Въ концѣ февраля пришелъ ко мнѣ этотъ дядька съ деньгами и, зная, что я интересуюсь крестьянскимъ дѣломъ, объяснилъ, что Положенія уже печатаются, что у него есть родственникъ-наборщикъ, который далъ ему прочесть даже нѣсколько корректурныхъ листовъ. Я былъ немало удивленъ этимъ

извѣстіемъ, такъ какъ ни отъ кого не слыхалъ еще объ окончаніи крестьянскаго дѣла. Случилось и тутъ, какъ всегда бываетъ, что чѣмъ строже секретъ, тѣмъ скорѣе онъ проникаетъ въ ту среду, отъ которой хотятъ сохранить тайну. Двухъ дворниковъ, какъ я слышалъ, высѣкли даже въ полиціи за то, что они говорили въ трактирѣ о подписанной государемъ волѣ и, странное стеченіе обстоятельствъ, ихъ высѣкли въ тотъ самый день, когда манифестъ былъ объявленъ.

5 марта, въ Воскресенье, послѣдній день масляницы, я пошелъ къ обѣднѣ въ Сергіевскій Соборъ, чтобы услышать чтеніе манифеста и посмотрѣть, какое онъ произведетъ впечатлѣніе. Манифестъ написалъ, какъ говорили, Московскій митрополитъ Филаретъ; слогъ его былъ тяжелъ и мало понятенъ для простаго народа; читалъ манифестъ протоіерей Духовской весьма невнятно. Когда окончилось чтеніе и всѣ стали выходить изъ церкви, я замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе, въ родѣ вопросительнаго знака. Сначала шли молча, но выйдя на улицу въ разныхъ мѣстахъ составились кучки человѣкъ по 5 или 6, и начались оживленные разговоры.... Въ 2 часа я поѣхалъ на Царицынъ лугъ, гдѣ было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики ура! Государь ѣхалъ съ развода; по мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики ура! становились громче и громче; наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое ура! отъ котораго, казалось земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего царя-освободителя. Я счастливъ, что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ неподдающійся описанію!

VI.

Мировые посредники.—Продажа старыхъ ружей.—Навязчивая вдова.—Поѣздка за границу.—Познань.—Адвокатъ Курси.—Простонародье въ Нормандіи.

По рѣшеніи крестьянскаго вопроса, служба моя въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ дѣлалась безцѣльною; карьера быть чиновникомъ, хотя бы и вицъ-губернаторомъ, меня нисколько не прельщала, я сталъ думать какъ бы снова вернуться на службу въ артилерію. Въ это время вмѣсто Ланскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ. О происшедшей перемѣнѣ министровъ я узналъ изъ газетъ, живя съ семействомъ въ Гапсалѣ. Вскорѣ по назначеніи Валуева министромъ, я получилъ предписаніе явиться къ нему по дѣламъ службы. Не понимая, зачѣмъ я ему понадобился, я тотчасъ же пріѣхалъ изъ Гапсаля. Валуевъ принялъ меня очень любезно. „Я очень радъ", сказалъ онъ, „что вы состоите при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Я хочу дать вамъ командировку; но прежде всего я прошу васъ быть со мной откровеннымъ и сказать мнѣ, дозволяютъ ли вамъ ваши домашнія обстоятельства уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербуга? Я вамъ предлагаю этотъ вопросъ, потому что твердо убѣжденъ, что дѣятельность подчиненнаго можетъ быть полезна только тогда, когда онъ вноситъ въ нее желаніе и добрую волю, а не дѣйствуетъ по принужденію". Слова Валуева меня крайне удивили; я говорилъ уже, съ какимъ трудомъ давались командировки лицамъ, состоявшимъ при министерствѣ; мнѣ же предлагаетъ

дать порученіе, о которомъ я не просилъ и не хлопоталъ, самъ министръ и не говоритъ, какое это порученіе. Конечно, я былъ бы очень доволенъ взять командировку, соотвѣтственно моей склонности и не въ одталенной мѣстности отъ Петербурга, но ѣхать куда нибудь въ Сибирь для производства какого нибудь скандальнаго слѣдствія—я вовсе не желалъ; спросить же у министра куда и зачѣмъ онъ хочетъ меня послать, мнѣ казалось неловкимъ, а потому я рѣшился узнать прежде черезъ брата моей жены, состоявшаго при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, какая командировка мнѣ предстоитъ и тогда уже дать ему отвѣтъ. „Если ваше высокопревосходительство дозволяете мнѣ быть откровеннымъ", сказалъ я, „то въ виду того, что моя жена лѣчится въ Гапсалѣ и должна на дняхъ вернутся въ Петербургъ, я желалъ бы прежде ее повидать и тогда дать отвѣтъ". „Хорошо", сказалъ онъ, „я согласенъ отсрочить вамъ отвѣтъ, но опредѣлите срокъ". „Черезъ недѣлю", отвѣчалъ я, затѣмъ, прощаясь со мной, Валуевъ прибавилъ: „и такъ, черезъ недѣлю пріѣзжайте ко мнѣ на дачу въ 7 часовъ вечера". Въ теченіе этой недѣли я узналъ слѣдующее. Въ то время начались уже волненія въ Царствѣ Польскомъ, которыя отразились и въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы явились Польскіе революціонеры, пропагандировавшіе возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года и увлекавшіе Польскую шляхту къ возстанію. Губернаторы не знали, что дѣлать: одни ограничивались только донесеніями, а другіе принимали мѣры, которыя Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не нравились. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Валуевъ рѣшилъ послать въ Западныя губерніи своихъ чиновниковъ, преимущественно военныхъ, съ тѣмъ, чтобы они, состоя при губернаторахъ, доносили ему о всемъ, что дѣлается въ губерніяхъ и о всѣхъ распоряженіяхъ губернаторовъ, то есть, другими словами, чтобы они были въ родѣ министерскихъ шпіоновъ надъ дѣйствіями губернаторовъ. Такого рода командировку мнѣ хотѣли дать въ Гродненскую губернію. Я рѣшился отъ нея отказаться. Получивъ въ то время извѣстіе о безна-

дежной болѣзни моей матери, я поѣхалъ къ Валуеву и объяснилъ ему, что мнѣ необходимо ѣхать въ Москву къ умирающей матери, а потому просилъ отъ командировки меня освободить и дать мнѣ отпускъ на 28 дней. Валуевъ отпускъ мнѣ разрѣшилъ, но сказалъ что время командировки терпитъ, что онъ подождетъ моего возвращенія и тогда онъ надѣется, что я отъ нея не откажусь. Уѣхавъ тотчасъ въ Москву, я узналъ передъ отъѣздомъ, что открывается вакансія на должность состоящаго по особымъ порученіямъ штабъ-офицера при Артилерійскомъ Департаментѣ. Желая занять эту должность, я просилъ дитектора департамента генаралъ-адъютанта Лутковскаго зачислить меня на открывающуюся вакансію и получилъ его согласіе.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Москву умерла моя мать. Послѣ нея я получилъ въ наслѣдство имѣніе ея, состоящее въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ которое рѣшился немедленно отправиться, чтобы вступить во владѣніе и, если срокъ отпуска дозволитъ, то составить съ крестьянами уставную грамоту. Это было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, то есть черезъ полгода по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Въ Калугѣ губернаторомъ въ то время былъ Арцымовичъ. По пріѣздѣ въ Калугу, я заѣхалъ къ одной моей знакомой М. В. Толстой, которая наговорила мнѣ ужасы про дѣятельность Арцымовича и мировыхъ посредниковъ; по словамъ ея, помѣщики такъ угнетаются администраціей, что не только ихъ имущество, но даже и жизнь находятся не въ безопасности; крестьяне же дѣлаютъ, что хотятъ, будучи поддержаны въ своихъ антипомѣщичьихъ дѣйствіяхъ мировыми посредниками. Она думала, что я напрасно хочу вступить въ переговоры съ крестьянами, такъ какъ не добьюсь никакихъ результатовъ; между ними распространено мнѣніе, которое посредники не стараются опровергнуть, что вся земля ихъ и что они имѣютъ даже право выгнать помѣщиковъ изъ усадебъ. Не смотря на всѣ разсказанные ужасы,

которые произвели на меня тяжелое впечатлѣніе, я нанялъ землемѣра и поѣхалъ съ нимъ въ имѣніе. Оказалось совершенно противное тому, что мнѣ пророчили: въ теченіе одной недѣли, я не только перевелъ крестьянъ съ барщины на оброкъ и сдѣлалъ разверстаніе угодій, но и составилъ по обоюдному съ крестьянами соглашенію двѣ уставныя грамоты въ селѣ Башутинѣ и въ сельцѣ Ширяевѣ: это были первыя уставныя грамоты въ Калужской губерніи. Могутъ предположить, что я сдѣлалъ много уступокъ крестьянамъ, но этого положительно не было; я уступилъ, сколько я помню, всего полдесятины луга крестьянамъ села Башутина, на которую они не имѣли права на основаніи Положеній 19-го Февраля. Вообще я убѣдился, что посредники дѣйствовали и законно, и энергично, и если помѣщики были противъ нихъ возстановлены, то единственно потому, что всѣ они твердо стояли на почвѣ Положеній 19 Февраля.

Съ однимъ изъ посредниковъ Лихвинскаго уѣзда, Николаемъ Павловичемъ Щепкинымъ, котораго въ особенности не любили помѣщики, я познакомился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По окончаніи дѣла съ крестьянами села Башутина и сельца Ширяева, я поѣхалъ въ имѣніе моей сестры Лихвинскаго уѣзда, желая и тамъ вступить въ соглашеніе съ крестьянами и составить установную грамоту; но имѣніе это было въ исключительныхъ условіяхъ: крестьяне владѣли землей въ количествѣ, значительно превышавшемъ высшій надѣлъ, и платили сравнительно-небольшой оброкъ; по Положенію 19-го Февраля, моя сестра имѣла право отрѣзать у нихъ $^1/_3$ находившейся въ ихъ пользованіи земли, причемъ оброкъ ихъ долженъ былъ уменьшиться на ничтожную цифру, вслѣдствіе чего положеніе ихъ, сравнительно съ прежнемъ, должно было ухудшиться, а не улучшиться. Ожидая встрѣтить съ ихъ стороны сильную опозицію вслѣдствіе незнанія ими ихъ правъ на землю, мы рѣшились съ сестрой заѣхать къ посреднику Щепкину, очень уважаемому крестьянами, и просили его присутствовать

при нашихъ переговорахъ съ крестьянами и объяснить имъ статьи Положенія 19-го Февраля, до нихъ относящіяся. Когда мы пріѣхали къ Щепкину, котораго ни я, ни сестра не только не знали, но никогда не видали, мы застали у него много гостей; были крестины его ребенка. Не смотря на свой семейный праздникъ, онъ тотчасъ съ нами поѣхалъ и два дня прожилъ въ имѣніи сестры, уговаривая крестьянъ согласиться на весьма выгодныя для нихъ условія, предложенныя сестрой. Видя его энергію и вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей, я немогъ понять, какимъ образомъ онъ могъ вооружить противъ себя одного помѣщика до такой степени, что тотъ пріѣхалъ къ нему съ револьверомъ. Щепкинъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ заключалось это дѣло. На основаніи Положеній 19-го Февраля, дворовые люди должны были оставаться въ услуженіи своихъ господъ два года, считая со дня манифеста; крестьяне же исполнявшіе домашнюю службу у помѣщиковъ, имѣли право тотчась же ихъ оставить, еслибы пожелали. У жены, или какой-то родственницы, помѣщика, пріѣхавшаго съ револьверомъ, былъ кучеръ изъ крестьянъ, просившій помѣщицу отпустить его: но помѣщица не согласилась, и тогда онъ обратился съ жалобой къ Щепкину, который, на основаніи Положеній не могъ его не уволить; это-то увольненіе и было причиной озлобленія помѣщика. Я познакомился также и съ другимъ посредникомъ Перемышльскаго уѣзда Рихтеромъ, одинаково нелюбимымъ помѣщиками, котораго я видѣлъ два раза у Тинькова, бывшаго директора Орловскаго кадетскаго корпуса. Изъ разговора съ Рихтеромъ я убѣдился, что нападки помѣщиковъ на посредниковъ имѣли туже подкладку, какъ нападки членовъ крестьянскаго комитета на членовъ Редакціонной Коммиссіи. Наконецъ, борьба помѣщиковъ съ посредниками такъ обострилась что Калужскій губернскій предводитель дворянства Щукинъ лично принесъ жалобу государю на Арцимовича и хотя, по произведенной ревизіи, ни одинъ изъ пунктовъ жалобы не оправдался, тѣмъ не менѣе Арцимовичъ получилъ другое назначеніе. Было ли это уступкой помѣщичьей партіи,

или желаніемъ расширить кругъ дѣятельности Арцимовича, обладавшаго недюжинными административными способностями— я не знаю; вѣрно только то, что при введеніи Положенія 19-го Февраля въ Калужской губерніи не было ни одного безпорядка между крестьянами, въ другихъ же губерніяхъ они были.

По возвращеніи моемъ изъ отпуска въ Петербургъ, приказъ о назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ уже состоялся; я не поѣхалъ откланяться Валуеву, но слышалъ, что онъ обвинялъ мепя въ неоткровенности съ нимъ.

Вступивъ въ мою новую должность, я имѣлъ много порученій; опишу одно изъ нихъ, чтобы охарактеризовать взяточническое направленіе того времени. Въ предписаніи ко мнѣ директора Артиллерійскаго Департамента отъ 16-го Октября 1862 года за № 12953 сказано было слѣдующее: „По Высочайше утвержденному II-го Сентября сего года положенію Военнаго Совѣта проданы купцу Фронштейну старыя ружья изъ разныхъ артиллерійскихъ складовъ, въ томъ числѣ и изъ С.-Петербургскаго Арсенала, съ тѣмъ, чтобы эти ружья вывезены были изъ предѣловъ Россіи для продажи внѣ Европы за океаномъ. На этомъ основаніи Фронштейну отпущено за деньги изъ С.-Петербугскаго Арсенала до 57. 680 экз. ружей, которыя нагружены имъ у Арсенала въ кронверкѣ на два судна для подвоза къ идущему въ море пароходу, который принимать будетъ грузъ на Василеостровской пристани противъ 10-й линіи, или въ Кронштатѣ, смотря по состоянію воды. Для удостовѣренія въ точномъ исполненіи условій контракта относительно вывоза ружей изъ предѣловъ Россіи, Артиллерійскій Департаментъ по приказанію военнаго министра, предлагаетъ вамъ наблюсти за погрузкою въ С.-Петербургѣ или Кронштатѣ на мореходное судно, отправляемаго отсюда за границу Фронштейномъ, оружія и представить вѣдомость количеству тюковъ съ показаніемъ сколько въ каждомъ уложено ружей и числа ящиковъ съ при-

надлежностями". Для исполненія мнѣ предписаннаго, я долженъ былъ ѣхать въ Кронштатъ и находился все время при перегрузкѣ проданныхъ ружей на три мореходные парохода, которые при мнѣ вышли въ море. Перегрузкой распоряжался какой-то приказчикъ Фронштейна, который по отплытіи пароходовъ подошелъ ко мнѣ и, подавая мнѣ сторублевую бумажку, объяснилъ, что хозяинъ проситъ меня принять эту благодарность за мои хлопоты и въ возмѣщеніе моихъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кронштатъ. Я нисколько не разсердился, бумажки не взялъ, но просилъ его сказать мнѣ откровенно, за что онъ предлагаетъ мнѣ взятку? Моя обязанность заключалась только въ томъ, чтобы всѣ принятыя въ Арсеналѣ ружья были нагружены на мореходные пароходы и чтобы пароходы эти вышли въ море. Хозяинъ его исполнилъ эти условія въ точности, слѣдовательно, если бы я хотѣлъ даже, то не могъ бы ни въ чемъ его притѣснить. Какой же смыслъ имѣетъ предлагаемая имъ взятка? Видя мое равнодушіе и насмѣшливый тонъ, онъ очень сконфузился и заикаясь отвѣчалъ: „Какже-съ намъ не благодарить, отъ того мы и назначили мало, что въ точности исполнили контрактъ..." и затѣмъ мнѣ показалось, что онъ лѣзетъ въ карманъ, вѣроятно, за другой сторублевкой. Тутъ я разсердился, крикнулъ на него и уѣхалъ *). Было и еще порученіе по исполненіи котораго мнѣ предлагали взятку, но не денежную, а въ видѣ завтрака съ шампанскимъ. Я конечно

*) Въ комиссаріатскомъ и провіантскомъ вѣдомствахъ безъ взятки нельзя было шага сдѣлать; отъ этого, въ особенности, страдали лица, сдававшія въ эти вѣдомства какое либо воинское имущество. Казначей гвардейской конной артиллеріи князь В. В. Волконскій разсказывалъ мнѣ, что, по расформированіи гвардейской запасной конной батареи, ему пришлось сдавать нѣкоторое ея имущество въ комиссаріатскую комиссію. Зная, что безъ взятки оно не будетъ принято, онъ сторговался съ пріемщикомъ, условился въ цифрѣ взятки и. разорвавъ кредитные билеты пополамъ, далъ условленную сумму половинками разорванныхъ билетовъ, а другія половинки обѣщалъ отдать по полученіи квитанціи. Князь Волхонскій находилъ этотъ способъ обезпеченія въ исполненіи договореннаго условія наилучшимъ, такъ какъ половинки кредитныхъ билетовъ, находясь въ рукахъ разныхъ лицъ, не имѣли никакой стоимости, онѣ получали значеніе денежныхъ знаковъ только по переходѣ въ руки одного лица; слѣдовательно ни сдававшему, не принимавшему не было никакого интереса нарушать условіе.

отказался и уѣхалъ; но архитекторъ, которому было поручено вмѣстѣ со мной осмотрѣть строительные матеріалы, остался на завтракѣ. Сознаюсь откровенно, что служба при такихъ условіяхъ въ Артиллерійскомъ Департаментѣ, завѣдывавшемъ хозяйственною частью артиллеріи, мнѣ не нравилась. Чтобы нравственно отдохнуть, а также вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія моей жены, которой доктора совѣтовали Карлсбадскія и Франценбадскія минеральныя воды, я рѣшился поѣхать за границу. На тѣ же самыя воды и почти одновременно съ нами поѣхали помощникъ Баранцева генералъ-маіоръ Якимахъ, больной старикъ и отличный человѣкъ, и генаралъ-адъютантъ Ефимовичъ, инспекторъ пороховыхъ заводовъ.

Съ Якимахомъ въ Карлсбадѣ и Франценбадѣ разыгрался престранный романъ. Одинъ изъ товарищей Якимаха генералъ-маіоръ К., управлявшій однимъ изъ пороховыхъ заводовъ, умеръ; вдова его, молодая, красивая и очень бойкая особа, должна была послѣ смерти мужа сдавать заводъ, что, въ то время, было дѣло не легкое, требовавшее значительной приплаты денегъ. Якимахъ, какъ товарищъ ея покойнаго мужа, принялъ въ ней участіе и какъ помощникъ Баранцева успѣлъ ей помочь сдать заводъ безъ приплаты. Она была такъ благодарна, что предложила Якимаху сопровождать его за границу и быть при немъ сестрой милосердія; но онъ на отрѣзъ ей отказалъ и, не зная иностранныхъ языковъ, взялъ съ собой русскаго Нѣмца, который исполнялъ при немъ обязанности лакея и вмѣстѣ съ тѣмъ переводчика. Не смотря однакожъ на отказъ Якимаха, г-жа К.... поѣхала въ Карлсбадъ, остановилась съ нимъ въ одной гостинницѣ и преслѣдовала его своимъ вниманіемъ и своей любезностью до того, что Якимахъ не имѣлъ ни одной минуты покоя отъ нея. Едва онъ выходилъ изъ гостинницы гулять, К... уже ждала его и шла съ нимъ, куда бы онъ ни пошелъ; возвращался ли онъ въ свой номеръ, она являлась къ нему и всячески за нимъ ухаживала. Нерѣдко она входила къ нему въ комнату, не постучавшись въ дверь и не спро-

сивъ можетъ ли онъ ее принять. Помню былъ такой случай: Якимахъ, вслѣдствіе сильной жары хотѣлъ перемѣнить бѣлье и въ то время, когда онъ былъ въ костюмѣ Адама, къ нему вошла К.... Конечно она сконфузилась, но тѣмъ не менѣе продолжала его посѣщать по прежнему.

Встрѣчая Якимаха постоянно съ К., я невольно подумалъ, что старый холостякъ ухаживаетъ за хорошенькой вдовой и что безъ свадьбы не обойдется. Я также былъ съ ней знакомъ еще при жизни ея мужа и даже пользовался ея расположеніемъ. Въ одинъ прекрасный день, мнѣ приносятъ отъ нея раздушенную записку, въ которой она, напоминая наше старое знакомство, проситъ ей помочь въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе двухъ лицъ, а съ однимъ изъ этихъ лицъ я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ. Для переговоровъ объ этомъ она приглашаетъ меня тотчасъ же къ ней придти. Я конечно пошелъ. „Я васъ просила къ себѣ", сказала она, „потому что знаю ваше доброе сердце и вашу готовность помочь каждому къ вамъ обращающемуся; я увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ". Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала слѣдующее. Когда умеръ ея мужъ, она обратилась къ Якимаху, который оказалъ ей большія услуги; но она поняла, что дѣйствія Якимаха были не безкорыстны, что онъ заботился о ней потому, что любовь запала въ его сердце, и дѣйствительно, не прошло полугода, какъ онъ просилъ ея руки, но потеря мужа была еще такъ свѣжа въ ея памяти, что она не рѣшилась отвѣчать согласіемъ на его предложеніе. Послѣ этого прошелъ годъ, сердце ея успокоилось, она поняла, что она не можетъ быть несчастлива, имѣя мужемъ такого прекраснаго человѣка, какъ Якимахъ; въ ней зародилась къ нему симпатія и она рѣшилась сама предложить ему свою руку; но Якимахъ, оскорбленный ея первымъ отказомъ, теперь отказывается отъ нея. „Я вижу", сказала она, „какъ онъ страдаетъ отъ этой борьбы любви съ самолюбіемъ, но сдѣлать ничего не могу; вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, постарайтесь его убѣдить

что я его люблю и съумѣю сдѣлать его счастливымъ; устройте нашу свадьбу, и я буду вѣкъ вамъ благодарна". Я обѣщалъ ей тотчасъ же отправиться къ Якимаху и заранѣе поздравилъ ее невѣстой, такъ какъ былъ увѣренъ, что чувство любви не можетъ не взять верхъ надъ самолюбіемъ. Но едва я передалъ Якимаху все мной слышанное отъ К...., съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ нервнаго припадка. „Никогда я не думалъ дѣлать ей предложенія. Я слишкомъ старъ, чтобы жениться", сказалъ онъ въ волненіи; „она и въ Петербургѣ, и за границей до такой степени надоѣдаетъ мнѣ своею любовью, что лѣченіе идетъ не въ прокъ. Передайте ей", прибавилъ онъ, „что если она меня дѣйствительно любитъ, то пусть она уѣдетъ отсюда и дастъ мнѣ возможность лѣчиться; если же она не уѣдетъ, то я уѣду". Пораженный этимъ отвѣтомъ Якимаха, я передалъ его въ смягченной формѣ К...ой. „Вотъ видите", сказала она, „до чего этотъ человѣкъ самолюбивъ; онъ не хочетъ даже сознаться, что онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе; но я его люблю и знаю мой долгъ; онъ можетъ говорить что хочетъ, но я его не оставлю одного, на попеченіи лакея". Черезъ два дня послѣ этого, мы уѣхали съ Якимахомъ въ Франценбадъ; онъ былъ очень счастливъ, что избавился отъ К...; но не прошло трехъ дней, какъ К.... явилась въ Франценбадъ и наняла квартиру рядомъ съ домомъ, гдѣ онъ жилъ. Возобновивъ свои преслѣдованія, она довела старика до того, что онъ заболѣлъ разстройствомъ нервъ, пересталъ ходить въ паркъ, чтобы съ ней не встрѣчаться и не велѣлъ лакею пускать ее къ себѣ. Якимаха лѣчилъ докторъ Мейсль, который бывалъ и у К... Разсказавъ доктору туже исторію, какъ и мнѣ, она просила его подѣйствовать на Якимаха своимъ докторскимъ вліяніемъ, увѣривъ его, что женитьба будетъ для него наилучшимъ лѣкарствомъ. При первыхъ словахъ доктора, Якимахъ такъ взволновался, что просилъ его прекратить разговоръ о К..., о которой онъ не хотѣлъ ничего слышать. Мейсль лѣчилъ также мою жену; разсказывая намъ о странной настойчивости К..., онъ удивлялся, какимъ образомъ она могла влюбиться

въ больнаго старика. По моему же мнѣнію, въ ней не было ни малѣйшей привязанности къ Якимаху; она дѣйствовала по одному разсчету: зная, что Якимахъ имѣетъ хорошее состояніе и что онъ не долговѣченъ, она думала выходомъ за него замужъ поправить свои дѣла, которыя были совершенно разстроены. Неуспѣхъ доктора не остановилъ ея преслѣдованій; она отыскала какого-то ксендза, который согласился обвѣнчать ее съ Якимахомъ по католическому обряду, въ виду того, что въ Франценбадѣ не было православнаго священника. По просьбѣ ея ксендзъ отправился съ этимъ предложеніемъ къ Якимаху. Тутъ переполнилась чаша страданій бѣднаго старика: онъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ Франценбада и чтобы скрыть отъ К... направленіе, которое онъ принялъ, онъ поѣхалъ въ противоположную сторону. Впослѣдствіи мы встрѣтились съ нимъ въ Висбаденѣ въ Русской церкви; онъ говорилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что наконецъ-то избавился отъ К...; но каково было наше удивленіе, когда, въ концѣ обѣдни, въ церковь вошла К... Увидѣвъ Якимаха, она подошла къ нему съ особенной развязностью и выражала удовольствіе, что наконецъ-то его нашла. Якимахъ вышелъ изъ церкви и когда я заѣхалъ къ нему послѣ обѣдни въ гостинницу, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ на желѣзную дорогу. Послѣ этого мы не встрѣчались болѣе за границей, ни съ Якимахомъ, ни съ К...; но по возвращеніи въ Петербургъ, Якимахъ мнѣ разсказалъ конецъ его исторіи съ К.... Она вернулась въ Петербургъ ранѣе его возвращенія изъ за границы и, отправившись къ Баранцеву, объявила, что Якимахъ на ней женится и поручилъ ей устроить казенную квартиру, которую онъ занимаетъ, для ихъ будущей семейной жизни, а потому просила Баранцева приказать отдать ей ключи отъ квартиры. Баранцевъ конечно исполнилъ бы ея просьбу, если бы вернувшійся изъ за границы Ефимовичъ не разсказалъ ему о всѣхъ похожденіяхъ К... Баранцевъ ей отвѣчалъ, что безъ письменнаго разрѣшенія Якимаха, она ключей получить не можетъ. Наконецъ возвратился и Якимахъ; первымъ его приказаніемъ деньщику было не пу-

скать къ нему К...; но она имѣла нахальство вступить въ драку съ деньщикомъ и ворвалась насильно къ Якимаху въ кабинетъ. Тутъ Якимахъ уже не поцеремонился, велѣлъ вѣстовымъ вывесть ее за дверь и объявилъ, что, если она еще разъ вернется, то онъ пошлетъ за полиціей и будетъ просить посадить ее въ сумашедшій домъ. Что стало съ ней послѣ этого, я не знаю; былъ слухъ, что, имѣя хорошій голосъ, она ѣздила по губернскимъ городамъ и давала концерты *).

Въ эту поѣздку за грачицу мы выѣхали съ женой изъ Петербурга въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и когда появились банды въ нашихъ Литовскихъ губерніяхъ. Отъ Петербурга до Вильны мы доѣхали спокойно; но отъ Вильны со всѣми поѣздами отправляли караулы солдатъ съ заряженными ружьями въ отдѣльныхъ открытыхъ вагонахъ, а ночью по сторонамъ дороги горѣли костры, стояли часовые и ходили патрули; мѣры эти принимались для отраженія Польскихъ бандъ, которыя иногда нападали на поѣзда. По пріѣздѣ нашемъ въ Вильну, разсказывали, что поѣздъ, шедшій изъ Варшавы, имѣлъ перестрѣлку съ повстанцами. Такое путешествіе имѣло для меня интересъ, но жена моя ужасно боялась и всю ночь не могла заснуть На одной изъ станцій я видѣлъ небольшой отрядъ пѣхоты, который, преслѣдуя банду, разбилъ ее и только что вернулся изъ своей экспедиціи. У нѣкоторыхъ солдатъ въ рукахъ были отбитыя ими косы, а на головѣ одного солдатика красовалась конфедератка, возбуждавшая общее любопытство и смѣхъ. Желая разсмотрѣть хорошенько косу (оружіе повстанцевъ, о которомъ немало писали иностранные журналы), я взялъ ее изъ рукъ одного солдата; она была довольно тяжела и вовсе не похожа на обыкновенную косу: это былъ толстый, продолговатый кусокъ желѣза, нѣсколько отточенный съ одной стороны и насаженный на де-

*) Живя это лѣто въ деревнѣ въ Харьковской губерніи, я случайно встрѣтилъ одного знакомаго К..ой, который мнѣ сказалъ, что она находится въ сумашедшемъ домѣ.

ревянную рукоятку подъ очень тупымъ угломъ; при такой формѣ оружія было довольно трудно наносить имъ удары противнику.

Переѣхавъ границу въ Вержболовѣ, мы пересѣли на Прусскій поѣздъ въ Эйдкуненѣ; таможенный осмотръ продолжался не болѣе четверти часа: насъ просили открыть чемоданы, но вовсе ихъ не осматривали. Мы заняли отдѣленіе вагона, состоявшее изъ 8 мѣстъ; въ тоже отдѣленіе сѣли трое: какой-то учитель Французскаго языка изъ Петербурга, его жена и сынъ. Черезъ нѣсколько станцій къ намъ вошелъ ксендзъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ; сначала онъ занялъ мѣсто рядомъ съ женой Французскаго учителя; но, увидавъ мою военную шинель которую я надѣлъ на штатское платье (такъ какъ было довольно холодно), онъ быстро пересѣлъ ко мнѣ и обратился съ какимъ-то вопросомъ на польскомъ языкѣ. Жена моя, сидѣвшая противъ меня, зная ненависть Поляковъ къ Русскимъ офицерамъ, заподозрила его въ какомъ-нибудь дурномъ намѣреніи и со страхомъ на него смотрѣла. Я отвѣчалъ ему по французски, что я не знаю польскаго языка; тогда онъ сталъ разсказывать по-нѣмецки что-то о Варшавѣ, въ которой онъ жилъ долгое время и о Русскихъ офицерахъ, съ которыми былъ знакомъ. Жена, слѣдившая за нимъ все время, замѣтила, что онъ во время разсказа порывисто опустилъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда что-то и поднесъ ко мнѣ. Убѣжденная, что это былъ револьверъ, она вскрикнула и вскочила съ своего мѣста; Француженка, не зная въ чемъ дѣло, тоже закричала; а учитель и сынъ его, удивленно посматривая на всѣхъ, встали, чтобы оказать помощь, но кому и въ чемъ не знали; сцена вышла очень комичная. Оказалось, что ксендзъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ любезность: онъ вынулъ изъ кармана табатерку и предложилъ мнѣ понюхать изъ нея. Во время этого переполоха поѣздъ подошелъ къ станціи; жена заявила оберъ-кондуктору, что у насъ сидитъ пьяный ксендзъ; его взяли въ другой вагонъ, а къ намъ посадили какого-то очень порядочнаго

молодаго человѣка, съ которымъ я вскорѣ разговорился: это былъ Познанскій помѣщикъ, владѣвшій имѣніемъ на границѣ съ Россіей. Онъ разсказывалъ, что Польскій народный ржондъ, засѣдающій въ Варшавѣ, обложилъ налогомъ всѣхъ Познанскихъ помѣщиковъ и посылаетъ своихъ агентовъ для сбора его; помѣщики не рѣшаются отказывать въ платежѣ, такъ какъ былъ случай, что одинъ помѣщикъ не заплатившій налога и арестовавшій агента, былъ найденъ въ полѣ убитымъ съ плакатомъ на груди, на которомъ было написано „*измѣнникъ*“. По его словамъ Польское возстаніе въ Россіи пользуется въ Познани сочувствіемъ только одной шляхты; помѣщики же и крестьяне не только относятся къ нему холодно, но даже тяготятся имъ и очень радуются, когда Прусскія войска обезоруживаютъ повстанцевъ, переходящихъ изъ Россіи въ Прусскія владѣнія. Польша, прибавилъ онъ, должна искать свое спасеніе не въ физической, а въ нравственной силѣ, передъ которой безсильны штыки; Россія можетъ быть и готова была бы возстановить Варшавское герцогство, но ей не дозволятъ этого сдѣлать Австрія и Пруссія; бороться же съ тремя сильнѣйшими военными государствами въ мірѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, Польша, конечно, не можетъ; но подчинить ихъ своему нравственному вліянію, при ея народномъ геніѣ, для нея не только возможно, но составляетъ не болѣе какъ вопросъ времени. Согласиться съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о Польшѣ польскаго помѣщика конечно нельзя было: по крайней мѣрѣ исторія Польши его не подтверждаетъ.

Во Франкфуртъ на Одерѣ мы пріѣхали вечеромъ. Чтобы можно было ночью спокойно заснуть, я просилъ кондуктора помѣстить меня съ женой въ отдѣльный купе, что тотъ и исполнилъ, получивъ за это талеръ. Подъ утро, когда мы спали самымъ сладкимъ сномъ, мы почувствовали такой толчекъ, отъ котораго я чуть не свалился съ дивана; послѣ толчка поѣздъ уменьшилъ ходъ и вскорѣ остановился. Оказалось, что какая-то веселая компанія изъ Нѣмцевъ возвращалась съ увесели-

тельной прогулки въ большой фурѣ; всѣ дремали; дорога по которой они ѣхали, пересѣкала рельсовый путь; шлагбаумъ не былъ опущенъ и въ то время когда они въѣхали на полотно дороги, на нихъ наскочилъ нашъ поѣздъ, разбилъ въ дребезги фуру и разбросалъ людей. Кондукторъ мнѣ сказалъ, что убитыхъ было пять человѣкъ; но, по пріѣздѣ нашемъ въ Берлинъ, тотъ же самый кондукторъ, разсказывая при мнѣ какому-то желѣзнодорожному служащему объ этомъ случаѣ, увѣрялъ, что убито было 10 человѣкъ, между тѣмъ какъ фура была запряжена въ одну лошадь и едва ли въ ней могло помѣститься болѣе шести человѣкъ. Видно, стремленіе преувеличивать кроется въ человѣческой натурѣ независимо отъ національности. Нѣмецъ, какъ Русскій, Французъ, какъ Англичанинъ, — всѣ способны говорить неправду, не ради какой либо цѣли, а такъ... чтобы произвести, вѣроятно, болѣе сильное впечатлѣніе на слушающаго. На другой день, въ Берлинскихъ газетахъ было напечатано, что убитъ былъ одинъ человѣкъ, а двое получили увѣчья, лошадь же осталась цѣла.

Въ Берлинѣ мы пробыли три дня. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу С..., о которой говорилъ въ моихъ Воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ „*Двѣнадцать лѣтъ молодости*". Она мнѣ сказала, что окончательно разошлась съ своимъ мужемъ и просила по возвращеніи въ Россію, взять въ мое завѣдываніе ея имѣніе Ярославской губерніи и, если можно, то его продать. Я обѣщалъ исполнить ея просьбу.

Изъ Берлина мы отправились въ Карлсбадъ, гдѣ были уже Якимахъ и г-жа К... Выше я описалъ исторію, которая между ними разыгралась. Въ бытность нашу въ Карлсбадѣ, туда пріѣхалъ Прусскій король (впослѣдствіи Германскій императоръ) Вильгельмъ I-й съ своимъ министромъ Бисмаркомъ. Помню, что, на другой день послѣ ихъ пріѣзда, мы пошли съ женой, какъ дѣлали это каждый день, пить утренній чай въ Hôtel de Saxe и сѣли за столикъ въ паркѣ противъ этого ресторана;

публики было немного. Видимъ мы, что идутъ два очень высокіе ростомъ господина, одинъ сѣдой съ военной осанкой, въ круглой черной шляпѣ, а другой въ сѣрой шляпѣ; проходя мимо насъ, сѣдой господинъ очень вѣжливо приподнялъ шляпу и намъ поклонился, а его спутникъ, не кланяясь, бросилъ на меня строгій взглядъ; на поклонъ я отвѣчалъ, конечно, поклономъ и увидалъ, что всѣ пившіе чай и кофе, при приближеніи ихъ, вставали и снимали шляпы; это были король Вильгельмъ I-й и Бисмаркъ, которыхъ до этого времени я никогда не видалъ.

Въ Карлсбадъ съѣхалось очень много Поляковъ, и нашъ Французскій посланникъ герцогъ Грамонъ, который почти ежедневно сходился съ Поляками въ одномъ ресторанѣ въ горахъ и велъ разговоры о дипломатическомъ заступничествѣ Наполеона III-го за Польшу; тутъ разсказывались разныя небылицы о страданіяхъ, которымъ Россія будто бы подвергаетъ Поляковъ, и Грамонъ придавая имъ вѣру, выражалъ свое сочувствіе и обѣщалъ (не знаю, по собственной ли инициативѣ, или по порученію своего правительства), что дипломатическое заступничество Наполеона III-го будетъ поддержано французскимъ оружіемъ. Такъ можетъ быть и случилось бы, если бы Англія не отказалась слѣдовать за Наполеономъ. Совѣщанія Поляковъ съ Грамономъ въ ресторанѣ происходили обыкновенно поздно вечеромъ; Русскіе, бывшіе въ Карлсбадѣ, не ходили въ этотъ ресторанъ.

Изъ Карлсбада мы поѣхали въ Франценсбадъ, а изъ Франценсбада моя жена, по совѣту докторовъ, должна была ѣхать на морскія купанья, но куда именно?—вопросъ этотъ мы оставили нерѣшеннымъ до Парижа. Въ Парижѣ мы встрѣтили извѣстнаго Московскаго доктора Варвинскаго со всѣмъ его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей, и по совѣту его отправились всѣ вмѣстѣ въ Нормандію въ небольшой городокъ Luc sur mer, находившійся на берегу Атлантическаго океана. Сначала время шло довольно пріятно; наше об-

щество въ особенности оживляла Варвинская молодая и веселая женщина, жившая нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и воспитывавшая тамъ своихъ дочерей. Кромѣ насъ никого Русскихъ не было, мы садились обыкновенно обѣдать за отдѣльный столъ, и смѣхъ, возбуждаемый разными разсказами Варвинской, не прекращался ни на минуту. Французы, сидѣвшіе за общимъ столомъ, обратили, наконецъ, на насъ вниманіе и были такъ деликатны, что, браня русское правительство за притѣсненіе Поляковъ, они старались говорить въ полголоса, такъ чтобы мы не слыхали. Вскорѣ я познакомился и очень сошелся съ однимъ Французомъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, по профессіи адвокатомъ; фамилія его была Courcy. Встрѣчаясь съ нимъ почти ежедневно на берегу океана во время морскихъ купаній, я нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о политикѣ, которая меня очень интересовала. Говоря о положеніи, въ которомъ находилась въ то время Франція, Курси увѣрялъ, что вся Наполеоновская администрація составлена изъ лакеевъ, лично ему служащихъ, но мало заботящихся о благѣ государства, что деморализація охватила всю страну, что подкупъ и казнокрадство получили общее распространеніе, вслѣдствіе чего всѣ честные люди вынуждены молчать и держаться въ сторонѣ, чтобы избѣжать административныхъ преслѣдованій. При такой системѣ, по мнѣнію Курси, Наполеонъ не могъ долго держаться; ему должны вырыть ямы не тѣ, которыхъ онъ преслѣдовалъ, а тѣ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Для уясненія этой развращающей системы, онъ мнѣ расказалъ случай, бывшій въ Тулузѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ. Одинъ богатый помѣщикъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ на жителей той мѣстности, гдѣ было его имѣніе, поѣхалъ въ Парижъ и явился въ какомъ-то общественномъ собраніи съ красной ленточкой Почетнаго Легіона въ петличкѣ, между тѣмъ какъ онъ вовсе не имѣлъ этого ордена. Тулузскій префектъ узналъ объ этотъ и, по возвращеніи помѣщика изъ Парижа, пригласилъ его къ себѣ и объявилъ, что онъ подлежитъ суду за ношеніе ордена, котораго не имѣетъ, но что онъ, префектъ, готовъ не возбуж-

дать противъ него дѣла, если онъ примкнетъ въ Законодательномъ Корпусѣ (Corps Législatif) къ правительственной партіи и откажется отъ своей опозиціи Наполеону; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, префектъ обѣщалъ даже дать ему орденъ Почетнаго Легіона, чтобы онъ могъ носить его не самовольно, а по праву. Помѣщикъ подумалъ и изъ легитимиста сдѣлался бонапартистомъ. Выборы въ Законодательный Корпусъ, въ которомъ было въ то время всего девять депутатовъ, принадлежавшихъ къ опозиціи, представляли комедію очень искустно разыгрываемую префектами и ихъ агентами. Не было ухищреній, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы дать перевѣсъ на выборахъ правительственнымъ кандидатамъ; употреблялись и подкупы, и застращиванія, а иногда возбуждались судебныя преслѣдованія противъ опозиціонныхъ кандидатовъ, чтобы уронить ихъ во мнѣніи избирателей и лишить электоральныхъ правъ; такъ одинъ опозиціонный депутатъ былъ преданъ суду за подлогъ векселя, выданнаго ему другимъ лицемъ, между тѣмъ какъ подлогъ сдѣлалъ не депутатъ, а лицо, которое выдало вексель и которое было агентомъ полиціи. Вообще, не было такихъ безнравственныхъ дѣйствій, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы угодить Наполеону и поддержать его régime. Если такая правительственная система держалась во Франціи довольно долго, то съ одной стороны потому, что блескъ военной славы и первенствующій голосъ Франціи въ Европейской димпломатіи льстили Французскому тщеславію, а съ другой стороны потому, что Наполеонъ умѣлъ къ себѣ привлечь симпатіи низшихъ сословій, давая имъ громадные заработки; одна перейстройка Гаусманомъ Парижа стоила около миліарда; затѣмъ шоссированіе всѣхъ проселочныхъ дорогъ поглотило вѣроятно еще большую сумму. Но по законамъ, которыми управляется вселенная, никакое зло не можетъ вести къ благу; послѣдовалъ Седанскій погромъ, и Франціи пришлось дорого заплатить за мишурный блескъ Наполеоновскаго царствованія.

Luc sur mer находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города Канъ, который былъ столицей Нормандіи во время владычества Англичанъ; но въ настоящее время главнымъ городомъ Нормандіи считается Руанъ. Нормандцы славятся съ одной стороны честностью, а съ другой—грубостью. Относительно первой я ничего не могу сказать въ подтвержденіе; что относится же до грубости Норманской прислуги въ Luc sur mer, я могу привести разительные примѣры. Въ одной гостинницѣ съ нами жила очень болѣзненная Француженка; у ея окна висѣлъ колоколъ, звономъ въ который собирали всѣхъ къ завтраку и къ обѣду. При ея разстроенныхъ нервахъ, неожиданно раздававшійся звонъ колокола у ея окна производилъ на нее потрясающее дѣйствіе; иногда у нея дѣлался сильный нервный припадокъ; она умоляла хозяина гостинницы, или перевести ее въ другой номеръ подалѣе отъ колокола, или приказать прислугѣ предупреждать ее передъ тѣмъ, какъ начнуть звонить. Оказалось, что другаго номера не было, но просьба ея объ извѣщеніи о звонѣ въ колоколъ была исполнена хозяиномъ; прислуга каждый разъ предупреждала ее о часахъ завтрака и обѣда, въ которые звонятъ, но въ тоже время она находила особенное удовольствіе ударять въ колоколъ въ другіе часы дня. Больная конечно вздрагивала, иногда вскрикивала, а у окна раздавался громкій хохотъ прислуги. Кончилось тѣмъ, что эта несчастная женщина вскорѣ совсѣмъ уѣхала изъ Luc sur mer, такъ какъ другой сколько нибудь порядочной гостинницы не было. У моей жены было также столкновеніе съ прислугой; произошло это слѣдующимъ образомъ. Помѣстившись въ гостинницѣ, жена условилась съ хозяиномъ, что вмѣсто завтрака за общимъ столомъ въ 10 часовъ, ей должны приносить каждый день въ 12 часовъ въ ея номеръ чашку говяжьяго бульона. Сначала горничная приносила акуратно условленный бульонъ, но потомъ она стала опаздывать, и мнѣ приходилось ей напоминать; наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она принесла сквернѣйшій бульонъ, изъ баранины, отъ котораго жена заболѣла. Я пошелъ къ хозяину гостинницы и объяснилъ ему,

что если онъ не приметъ мѣръ, чтобы жена моя аккуратно получала обѣщанный ей говяжій бульонъ, то мы вынуждены будемъ уѣхать изъ его гостинницы. Онъ очень извинялся и обѣщалъ, что случая этого не повторится. На другой день послѣ этого разговора, горничная приноситъ женѣ чашку бульона. Жена спрашиваетъ какой это бульонъ? Горничная съ насмѣшкой на лицѣ отвѣчаетъ, что бульонъ приготовленъ изъ баранины. При этомъ отвѣтѣ я страшно разсердился и снова пошелъ къ хозяину гостинницы, но тотъ далъ мнѣ честное слово, что въ этотъ день въ гостинницѣ вовсѣ нѣтъ бараньяго мяса и чтобы убѣдиться въ этомъ просилъ меня пойти съ нимъ въ кухню. На вопросъ мой повару, какой бульонъ онъ послалъ моей женѣ, онъ отвѣчалъ—*говяжій*. Я просилъ хозяина позвать горничную и спросить ее, отчего она сказала моей женѣ, что бульонъ былъ изъ баранины, тогда какъ онъ изъ говядины. Горничная, при этомъ вопросѣ, расхохоталась и очень наивно отвѣчала: „J' ai voulu fâcher un peu madame“ (Я хотѣла немного посердить барыню). Разскажу еще случай. На берегу океана былъ построенъ сарай, въ которомъ хранились стулья, которыя раздавала въ наемъ молодая 16-ти лѣтняя дѣвушка лицамъ, желавшимъ сидѣть на берегу моря. Я и жена абонировали себѣ два стула по 2 франка въ недѣлю. Когда мы сидѣли одинъ разъ на этихъ стульяхъ, къ намъ подошла Варвинская; я всталъ и уступилъ ей мое мѣсто. Только что хранительница стульевъ увидала, что на моемъ мѣстѣ сидитъ Варвинская, она подбѣжала, схватила рукой за спинку стула и грубо сказала Варвинской, чтобы она встала, такъ какъ она не имѣетъ права сидѣть на стулѣ, абонированномъ другимъ лицемъ; если же хочетъ сидѣть, то можетъ сама себѣ нанять стулъ; при этомъ начала тащить его изъ подъ нея. Такая дерзкая выходка и много другихъ подобныхъ ей побудили меня, Курси и нѣкоторыхъ другихъ пріѣхавшихъ на морскія купанья, заявить колективную жалобу антрепренеру, завѣдывавшему купаньями, прося его перемѣнить составъ прислуги, ради спокойствія больныхъ, пріѣхавшихъ лѣчиться; но антрепенеръ ничего не сдѣлалъ и

откровенно намъ сказалъ, что во всей Нормандіи нѣтъ людей лучше тѣхъ, которыя имъ наняты. Въ паралель съ грубостью прислуги, я долженъ отмѣтить и такой фактъ, который говоритъ въ ея пользу: горничная, которая хотѣла посердить мою жену, какъ она сама выразилась, провожала насъ со слезами и на прощанье принесла женѣ букетъ цвѣтовъ.

Варвинская не долго осталась въ Luc sur mer; она поѣхала въ Трувиль, самое веселое мѣсто для морскихъ купаній, куда, въ то время, съѣзжался весь Парижъ, ищущій удовольствія и весь Парижскій полусвѣтъ. Мы же прожили въ Luc sur mer около мѣсяца и уѣхали въ Парижъ, а изъ Парижа направились въ обратный путь черезъ Вѣну. Вѣна мнѣ чрезвычайно понравилась; нигдѣ я не видалъ столько хорошенькихъ женщинъ, какъ въ Вѣнѣ; по оживленію и характеру жителей она похожа болѣе на Парижъ, чѣмъ какой либо другой городъ. Бывши въ Вѣнѣ, мы поѣхали съ женой въ какой-то балетъ, о которомъ прокричали всѣ журналы. Дѣйствительно обстановка и декораціи были великолѣпныя, но меня болѣе всего поразилъ кордебалетъ, въ которомъ не было ни одной танцовщицы, которую можно было назвать хорошенькой: всѣ были красавицы въ полной мѣрѣ. Пробывъ въ Вѣнѣ около недѣли мы вернулись въ Петербургъ.

VII.

Участіе въ двухъ комитетахъ.—Училища для военныхъ писарей.—Преобразованіе Кадетскихъ Корпусовъ.

Черезъ два года по назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артиллерійскомъ Департаментѣ, этотъ послѣдній соединили съ штабомъ генералъ-фельдцейхмейстера въ одно учрежденіе, подъ названіемъ *Главное Артиллерійское Управленіе*, при чемъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ,, состоящихъ по особымъ порученіямъ при департаментѣ, долженъ былъ остаться за штатомъ. Я думалъ, что найдутъ лишнимъ меня, такъ какъ я всегда держалъ себя далеко отъ начальства и никогда и ни въ чемъ ему не угождалъ; но оказалось, что оставленъ былъ на штатомъ другой штабъ-офицеръ Безсоновъ, а я былъ назначенъ по особымъ порученіямъ при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи. Здѣсь характеръ порученій, которыя мнѣ давали, былъ совершенно другой.

На первый случай меня назначили въ экзаменаціонную комиссію, въ которой держали экзаменъ фейерверкеры, производимые въ офицеры. Затѣмъ, по приказанію военнаго министра, я былъ назначенъ членомъ двухъ комитетовъ: одного по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства подъ предсѣдательствомъ начальника военно-учебныхъ заведеніи генералъ-адъютанта Исакова; а другаго—по пересмотру постановленій о правахъ и преимуществахъ нестроевыхъ унтеръ-офицеровъ,

подъ предсѣдательствомъ директора Канцеляріи Военнаго Министерства генералъ-адъютанта Кауфмана. Занятія мои въ этихъ комитетахъ продолжались довольно долго и имѣли для меня немалый интересъ. Чтобы сознательно обсуждать всѣ возбуждаемые въ комитетахъ вопросы, я къ нимъ готовился, знакомясь со всѣми существующими положеніями и статистическими данными; но особенное стараніе я приложилъ къ изученію педагогическихъ вопросовъ, которыхъ касался комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Исакова. Я читалъ все что писалось въ то время по части воспитанія, полюбилъ его, и мнѣ казалось, что нѣтъ почтеннѣе и благороднѣе дѣятельности, какъ дѣятельность воспитательная. Знакомясь болѣе и болѣе со взглядами и направленіемъ генерала Исакова и другихъ членовъ комитета, служившихъ большею частію въ военноучебномъ вѣдомствѣ, я невольно пришелъ къ мысли оставить службу въ артиллеріи и перейти въ Военно-учебныя заведенія. Желаніе мое скоро исполнилось; но прежде чѣмъ говорить о томъ, я скажу нѣсколько словъ о дѣятельности помянутыхъ комитетовъ.

Училища военнаго вѣдомства, въ которыя принимались дѣти лицъ всѣхъ сословій, имѣли своимъ назначеніемъ выпускать своихъ воспитанниковъ, по окончаніи ими курса, писарями въ войска, съ обязательствомъ прослужить 12 лѣтъ до производства въ офицерскій или классный чинъ. Училища состояли изъ четырехъ классовъ. Курсъ въ нихъ былъ такъ великъ, что только наиболѣе способные мальчики могли окончить его съ успѣхомъ; громадное же большинство, учась многому, знало очень немного (такъ всегда бываетъ), вслѣдствіе чего въ войскахъ были недовольны писарями; а писаря, изъ которыхъ бо́льшая часть принадлежала къ дворянскому сословію, были еще менѣе довольны служить въ этой должности 12 лѣтъ безъ права производства и безъ права отставки. До какой степени развитые воспитанники старшаго класса были недовольны ожидавшей ихъ писарской карьерой, можно видѣть изъ случая,

бывшаго въ С.-Петербургскомъ училищѣ военнаго вѣдомства и разсказаннаго мнѣ начальникомъ его, полковникомъ Носовичемъ. Одинъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ воспитанниковъ пришелъ къ нему, предъ окончаніемъ курса, и просилъ уволить его изъ заведенія по его личной просьбѣ (родителей же, которые бы могли объ этомъ просить, у него небыло); если же, сказалъ онъ, просьба его не можетъ быть исполнена, то онъ сдѣлаетъ такой проступокъ, за который должны будутъ выгнать его изъ заведенія. И дѣйствительно, на другой же день онъ сдѣлалъ дерзость учителю, ушелъ изъ заведенія, пропадалъ два дня и достигъ своей цѣли—исключенія изъ училища, которое онъ счелъ за высшую себѣ награду. Точно также дѣйствовали и многіе другіе воспитанники, имѣвшіе родителей: они умоляли этихъ послѣднихъ не оставлять ихъ въ училищахъ до окончанія курса и, переходя въ послѣдній классъ, бросали учиться. Такое ненормальное положеніе училищъ не могло не обратить на себя вниманіе военнаго министра; онъ ихъ передалъ въ вѣдѣніе начальника военно учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Исакова, подъ предсѣдательствомъ котораго составленъ былъ комитетъ для ихъ преобразованія. Одновременно съ преобразованіемъ училищъ, необходимо было улучшить положеніе писарей, и съ этой цѣлью учрежденъ былъ другой комитетъ, о которомъ я уже говорилъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана. Въ первыхъ же засѣданіяхъ обоихъ Комитетовъ мной сдѣланы были предложенія, изложенныя письменно: въ комитетѣ Кауфмана я указалъ, что 12-ти лѣтній срокъ службы въ писарской должности за полученное образованіе въ училищахъ военнаго вѣдомства слишкомъ продолжителенъ; что справедливость требуетъ значительно его сократить и, опираясь на цифры стоимости образованія и стоимости содержанія казеннаго писаря, я старался доказать, что заодинъ годъ воспитанія въ училищѣ слѣдуетъ назначить никакъ не болѣе $1\,^1/_2$ года обязательной службы въ войскахъ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ комитетъ согласился. Въ комитетѣ Исакова я также сдѣлалъ предложеніе, но согласія на него

комитета не послѣдовало. Текстъ моего предложенія былъ слѣдующій.

„Настоящее положеніе училищъ военнаго вѣдомства неудовлетворительно: писаря, выпускаемые въ войска, не только безграмотны, но и въ нравственномъ отношенію стоятъ гораздо ниже писарей, формируемыхъ войсками; кондукторы, чертежники, топографы, фельдшера получаютъ въ училищахъ самую слабую подгототовку къ прохожденію своихъ спеціальныхъ предметовъ; педагогическая часть находится въ рукахъ лицъ, не только мало свѣдущихъ, но и не имѣющихъ никакого специльнаго по этой части образованія. Всѣ эти недостатки требуютъ, по мнѣнію вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, кореннаго преобразованія училищъ, или ихъ уничтоженія,

Комитетъ, учрежденный въ прошломъ году для улучшенія положенія нестроевыхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія, обсуживая служебное положеніе писарей, положилъ оставить на обязанности училищъ военнаго вѣдомства комплектованіе писарями только штабовъ и управленій Военнаго Министерства; войскамъ же предоставилъ формировать себѣ писарей изъ нижнихъ чиновъ строеваго состава. На предъявленное мною и другимъ членомъ комитета мнѣніе замѣнить обязанныхъ писарей наемными, комитетъ, не отрицая достоинствъ наемныхъ писарей, выразилъ однакожъ опасеніе, чтобы, при маломъ распространеніи у насъ грамотности въ низшихъ слояхъ общества, не встрѣтился недостатокъ въ лицахъ, желающихъ занять мѣста писарей и подходящихъ подъ бюджетныя условія Военнаго Министерства; а потому онъ съ мнѣніемъ нашимъ не согласился и положилъ, писарей, выпускаемыхъ изъ училищъ военнаго вѣдомства, обязать 6-ти лѣтней службой за воспитаніе, которое они получаютъ въ четырехъ классахъ училищъ.

Такое постановленіе комитета имѣетъ чрезмѣрную важность для училищъ военнаго вѣдомства; оно обусловливаетъ ихъ существованіе и опредѣляетъ рамки, въ которыя училища должны

быть замкнуты. Но какъ постановленіе это не утверждено еще Высочайшей властью, то оно не должно имѣть для насъ обязательнаго значенія; оно можетъ быть взято только въ соображеніе, а никакъ не въ руководство для основанія сужденій о необходимости существованія училищъ военнаго вѣдомства.

Училища военнаго вѣдомства имѣютъ въ настоящее время по штату 6950 воспитанниковъ, на воспитаніе и содержаніе которыхъ расходуется ежегодно милліонъ рублей, не считая въ томъ числѣ даровыхъ помѣщеній, которыя имѣютъ училища въ казенныхъ зданіяхъ. Какъ ни громадна эта цифра, она оказывается однакожъ недостаточной, такъ что дурное состояніе училищъ приписывается, какъ видно изъ отчета начальника военно-учебныхъ заведеній, ограниченности денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе училищъ. Хотя при предположенномъ назначеніи училишъ — комплектовать писарями только штабы и управленія, штатъ воспитанниковъ долженъ уменьшится до 4000 или 4500 мальчиковъ; но, имѣя въ виду необходимость увеличить содержаніе служащихъ въ училищахъ и улучшить какъ учебную, такъ и педагогическую обстановку а также въ виду признанной недостаточности средствъ при прежнемъ положеніи, расходы на училища едва ли уменьшатся, а если уменьшатся, то на весьма незначительную цифру. И такъ, за милліонъ рублей государство будетъ имѣть, по преобразованіи училищъ военнаго вѣдомства, ежегодно до 700 грамотныхъ людей, способныхъ занять мѣста писарей. Но писарь, по своему положенію, не есть спеціалистъ; умѣть читать, писать, знать Грамматику, Ариѳметику, Географію, Исторію, составляетъ предметъ реальнаго образованія, которое дается во всѣхъ начальныхъ школахъ, входящихъ въ составъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Училища же военнаго вѣдомства, находясь въ вѣдѣніи Военнаго Министерства и имѣя единственное назначеніе образовать писарей, не могутъ назваться спеціальными заведеніями, а потому легко могутъ быть замѣнены уѣздными народными, приходскими, городскими школами, въ которыхъ

уровень образованія стоитъ, нѣтъ сомнѣнія, не ниже современныхъ требованій науки и общества, и по всей вѣроятности онъ будетъ всегда стоять выше, чѣмъ въ заведеніяхъ, входящихъ въ составъ Военнаго Министерства. Для этого послѣдняго образовательная часть составляетъ предметъ второстепенной важности; для Министерства же Народнаго Просвѣщенія всестороннее изученіе какъ педагогической, такъ и учебной частей составляетъ насущную потребность и единственную цѣль къ которой оно должно стремиться и которою обусловливается самое существованіе министерства. Вотъ первая причина, по которой я полагаю полезнымъ передать училища военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы они были переформированы на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты для двухъ или трехъ-классныхъ школъ этого министерства. Есть еще другая причина, самая важная—финансовая. Статистическія данныя, которыя я представляю, взяты мной изъ оффиціальныхъ источниковъ. Восемнадцать училищъ Военнаго Вѣдомства съ 6950 воспитаниками стоятъ государству милліонъ рублей, между тѣмъ какъ 1714 начальныхъ школъ различныхъ наименованій съ 85193 учащимися обходятся Министерству Народнаго Просвѣщенія всего 1.195.089 р. 81 1/4 к.; то-есть сумма, потребная для воспитанія одного ученика въ училищахъ военнаго вѣдомства, достаточна для образованія десяти въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цифры эти такъ ясно говорятъ за себя, что не требуютъ никакихъ поясненій.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, передача училищъ военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія можетъ дать слѣдующіе результаты, польза которыхъ, съ государственной точки зрѣнія, очевидна:

1) Средства для образованія въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія почти удвоятся.

2) Число грамотныхъ увеличится, и устранится опасеніе въ недостаткѣ лицъ, желающихъ занять мѣста писарей.

3) Возможно будетъ замѣнить обязательныхъ писарей наемными, которыхъ превосходство, какъ показалъ опытъ Морскаго Министерства, несомнѣнно.

4) Наемная плата вольнымъ писарямъ, вслѣдствіе увеличившагося числа грамотныхъ, уменшится и, можетъ быть, совпадетъ даже съ стоимостью казеннаго писаря.

Результаты эти получатся, конечно, только въ будущемъ, хотя и не въ далекомъ; въ настоящемъ же переходъ къ наемнымъ писарямъ можетъ представить денежныя или другія затрудненія, устранить которыя, мнѣ кажется, не трудно. Можно совершить этотъ переходъ, по моему мнѣнію, или постепенно передавая училища военнаго вѣдомства въ Министерство Мароднаго Просвѣшенія по мѣрѣ возможности, или, передавъ ихъ одновременно, поставить условіемъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія давало ежегодно, въ теченіи извѣстнаго времени, опредѣленное число лицъ, обязанныхъ служить писарями“ *).

Одновременно съ учрежденіемъ комитетовъ, въ которые я былъ назначенъ членомъ по приказанію военнаго министра, оканчивалъ свои занятія комитетъ по преобразованію Кадетскихъ Корпусовъ въ Военныя Гимназіи. Многіе изъ членовъ этого послѣдняго комитета были членами комитета по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства, а потому, встрѣчаясь съ ними, я зналъ отъ нихъ, въ какомъ печальномъ положеніи находились Корпуса и какъ шло дѣло по ихъ преобразованію. Они говорили, что военному министру очень хорошо была извѣстна несостоятельность Корпусовъ въ дѣлѣ воспитанія; но, не приступая къ ихъ преобразованію, онъ, ради осторожности, спросилъ прежде мнѣнія о Корпусахъ всѣхъ начальниковъ от-

*) Хотя мое предложеніе не было принято комитетомъ, но впослѣдствіи изъ училищъ военнаго вѣдомства были сформированы Военныя Прогимназіи, которыхъ назначеніе было выпускать своихъ воспитанниковъ не писарями, а вольноопредѣляющимися въ полки. Писарей же въ настоящее время готовятъ сами войска.

дѣльныхъ частей и разныхъ другихъ ему извѣстныхъ лицъ. Всѣ полученные отзывы которыхъ было 400, не сказали ни одного слова въ пользу Корпусовъ, а согласны были въ томъ, что эти заведенія требуютъ немедленной реформы. Тогда только былъ учрежденъ комитетъ для ихъ преобразованія. Въ составъ комитета вошли членами лица съ выдающимися педагогическими способностями, какъ напримѣръ генералъ-адъютантъ Даниловичъ, состоящій въ настоящее время при Его Императорскомъ Величествѣ Государѣ Императорѣ. Если взять во вниманіе, что военный министръ Милютинъ, обладая недюжиннымъ умомъ образованіемъ и способностями, заботился исключительно о пользѣ дѣла и что онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ не угожденія его взглядамъ, а откровеннаго выраженія мнѣній, къ которымъ, какія бы они ни были, онъ всегда относился съ уваженіемъ и вниманіемъ, то вѣрность отзывовъ данныхъ спрошенными лицами, изъ которыхъ большая часть сами получили воспитаніе въ Корпусахъ, не можетъ подлежать сомнѣнію *).

По возвращеніи нашемъ изъ за границы, здоровье жены моей не улучшилось: врачи единогласно объявили, что для нея вреденъ Петербургскій климатъ и что мы должны уѣхать въ центральныя губерніи Россіи. Почувствовавъ въ то время особый интересъ къ воспитательному дѣлу и изучивъ его, сколько могъ, теоретически (чему не мало способствовали мои занятія въ комитетѣ по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства), я рѣшился поѣхать къ генералу Исакову и просить его дать мнѣ мѣсто въ военно-учебномъ вѣдомствѣ. Его превосходительство предложилъ назначить меня начальникомъ Воронежскаго училища военнаго вѣдомства. Я согласился и черезъ два мѣсяца, не окончивъ моихъ занятій въ комитетахъ, уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Воронежъ.

*) Въ Воспоминаніяхъ моихъ подъ заглавіемъ: *Двѣнадцать лѣтъ молодости*, въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 года, я привелъ много фактовъ изъ жизни Корпусовъ, которые наилучшимъ образомъ подтверждаютъ вѣрность отзывовъ.

VIII.

Въ Воронежѣ. — Воронежское училище военнаго вѣдомства. — Генералъ-ревизоръ.— Воспитанники Воронежскаго училища.—Управленіе Воронежскимъ училищемъ.

Приступая къ описанію моей педагогической дѣятельности, я долженъ сказать, что, не бывши никогда ни преподавателемъ, ни воспитателемъ, я не имѣлъ никакой опытности въ дѣлѣ воспитанія; но теоретически я успѣлъ съ нимъ ознакомиться по лучшимъ въ то время педагогическимъ сочиненіямъ. Я зналъ, что лица, съ которыми мнѣ придется служить въ училищѣ военнаго вѣдомства, не имѣютъ никакого понятія о воспитаніи и что мнѣ предстоитъ упорная борьба съ рутиной и кантонистскими преданіями; но, обладая достаточной энергіей, я боялся не борьбы, а не имѣлъ увѣренности въ себѣ. Докторъ Комбъ сказалъ: „Если хочешь воспитывать, то сдѣлайся прежде самъ тѣмъ, чѣмъ желаешь сдѣлать своего питомца". Песталоци всю жизнь свою посвятилъ дѣлу воспитанія, и на памятникѣ, ему воздвигнутомъ въ Ивердюнѣ и открытомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1890 года, для лучшей его характеристики, сдѣлана надпись: „Все для другихъ, ничего для себя". Если только при этихъ условіяхъ, думалъ я, можно ожидать успѣха въ дѣлѣ воспитанія, то въ состояніи ли я буду его имѣть? Мысль эта меня немало тревожила; но я старался успокоить себя тѣмъ, что отъ меня всегда зависитъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто болѣе меня способному. Многіе не совѣтовали мнѣ оставлять службу въ артилеріи, гдѣ я прослужилъ около 25

лѣтъ; а генералъ Баранцевъ сказалъ мнѣ, что онъ очень сожалѣетъ, что я ухожу отъ него; но судьба моя была рѣшена: я чувствовалъ неодолимое желаніе испытать себя на педагогическомъ поприщѣ и уѣхалъ изъ Петербурга безъ всякаго о немъ сожалѣнія.

По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ я принялъ училище и нашелъ его въ такомъ ужасномъ положеніи, котораго не ожидалъ даже. Оно занимало три дома. Въ двухъ казенныхъ домахъ, находившихся на горѣ, въ неаольшомъ другъ отъ друга разстояніи, помѣщены были роты; а третій домъ, подъ горой, нанимавшійся для класныхъ помѣщеній отстоялъ отъ ротныхъ домовъ болѣе чѣмъ на полверсты. Такимъ образомъ воспитанники должны были ежедневно и во всякую погоду ходить въ классы за полверсты и возвращаться назадъ; мостовой въ то время не было; нерѣдко случалось, что грязь была чуть не по колѣна и воспитанники придя въ классы, сидѣли все время съ мокрыми ногами. Если прибавить къ этому, что классный домъ находился въ болотистой мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствовали лихорадки, то станетъ понятно, отчего лазаретъ всегда былъ полонъ больными воспитанниками. Но умирать въ лазаретѣ имъ воспрещалось: приказано было всѣхъ больныхъ отправлять въ городскую больницу, гдѣ они находились безъ всякаго надзора и гдѣ подчасъ, выздоравливая отъ одной болѣзни, заражались другою *). Училище состояло изъ 300 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на двѣ роты, которыми завѣдывали ротные командиры; кромѣ ротныхъ командировъ въ каждой ротѣ было по одному офицеру. Въ то время, когда я принялъ училище, болѣе $^1/_3$ воспитанниковъ были изъ дворянъ,

*) Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, у одного воспитанника открылась рана на ногѣ: его отправили въ больницу и положили въ камеру больныхъ сифилисомъ, отъ которыхъ онъ заразился этой болѣзнью. Случай этотъ такъ меня возмутилъ, что я самъ сталъ ѣздить въ больницу, чтобы слѣдить за лѣченіемъ воспитанниковъ и кромѣ того посылалъ туда почти ежедневно казначея училища Турскаго, человѣка очень добраго и исполнительнаго, который сообщалъ мнѣ всѣ сдѣланныя имъ замѣчанія о положеніи воспитанниковъ въ больницѣ.

большею частію выгнанныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній; изъ числа же не-дворянъ было немало семинаристовъ, исключенныхъ изъ семинарій. При той неблестящей карьерѣ, которую давали училища военнаго вѣдомства, конечно, нельзя было ожидать лучшаго состава воспитанниковъ. Учителями были бывшіе воспитанники училищъ, окончившіе курсъ въ учительскихъ классахъ и считавшіеся въ унтеръ-офицерскомъ званіи; они получали въ мѣсяцъ по пяти рублей жалованья, нѣкоторые изъ нихъ были женатые; по прослуженіи въ должности учителя опредѣленнаго числа лѣтъ (какого?—не помню) ихъ производили въ классные чины, и тогда жалованье имъ увеличивалось. Въ то время, когда я принялъ училище, изъ 12 учителей было только три чиновника, изъ которыхъ двумъ было около 70 лѣтъ. На пищу воспитанниковъ, кромѣ солдатскаго пайка, состоявшаго изъ муки и крупы, отпускалось по 5 копѣекъ въ день на каждаго. На освѣщеніе зданій ничего не отпускалось, но приказано было освѣщать ихъ изъ экономіи отъ дровъ, которыя получались натурою отъ земства. Требованіе освѣщать зданія изъ экономіи отъ дровъ было ужасной нелѣпостью; оно заставляло училище торговать дровами; а между тѣмъ земство заявило, что оно обязано отпускать дрова не по положенію (одну однополѣнную сажень на печку), а по дѣйствительному расходу, и требовало ежемѣсячно сообщать управѣ о дѣйствительномъ расходѣ дровъ; такимъ образомъ приходилось или лгать земству, увеличивая цифру расхода дровъ, или оставлять зданіе безъ освѣщенія. Вообще все положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, учрежденныхъ по закрытіи кантонистскихъ школъ, было составлено такъ, что точное и добросовѣстное его исполненіе было невозможно. Бывшій при мнѣ инспекторъ классовъ Буйновскій говорилъ мнѣ, что такое положеніе создано было не случайно, а намѣренно, съ тою цѣлью чтобы начальниковъ училищъ, которые не будутъ давать взятокъ управленію училищъ, держать подъ страхомъ преданія суду за неисполненіе правилъ Высочайше утвержденнаго положенія. На расходы по классной части, то есть на покупку учебниковъ,

бумаги, чернилъ, перьевъ, грифельныхъ досокъ и пр., отпускалось около 1 р. 50 к. въ годъ на каждаго воспитанника, вслѣдствіе чего учебниковъ покупалось очень мало и давалось по одному на 10 учениковъ.

Изъ прошлой жизни училищъ до передачи ихъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, Буйновскій разсказывалъ мнѣ много курьезныхъ случаевъ. Приведу здѣсь одинъ изъ нихъ. Училища составляли отдѣльное вѣдомство, котораго начальникъ пользовался огромными правами: его всѣ боялись и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы ему угодить. Объѣзжая училища онъ громилъ начальниковъ училищъ, называя ихъ чуть не дураками, говорилъ имъ *ты*, заставлялъ зимою ходить съ нимъ по всѣмъ помѣщеніямъ, находящимся на дворѣ въ однихъ мундирахъ и т. п. Вообще онъ былъ грозою своихъ подчиненныхъ; но менѣе всего онъ обращалъ вниманіе на учебную часть. Чтобы уяснить, до чего доходило раболѣпство передъ нимъ служащихъ, Буйновскій разсказалъ мнѣ такой эпизодъ. Наканунѣ своего пріѣзда въ Воронежъ, онъ далъ знать, что будетъ смотрѣть училище на другой день. Встревоженные этимъ извѣстіемъ и не зная, въ которомъ часу онъ пріѣдетъ, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, всѣ принялись за самыя спѣшныя приготовленія къ его пріему; между прочимъ вымыли полы и, боясь, что они не успѣютъ высохнуть до его пріѣзда, начальникъ училища приказалъ раздѣть голыми воспитанниковъ и положить ихъ на сырые полы, полагая, что отъ животной теплоты они скорѣе просохнутъ. Трудно повѣрить подобному безобразію; но разсказъ Буйновскаго мнѣ подтвердили нѣкоторые учителя, бывшіе свидѣтелями этого распоряженія.

По пріемѣ училища я обратилъ вниманіе прежде всего на воспитательную и учебную части. Все воспитаніе, какъ оказалось, основано было на розгахъ, другихъ наказаній не было; изъ приказной книги я узналъ, что сѣкли почти каждый день,

о чемъ отдавалось въ приказахъ по училищу. Учебная часть была ниже всякой критики; изъ учителей я нашелъ только четыре человѣка нѣсколько развитыхъ и съ нравственной стороны весьма хорошихъ; остальные ничего не знали и не понимали. Такъ напримѣръ, въ классѣ Географіи одинъ учитель при мнѣ объяснялъ воспитанникамъ, что въ Австріи господствующая религія Лютеранская. Когда я ему замѣтилъ, что это объясненіе не вѣрно, онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ: „Австрія входитъ въ составъ Германской Имперіи, а всѣ Нѣмцы—Лютеране; какая же можетъ быть религія въ Австріи, какъ не Лютеранская?“ Въ классѣ Русскаго языка, учитель, поправляя диктантъ воспитанника, написалъ *свѣдѣніе* съ буквою *е* послѣ д; когда я ему сказалъ, что слѣдуетъ писать *ѣ*, а не *е*, онъ мнѣ возразилъ, что *паденіе* пишется съ буквою *е*, слѣдовательно и свѣдѣніе должно писаться съ тою же буквой. Подъ диктовку воспитанники писали обыкновенно не на бумагѣ, которой давалось очень мало, а на грифельныхъ доскахъ; чистописаніе, на которое бы слѣдовало обратить особенное вниманіе въ школахъ, готовящихъ писарей, было весьма плохо; грифельныя доски портили почеркъ воспитанниковъ а на бумагѣ они писали рѣдко въ виду ея сбереженія. Когда я пожелалъ видѣть учебники, которыхъ давалось по одному на 10 человѣкъ, то нѣкоторыхъ не нашли, а другіе были съ вырванными листами. Вообще впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ перваго знакомства съ училищемъ, было весьма тяжелое. Хозяйственная часть была не лучше учебной и воспитательной. Мундировъ у воспитанниковъ было по пяти, изъ которыхъ два совершенно новые лежали въ цейхгаузѣ; сапогъ же было по двѣ пары, изъ которыхъ одну они носили въ заплатахъ. Столъ былъ весьма плохъ, чаю вовсе не давали; экономіи отъ муки, отпускавшейся по солдатскому положенію, было весьма мало, а безъ этой экономіи, при отпускѣ по 5 коп. въ день на воспитанника, невозможно было улучшить пищу воспитанниковъ. Экономіи отъ муки было мало, потому что всѣ служащіе въ училищѣ получали хлѣбъ съ кухни воспитанниковъ; а нѣко-

торые изъ нихъ, какъ напримѣръ ротные каптенармусы, откармливали имъ своихъ свиней.

Уяснивъ себѣ въ подробности грустное положеніе училища, я рѣшился, не ожидая предстоящаго преобразованія, принять мѣры къ улучшенію воспитательной и учебной частей заведенія, о чемъ предупредилъ инспектора классовъ, прося его помочь мнѣ въ этомъ. Инспекторъ классовъ былъ человѣкъ развитой, но лѣнивый и болѣзненный; вся его помощь мнѣ выразилась въ полномъ одобреніи моихъ взглядовъ и въ обѣщаніи не противодѣйствовать мнѣ; вліянія же на служащихъ онъ никакого не имѣлъ.

Составляя планъ моихъ будущихъ дѣйствій, я совершенно неожиданно получилъ оффиціальное извѣщеніе, что въ скоромъ времени пріѣдетъ, для ревизіи училища, бывшій начальникъ училищъ военнаго вѣдомства, генералъ-лейтенантъ Р...., который въ то время занималъ должность инспектора военно-учебныхъ заведеніи и состоялъ при военномъ министрѣ. Зная по разсказамъ Буйновскаго, до какой степени Р..... бывалъ грубъ и дерзокъ съ начальниками училищъ, я боялся, что не въ состояніи буду себя сдержать и стану отвѣчать такими же дерзостями, которыя могутъ повести меня къ преданію суду. Я ожидалъ со страхомъ его пріѣзда и былъ, наконецъ, извѣщенъ, что онъ пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ и желаетъ меня видѣть. Я надѣлъ полную форму и тотчасъ же поѣхалъ къ нему съ рапортомъ. Входя въ волненіи въ его номеръ и обдумывая, какъ я долженъ поступить, если онъ мнѣ скажетъ ты, я рѣшился отвѣчать ему тѣмъ же; но немало было мое удивленіе, когда, увидавъ меня, онъ протянулъ мнѣ руку и самымъ любезнымъ образомъ выразилъ мнѣ удовольствіе со мной познакомиться и свое сожалѣніе, что я не хотѣлъ къ нему заѣхать въ Петербургѣ, когда былъ назначенъ начальникомъ Воронежскаго училища; затѣмъ онъ просилъ меня прислать къ нему для письменныхъ занятій адъютанта училища и назначилъ

смотръ училищу на другой дерь въ 9 часовъ утра. За часъ до его пріѣзда я былъ уже въ 1-й ротѣ, гдѣ были построены всѣ воспитанники въ мундирахъ. Буйновскій мнѣ говорилъ, что бывшіе начальники училищъ встрѣчали Р....го обыкновенно у воротъ; но въ виду сильнаго холода въ этотъ день и за неимѣніемъ въ законѣ никакого указанія, гдѣ я долженъ былъ встрѣчать, я остался въ ротѣ и встрѣтилъ его при входѣ въ комнату у дверей; онъ снова подалъ мнѣ руку, поздоровался съ воспитанниками и велѣлъ имъ раздѣться голыми. По исполненіи его приказанія, онъ велѣлъ ихъ снова построить и, подходя по очереди къ каждому, осматривалъ внимательно все тѣло и затѣмъ заставлялъ открывать рты и оскаливать зубы. Обойдя всѣхъ воспитанниковъ и осмотрѣвъ ихъ рты, онъ спросилъ меня: чистятъ ли они зубы порошкомъ? Вопросъ этотъ поставилъ меня въ тупикъ. Я ему сказалъ, что, принявъ недавно училище, я не успѣлъ еще обратить вниманіе на чистку зубъ и не знаю, какъ они ихъ чистятъ. Тогда онъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ командиру первой роты; этотъ отвѣчалъ ему, что да. Приказавъ воспитанникамъ одѣваться онъ подозвалъ къ себѣ дядьку и сказалъ ему, чтобы онъ принесъ ему порошокъ. Дядька, вытянувшись въ струнку, выпучилъ глаза и спросилъ: „какой прикажете, ваше превосходительство?“ Тотъ, которымъ воспитанники чистятъ зубы, отвѣчалъ Р...ой, „Такого у насъ нѣтъ, ваше превосходительство“. Эти слова дядьки вызвали потокъ брани ротному командиру, такъ что я рѣшился, наконецъ, за него заступиться и объяснилъ Р...му, что я виноватъ не менѣе ротнаго командира тѣмъ, что не сдѣлалъ никакого распоряженія о покупкѣ порошка для чистки зубъ. Генералъ смягчился и сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ этого ротнаго командира и что если бъ онъ остался начальникомъ училищъ военнаго вѣдомства, то непремѣнно его выгналъ бы изъ училища.

Не буду описывать дальнѣйшихъ подробностей осмотра гегенерала Р....го; скажу только, что, кромѣ этого случая, онъ

всѣхъ хвалилъ, всѣмъ оставался доволенъ и заѣхалъ даже ко мнѣ съ визитомъ, говоря, что онъ пріѣхалъ меня поблагодарить за отличное состояніе училища и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ моей женой, отца которой, сенатора Мороза, онъ очень хорошо зналъ. Я его пригласилъ къ себѣ обѣдать, и мы разстались друзьями. Передъ его отъѣздомъ, онъ мнѣ прислалъ копію съ его отчета военному министру объ осмотрѣ училища. Въ отчетѣ было столько мнѣ похвалъ, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ могъ найти что либо хорошее въ училищѣ, когда въ немъ было все дурно; а еще болѣе меня удивило, что все найденное имъ хорошее онъ приписалъ мнѣ, тогда какъ я принялъ училище не болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Впослѣдствіи, когда я былъ директоромъ Орловской Военной Гимназіи, онъ былъ проѣздомъ въ Орлѣ и заѣхалъ ко мнѣ, увѣряя, что онъ очень меня любитъ. Затѣмъ я его видѣлъ еще одинъ разъ въ Петербургѣ, въ пріемной военнаго министра, когда, бывши уже въ отставкѣ, я былъ избранъ Калужскимъ дворянствомъ для ходатайства объ открытіи въ г. Калугѣ Военной Гимназіи, и тутъ онъ меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями. Престранный былъ этотъ человѣкъ! Если бы онъ былъ женщиной, то на немъ исполнились бы стихи Пушкина:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.

Особенное вниманіе и благосклонность ко мнѣ генерала Р....го значительно возвысили мой авторитетъ въ глазахъ служащихъ въ училищѣ; они предположили во мнѣ такую силу, которой противостоять невозможно и отъ которой зависитъ ихъ судьба. Воспользовавшись такимъ настроеніемъ моихъ подчиненныхъ, я пригласилъ ихъ въ педагогическій комитетъ и объяснилъ, что я хорошо знакомъ съ тѣми реформами, которыя ожидаютъ училища военнаго вѣдомства, но въ виду печальнаго положенія Воронежскаго училища я считаю необходимымъ ввести нѣкоторые изъ этихъ реформъ прежде ихъ узаконенія. Затѣмъ я объяснилъ, что я долженъ обратить ихъ

вниманіе главнымъ образомъ на тѣлесныя наказанія, которыя, по моему мнѣнію, не только не исправляютъ нравственности воспитанниковъ, но портятъ ее. Человѣкъ, сказалъ я, живетъ не однимъ тѣломъ; онъ живетъ тѣломъ и духомъ, и главное вниманіе воспитателя должно быть обращено на развитіе душевныхъ силъ. Можетъ ли же розга развивать эти силы? Розга можетъ только возбудить страхъ и тѣмъ заставить воспитанника не дѣлать того, что̀ запрещено; но уничтожить въ немъ стремленіе къ запрещенному и возбудить желаніе его не дѣлать она не въ силахъ; нравственность же заключается именно въ томъ, чтобы человѣкъ былъ хорошъ не изъ боязни къ палкѣ, а изъ отвращенія ко всему дурному; если же въ немъ нѣтъ этого отвращенія, то палка можетъ сдѣлать его іезуитомъ, но никакъ не честнымъ человѣкомъ. Нельзя назвать не-воромъ того человѣка, который не крадетъ, потому что не имѣетъ возможности воровать, а того, кто гнушается воровства и кто ставитъ уваженіе къ себѣ выше всѣхъ благъ міра. Развивъ болѣе подробно высказанныя мной мысли, я вывелъ заключеніе, что тѣлесныя наказанія составляютъ зло, которое должно быть уничтожено въ училищѣ; прибѣгать къ нему, по моему мнѣнію, можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда неразвитость мальчика вслѣдствіе его возраста или другихъ причинъ исключаетъ возможность примѣнить къ нему другія воспитательныя средства. Инспекторъ классовъ поддержалъ мой взглядъ и нѣсколько сказанныхъ имъ словъ окончилъ такъ: „Русская пословица говоритъ: за битаго двухъ небитыхъ даютъ; но ее надобно понимать въ томъ же смыслѣ, который имѣютъ и нѣкоторыя другія Русскія пословицы, какъ напримѣръ: что̀ за честь, когда нечего ѣсть, или: изъ чести шубы не сошьешь и т. п.“ По окончаніи засѣданія комитета, въ которомъ никто не возражалъ ни мнѣ, ни инспектору классовъ, я замѣтилъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ остался очень недоволенъ моимъ рѣшеніемъ прекратить сѣченіе розгами. На другой день онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что 25 воспитанниковъ ушли безъ спроса изъ училища и неизвѣстно, гдѣ находятся. Я спросилъ

его: какая можетъ быть причина такого страннаго явленія? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что они дозволили себѣ сдѣлать это своеволіе, потому что узнали о моемъ рѣшеніи уничтожить тѣлесныя наказанія. Изъ этихъ словъ я понялъ, что уходъ воспитанниковъ былъ демонстраціей противъ меня, можетъ быть, имъ же подготовленною, и потому сказалъ ему, что ротнаго командира, который не можетъ справиться съ своей ротой безъ помощи розги, я считаю неспособнымъ командовать ротой, о чемъ и донесу начальству, если подобный проступокъ воспитанниковъ повторится въ другой разъ. Ознакомившись ближе съ ротными командирами, я убѣдился, что они, за исключеніемъ командира 2-й роты неспособны быть воспитателями и будутъ служить мнѣ тормазами, въ дальнѣйшемъ развитіи придуманныхъ мной мѣръ улучшенія, вслѣдствіе чего я рѣшился расширить кругъ дѣятельности учителей, поручивъ имъ воспитательскія обязанности; ротнымъ же командиромъ я предоставилъ только строевыя занятія.

Выбравъ изъ учителей восемь наиболѣе развитыхъ и порядочныхъ молодыхъ людей, я раздѣлилъ обѣ роты на восемь отдѣленій и каждому изъ нихъ поручилъ по отдѣленію.

Воспитанники ходили въ домъ, гдѣ находились классы, только по утру; послѣ же обѣда они проводили все время въ ротахъ, гдѣ не было отдѣлено помѣщеній для приготовленія ими уроковъ и гдѣ находясь безъ всякаго надзора, они шумѣли, кричали· прыгали и тѣмъ лишали возможности даже самыхъ прилежныхъ изъ нихъ заняться своими уроками, если же прибавить къ этому, что учебники, раздаваемые на 10 человѣкъ по одному, нерѣдко совсѣмъ изчезали или приходили въ негодность, то станетъ понятнымъ, отчего учебная часть не могла идти хорошо; выпускаемые писаря не только подчасъ плохо писали, но нѣкоторые съ трудомъ даже могли читать.

Раздѣливъ роты на отдѣленія, отъ 35 до 45 человѣкъ въ

каждомъ, я назначилъ отдѣльныя комнаты въ ротныхъ домахъ для приготовленія уроковъ и обязалъ учителей являться каждое послѣ-обѣда въ свое отдѣленіе и, въ теченіе не менѣе двухъ часовъ, заниматься съ воспитанниками приготовленіемъ уроковъ, требуя въ это время полной тишины.

Учителя, какъ я выше сказалъ, получали въ мѣсяцъ жалованья всего по пяти рублей; конечно они не могли жить на эти деньги и, чтобы пополнить свой расходный бюджетъ, давали въ городѣ уроки. По собраннымъ мной свѣдѣніямъ оказалось, что только одинъ изъ нихъ получалъ за частные уроки около 15 рублей въ мѣсяцъ*); остальные же не выручали и 10 рублей. Возложивъ на учителей лишнія обязанности и необязательный для нихъ трудъ, я этимъ лишалъ ихъ чуть не куска хлѣба, который они зарабатывали частными уроками. Въ виду этого, я имъ назначилъ по 10 рублей въ мѣсяцъ добавочнаго жалованья изъ суммъ училища, которыя, я надѣялся, останутся въ экономіи по нѣкоторымъ статьямъ расходной смѣты; нри этомъ я обѣщалъ значительно его увеличить тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ съ наибольшимъ успѣхомъ исполнять возложенные на нихъ обязанности. Учителя были въ восторгѣ отъ моего распоряженія, имѣя возможность, не бѣгая по городу для розыска частныхъ уроковъ, получать въ опредѣленное время ту сумму которую они считали maximum'омъ своего заработка. Ротные же командиры были мной недовольны, потому что, расширивъ дѣятельность учителей, я этимъ выразилъ болѣе довѣрія къ этимъ послѣднимъ, чѣмъ къ нимъ; но еще болѣе вознегодовали, когда надзоръ за занятіями учителей, которыхъ они считали ротными унтеръ-офицерами имъ подчиненными, я поручилъ не имъ, а инспектору классовъ. Для пользы дѣла, я не могъ поступить иначе. Командиръ 2-й роты Соколовскій, молодой человѣкъ, переведенный въ училище изъ Петербурга, понялъ это и отнесся ко мнѣ съ сочувствіемъ, но два субалтернъ-офи-

*) Калашниковъ, дававшій уроки въ домѣ губернскаго акцизнаго начальника Сафонова.

цера вскорѣ оставили службу въ училищѣ. Я не нашелъ нужнымъ представлять другихъ лицъ къ замѣщенію ихъ должностей въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени преобразованія училищъ, при которомъ военный строй заведеній долженъ былъ значительно измѣниться. Для дальнѣйшихъ улучшеній учебной части необходимо было увеличить отпускъ бумаги для занятій и купить учебники въ такомъ количествѣ, чтобы каждый воспитанникъ имѣлъ свою книгу. Наконецъ, я нашелъ нужнымъ улучшить и хозяйственную часть и началъ съ того, что приказалъ давать воспитанникамъ ежедневно чай по утру и вечеромъ.

Всѣ сдѣланныя мной улучшенія потребовали конечно немало денегъ. Разсматривая бюджетъ училища, я полагалъ возможнымъ сберечь нужную сумму для этихъ расходовъ изъ слѣдующихъ статей: 1) У воспитанниковъ, какъ я говорилъ, было по пяти мундировъ, изъ которыхъ два лежали новые въ цейхгаузѣ, слѣдовательно шить имъ еще мундиръ въ этомъ году не представлялось никакой надобности; сбереженіе это должно было составить около двухъ тысячъ рублей. 2) Выходъ двухъ офицеровъ изъ училища и незамѣщеніе ихъ другими офицерами долженъ былъ образовать остатокъ отъ личнаго состава около 1000 рублей. 3) Я получалъ въ безотчетное разпоряженіе, на мелкій ремонтъ зданій, 1200 рублей въ годъ, а считалъ возможнымо израсходовать не болѣе 500 рублей. Кромѣ этихъ статей могли быть остатки и отъ дровъ, и отъ холста, котораго отпускали воспитанникамъ для шитья бѣлья болѣе чѣмъ нужно было, и отъ найма прислуги, которая въ Воронежѣ была очень дешева въ то время. Сообразивъ предстоящіе расходы и экономію, которая могла быть сдѣлана, я нашелъ, что ея будетъ совершенно достаточно для предположенныхъ мной улучшеній и даже можетъ быть остатокъ, который я рѣшилъ употребить на награды лучшимъ воспитанникамъ. Но всѣ мои соображенія остановлены были препятствіемъ, о которомъ я забылъ и котораго не принялъ во вниманіе. По положенію учи-

лицъ я не имѣлъ права переводить расходы изъ одной статьи смѣты въ другую; власть эта принадлежала Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Хотя я былъ почти увѣренъ, что мнѣ не откажутъ въ санкціи сдѣланныхъ мной распоряженій, такъ какъ они клонились исключительно къ пользѣ заведенія, но тѣмъ не менѣе я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы лично объяснить необходимость предположенныхъ мной мѣръ.

По упраздненіи Управленія Училищъ Военнаго Вѣдомства, всѣ дѣла были переданы въ Управленіе Военно-учебныхъ заведеній. Во главѣ этихъ дѣлъ стоялъ какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ, переведенный изъ Управленія училищъ и привыкшій смотрѣть на начальниковъ училищъ свысока. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я узналъ, что генерала Исакова въ Петербургѣ нѣтъ, и явился къ его помощнику генералу Корсакову, который, выслушавъ мои объясненія, послалъ меня для переговоровъ къ вышесказанному дѣйствительному статскому совѣтнику. Этотъ господинъ, прочитавъ мой рапортъ, въ которомъ я просилъ о переводѣ по смѣтѣ расхода изъ одной статьи въ другую, очень важно замѣтилъ, что начальники училищъ, въ особенности тѣ, которые только что назначены, не должны умничать. Я ему отвѣчалъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ начальниковъ училищъ, которые считаютъ своимъ долгомъ заботиться о пользѣ заведенія, имъ ввѣреннаго и если онъ такія заботы называетъ умничаньемъ и тѣмъ лишаетъ меня возможности исполнить мой долгъ, то я на такой службѣ оставаться не могу. Сказавъ это, я ушелъ отъ него и рѣшился подать въ отставку; но, увидавъ полковника Лалаева, который состоялъ при генералѣ Исаковѣ и завѣдывалъ училищами, я перемѣнилъ мое намѣреніе, такъ какъ въ теченіе трехъ дней все мной просимое было исполнено. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я накупилъ массу учебниковъ, которые привезъ въ Воронежъ на радость инспектора класовъ и учителей.

Ободренный первымъ успѣхомъ въ моей педагогической

дѣятельности, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, по возвращеніи въ Воронежъ, что всѣ сдѣланныя мной реформы даютъ хорошіе результаты. Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія не только не увеличило числа проступковъ, но значительно ихъ уменьшило, учителя занимаются съ воспитанниками безупречно хорошо; родители же воспитанниковъ не знаютъ какъ меня благодарить за улучшеніе содержанія ихъ дѣтей. Только командиръ 1-й роты смотритъ на меня угрюмо и сердито; но воспитанники его роты не уходятъ болѣе безъ спроса.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Говоря одинъ разъ съ инспекторомъ классовъ, я узналъ, что нѣкоторые учителя очень интересуются изученіемъ педагогики и хотятъ просить меня дать имъ для прочтенія какое-нибудь педагогическое сочиненіе по моему выбору. Такая любознательность учителей меня очень порадовала и внушала мнѣ мысль самому бесѣдовать съ ними о воспитаніи и изложить главныя основанія Педагогики. Инспекторъ классовъ одобрилъ мою мысль; я назначилъ для моихъ бесѣдъ одинъ вечеръ въ недѣлю по Субботамъ, и предложилъ всѣмъ желающимъ приходить меня слушать въ назначенное мной для этого помѣщеніе. Бесѣды мои продолжались около трехъ мѣсяцевъ; я изложилъ въ нихъ главныя основанія Педагогики и далъ общія понятія о Дидактикѣ. Приноравливаясь къ тогдашнимъ понятіямъ о воспитаніи, я старался указать въ моихъ бесѣдахъ, что наказывать и награждать значитъ дресировать, а не воспитывать, что воспитаніе разумныхъ существъ требуетъ иныхъ мѣръ, иныхъ средствъ, дресировка же безъ помощи этихъ мѣръ губитъ нравственно дѣтей. Передъ началомъ моихъ бесѣдъ я просилъ моихъ слушателей останавливать меня, если имъ покажется что либо мной сказанное непонятнымъ, и затѣмъ предлагать мнѣ вопросы и дѣлать возраженіе. Желаніе мое было исполнено. Помню, что на одной изъ бесѣдъ, учитель Ѳедоровъ, только что переведенный изъ Сибирскаго училища, спросилъ меня: можетъ ли и долженъ ли сынъ уважать отца, который не заслуживаетъ ува-

женія? Затѣмъ тотъ же Ѳедоровъ предложилъ мнѣ такой вопросъ: какъ долженъ поступить воспитатель, если воспитанникъ не сознáется въ своемъ проступкѣ и если нѣтъ явныхъ уликъ, что онъ его сдѣлалъ? Вопросы эти были весьма важны; категорическаго отвѣта на нихъ нельзя было дать, вслѣдствіе этого возбудились пренія, въ которыхъ приняли участіе и другіе учителя. Я былъ очень доволенъ слушать эти пренія, такъ какъ я могъ изъ нихъ уяснить себѣ взгляды и степень развитія говорившихъ. Желая придать моимъ бесѣдамъ съ учителями семейный характеръ, я приказалъ подавать чай и просилъ всѣхъ курить.

Впослѣдствіи, когда я вышелъ въ отставку, читанныя мной *Бесѣды о воспитаніи* были напечатаны отдѣльной книжкою. Состоя членомъ и одно время предсѣдателемъ Мещевскаго Училищнаго Совѣта, я пожертвовалъ всѣ напечатанные экземпляры въ пользу народныхъ школъ этого уѣзда и передалъ ихъ бывшему въ то время Мещевскому предводителю дворянства Николаю Васильевичу Рагозину.

IX.

А. И. Шеле.—Воронежское общество.—4 Апрѣля 1866 года.

Скажу нѣсколько словъ о Воронежскомъ обществѣ того времени. Губернаторомъ былъ князь Трубецкой, котораго всѣ любили за его любезность и за общительный, всегда веселый характеръ. Жена его, урожденная Пещурова, была женщина умная, но довольно болѣзненная и рѣдко посѣщавшая общество. Они жили очень тихо и скромно. Затѣмъ была въ Воронежѣ очень богатая особа (кажется вдова, не имѣвшая дѣтей) А. И. Шеле, которая поставила себѣ задачей соединять, угощать и веселить все общество. У нея почти ежедневно бывали вечера или обѣды. Радушіе и гостепріимство, съ которыми она всѣхъ принимала, пріобрѣли ей общія симпатіи. Какъ женщина вполнѣ добрая, она желала сдѣлать всѣмъ пріятное; такъ напримѣръ, приглашая на свои маленькіе вечера нѣсколько семействъ, она непремѣнно выбирала тѣ, которыя были между собой короче знакомы. Если пріѣзжало въ Воронежъ новое лице, она дѣлала тотчасъ большой вечеръ и знакомила это лице со всѣмъ Воронежскимъ обществомъ. Конечно, у нея были нѣкоторыя странности, какъ напримѣръ, зная довольно плохо по французски, она любила писать Французскія записки, и написала одинъ разъ моей женѣ приглашеніе *на чашку чая* такимъ образомъ: „Venez chez moi pour une tasse de thé“. Разсказывали также, что, дѣлая большіе обѣды, она сажала за столъ по чинамъ, и передъ тѣми лицами, которыя сидѣли выше, ста-

вились вина болѣе дорогія, чѣмъ въ концѣ стола. Но какъ бы то ни было, этой добрѣйшей женщинѣ Воронежъ былъ обязанъ веселой и пріятной жизнью, которой въ другихъ губернскихъ городахъ не было.—Другія лица, съ которыми я болѣе коротко познакомился были: жандармскій полковникъ Кавалинскій, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, котораго любилъ весь Воронежъ за то добро, которое онъ дѣлалъ; къ нему обращались со всевозможными просьбами, и не было случая, когда бы онъ отказалъ принять просьбу; но надобно сказать, что, пользуясь его добротой, ему предъявлялись иногда престранныя просьбы. Такъ напримѣръ, при мнѣ пришли къ нему нѣсколько крестьянъ пригородной слободы и объяснили, что священникъ не хочетъ вѣнчать свадьбы, требуя 10 рублей, а они не могутъ дать болѣе 5 рублей, между тѣмъ женихъ убилъ уже барана, и они боятся, чтобы отъ долгаго лежанія баранъ не испортился. Кавалинскій тотчасъ поѣхалъ къ архіерею, и свадьба состоялась въ тотъ же день. Въ другой разъ, къ нему является жена одного чиновника и проситъ развести ее съ мужемъ, говоря, что мужъ согласенъ на разводъ. Кавалинскій, какъ онъ мнѣ говорилъ, зналъ, что причина просьбы о разводѣ была самая пустая, а потому, желая помирить мужа съ женой, онъ объяснилъ ей, что разводъ возможенъ, но съ тѣмъ, чтобы она уѣхала въ Архангельскъ, а мужъ въ Иркутскъ; если же они на это не согласны, то должны при немъ помириться. Конечно миръ состоялся въ тотъ же день.—Затѣмъ, въ числѣ нашихъ знакомыхъ, съ которыми мы видались очень часто, были семейства комисаріатскаго полковника Штакельберга, уѣзднаго предводителя дворянства Сапрунова, предсѣдателя губернской Земской Управы Астафьева, помѣщиковъ Бедряги, Муравьева и, наконецъ, директора Воронежской Военной Гимназіи Винклера.

Разскажу нѣкоторые эпизоды изъ Воронежской жизни, которые остались у меня въ памяти.

У насъ былъ вечеръ, на который собрался весь нашъ кру-

жекъ. Муравьевъ, будучи спиритомъ, съ паѳосомъ разсказывалъ, какъ онъ вызвалъ Пальмерстона, который въ то время только что умеръ, и объяснялъ намъ, что̀ именно онъ говорилъ съ нимъ. Въ концѣ разговора вошелъ Штакельберъ. Когда Муравьевъ окончилъ свой разсказъ, Штакельбергъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Я зналъ, что Потаповъ былъ проѣздомъ въ Воронежѣ, но о томъ, что Пальмерстонъ посѣтилъ нашъ городъ я ни отъ кого не слыхалъ“. Всѣ расхохотались.

Кавалинскій былъ большой шутникъ, а подчасъ и насмѣшникъ. Познакомившись у А. И. Шеле съ женой чиновника Д..., только что назначеннаго по особымъ порученіямъ къ губернатору, онъ замѣтилъ, что у нея былъ огромный носъ, такой же какъ у него. Дѣлая на другой день визиты, онъ заѣхалъ къ намъ и объявилъ, что онъ очень опечаленъ. „До сихъ поръ, сказалъ онъ, въ Воронежѣ не было соперника моему носу, но, увидавъ вчера г-жу Д...., я долженъ сознаться, что ея носъ перещеголялъ мой“. Разсказъ этотъ разошелся по городу и былъ причиною, что между супругами Д........ и Кавалинскимъ установились холодныя отношенія.

Со мной и архіереемъ былъ такой случай. Преосвященный Серафимъ имѣлъ обыкновеніе не давать цѣловать руку лицамъ, которымъ онъ хотѣлъ выказать свое вниманіе: обыкновенно онъ ихъ цѣловалъ въ губы. Въ Воронежѣ было въ то время четыре полковника, всѣ довольно старые и сѣдые, мнѣ же былъ 41 годъ, и я казался моложе этихъ лѣтъ. Всѣ полковники пользовались привиллегіей цѣловать архіерея въ губы, мнѣ же онъ подносилъ свою руку прямо къ губамъ; кромѣ того всѣмъ полковникамъ онъ дѣлалъ визиты и приглашалъ къ себѣ на завтраки, которые онъ устраивалъ во всѣ большіе праздники, меня же приглашать онъ посылалъ монаха. Такое неравенство отношеній архіерея ко мнѣ и къ другимъ полковникамъ мнѣ показалось страннымъ, и я пересталъ ѣздить

къ нему на завтраки. Прошло около двухъ лѣтъ какъ совершенно неожиданно я получилъ телеграмму о производствѣ меня въ генералъ-маіоры. Слухъ объ этомъ распространился по городу тотчасъ же, а на другой день, къ удивленію моему я увидалъ у моего подъѣзда карету архіерея. Онъ вошелъ ко мнѣ, держа икону въ рукахъ, благословилъ ею, поздравилъ съ производствомъ и напечатлѣлъ на моихъ губахъ очень крѣпкій поцѣлуй. Тутъ я понялъ, какъ пріятно быть генераломъ.

Въ Воронежѣ былъ кружекъ спиритовъ, во главѣ котораго стоялъ корпусный командиръ генералъ Безобразовъ; но въ то время когда мы пріѣхали, Безобразова уже не было, нѣкоторые другіе члены также разъѣхались; остался только Муравьевъ, который, для пополненія своего кружка знакомился со всѣми новопріѣзжими и употреблялъ всѣ усилія, чтобы увлечь ихъ въ спиритизмъ. По пріѣздѣ нашемъ онъ сталъ къ намъ ѣздить почти каждый день, привозилъ толстыя тетради и читалъ то что ему говорили разные покойники. Въ то время у насъ гостила моя сестра, пріѣхавшая изъ Москвы. Замѣтивъ, что она кашляетъ, онъ предложилъ ей вызвать какаго-то знаменитаго доктора, не за долго передъ тѣмъ умершаго и спросить, какое онъ посовѣтуетъ ей лѣкарство. Она согласилась. Онъ пріѣхалъ на другой день и объявилъ, что вызванный имъ докторъ совѣтуетъ ей пить ежедневно по чашкѣ липоваго цвѣту, но не горячаго, а холоднаго. Она его поблагодарила и разсмѣялась. Въ тоже время онъ бывалъ часто у одного помѣщика Нечаева, жившаго въ Воронежѣ и только что женившагося на молодой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, на которую разсказы Муравьева производили сильное впечатлѣніе. Мужъ, боясь, чтобы она не увлеклась спиритическими бреднями, предложилъ ей испытать правдивость Муравьева. Увидавъ его, она притворилась очень огорченною письмомъ, увѣдомлявшимъ ее о смерти одной подруги, которую она очень любила; при этомъ она описала Муравьеву эту подругу, какъ дѣвушку серьозную, удалявшуюся отъ свѣтскихъ удовольствій и занимавшуюся спи-

ритизмомъ. На самомъ же дѣлѣ, эта дѣвушка была очень веселаго характера, любила свѣтъ, надъ спиритизмомъ смѣялась и вовсе не думала умирать. Выслушавъ Нечаеву, Муравьевъ уѣхалъ домой и въ тотъ же день пріѣхаль снова и объяснилъ Нечаевой, что онъ вызывалъ ея подругу, говорилъ съ ней очень много и между прочимъ, она просила передать своей милой Annette (такъ звали Нечаеву), что она была очень счастлива въ жизни, и этимъ счастьемъ обязана была тому, что занималась спиритизмомъ, вслѣдствіе чего она умоляетъ Annette, которую любила и любитъ всей душой, послѣдовать ея примѣру. При этихъ словахъ мужъ Нечаевой вошелъ въ комнату и подалъ женѣ письмо отъ подруги, которую она считала умершей, но о смерти которой ее извѣстили ошибочно. Муравьевъ сконфузился, уѣхалъ и, кажется, прекратилъ свои визиты Нечаевымъ.

На званныхъ вечерахъ въ Воронежѣ пили обыкновенно очень много вина; случалось, что и высшіе губернскіе сановники уѣзжали домой въ весьма веселомъ расположеніи духа. Съ однимъ изъ этихъ сановниковъ былъ такой случай. Уѣзжая съ вечера, онъ сѣлъ въ свою карету, задремалъ и, когда карета остановилась у его подъѣзда, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Кучеръ, бывшій въ свою очередь на веселѣ, постоялъ нѣсколько секундъ у подъѣзда и, думая, что его баринъ вышелъ, въѣхалъ на дворъ, вдвинулъ карету въ сарай и, заперевъ его, ушелъ спать. Каково же было удивленіе сановника, когда онъ проснулся къ утру и увидалъ себя запертымъ въ своемъ собственномъ сараѣ! Этотъ случай составилъ на долго тему для городскихъ пересудовъ.

Въ Воронежѣ жилъ богатый помѣщикъ Вигель. У него была огромная коллекція фотографическихъ карточекъ всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ людей и всѣхъ дамъ полусвѣта во всевозможныхъ видахъ и позахъ. Коллекцію эту онъ составилъ за границей и продолжалъ ее пополнять въ Россіи. Вскорѣ

послѣ Каракозовскаго покушенія, Бедряга долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Вигель просилъ его достать ему непремѣнно карточку Каракозова. Бѣдряга обѣщалъ, но карточки не досталъ, и, по возвращеніи, ради шутки, далъ ему свою карточку, увѣряя, что это карточка Каракозова. Вигель очень обрадовался и, взглядываясь въ карточку, съ злобой сказалъ: „Какое звѣрское лице; такъ и видно, что злодѣй!“ Всѣ расхохотались. Вигелю шутка эта не понравилась, но онъ вполнѣ успокоился, когда Бедряга подарилъ ему карточку очень декольтированной женщины, на которой было написано: Diane de Poitier.

Каракозовское покушеніе произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ Воронежскихъ жителей. Какъ только извѣстіе объ этомъ злодѣйскомъ умыслѣ распространилось по городу, всѣ церкви наполнились молящимися, служились благодарственныя молебствія, на всѣхъ улицахъ толпился народъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышались звуки народнаго гимна и крики: Ура! Нѣкоторымъ лицамъ изъ нашего кружка пришла въ голову мысль отпраздновать чудесное спасеніе царя-освободителя народнымъ праздникомъ. Тотчасъ же предложена была подписка, выбраны были распорядители и составлена программа праздника. По подпискѣ собрано было, сколько я помню, около трехъ тысячъ рублей; распорядителями избрали Сафонова (губернскаго акцизнаго начальника), Сапрунова (уѣзднаго предводителя дворянства), Астафьева (предсѣдателя губернской Земской Управы), Бедрягу, меня и еще кого-то. Рѣшено было устроить праздникъ на плацу близь Кадетскаго Корпуса. Въ три или четыре дня всѣ приготовленія были окончены: на плацу поставлены столы съ пирогами и мясными закусками, привезены бочки съ водкой, врыты столбы для призовъ, наняты два оркестра музыки, которые должны были играть цѣлый день, устроенъ театръ съ маріонетками и съ какимъ-то фокусникомъ; для интеллигентной же публики разбита была большая палатка, взятая въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ которой

былъ приготовленъ завтракъ и шампанское. Праздникъ назначенъ былъ въ Воскресенье; собрались толпы народа не только изъ городскихъ жителей, но и изъ сосѣднихъ деревень. Ура! гремѣло цѣлый день; водки выпито было огромное количество, но особенно пьяныхъ не было; распорядители оставались на плацу до вечера и слѣдили за порядкомъ; народъ съ пѣснями сталъ расходится только тогда, когда начало темнѣть. Я пріѣхалъ домой разбитый отъ усталости; праздникъ продолжался отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. За завтракомъ было выпито много шампанскаго, и передъ каждымъ тостомъ произносились спичи; мнѣ пришлось сказать спичъ и предложить тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича.

X.

Холера въ Воронежѣ.--Закрытіе Воронежскаго училища.

Принимая мѣры къ улучшенію положенія училища, я имѣлъ много занятій; но эти занятія не мѣшали мнѣ поддерживать связи знакомства съ Воронежскимъ обществомъ. Мой день распредѣлялся обыкновенно такимъ образомъ: въ 10 часовъ утра я шелъ въ канцелярію, гдѣ адъютантъ дѣлалъ мнѣ докладъ; послѣ доклада я собиралъ довольно часто хозяйственный комитетъ для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ; изъ комитета я ходилъ въ классы и къ тремъ часамъ возвращался домой. Въ это время къ намъ пріѣзжали знакомые. или я уѣзжалъ дѣлать визиты. Послѣобѣденное время было совершенно свободное; я посвящалъ его чтенію газетъ, журналовъ и семейнымъ дѣламъ. Вечеромъ, если мы съ женой не были куда-нибудь приглашены и если у насъ никого не было, я заѣзжалъ на полчаса на занятія учителей съ воспитанниками, или въ больницу, если тамъ были больные воспитанники, и затѣмъ отправлялся въ клубъ, гдѣ я былъ выбранъ старшиной-распорядителемъ. Изъ клуба я возвращался не позднѣе 12 часовъ и до 2 хъ часовъ занимался чтеніемъ серьозныхъ книгъ или писалъ мои Бесѣды о воспитаніи. Такая дѣятельная жизнь была вполнѣ по моему характеру; я былъ ею доволенъ какъ потому, что сознавалъ пользу мной приносимую, такъ и потому, что не только служащіе въ Училищѣ, но и все Воронежское общество относилось ко мнѣ съ сочуствіемъ и съ расположеніемъ.

Воронежскій Статистическій Комитетъ избралъ меня своимъ членомъ и прислалъ мнѣ дипломъ. Чтобы отблагодарить комитетъ за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, я взялъ на себя очень трудную и сложную работу, о которой будетъ сказано ниже.

15 Августа 1866 года въ Воронежѣ открылась сильная холера и продолжалась ровно два мѣсяца до 15 Октября. Бывало, до 10 и болѣе похоронъ сталкивались на перекресткахъ улицъ. Городъ впалъ въ уныніе, доктора потеряли голову; въ особенности поразила всѣхъ смерть молодой женщины 20 лѣтъ, только что вышедшей замужъ за прокурора, котораго фамиліи не припомню. Въ восьмомъ часу вечера она гуляла здоровая и веселая въ Ботаническомъ саду, окруженная большимъ обществомъ, которое пригласила къ себѣ пить чай; во время чая она почувствовала боли въ желудкѣ, а въ 11 часовъ ея уже не было на свѣтѣ. Въ то время говорили, что многихъ воспитанниковъ Военной Гимназіи вылѣчили отъ холеры шампанскимъ; какъ только заболѣла молодая женщина, ее стали поить этимъ виномъ, но оно не помогло, и послѣ ея смерти увѣряли, что она умерла отъ того, что выпила много шампанскаго. Похоронныя процессіи, встрѣчаемыя ежедневно на всѣхъ улицахъ, возбудили такой страхъ передъ холерой, что нѣкоторые съ убѣжденіемъ говорили, будто половина городскихъ жителей сдѣлалась ея жертвой. Говоря объ этихъ преувеличенныхъ толкахъ съ губернаторомъ и замѣтивъ его желаніе опредѣлить точнымъ образомъ число умершихъ отъ холеры, я предложилъ ему, какъ членъ Статистическаго Комитета, взять этотъ трудъ на себя. Два мѣсяца я собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ умершихъ. Прежде всего я обратился ко всѣмъ священникамъ приходскихъ церквей и просилъ ихъ дозволить моему писарю сдѣлать выписку изъ ихъ книгъ о скончавшихся отъ холеры. Писарь составилъ мнѣ имянной списокъ, который я провѣрилъ по книгамъ кладбищенской церкви; затѣмъ я просилъ всѣ правительственныя учрежденія, учебныя заведенія, монастыри,

больницы, военныя части и полицію доставить мнѣ списки умершихъ отъ холеры; наконецъ, я объявилъ, что тотъ дворникъ дома, который явится ко мнѣ и сообщитъ, кто въ его домѣ умеръ холерой, получитъ отъ меня отъ 20 до 40 коп., смотря по разстоянію дома отъ моей квартиры. Получивъ такимъ образомъ массу именныхъ списковъ (въ которыхъ нѣкоторые покойники были записаны не одинъ разъ), я просидѣлъ около мѣсяца надъ ихъ провѣркой и распредѣлилъ ихъ въ категоріи по полу, возврасту и сословіямъ. Оказалось, сколько я помню, умершихъ отъ холеры, нѣсколько болѣе 2000 человѣкъ, что при 40 тысячномъ населеніи города составляетъ 5%. Губернаторъ остался очень доволенъ и выразилъ мнѣ благодарность отъ имени Статистическаго Комитета.

Въ концѣ зимы 1866 года меня извѣстили изъ Петербурга, что новое положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, которыя предположено было назвать Военными Начальными Школами, уже составлено и въ скоромъ времени послѣдуетъ распоряженіе о введеніи его въ дѣйствіе. Ожидая съ нетерпѣніемъ этого распоряженія, я былъ, какъ громомъ пораженъ, получивъ изъ Управленія Военно-учебныхъ Заведеній увѣдомленіе, что Воронежское училище должно быть въ скоромъ времени закрыто, а воспитанники его будутъ переведены въ другія заведенія того же типа. Причинами закрытія училища выставлялись невозможность оставить его въ тѣхъ неудобныхъ зданіяхъ, которыя оно занимало и неимѣніе денегъ для постройки новаго дома; ротные же дома училища рѣшено было отдать Министерству Юстиціи, для устройства въ нихъ помѣщенія для Окружнаго Суда, который долженъ былъ открыться черезъ годъ. Извѣстіе о закрытіи училища мнѣ было непріятно не потому, что мнѣ предстояло остаться безъ мѣста (я былъ уже не разъ въ такомъ положеніи и никогда о томъ не горевалъ), но потому что видя въ училищѣ (въ томъ видѣ какъ оно было) созданіе моего труда, мнѣ было горько съ нимъ разстаться; горько было думать что всѣ мои заботы и хлопоты о немъ должны безслѣд-

но пропасть; наконецъ, мнѣ жаль было разстаться съ воспитанниками и служащими, которыхъ довѣріемъ и расположеніемъ я пользовался и для дальнѣйшей судьбы которыхъ я ничѣмъ не могъ быть полезенъ. Вскорѣ изъ Управленія Военноучебныхъ Заведеній я получилъ другую бумагу съ подробнымъ объясненіемъ распоряженій, которыя должны быть сдѣланы по поводу закрытія училища, Нѣкоторое имущество воспитанниковъ, какъ желѣзныя кровати, предписано было передать въ Воронежскую Военную Гимназію, а другое ихъ имущество должно быть продано по оцѣнкѣ, сдѣланной городскими оцѣнщиками: канцелярію же со всѣми дѣлами и архивовъ велѣно было сдать въ управленіе губернскаго воинскаго начальника. Воспитанники подлежали переводу въ другія училища, преимущественно въ Псковское, куда я долженъ былъ ихъ отправить въ концѣ лѣта партіями; партіи съ дядьками и всѣми вещами воспитанниковъ должны были ѣхать на подводахъ въ сопровожденіи учителей или офицеровъ по моему назначенію.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были Управленіемъ Военноучебныхъ Заведеній, (которое въ это время было переименовано въ Главное Управленіе Военно-учебныхъ Заведеній) въ началѣ лѣта 1866 года. Въ это время воспитанники находились въ лагерѣ, а я жилъ на дачѣ въ Ботаническомъ саду, рядомъ съ лагеремъ. Служащіе были очень опечалены предстоявшимъ закрытіемъ училища, такъ какъ они должны были остаться за штатомъ на общемъ основаніи, а родители воспитанниковъ были вь отчаяніи разстаться съ своими сыновьями, не зная что̀ ихъ ожидаетъ; нѣкоторые изъ нихъ приходили ко мнѣ и со слезами просили, чтобы я не оставлялъ ихъ дѣтей. Но что же я могъ для нихъ сдѣлать? Я кочечно утѣшалъ родителей, а самому было очень грустно.

Въ одно Воскресенье я сидѣлъ въ саду у себя на дачѣ. Вижу, идетъ ко мнѣ мужикъ съ окровавленной головой. Я спросилъ что ему нужно? Ваши воспитанники меня убили, отвѣчалъ

онъ грубымъ и пьянымъ голосомъ. Изъ распросовъ оказалось, что онъ былъ караульщикомъ орѣшника, принадлежавшаго городу и прилегавшаго одной стороной къ лагерю. Три воспитанника, по его словамъ, забрались въ орѣшникъ и когда онъ на нихъ закричалъ, они бросились на него и палкой проломили голову. Я тотчасъ же пошелъ въ лагерь; дежурный учитель сидѣлъ въ своей палаткѣ и ничего не зналъ о случившемся. Приказавъ построить роты, я сдѣлалъ перекличку; оказалось, что всѣ были на лице. Зная, какъ трудно добиться сознанія виновныхъ, когда они могутъ скрыться за массой, я тѣмъ не менѣе рѣшился поговорить съ воспитанниками и, подойдя къ нимъ, сказалъ, что, завѣдуя училищемъ болѣе 1½ года, я сдѣлалъ все что могъ, чтобы улучшить ихъ положеніе и облагородить ихъ сердца; теперь отъ нихъ зависитъ доказать, что они поняли меня и что мои попеченія о нихъ не остались безслѣдны. Затѣмъ я объяснилъ имъ, что не только малолѣтніе, но и взрослые бываютъ подвержены слабостямъ и увлеченіямъ, но что обязанность каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сознаваться въ этихъ слабостяхъ и увлеченіяхъ; а потому я выразилъ надежду, что, прощаясь со мной, они не захотятъ меня огорчить и не откажутся сказать, кто билъ сторожа? Говоря это, я былъ такъ взволнованъ, что голосъ мой дрожалъ и слезы навертывались на глаза. Едва я кончилъ говорить, какъ три воспитанника, плача навзрыдъ, подошли ко мнѣ и объявили, что они были въ орѣшникѣ, что пьяный сторожъ схватилъ одного изъ нихъ и сталъ бить; тогда, они желая отнять у сторожа своего товарища, ударили его палкой по головѣ. Это сознаніе меня такъ обрадовало, что я готовъ былъ разцѣловать сознавшихся; но, руководствуясь, принципомъ, что сознаніе должно имѣть смыслъ раскаянія, а не разсчета на безнаказанность, я ихъ отправилъ подъ арестъ, но впослѣдствіи отъ души ихъ поблагодарилъ за то удовольствіе, которое они мнѣ сдѣлали своимъ сознаніемъ. И такъ, если въ теченіе 1½ года, я достигъ въ дѣлѣ воспитанія такихъ блестящихъ результатовъ, то, по моему убѣжденію, я былъ

обязанъ этимъ уничтоженію постыднаго тѣлеснаго наказанія и развитію въ сердцахъ воспитанниковъ того благороднаго самолюбія, которое служитъ наилучшимъ средствомъ для нравственнаго развитія.

Наканунѣ отбытія воспитанниковъ въ другія училища, я сдѣлалъ имъ и служащимъ обѣдъ и пригласилъ нѣкоторыхъ моихъ городскихъ знакомыхъ, какъ напримѣръ Кавалинскаго, Бедрягу и другихъ. Обѣдъ былъ самый задушевный; я былъ глубоко тронутъ расположеніемъ, которое мнѣ выражено было служащими и воспитанниками; эти послѣдніе донесли меня на рукахъ изъ лагеря, гдѣ былъ обѣдъ, до моей дачи. Наконецъ училище опустѣло, все имущество было продано, и я остался безъ всякаго дѣла, ожидать приказа объ оставленіи меня за штатомъ.

Въ это время въ Воронежской губерніи вводились мировыя учрежденія. Губернскій предводитель дворянства Сомовъ и нѣкоторые вліятельные земцы выразили мнѣ желаніе, чтобы я остался въ Воронежѣ и обѣщали полное свое содѣйствіе къ избранію меня участковымъ мировымъ судьей.

Эта новая предстоящая мнѣ дѣятельность была для меня не непріятна. Разсчитывая на обѣщанное мнѣ избраніе, я нанялъ домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго предпоеожилъ сдѣлать камеру судьи, а въ верхнемъ этажѣ помѣстился съ семействомъ; затѣмъ, купивъ Судебные Уставы, началъ ихъ изучать.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Въ Воронежъ пріѣхалъ, для осмотра Воронежской Военной Гимназіи, генералъ Исаковъ, пригласилъ меня къ себѣ и спросилъ: что̀ я имѣю въ виду дѣлать по оставленіи меня за штатомъ? Я ему высказалъ откровенно мои намѣренія и просилъ его, если возможно, произвести меня въ генералъ-маіоры, передъ увольненіемъ въ отставку. Онъ мнѣ отвѣчалъ уклончиво. По отъѣздѣ его, я вскорѣ

заболѣлъ корью, а жена моя коклюшемъ. (Престранное дѣло, что у меня и у жены приключились болѣзни, которыя бываютъ только въ дѣтскомъ возрастѣ). Едва оправившись, я получилъ севершенно неожиданно телеграмму, что я произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ скоромъ послѣ того времени, ко мнѣ заѣхалъ губернаторъ князь Трубецкой и передалъ мнѣ письмо ко мнѣ отъ генерала Исакова. Привожу это письмо дословно.

„3-го Января 1867 года. Милостивый государь Григорій Дмитріевичъ! Директоръ Орловской Военной Гимназія генералъ-маіоръ Бушенъ получаетъ другое назначеніе. Заведеніе доведено имъ до такого состоянія, что я бы желалъ его ввѣрить, съ особой осторожностью, лицу вполнѣ и искренне привязанному къ дѣлу воспитанія юношества и раздѣляющему мое воззрѣніе на цѣль нашей работы. Я предлагаю это мѣсто вамъ: если вы согласны, прошу мнѣ телеграфировать вашъ отвѣтъ.

„Самое замѣщеніе должно совершиться въ концѣ Января: вамъ нужно будетъ не теряя времени, отправиться частнымъ образомъ въ Орелъ, пожить тамъ дней 10 и ознакомится хорошенько съ внутренней жизнью заведенія. Генералъ-маіоръ Бушенъ теперь здѣсь и черезъ 10 дней будетъ въ Орлѣ и, зная о предположеніи моемъ, натурально все вамъ объяснить въ подробности и со всѣми познакомитъ. Оттуда вы проѣдете чрезъ Москву, гдѣ ознакомитесь подробно съ 2-й Московской Военной Гимназіей, генералъ-маіоръ Мезенцовъ вамъ вполнѣ будетъ содѣйствовать; осмотрѣвъ также и 1-ю гимназію, пріѣдете въ Петербургъ, гдѣ нужно будетъ ознакомиться со здѣшними заведеніями и переговорить со мной. Все вы сдѣлаете какъ частное лицо, и конечно съ такимъ характеромъ вы не встрѣтите нигдѣ препятствій.

„Ожидая телеграфическаго извѣщенія отъ васъ, каково бы ни было ваше рѣшеніе на мое предложеніе, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Н. Исаковъ.“

Письмо генерала Исакова меня очень обрадовало, какъ потому, что я видѣлъ изъ него, что мои труды были оцѣнены, такъ и потому, что, любя дѣло воспитанія, я имѣлъ возможность продолжать мою педагогическую дѣятельность. Изъявивъ телеграммой согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и исполнивъ все, что мнѣ было указано въ письмѣ генерала Исакова, я уѣхалъ изъ Воронежа въ Орелъ со всѣмъ моимъ семействомъ въ концѣ Февраля 1867 года.

XI.

Переходъ на службу въ Орелъ.—Военныя Гимназіи.—Н. В. Исаковъ.—Директорство въ Орловской Военной Гимназіи.—Воспитательскіе Комитеты.—А. И. Филатовъ. Заслуги Н. В. Исакова.

Описаніе моей дѣятельности, какъ директора Орловской Бахтина Военной Гимназіи представляетъ для меня нелегкую задачу. Хвалить все что было я немогу по совѣсти, а выражать неодобреніе нѣкоторымъ существовавшимъ порядкамъ и лицамъ, которыя большею частію живы, должно неминуемо возбудить ихъ неудовольствіе; тѣмъ не менѣе я рѣшился выполнить эту задачу съ той правдивостью и искренностью, которыя свойственны моему характеру, и пусть будутъ мной недовольны, но никто меня не упрекнетъ въ отступленіи отъ истины.

Трудно было найти человѣка съ болѣе честнымъ и благороднымъ направленіемъ, какъ Николай Васильевичъ Исаковъ, поставленный во главѣ Военно-учебныхъ Заведеній. Онъ имѣлъ самыя благія намѣренія и хорошо понималъ, что учебныя заведенія, въ которыхъ царствуютъ ложь и обманъ снизу до верху, не могли развивать въ сердцахъ юношей тѣ благородныя чувства, которыми долженъ быть преисполненъ каждый честный гражданинъ и офицеръ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на выборъ лицъ, которымъ должно быть ввѣрено воспитаніе молодаго поколѣнія. Учредивъ должности воспитателей, онъ дѣлалъ все, что могъ для улучшенія ихъ персонала;

начальниками же учебныхъ заведеній онъ старался назначать лицъ, сочувствовавшихъ его направленію и любившихъ дѣло воспитанія. Но къ сожалѣнію выборъ лицъ, служившихъ въ его центральномъ управленіи, былъ не совсѣмъ удаченъ; между ними были такія личности, которыя не только не сочувствовали взглядамъ Николая Васильевича, но и критиковали его дѣйствія и своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу тормозили самыя благія его начинанія. Одно изъ этихъ лицъ говорило мнѣ съ досадою, что генералъ Исаковъ видитъ въ немъ не больше какъ старшаго писаря, вслѣдствіе этого дѣлаетъ престранныя распоряженія. Другія лица, хотя и выражали сочувствіе взглядамъ главнаго начальника В. У. З.; но сочувствіе это крылось не въ ихъ убѣжденіяхъ, а въ желаніи угодить начальнику. Отъ этого происходило не разъ явно противорѣчіе между словами генерала Исакова и требованіями его Главнаго Управленія. Всѣ относились съ полнымъ уваженіемъ къ Николаю Васильевичу Исакову, но никто не любилъ его Главнаго Управленія. Директоръ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій заболѣлъ довольно серьезно; всякое волненіе считали для него опаснымъ, и потому, прежде всего ему запретили читать бумаги, получаемыя изъ Главнаго Управленія.

Нельзя также отнестись съ похвалами и къ нѣкоторымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ инспектировать Военныя Гимназіи. Они высказывали не рѣдко самыя противоположныя мнѣнія; такъ напримѣръ одинъ изъ ревизоровъ расхвалилъ до небесъ въ Орловской Военной Гимназіи учителя Русскаго языка Жижина, а другой нашелъ его никуда негоднымъ; одному ревизору не понравилось, что воспитанники даютъ театральныя представленія, а другой одобрилъ этотъ родъ развлеченій. Былъ случай, что одинъ ревизоръ, желая ближе ознакомиться съ дѣятельностью директора, разспрашивалъ о немъ его подчиненныхъ, говоря съ каждымъ по секрету; а другой, сказавъ директору, что онъ служитъ 28 лѣтъ и не видалъ заведенія, въ которомъ была бы лучше поставлена воспитательная часть, какъ въ томъ

которымъ онъ завѣдуетъ, по возвращеніи въ Петербургъ, перемѣнилъ свое мнѣніе и говорилъ другое. Если бы ревизоры, инспектируя Военныя Гимназіи, выражали одни и тѣже взгляды и предъявляли одинаковыя требованія, то инспекціи ихъ были бы очень полезны для заведеній: директора могли бы сообразоваться съ сдѣланными замѣчаніями и исправлять все дурное и ошибочное; кромѣ того правильныя и безпристрастныя инспекціи могли бы уединобразить прохожденіе курса въ разныхъ гимназіяхъ, а то выходило, что въ каждой гимназіи было свое распредѣленіе курса по классамъ, и воспитанникъ, переведенный изъ одной гимназіи въ другую, не имѣлъ въ томъ же классѣ знаній, требуемыхъ въ этой послѣдней гимназіи. Въ особенности рѣзко выражалось различіе программъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ. Въ одной гимназіи Ботаника и Зоологія преподавались параллельно въ одномъ и томъ жѣ классѣ; а въ другой гимназіи Ботаника преподавалась въ одномъ классѣ, а Зоологія въ другомъ. Вообще, учебное дѣло въ Военныхъ Гимназіяхъ было поставлено такъ, что заставляло многаго желать. Скажу по этому поводу еще нѣсколько словъ.

Программы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какими были Военныя Гимназіи, должны быть составлены, по моему мнѣнію, такъ, чтобы проходимый въ нихъ курсъ былъ по силамъ мальчикамъ съ средними способностями. Если же предоставить оканчивать курсъ только самымъ способнымъ, а остальныхъ, которыхъ очень много, выбрасывать изъ заведеній, то отъ этого былъ бы вредъ и для Военнаго Министерства, которое, затрачивая огромныя деньги, получало бы мало офицеровъ, и для исключаемыхъ мальчиковъ, которые, будучи возвращаемы родителямъ, не по ихъ винѣ, составили бы бремя, какъ для этихъ послѣднихъ, такъ отчасти и для государства. Предположимъ даже, что нѣкоторые юноши, не обладающіе большими способностями, но особенно прилежные, могли бы кое-какъ слѣдить за курсомъ и дотянуть до офицерскаго чина; но это быю бы въ ущербъ ихъ здоровью, и изъ нихъ вышли

бы офицеры, неспособные къ физическому труду, который требуется отъ военнослужащихъ. Казалось бы, что такая истина не можетъ подлежать спору; между тѣмъ для Военныхъ Гимназій составлены были программы, расширенныя сравнительно съ программами кадетскихъ корпусовъ, и для прохожденія всего курса назначено было шесть лѣтъ. Конечно невозможность пройти такой громадный курсъ обнаружилась очень скоро. Главное Управленіе, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же прибавить одинъ классъ, или уменьшить курсъ, стало дѣлать опыты для исправленія своихъ ошибочныхъ программъ. Сначала предложено было Военнымъ Гимназіямъ учредить два третьихъ класса, одинъ для болѣе способныхъ учениковъ, а другой для безуспѣшныхъ; затѣмъ дозволено было открыть приготовительный классъ. Распоряженія эти не имѣли обязательнаго характера, а предоставлялись усмотрѣнію гимназій, отъ этого явилась еще большая рознь въ прохожденіи курса въ разныхъ гимназіяхъ. Наконецъ, главное управленіе дѣлало иногда такія перемѣны въ классныхъ программахъ, которыя не могли не отразиться вредно на преподаваніи. Такъ напримѣръ оно перенесло, не предупредивъ гимназіи, прохожденіе одной части Географіи изъ высшаго класса въ нижній; отъ этого произошло, что воспитанники, перешедшіе въ этомъ году изъ низшаго класса въ верхній, не могли пройти этой части Географіи ни въ томъ классѣ, изъ котораго были переведены, ни въ томъ классѣ, въ который перешли. Такая неустойчивость и шаткость во взглядахъ Главнаго управленія на учебное дѣло немало вредили успѣхамъ преподаванія, и прискорбно было то, что, только послѣ 8-ми лѣтнихъ опытовъ, сдѣлано было наконецъ то, съ чего слѣдовало бы начать а именно: изъ 6-ти классныхъ Военныя Гимназіи обращены были въ 7-ми классныя. Много еще указаній я могъ бы сдѣлать на причины, тормозившія учебное дѣло, но приведу два, изъ которыхъ объ одномъ я заявлялъ лицу, инспектировавшему Орловскую Военную Гимназію, а о другомъ представлялъ Главному Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Первое заключалось въ слѣдующемъ. Преподаватели

Военныхъ Гимназій получали плату по числу уроковъ, а потому стремились взять какъ можно болѣе уроковъ; большинство изъ нихъ имѣли по 30 часовъ въ недѣлю, то есть по пяти въ день. Хотя нѣкоторые изъ нихъ сохраняли достаточно физическихъ и умственныхъ силъ, чтобы не утомляться и вести преподаваніе съ такой же энергіей на пятомъ урокѣ, какъ на первомъ, но это были исключенія; вообще же я замѣчалъ на пятомъ урокѣ такую вялость преподаванія, которая не могла не отразиться вредно на успѣхахъ учащихся. Въ Орловской Военной Гимназіи одинъ учитель такъ утомлялся, что, войдя въ классъ на пятомъ урокѣ, черезъ десять минутъ уходилъ въ лазаретъ и возвращался въ классъ передъ самымъ звонкомъ. служившимъ сигналомъ окончанія занятій. Другой учитель, читая воспитанникамъ вслухъ на пятомъ урокѣ, зѣвалъ и не обращалъ вниманія, что никто его не слушаетъ. Это утомленіе и постоянное смотрѣніе на часы учителей передавались невольно ученикамъ и наводили на нихъ не только скуку, но подчасъ и сонъ. Наблюденія эти я дѣлалъ, не сидя въ классѣ, такъ какъ учитель не могъ бы, въ присутствіи директора, вести вяло преподаваніе, а наблюдая за тѣмъ, что̀ дѣлается въ классахъ въ стеклянныя двери, выходившія въ корридоръ. Другое замѣчаніе, мной сдѣланное, относилось до переутомленія*) мальчиковъ. Въ Орловской Военной Гимназіи, а вѣроятно и въ другихъ Военныхъ Гимназіяхъ, по росписанію назначено было пять часовъ классныхъ занятій поутру и три часа послѣ обѣда для приготовленія уроковъ (изъ этихъ трехъ часовъ часть времени удѣлялась танцамъ, гимнастикѣ и строевымъ занятіямъ); такимъ образомъ воспитанники должны были сидѣть ежедневно на одномъ мѣстѣ 7—8 часовъ; большая же часть сидѣла гораздо долѣе, такъ какъ не успѣвала въ положенные часы приготовлять заданныхъ уроковъ. При подвижности дѣтской натуры, такое долгое сидѣніе не могло не от-

*) Въ то время, когда я завѣдывалъ Орловской Военной Гимназіей, терминъ этотъ не существовалъ; но былъ фактъ, на который никто не обращалъ вниманія.

разиться вредно на здоровьѣ воспитанниковъ, въ чемъ я убѣдился, разсматривая лазаретныя вѣдомости за все время существованія Кадетскаго Корпуса и Военной Гимназіи: оказалось, что смертныхъ случаевъ и заболѣваній нѣкоторыми болѣзнями, сравнительно, было болѣе въ Гимназіи, чѣмъ въ Корпусѣ. Обстоятельство это мнѣ показалось весьма важнымъ и, приписывая его переутомленію дѣтей, я предложилъ педагогическому комитету обсудить мѣры, которыя слѣдуетъ принять. Комитетъ, согласившись со мной, что одной изъ причинъ этого явленія была продолжительность умственной работы воспитанниковъ, призналъ весьма полезнымъ уменьшить для 1-го и 2-го классовъ число уроковъ съ 5 на 4. Уменьшеніе же классныхъ занятій и числа часовъ, назначенныхъ для приготовлнння уроковъ въ верхнихъ классахъ, было невозможно вслѣдствіе громадности курса. Журналъ рѣшеній педагогическаго комитета былъ мной отправленъ въ Главное Управленіе, но никакихъ послѣдствій онъ не имѣлъ.

Указывая на недостатки учебной части, справедливость требуетъ сказать, что воспитательная часть Военныхъ Гимназій была поставлена очень высоко.

Громадныя заслуги генерала Исакова заключалась въ томъ, что онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на дѣло воспитанія въ Военныхъ Гимназіяхъ. Во время его управленія тысячи юношей, окончившихъ курсъ въ Военныхъ Гимназіяхъ, обязаны были ему, что они вступили въ самостоятельную жизнь съ самыми честными и благородными стремленіями, усвоенными ими въ заведеніи ихъ воспитавшемъ. Зная, что, въ нравственномъ воспитаніи, хорошій примѣръ служитъ наилучшимъ средствомъ воспитанія, онъ старался уничтожить въ средѣ, окружающей воспитанниковъ, всякую ложь и обманъ, требуя отъ директоровъ полной съ нимъ откровенности и сознанія тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались и которыхъ онъ никогда не ставилъ въ вину, понимая, что всякое дѣло рукъ человѣческихъ

не можетъ быть совершенно. Дѣлая осмотры гимназіяхъ и желая видѣть не показную, а вседневную жизнь заведеній, онъ не придавалъ своимъ посѣщеніямъ никакой оффиціальности, ходилъ по классамъ, разспрашивалъ о нуждахъ заведенія, интересовался самыми мельчайшими подробностями, относящимися къ дѣлу воспитанія, но не обращалъ вниманія на внѣшнюю форму. Такъ, напримѣръ, по вступленіи моемъ въ должность директора Орловской Военной Гимназіи, я разрѣшилъ дежурнымъ воспитателямъ быть въ сюртукахъ и не надѣвать оружія; его превосходительство не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ нововведеніи, которое я сдѣлалъ, можетъ быть, не имѣя на то права. Во всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Исакова было видно благородство чувствъ, и честное отношеніе къ дѣлу. Конечно, его примѣру не могли не слѣдовать директоры военно-учебныхъ заведеній, и если между ними были лица, которыя не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ порядковъ прежняго времени, то во всякомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлались въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ. Недавно мнѣ разсказывали, что у одного начальника воспитательнаго заведенія жена живетъ въ одномъ этажѣ, занимаемаго имъ казеннаго дома, а любовница въ другомъ этажѣ. Подобный фактъ былъ бы невозможенъ при Исаковѣ. При немъ былъ случай, что одинъ директоръ вступилъ въ связь съ невинной молодой дѣвушкой, и онъ былъ тотчасъ же смѣненъ. Невозможенъ былъ бы и отвѣтъ воспитанника, на вопросъ, который я ему сдѣлалъ: доволенъ ли онъ и его товарищи своимъ директоромъ? „Да, сказалъ онъ, мы очень довольны: онъ никогда почти къ намъ не приходитъ“. Воспитанники Военныхъ Гимназій не радовались, а печалились, если не видятъ своего директора. Такъ было при деректорахъ: Бушенѣ, Мезенцовѣ, Слуцкомъ, Симашкѣ, Носовичѣ и другихъ.

Высказавъ мой общій взглядъ на положеніе Военныхъ Гимназій, перейду къ описанію моей дѣятельности въ Орловской Военной Гимназіи.

Пріѣхавъ въ Орелъ я съ первыхъ же дней убѣдился, что мнѣ труднѣе будетъ вести дѣло въ Орловской Военной Гимназіи, чѣмъ я велъ его въ Воронежскомъ училищѣ. Въ гимназіи всѣ служащіе были люди развитые, съ установившимися взглядами и не менѣе меня опытные въ дѣлѣ воспитанія. Желая исключительно пользы заведенія, я не хотѣлъ дѣйствовать начальническими пріемами на тѣхъ изъ нихъ, которые уклоняются отъ моихъ взглядовъ, но не желалъ также поступаться моими убѣжденіями. Весь штатъ воспитателей и преподователей былъ сформированъ моимъ предмѣстникомъ Бушеномъ, который, будучи назначенъ директоромъ Пажескаго Корпуса, обѣщалъ нѣкоторымъ изъ нихъ перевести ихъ въ свой корпусъ; слѣдовательно служба въ Гимназіи ихъ нисколько не интересовала. Другіе, зная, какимъ высокимъ мнѣніемъ пользуется Бушенъ у генерала Исакова, дорожили болѣе своими хорошими отношеніями къ бывшему ихъ начальнику, чѣмъ ко мнѣ— ихъ настоящему директору, и думали, что въ словахъ: „такъ было при Бушенѣ“ должна была заключаться обязательная для меня сила. Къ довершенію моего неудовольствія, инспекторъ классовъ, который могъ бы быть наилучшимъ посредникомъ между мною и служащими, расходился со мною во многихъ взглядахъ и сталъ ко мнѣ въ опозицію. Поставленный такимъ образомъ въ весьма трудное положеніе, я не разъ сожалѣлъ, что не остался въ Воронежѣ между людьми, ко мнѣ расположенными, а взялъ на себя обязанности директора Гимназіи, гдѣ, какъ я ясно видѣлъ, меня хотятъ заставить плясать по чужой дудкѣ; но я такъ былъ убѣжденъ въ вѣрности моихъ педагогическихъ принциповъ, что твердо рѣшился провести ихъ въ жизнь заведеніи, или... выйти въ отставку.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго приведу слѣдующіе факты.

Первый мѣсяцъ моего завѣдыванія Гимназіей я проводилъ большую часть дня въ Гимназіи, слѣдилъ за всѣмъ что дѣлается, читалъ штрафные журналы, распрашивалъ воспитателей о

характерѣ ихъ воспитанниковъ, сидѣлъ на лекціяхъ, говорилъ съ учителями, но ни во что не вмѣшивался и ни на кого не производилъ никакого давленія: я желалъ только ближе ознакомиться съ жизнью заведенія и съ характеромъ лицъ, руководившихъ воспитанниками. Придя, одинъ разъ, въ классъ воспитателя, котораго Бушенъ мнѣ отрекомендовалъ съ отличной стороны, я узналъ, что въ классѣ было накурено. Докладывая мнѣ объ этомъ, воспитатель сказалъ, что, въ виду того, что никто изъ воспитанниковъ не сознался въ куреніи, онъ отправилъ въ карцеръ того воспитанника, у котораго были наиболѣе дурныя отмѣтки въ поведеніи и объявилъ ему, что онъ будетъ сидѣть въ карцерѣ до тѣхъ поръ, покуда не скажетъ кто курилъ, если курилъ не онъ, и откуда взяты папиросы. Я сказалъ воспитателю, что мѣру имъ принятую и считаю непедагогичною, но не вмѣшиваюсь въ его распоряженіе, интересуясь знать, какой получится результатъ. Прошло десять дней, воспитанникъ сидѣлъ въ карцерѣ и не сознавался; наконецъ, воспитатель пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что онъ курилъ окурокъ, который онъ нашелъ въ корридорѣ. Конечно это было не сознаніе, а ложь, къ которой мальчикъ прибѣгнулъ, чтобы не выдать кого-либо изъ своихъ товарищей. Итакъ, мѣра, принятая воспитателемъ, не только не послужила къ исправленію воспитанника, но заставивъ его прибѣгнуть къ обману, внесла нравственную порчу въ его сердце.

Для обсужденія серьезныхъ педагогическихъ вопросовъ и для постановки воспитанникамъ баловъ изъ поведенія, а также для назначенія наказаній за крупные проступки, въ Гимназіи существввалъ педагогическій комитетъ, состоявшій изъ всѣхъ воспитателей, преподавателей и врачей; но кромѣ этого комитета, каждый Понедѣльникъ собирались воспитатели, которые, по предложенію директора, обсуживали мелкіе проступки воспитанниковъ, совершенные въ теченіи недѣли, разсматривали мѣры, принятыя воспитателями и составляли общія правила, для руководства ими какъ воспитателей, такъ и воспитанни-

ковъ. Эти еженедѣльныя совѣщанія, которымъ не велось журналовъ, имѣли частный характеръ и назывались воспитательскими комитетами. Въ одномъ изъ этихъ комитетовъ я предложилъ обсудить, правильна ли мѣра воспитателя, требовавшаго отъ воспитанника, чтобы онъ указалъ своего товарища, виновнаго въ куреніи? При этомъ я объяснилъ, что, по моему мнѣнію, мы должны не уничтожать, а развивать товарищеское чувство въ воспитанникахъ, такъ какъ исправленіе дурныхъ мальчиковъ можетъ совершиться гораздо вѣрнѣе подъ вліяніемъ ихъ товарищей, чѣмъ какими либо другими мѣрами; вслѣдствіе чего я полагалъ, что главная наша забота должна заключаться въ томъ, чтобы дать массѣ хорошее направленіе, достигнуть же этого мы могли только, требуя отъ нея того, что честно и благородно, а не выдачи своего товарища. Относительно же мальчика, посаженнаго въ карцеръ, я указалъ, что мѣру, принятую воспитателемъ, я считаю въ высшей мѣрѣ не педагогическою; его подвергли истязанію (десятидневное одиночное заключеніе я не могу назвать иначе) не за какое либо преступленіе, а за то, что онъ не хотѣлъ выдать своего товарища; я нахожу, что за такое дѣйствіе ему скорѣе нужно прибавить балъ изъ поведенія, а не сбавить его, какъ желаетъ воспитатель. Первымъ мнѣ возражалъ инспекторъ классовъ. Онъ указалъ, что въ настоящее время вводятся новые суды, которымъ сочувствуетъ вся Россія, что эти суды требуютъ отъ каждаго честнаго человѣка не скрывать преступленій, а обнаруживать ихъ, а потому мы должны внушать эти понятія ввѣреннымъ намъ воспитанникамъ. Я ему объяснилъ, что между преступленіемъ и проступкомъ, не затрогивающимъ чести человѣка, а выражающимъ только его легкомысліе, есть большая разница; что если честный человѣкъ не долженъ скрывать вора, то едва ли можно считать его обязаннымъ доносить на товарища, которому случайно попала въ руки запрещенная книга; вообще понятія объ укрывательствѣ и отказѣ отъ показанія на товарища никакъ не совмѣстимы; даже и суды не требуютъ свидѣтельскихъ показаній отъ лицъ, близкихъ къ подсудимому.

Нѣкоторые воспитатели приняли сторону инспектора классовъ, Я прекратилъ пренія, довольствуясь тѣмъ, что я узналъ лицъ, которыхъ взгляды были несогласны съ моими убѣжденіями.

Въ слѣдующій понедѣльникъ я прочелъ въ комитетѣ записку, въ которой изложилъ всѣ сдѣланныя мной замѣчанія относительно дѣйствій воспитателей въ теченіи недѣли и подвергъ эти дѣйствія критическому разбору. Записка эта вызвала бурныя пренія и вынудила меня, вслѣдствіе неумѣстнаго заявленія одного воспитателя, закрыть засѣданіе комитета. Помню, что инспекторъ классовъ сказалъ мнѣ въ этомъ комитетѣ въ видѣ упрека: „Вы управляете Гимназіей уже нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ ни одного воспитанника не посадили подъ арестъ“ (!?)....

Читая журналы педагогическихъ комитетовъ, я нашелъ въ нихъ одно постановленіе, обязывавшее воспитателей читать переписку воспитанниковъ съ ихъ родителями. Признавая подобное правило безнравственнымъ, я рѣшился предложить комитету отмѣнить его. Я объяснилъ, что если мы признаемъ, что въ нравственномъ воспитаніи примѣръ окружающей среды служитъ не только главнымъ, но почти единственнымъ средствомъ воспитанія, то мы всѣ должны строго держаться нравственныхъ принциповъ. Какимъ же образомъ воспитатель, читая письма воспитанниковъ, можетъ имъ внушать, что чтеніе чужихъ писемъ не честно? Нѣтъ сомнѣнія, что такой воспитатель, у котораго дѣло расходится съ словомъ, неминуемо потеряетъ уваженіе воспитанниковъ, а безъ уваженія успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія невозможенъ. Возраженія, сдѣланныя мнѣ инспекторомъ классовъ и нѣкоторыми воспитателями, сводились къ слѣдующимъ тезисамъ, Для успѣха воспитанія, воспитатель долженъ знать хорошо характеръ своихъ воспитанниковъ, а лучшимъ средствомъ для этого можетъ служить чтеніе ихъ письмъ; и затѣмъ, что воспитатель долженъ стоять такъ близко къ своимъ воспитанникамъ, чтобы у этихъ послѣднихъ не было ни одной тайной мысли отъ него. Я замѣтилъ моимъ опонен-

тамъ, что если черезъ чтеніе писемъ воспитанниковъ они думаютъ знакомиться съ ихъ характерами, то цѣли этой они не достигнутъ, такъ какъ воспитанникамъ очень легко направить свою переписку не черезъ Гимназію а черезъ своихъ товарищей, ходящихъ по праздникамъ въ отпускъ *); слѣдовательно воспитатели будутъ читать только тѣ письма, которыя имъ дадутъ сами воспитанники. Кромѣ того, одинъ воспитанникъ въ письмѣ къ своему отцу расхвалилъ своего воспитатиля, зная, что онъ прочтетъ это письмо. Итакъ чтеніе писемъ воспитанниковъ не только не поведетъ воспитателей къ знакомству съ характерами воспитанниковъ, но можетъ развить въ сердцахъ этихъ послѣднихъ безнравственныя стремленія. Что относится до близости воспитателя къ воспитанникамъ, то я полагаю, что воспитатель—не духовникъ, но что если онъ сумѣлъ поставить себя такъ близко къ воспитанникамъ, что они ничего не скрываютъ отъ него, то и безъ существованія какого-либо правила, они могутъ давать ему читать свои письма. Послѣ трехъ-часовыхъ преній мое предложеніе было принято большинствомъ одного голоса.

Послѣ этого комитета, въ Орелъ пріѣхалъ состоявшій при генералѣ Исаковѣ и присланный имъ для осмотра Военной Гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Авиловъ, человѣкъ очень умный и образованный. Я счелъ себя обязаннымъ высказать ему мои взгляды и противодѣйствіе которое я встрѣчаю въ инспекторѣ классовъ. В. В. Авиловъ горячо принялъ мою сторону и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ доказалъ инспектору классовъ ошибочность его сужденій. Поддержка, оказанная мнѣ Авиловымъ, цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, которое начало разстраиваться отъ постоянныхъ нравственныхъ волненій; я удвоилъ энергію и, послѣ двухъ лѣтняго завѣдыванія Гимназіей, могъ съ увѣренностью сказать

*) Я зналъ одного воспитанника, который посылалъ и получалъ письма черезъ посредство своего товарища экстерна.

что сдѣлался полнымъ хозяиномъ заведенія, не поступившись ни однимъ моимъ убѣжденіемъ. Къ удовольствію моему, въ этотъ промежутокъ времени вышли изъ Гимназіи нѣкоторые воспитатели, составлявшіе мнѣ опозицію, а впослѣдствія и инспекторъ классовъ былъ переведенъ въ другую Гимназію. Вновь назначенные мной, на мѣсто выбывшихъ воспитателей, имѣли полное ко мнѣ довѣріе, и дѣло воспитанія пошло превосходно. Объ одномъ изъ новопоступившихъ воспитателей, Алексѣѣ Ивановичѣ Филатовѣ, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Одно изъ отдѣленій 1-го класса было поручено мной воспитателю инженерному подполковнику Иванову, человѣчу очень хорошему, окончившему курсъ въ Инженерной Академіи, но болѣзненному, раздражительному и не имѣвшему никакого призванія къ воспитательной дѣятельности. Отдѣленіе, ему порученное, состояло изъ только что поступившихъ въ Гимназію мальчиковъ, очень рѣзвыхъ, несдержанныхъ и неумѣвшихъ себя держать. Ивановъ ничего не могъ съ ними сдѣлать и былъ въ отчаяніи; щедро расточая наказанія, онъ думалъ ими исправить своихъ питомцевъ, но и наказанія не помогали. Приходя въ его классъ, я постоянно видѣлъ, что нѣсколько мальчиковъ стоятъ на штрафу; затѣмъ, нѣкоторыхъ онъ оставлялъ безъ обѣда. Когда я ему замѣтилъ, что я не могу одобрить его системы воспитанія, онъ меня умолялъ взять у него это отдѣленіе и дать ему другое болѣе взрослое *). Въ это время, въ Гимназію поступилъ новый воспитатель Алексѣй Ивановичъ Филатовъ, который окончилъ курсъ въ Академіи Генеральнаго Штаба и служилъ воспитателемъ въ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій; будучи Орловскимъ помѣщикомъ, онъ просилъ меня ходатайствовать о переводѣ его въ Орелъ. На предложеніе мое Филатову взять отдѣленіе Ивано-

*) Получивъ отдѣленіе болѣе взрослыхъ воспитанниковъ, Ивановъ едва могъ съ нимъ справляться, заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

ва, онъ охотно согласился. Прошло не болѣе $1\frac{1}{2}$ года, отдѣленіе это стало лучшимъ во всей Гимназіи; преподаватели не знали, какъ нахвалиться прилежаніемъ и успѣхами воспитанниковъ; по 10 учениковъ изъ 28 имѣли въ среднемъ выводѣ 10 баловъ и получали ежегодно награды. Дежурные воспитатели были также очень довольны воспитанниками этого отдѣлеоія и, сколько я помню, ни одинъ изъ воспитанниковъ не былъ записанъ въ штрафную книгу. Достигъ Филатовъ такихъ блестящихъ результатовъ не наказаніями (въ теченіи 4-хъ лѣтъ, которыя Филатовъ пробылъ въ Гимназіи, онъ не наказалъ ни одного мальчика), а особенной любовью, которую умѣлъ внушить мальчикамъ. Проводя большую часть дня въ своемъ отдѣленіи, онъ постоянно былъ окруженъ своими питомцами, занималъ ихъ разными разсказами, принималъ участіе въ ихъ играхъ, читалъ имъ вслухъ, и всѣ слушали его съ особеннымъ вниманіемъ. Уѣхавъ одинъ разъ на три дня въ свою деревню, онъ меня просилъ не поручать его отдѣленія другому воспитателю, такъ какъ его воспитанники обѣшали, что они будутъ себя вести также хорошо въ его отсутствіи, какъ при немъ. По возвращеніи его, надо было видѣть радость всего отдѣленія. Одинъ только мальчикъ (сколько помню, Трубчаниновъ) былъ очень печаленъ при встрѣчѣ съ своимъ воспитателемъ; это потому, что въ его отсутствіи онъ не выдержалъ и ударилъ какого-то товарища. Филатовъ покачалъ только головой, и мальчикъ залился горькими слезами, прося прощенія. Въ отдѣленіи Филатова былъ мой сынъ, а потому я зналъ это отдѣленіе лучше другихъ. За такую выдающуюся полезную педагогическую дѣятельность, Филатовъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, получилъ, по моему представленію, Владимира 4-й степени.

Для указанія, какіе отличные результаты получились въ нравственномъ развитіи воспитанниковъ, позволю себѣ привести нѣсколько случаевъ изъ жизни Орловской Военной Гимназіи въ послѣдній годъ моего завѣдыванія ею.

После обѣда воспитанниковъ 1-го и 2-го возрастовъ (болѣе 200 человѣкъ) буфетчикъ собралъ серебряныя ложки и, когда ихъ стали мыть, онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была надломана. Экономъ принесъ мнѣ эту ложку; я передалъ ее воспитателямъ и просилъ узнать, кто изъ воспитанниковъ ее надломалъ. Воспитатели объявили воспитанникамъ о моемъ желаніи, и виновный тотчасъ же сознался, за что просидѣлъ нѣсколько часовъ подъ арестомъ.

Другой случай былъ слѣдующій.

Въ Гимназію пріѣхало для инспекціи одно лицо изъ Главнаго Управленія. Живя въ Орлѣ около двухъ недѣль, этотъ инспекторъ пріѣзжалъ въ Гимназію въ разные часы дня. Пріѣхавъ одинъ разъ послѣ обѣда, когда не было никакихъ занятій, онъ вошелъ во второй возрастъ и услыхалъ, что кто-то свистнулъ. Подозвавъ дежурнаго воспитателя, онъ приказалъ ему узнать, кто свистѣлъ; воспитатель объявилъ объ этомъ воспитанникамъ, и виновный тотчасъ же вышелъ. Воспитатель хотѣлъ послать его подъ арестъ, но инспекторъ простилъ его. Меня не было въ то время въ Гимназіи; когда я пришелъ, инспекторъ сказалъ мнѣ, что онъ служитъ 28 лѣтъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и въ первый разъ видитъ заведеніе, въ которомъ такъ хорошо поставлено воспитаніе. Затѣмъ былъ и такой случай, который можетъ указать, что воспитанники умѣли дѣлать различіе между пустымъ проступкомъ своего товарища и его безнравственнымъ дѣйствіемъ, которое они считали себя обязанными не скрывать, а обнаружить.

Артистка Леонова давала въ Орлѣ, въ Дворянскомъ Собраніи концертъ и прислала 50 входныхъ билетовъ для воспитанниковъ. Воспитанники, большею частію старшаго возраста, отправились въ концертъ съ воспитателемъ. Возрасты въ Гимназіи были совершенно отдѣлены одинъ отъ другаго, такъ что изъ одного возраста въ другой воспитанники ходили по от-

пускнымъ билетамъ. Воспитатели дежурили по возрастамъ и знали только воспитанниковъ того возраста, къ которому принадлежало ихъ отдѣленіе. Одинъ воспитатель младшаго возраста поѣхалъ въ концертъ и, подъѣзжая къ Дворянскому Собранію, увидалъ стоящаго у подъѣзда воспитанника съ папиросой во рту. Не зная въ лице этого воспитанника (такъ какъ онъ былъ старшаго возраста) онъ спросилъ его фамилію и приказалъ ему передать своему отдѣленному воспитателю, что онъ курилъ (у насъ былъ принятъ такой порядокъ). Воспитанникъ назвалъ себя Михайловыхъ. Когда на другой день я пришелъ въ старшій возрастъ, дежурный воспитатель объяснилъ мнѣ, что въ старшемъ возрастѣ оказался воспитанникъ какой-то Михайловъ, котораго никто не знаетъ. Въ то время, какъ я говорилъ съ этимъ воспитателемъ, подошелъ другой и сказалъ, что воспитанники его отдѣленія просили мнѣ доложить о недостойномъ поступкѣ ихъ товарища, который позволилъ себѣ назваться чужой фамиліей, желая скрыть свой проступокъ. Оказалось, что этотъ псевдо-Михайловъ былъ сынъ какого-то полицейскаго чиновника, не задолго передъ тѣмъ поступившій въ Гимназію. Такое строгое къ нему отношеніе товарищей такъ на него подѣйствовало, что онъ заболѣлъ и отправленъ былъ въ лазаретъ.

Описаніемъ вышеизложенныхъ фактовъ я хотѣлъ еще разъ подтвердять вѣрность взгляда, что для нравственнаго развитія юношей требуются не кары, а нравственныя мѣропріятія и что молодыя сердца легко воспринимаютъ все честное и благородное; а розга не только не можетъ облагородить чувствъ, но, уничтожая самоуваженіе, губитъ нравственность. Что генералъ Исаковъ, какъ личность высоконравственная, понималъ это и раздѣлялъ мои гуманные взгляды, я имѣю на то нѣкоторыя указанія. Во первыхъ, посѣщая Орловскую Гимназію почти ежегодно, онъ никогда не высказывалъ мнѣ критики на систему воспитанія, которой я держался и которой онъ не могъ не знать, такъ какъ я никогда ничего отъ него нескрывалъ. По-

томъ былъ такой случай. Въ послѣднемъ классѣ Гимназіи былъ воспитанникъ весьма грубый, неловкій, неуклюжій и притомъ страдавшій печенью; имѣя хорошія способности, онъ учился недурно, но по поведенію онъ проявлялъ иногда грубыя выходки, дѣлавшія его неудобнымъ для воспитанія и для воспитателей. Будучи врагомъ системы исключенія изъ заведенія неудобныхъ для воспитанія мальчиковъ и считая, что возвратъ родителямъ ихъ сыновей долженъ лежать на нравственной отвѣтственности заведенія, которое не умѣло ихъ исправить, я всегда его защищалъ въ педагогическихъ комитетахъ, и онъ кое-какъ дошелъ до старшаго класса. Тутъ онъ сдѣлалъ скверную выходку. Не любя танцевъ, онъ не хотѣлъ дѣлать какія-то па, которыхъ требовалъ танцмейстеръ. Воспитатель приказалъ ему исполнить требованіе танцмейстера, или отправиться въ карцеръ. Онъ предпочелъ послѣднее и, проходя мимо воспитателя, громко и при всѣхъ сказалъ ему: Чортъ! Для поддержанія дисциплины въ массѣ, къ такому проступку нельзя было отнестись снисходительно; я тотчасъ собралъ педагогическій комитетъ, который рѣшилъ отправить его вольноопредѣляющимся въ полкъ. Какъ мнѣ ни жаль было мальчика, которому оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, но для пользы массы я согласился съ комитетомъ и сдѣлалъ представленіе о переводѣ его въ полкъ. Въ это время пріѣхалъ для осмотра Гимназіи генералъ Исаковъ. Воспитателю стало также жаль мальчика, который былъ въ отчаяніи. Онъ научилъ его, съ моего разрѣшенія, обратиться къ ген. Исакову съ просьбой о прощеніи и о приказаніи оставить его въ Гимназіи до окончанія курса. Мальчикъ послушался совѣта воспитателя, а я предупредилъ ген. Исакова о просьбѣ, съ которой къ нему обратится воспитанникъ. Его превосходительство согласился исполнить просьбу воспитанника только съ тѣмъ условіемъ, чтобы воспитатель поручился за его хорошее поведеніе до окончанія курса. Конечно, воспитатель поручился, воспитанникъ окончилъ курсъ, и изъ него вышелъ хорошій офицеръ; я слышалъ, что въ бывшую Болгарскую компанію онъ полу-

чилъ Георгіевскій крестъ. Наконецъ, немалымъ доказательствомъ тому, что генералъ Исаковъ одобрилъ мою гуманную систему воспитанія, можетъ служить обиліе раградъ мной полученныхъ. Прослуживъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній семь лѣтъ. я получилъ пять наградъ; четыре ордена и чинъ генералъ-маіора.

Изо всего мной разсказаннаго видно, какую я велъ борьбу за мои педагогическіе взгляды по назначеніи меня директоромъ Орловской Военной Гимназіи. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что было бы проще и спокойнѣе, если бы я дѣйствовалъ на моихъ подчиненныхъ не убѣжденіемъ, а властью директора. Не могу съ этимъ согласиться, такъ какъ сила ведетъ всегда къ обману, къ деморализаціи. Начальническіе пріемы способны вызвать въ средѣ подчиненныхъ не хорошія чувства, а дурныя, какъ напримѣръ: лесть, низкопоклонство, укрывательство и всякаго рода ложь. Проявленіе же такихъ чувствъ въ глазахъ воспитанниковъ можетъ повести ихъ къ нравственной порчѣ. По моему мнѣнію, только нравственная сила директора, основанная на уваженіи къ нему, можетъ держать воспитательное заведеніе на той высотѣ, которая необходима для успѣха воспитанія. Результаты моей дѣятельности доказали мнѣ вполнѣ вѣрность моихъ взглядовъ. Хотя я не мало перенесъ нравственныхъ страданій, но вниманіе и расположеніе ко мнѣ не только служащихъ и воспитанниковъ, да и всего Орловскаго общества, вполнѣ вознаградили меня за тѣ дурныя минуты, которыя я испыталъ. Считаю долгомъ благодарить всѣхъ, въ особенности служившихъ со мной, за ихъ сочувствіе и за душевные проводы, которые они мнѣ сдѣлали при прощаніи со мной, а равно и за стипендію моего имени, которую они учредили. Приношу также мою искреннюю благодарность тѣмъ родителямъ воспитанниковъ, которые почтили меня своими сочувственными письмами съ выраженіемъ благодарности за попеченіе объ ихъ дѣтяхъ; нѣкоторымъ изъ нихъ я не могъ отвѣчать по незнанію ихъ адреса *).

*) Я не отвѣчалъ господамъ Исаевичу и Золотухину.

Прослуживъ около 35 лѣтъ и чувствуя, что послѣдняя моя служба директоромъ Орловской Военной Гимназіи значительно содѣйствовала къ растройству моего здоровья, я рѣшился выйти въ отставку, чтобы отдохнуть и заняться моими собственными дѣлами, о которыхъ я забывалъ, посвящая все мое время службѣ. Приказъ объ увольненіи меня отъ службы послѣдовалъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1872 года.

XII.

Орловское общество.—Земскія учрежденія.

Я ничего не говорилъ объ Орловскомъ обществѣ, потому что зналъ его очень мало: все мое время я проводилъ въ обществѣ служащихъ въ Гимназіи, въ которомъ было немало симпатичныхъ и образованныхъ людей. Въ гимнастическомъ залѣ Гимназіи, находившемся въ нижнемъ этажѣ и совершенно отдѣльномъ отъ помѣщеній воспитанниковъ, бывали каждую недѣлю по Субботамъ вечера, на которые собирались семейства служащихъ. Вечера начинались чтеніемъ рефератовъ по какой либо отрасли воспитанія, составленныхъ желающими, при чемъ допускались пренія; затѣмъ одинъ преподаватель, слѣдившій за политическими событіями въ теченіи недѣли, разсказывалъ сжато всѣ прочтенныя имъ въ газетахъ новости изъ внѣшней и внутренней политики, что́ имѣло особый интересъ для тѣхъ, которые, по недостатку времени, не могли слѣдить за газетами. Послѣ серьезнаго отдѣла вечера, нѣкоторые садились играть въ карты, а другіе разговаривали и, случалось, танцовали подъ фортепьяно, которое стояло въ залѣ; иногда же одинъ изъ учителей музыки игралъ на скрипкѣ. Вечеръ оканчивался самымъ скромнымъ ужиномъ, который дѣлался на складчину всѣхъ бывшихъ на вечерѣ. Вечера эти очень оживляли гимназическое общество и, кромѣ удовольствія, имѣли свою долю пользы. На первомъ вечерѣ я прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для инструкціи воспитателямъ“. Вскорѣ, какъ до-

полненіе къ этому реферату, одинъ изъ преподавателей, не помню который, изложилъ свое мнѣніе о зависимости нравственнаго развитія отъ умственнаго. Серьозные вопросы, затронутые этими рефератами, давали немало пищи разговорамъ и сужденіямъ, касавшимся воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ. На одинъ изъ такихъ вечеровъ пріѣхалъ случайно бывшій въ Орлѣ, помощникъ генерала Исакова генералъ Корсаковъ; но рефератъ былъ уже прочтенъ: онъ засталъ только разсказъ преподавателя Химеца о текущихъ политическихъ событіяхъ. Кромѣ этихъ вечеровъ, для воспитанниковъ давались балы, на которые приглашались семейства воспитанниковъ; на балахъ игралъ лучшій въ городѣ оркестръ музыки; танцы продолжались иногда до 2 часовъ ночи; танцовали обыкновенно 40 и болѣе паръ. На балахъ подавались фрукты, конфекты, аршадъ и лимонадъ, но ужиновъ не дѣлалось. Наконецъ, въ большомъ залѣ Гимназіи устраивались иногда музыкальные и литературные вечера въ пользу благотворительныхъ учрежденій г. Орла. На этихъ вечерахъ игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ воспитанниковъ; чтеніе производилось служащими; я прочелъ разъ мои воспоминанія о Кулибинѣ, по поводу пятидесятилѣтней годовщины послѣ его смерти. Вообще нельзя сказать, чтобы жизнь въ Гимназіи шла скучно и однообразно; дѣлалось все, что можно было, чтобы ее оживить и соединить пріятное съ полезнымъ.

*

По выходѣ моемъ въ оставку, я поѣхалъ съ женой за границу для пользованія Эмскими минеральными водами и вмѣстѣ съ тѣмъ для содѣйствія моей тещѣ къ скорѣйшему окончанію судебныхъ процесовъ, которые у ней были въ Лозаннѣ и Парижѣ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы я поселился въ Москвѣ. Первое время беззаботная жизнь, которую я велъ, мнѣ была очень пріятна: я считалъ себя счастливымъ, что

могу вставать нерано, ложиться спать поздно, читать и ѣздить когда и куда хочу. Но мало по малу мнѣ стало скучно отъ бездѣятельности. Прежде всего я рѣшился заняться хозяйствомъ и затѣмъ принялъ участіе въ дѣлахъ земскаго самоуправленія Калужской губерніи, гдѣ я былъ помѣщикомъ. Имѣніе мое въ хозяйственномъ отношеніи я устроилъ вполнѣ удовлетворительно, въ земскихъ же дѣлахъ я принималъ участіе въ теченіи 15 лѣтъ, какъ уѣздный и губернскій гласный, какъ предводитель дворянства*), какъ членъ Губернскаго Училищнаго Совѣта и какъ почетный мировой судья.

Привычка къ дѣятельности была такъ сильна во мнѣ, что я находилъ особенное удовольствіе изучать земскіе вопросы и, работая надъ ними мѣсяцы и годы, являлся въ земскія собранія подготовленнымъ и съ установившимися взглядами, а не какъ пѣшка, которую можно двигать куда угодно. Трудясь для земства совершенно безкорыстно, такъ какъ я не занималъ ни одной платной должности, я узналъ его хорошо и могъ бы многое о немъ сказать, но не сдѣлаю этого, потому что описать голые факты я считаю недостаточнымъ, а привести къ нимъ мотивы и освѣтить ихъ мнѣ не позволяютъ многія независящія отъ моей воли обстоятельства; къ тому же, время, которому я могъ бы сдѣлать оцѣнку, слишкомъ еще близко, чтобы можно было отнестись къ нему безстрастно, съ холоднымъ вниманіемъ историка. Все чтó я считаю возможнымъ сдѣлать, это высказать, въ нѣсколькихъ словахъ, мой общій взглядъ на земскія учрежденія, къ которымъ такъ неблаговолятъ всѣ ихъ не знающіе и всѣ ими забалотированные.

Всякое учрежденіе выборное или административное можетъ быть хорошо только въ томъ случаѣ, когда лица въ немъ служащія хороши; но если лица дурны, то какъ бы совершенно не было организовано учрежденіе, оно не дастъ хорошихъ

*) Предводителемъ дворянства Мещевскаго уѣзда я былъ недолго, въ виду того что по моимъ семейнымъ обстоятельствамъ я не могъ жить постоянно въ деревнѣ.

результатовъ. Это—первая истина, которая по моему мнѣнію не можетъ подлежать спору. Вторая истина слѣдующая: чѣмъ почетнѣе и выше стоитъ въ общественномъ мнѣніи какая либо должность, тѣмъ бо́льшее число людей честныхъ и достойныхъ желаютъ ее занять*). Обѣ эти истины были приняты во вниманіе законодателемъ, давшимъ намъ земскія учрежденія. И дѣйствительно въ первое время земскія учрежденія были вполнѣ хороши; самые лучшіе люди въ уѣздахъ считали за честь быть избранными въ гласные и, сознавая свое самостоятельное положеніе, работали исключительно для пользы дѣла; въ то время не было растратъ земскихъ денегъ, не существовало выраженія: „*откушать земскаго пирога*“. Но когда часть нашего общества и нѣкоторые органы нашей печати начали свои наѣзды на земство, крича во всеуслышаніе, что всѣ земскіе дѣятели—нигилисты, что они преслѣдуетъ антиправительственныя цѣли и стремятся къ политическому самоуправленію, тогда составъ земства, не могъ не измѣниться къ худшему: одни стали уходить изъ земства, понимая, что ихъ независимый образъ мыслей, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, можетъ навлечь на нихъ подозрѣніе въ политической неблагонадежности; другіе начали уклоняться отъ выбора въ гласные, видя, что главнымъ основаніемъ всѣхъ выборныхъ интригъ служатъ не ихъ личныя достоинства, а политика, о которой они вовсе не думаютъ; наконецъ, третьи впали въ апатію и махнули рукой на все,

*) Въ подверждепіе мной сказаннаго, укажу на слѣдующее обстоятельство. При освобожденіи крестьянъ, учреждены были мировые посредники, которые вынесли эту реформу на своихъ плечахъ и которымъ Россія была обязана тѣмъ, что реформа прошла тихо и спокойно. Эти же мировые посредники, которые послужили прототипомъ учрежденія въ настоящее время земскихъ начальниковъ, по истеченіи 12 лѣтъ, признаны были правительствомъ негодными и въ 1873 году замѣнены крестьянскими присутствіями. Такая рѣзкая перемѣна въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ перваго призыва и ихъ преемниковъ имѣла причиной ухудшеніе ихъ личнаго персонала. Первые мировые посредники были назначены съ особой разборчивостью и считали за честь занимать эту должность; но въ послѣдствіи, когда губернаторы стали относиться къ мировымъ посредникамъ почти также какъ къ становымъ приставамъ, лучшіе люди не хотѣли служить въ этой должности, и пришлось назначать въ нее лицъ заботившихся болѣе о личномъ угожденіи губернатору, чѣмъ о пользѣ крестьянскаго населенія, которому призваны были служить, вслѣдствіе чего дѣятельность ихъ упала ниже всякой критики. Да послужитъ этотъ отвѣтъ прошлаго назиданіемъ для будущаго.

отчаявшись, чтобы ихъ честный голосъ могъ быть услышанъ искателями *земскаго пирога*. Я давно уже прекратилъ мою земскую дѣятельность и не знаю, каковъ теперь составъ земства; но думаю, что онъ долженъ быть очень дуренъ, если правительство, въ новомъ Земскомъ Положеніи, нашло нужнымъ ввести § 60, назначающій кары гласнымъ за неявку ихъ въ земскія собранія. Прежде, гласные, служа безвозмездно и по совѣсти, знали когда ихъ присутствіе нужно въ собраніи и когда нѣтъ*); они знали также, что гласный, пріѣзжающій въ собраніе не изъ интереса къ дѣлу, а боясь кары, не можетъ быть его полезнымъ членомъ, а потому не считали нужнымъ подвергать его карѣ, но не удостоивали его избранія въ гласные на слѣдующее трехлѣтіе. Прискорбно думать, что настало такое время, когда честность и добросовѣстность находятъ нужнымъ внушать страхомъ наказанія, но...... Въ Калужской губерніи два предсѣдателя земскихъ управъ растратили земскія деньги, а между

*) Вспоминая мою дѣятельность въ Калужскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, я долженъ сказать, что я не поѣхалъ одинъ разъ въ собраніе по особенной причинѣ, которую законъ конечно не можетъ признать уважительною. Дѣло было въ слѣдующемъ. Я предложилъ губернскому земскому собранію учредить въ Калужской губерніи земскую эмеритальную кассу для служащихъ. Собраніе приняло мое предложеніе и просило меня разработать главныя основанія кассы и составить уставъ. Въ теченія двухъ лѣтъ я собиралъ статистическія данныя, дѣлалъ вычисленія, знакомился съ уставами всѣхъ существующихъ кассъ и наконецъ, составивъ уставъ, предложилъ его собранію. Въ этотъ промежутокъ времени, собраніе измѣнилось въ своемъ составѣ; въ него вступило болѣе половины новыхъ губернскихъ гласныхъ, которые, не входя въ разсмотрѣніе представленнаго мной устава, рѣшили, что для Калужскаго земства вовсе не нужно пенсіонной кассы. Конечно, это постановленіе собранія мнѣ было непріятно, но не потому что пропали мои двухлѣтніе труды, а потому что я былъ убѣжденъ въ пользѣ кассы для служащихъ и искренно желалъ ея учрежденія. Полагая, что состоявшееся постановленіе было слѣдствіемъ партійной борьбы, я не поѣхалъ, въ слѣдующемъ году, въ очередное губернское земское собраніе, думая, что мое отсутствіе будетъ замѣчено и что вопросъ о кассѣ будетъ вновь поставленъ на очередь. Не знаю, правъ ли я былъ такъ думать; но, живя въ Москвѣ, я получилъ изъ Калуги телеграмму отъ губернскаго предводителя дворянства слѣдующаго содержанія: „Калуга 9 Января 1882 года. Вопросъ объ эмеритурѣ, благодаря вашимъ трудамъ, прошелъ единогласно. Собраніе постановило принести вамъ телеграммой искреннюю благодарность. Предсѣдатель Е. фонъ-Розенбергъ“. Этотъ фактъ по моему мнѣнію, можетъ служить указаніемъ, что отсутствіе гласныхъ изъ собранія не всегда должно быть наказуемо; бываютъ случаи, когда гласные не пріѣзжаютъ изъ желанія пользы дѣлу.

тѣмъ не пропустили ни одного земскаго собранія во все время своей службы гласными!...

Описавъ съ полной откровенностью всю мою жизнь, я не могу не благодарить Бога за то, что Онъ помогъ мнѣ пройти мой жизненный путь не безъ пользы для другихъ и сохранить подъ старость вѣру въ тѣ идеалы, къ которымъ я стремился во дни моей молодости.

Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболѣе счастливою?

Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболѣе счастливою?

Въ моихъ воспоминаніяхъ я описалъ внѣшнюю сторону моей жизни и разсказалъ исторію моихъ чувствъ, но умолчалъ о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя волновали мой умъ и о тѣхъ взглядахъ, которые я усвоилъ себѣ заставляя работать мою мысль. Въ настоящей статьѣ, служащей дополненіемъ къ моимъ воспоминаніямъ, я имѣю въ виду пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ послѣдніе два года я издалъ три брошюры подъ заглавіемъ: „*Замѣтки старика*" и описалъ въ нихъ нѣкоторыя интимныя обстоятельства моею жизни, послужившія подтвержденіемъ вѣрности усвоенныхъ мной взглядовъ, но не желая дать этимъ брошюрамъ большаго распространенія, я напечаталъ самое ограниченное число экземпляровъ, назначивъ ихъ исключительно для моихъ знакомыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, находя высказанныя въ нихъ мысли, заслуживающими вниманія, просили меня расширить кругъ моихъ читателей, давъ возможность ознакомиться съ ними не однимъ моимъ знакомымъ, но и всѣмъ тѣмъ, которые смотрятъ на жизнь съ серьозной точки зрѣнія. Исполняя ихъ желаніе, я имѣю въ виду объяснить въ этой статьѣ мысли, волновавшія меня въ молодости и изложенныя въ „*Замѣткахъ старика*".

I.

Я сказалъ въ моихъ воспоминаніяхъ, что для производства меня въ офицеры я долженъ былъ выдержать весьма серьозный экзаменъ; приготовляясь къ нему я просиживалъ цѣлые дни за книгами, удѣляя едва четыре часа въ день для сна. Я не щадилъ моихъ трудовъ, потому что офицерскія эполеты сулили мнѣ такое счастье, для достиженія котораго я готовъ былъ на всевозможныя жертвы. Наконецъ желанный день насталъ, я былъ произведенъ въ офицеры и въ поискахъ за счастьемъ обратился, прежде всего, къ удовольствіямъ свѣтской жизни, но счастья въ нихъ я не нашелъ; напротивъ того, видя, что на другихъ молодыхъ людей обращаютъ болѣе вниманія, чѣмъ на меня, я страдалъ отъ оскорбленнаго самолюбія и даже отчасти отъ зависти. Затѣмъ я сблизился съ нѣкоторыми товарищами, которые проводили время въ кутежахъ, но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ ихъ общества, потому что кутежи требовали большихъ денежныхъ средствъ, а у меня ихъ не было. Наконецъ, я встрѣтилъ одну молодую дѣвушку и полюбилъ ее; любовь моя была взаимная, я думалъ жениться, но совершенно неожиданно, она умерла. Послѣ этого удара, я испыталъ другое горе, о которомъ говорить не буду, но которое могло бы стоить мнѣ жизни. Къ счастью я подружился въ это время съ однимъ моимъ товарищемъ Л., который горячо любя меня и обладая недюжиннымъ умомъ, умѣлъ отвратить грозившую мнѣ опасность;—тѣмъ не менѣе, страданія мои не

уменьшились. Тутъ я вспомнилъ о томъ времени, когда четыре года передъ тѣмъ я держалъ экзаменъ и когда ждалъ съ нетерпѣніемъ производства въ офицеры, думая что эполеты сдѣлаютъ меня счастливѣйшимъ изъ людей. Сознаніе обманутыхъ надеждъ привело меня въ отчаяніе. Если начиная только жить самостоятельной жизнью, я успѣлъ уже ошибиться, думалъ я, то какимъ образомъ я могу предохранить себя отъ подобныхъ ошибокъ на будущее время? Въ чемъ же именно, спросилъ я, себя, заключается счастье и гдѣ я долженъ его искать? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ области философіи, а потому я обратился къ чтенію философскихъ сочиненій и въ то же время подвергъ анализу жизнь людей, которыхъ я считалъ счастливыми. Между ними былъ одинъ, съ которымъ я познакомился въ то время когда принималъ участіе въ кутежахъ моихъ товарищей; онъ былъ уменъ, хорошъ собой, богатъ; женщины его любили и онъ самъ говорилъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе его. Отказавшись отъ кутежной жизни я его не видѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ, какъ совершенно неожиданно узналъ, что онъ застрѣлился...

Лица, знавшія его близко говорили, что злоупотребляя матеріальными наслажденіями, онъ совершенно разстроилъ свое здоровье и дошелъ до того, что отъ пресыщенія на него напала безотчетная тоска, которая и повела его къ самоубійству. Этотъ случай произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; во мнѣ въ первый разъ явилась мысль, что матеріальныя наслажденія не дѣлаютъ человѣка счастливымъ и что горько ошибаются тѣ, которые ищутъ въ нихъ счастье. Въ это время я прочелъ случайно исторію жизни Сократа. Меня поразило то спокойствіе, съ которымъ онъ выпилъ поднесенную ему чашу съ ядомъ и та твердость духа, съ которой онъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, хотя этимъ отказомъ онъ могъ спасти свою жизнь. Чья жизнь, спросилъ я себя, была счастливѣе; того ли, который, сознавая свою нравственную чистоту, палъ жертвою своихъ убѣжденій, или того, который самъ наложилъ на себя руки, не будучи въ состояніи выдержать бремя страданій имъ

самимъ созданныхъ? Конечно перваго, отвѣтилъ мнѣ мой умъ, такъ какъ этотъ жилъ духомъ, который составляетъ наше *я* и для котораго нѣтъ пресыщенія, между тѣмъ какъ второй жилъ плотью, неразумію которой онъ былъ обязанъ самыми ужасными минутами жизни. *Духъ бо бодръ, плоть же немощна* говоритъ Евангеліе.

Убѣдившись такимъ образомъ въ непрочности счастья, которое доставляютъ матеріальныя наслажденія и наши дурныя чувства, тѣсно съ ними связанныя, я отказался отъ всѣхъ свѣтскихъ удовольствій, обратился къ серьознымъ умственнымъ занятіямъ и не прошло двухъ лѣтъ, какъ въ душѣ моей изгладились слѣды перенесенныхъ мной страданій. Изъ всего мной пережитаго, продуманнаго и прочувствованнаго у меня составились убѣжденія, которыя я сохранилъ и до настоящаго времени. Убѣжденія эти и мои взгляды на жизнь были описаны въ „*Замѣткахъ старика*“ выдержки изъ которыхъ я имѣю въ виду изложить въ настоящей статьѣ.

II.

Декартъ основалъ свою философскую систему на сомнѣніи во всемъ, что онъ видѣлъ, думалъ и чувствовалъ. Его извѣстное „Je pense donc je suis“ послужило основаніемъ къ выводу всѣхъ признанныхъ имъ истинъ. Держась его системы и сознавая, что если человѣку данъ умъ, то онъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ упражнять его, я, рядомъ логическихъ мышленій, старался уяснить себѣ цѣль нашей жизни и способы которыми мы можемъ достигнуть наибольшаго счастья на землѣ. Наблюдая природу и жизнь людей, я убѣдился, что въ въ основу мірозданія положены два начала: добро и зло, но понятія эти относительныя, нѣтъ добра, которое не заключало бы въ себѣ зла и нѣтъ зла, которое бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не обращалось въ добро. Солнце даетъ свѣтъ и теплоту, безъ которыхъ органическая жизнь невозможна, но этотъ свѣтъ и теплота, образуя стихію огня, служатъ подчасъ причиною гибели тѣхъ организмовъ, которымъ они дали жизнь. Жизнь людей такъ сплетена, что зло одному служитъ добромъ другому и наоборотъ. И всѣ эти явленія происходятъ ежечасно, ежеминутно передъ нашими глазами. Причины ихъ скрыты отъ насъ Провидѣніемъ. Не мало геніальныхъ умовъ трудились надъ открытіемъ тайны мірозданія, не мало древнихъ и новыхъ философовъ создали самыя остроумныя теоріи для объясненія причины всѣхъ причинъ, но всѣ ихъ усилія открыть истину оказались тщетными, а разнообразіе ихъ взглядовъ до-

казало, что человѣческій умъ ограниченъ извѣстными предѣлами перейти которые онъ не можетъ.

Къ этимъ заключеніямъ я пришелъ по прочтеніи Спинозы, Декарта, Канта, Лейбница и другихъ философовъ. Высказанныя ими мысли о пантеизмѣ, деизмѣ и другихъ отвлеченныхъ предметахъ показали мнѣ только глубину ихъ умовъ, но въ примѣненіи къ жизни, не рѣшили самаго главнаго вопроса, меня интересовавшаго, это: какъ долженъ жить человѣкъ, чтобы достигнуть наибольшаго счастья на землѣ?

Обдумывая все мной видѣнное и испытанное и наблюдая жизнь людей меня окружающихъ, мнѣ казалось яснымъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ элементовъ, духовнаго и физическаго; первымъ онъ соприкасается къ силѣ его создавшей, вторымъ онъ уподобляется животнымъ, отличаясь отъ нихъ только внѣшней формой; первый элементъ дѣлаетъ его царемъ земли, а второй ставитъ его ниже многихъ животныхъ вслѣдствіе его слабосилія. Отсюда ясно, что человѣкъ долженъ заботиться о духовномъ элементѣ болѣе чѣмъ о физическомъ: въ немъ онъ долженъ искать счастье на землѣ, а не въ животныхъ инстинктахъ, которые уподобляя его животнымъ ослабляютъ его душевныя силы. Кромѣ того, матеріальныя наслажденія вредны и въ томъ смыслѣ, что человѣкъ подъ вліяніемъ ихъ теряетъ самообладаніе и отдается излишествамъ, которыя, разрушая здоровье, сокращаютъ его жизнь, или готовятъ ему старость, полную страданій. Изъ всѣхъ лицъ злоупотреблявшихъ физическими наслажденіями, которыхъ я встрѣчалъ въ моей молодости, я не знаю ни одного, который бы дожилъ до глубокой старости и всѣ они въ преклонныхъ лѣтахъ страдали разными мучительными болѣзнями.

Итакъ мой умъ и опытъ жизни убѣдили меня, что только тотъ человѣкъ можетъ сдѣлать свою жизнь наиболѣе счастливою, который живетъ не тѣломъ, а духомъ, но исполнить это весьма не легко. Провидѣнію угодно было дать человѣку умъ и свободную волю, но оно не подчинило ему ни его мысли ни его сердца, для борьбы съ которыми нужна большая твердость.

Умъ говорилъ Еввѣ, что не слѣдуетъ вкушать запрещеннаго плода, а мысль ея лѣлѣяла желаніе его вкусить и она не послушала ума. Адамъ, въ свою очередь, очень хорошо понималъ, что не слѣдуетъ дозволить женѣ вкусить запрещенный плодъ, а между тѣмъ онъ сорвалъ этотъ плодъ и далъ его женѣ, повинувсь не уму, а чувству любви къ ней. Существуетъ разсказъ изъ временъ, когда многіе ученые занимались отыскиваніемъ философскаго камня. Племянникъ одного богатаго старика, занимавшагося добываніемъ золота, объявилъ ему, что онъ открылъ процессъ, посредствомъ котораго можно получить золото и взявъ съ него значительную сумму денегъ, открылъ ему этотъ процессъ, но предупредилъ, что во время происхожденія процесса, не слѣдуетъ думать о бѣломъ медвѣдѣ. Какъ не старался богатый дядюшка выкинуть изъ головы мысль о бѣломъ медвѣдѣ, она постоянно вертѣлась въ его головѣ и золота не получалось. Юлій Цезарь сказалъ: *лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ Римѣ.* Эта мысль о верховенствѣ надъ другими преслѣдуетъ многихъ людей, также неотвязчиво, какъ мысль о бѣломъ медвѣдѣ преслѣдовала старика ученаго, добывавшаго золото. Развивая въ этихъ людяхъ тщеславіе и злобу противъ всѣхъ стоящихъ выше ихъ, она составляетъ несчастіе ихъ жизни. Если отдѣлаться отъ нея весьма трудно, то ослабить ея интенсивность и уничтожить ея вредное вліяніе на нашу жизнь—возможно и зависитъ отъ насъ. Мой собственный опытъ вполнѣ убѣдилъ меня въ этомъ.

Стоическая школа, основанная Зенономъ за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, видѣла счастье человѣка не въ матеріальныхъ благахъ, а въ душевномъ спокойствіи, для пріобрѣтенія котораго ею указаны были принципы, которыми человѣкъ долженъ руководиться въ своей жизни. Принципы эти такъ близко подходятъ къ христіанскимъ, что блаженный Августинъ называлъ стоиковъ полухристіанами. Что вооружившись безстрастіемъ и равнодушіемъ къ страданіямъ, посылаемымъ судьбой, стоики умѣли сдѣлать свою жизнь счастливою,

это явствуетъ изъ жизни Эпиктета жившаго въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. Въ ранней молодости онъ былъ рабомъ жестокосердаго человѣка, котораго звали Эпафродитъ. Обращаясь съ Эпиктетомъ безчеловѣчно, Эпафродитъ сдѣлалъ его хромымъ на всю жизнь и отпустилъ его на волю только въ преклонныхъ лѣтахъ. Получивъ свободу, Эпиктетъ поселился въ Италіи и жилъ въ нищетѣ, къ довершенію несчастія онъ вскорѣ былъ изгнанъ изъ Италіи Императоромъ Домиціаномъ, который не терпѣлъ философовъ. Только послѣ смерти этого Императора, Эпиктетъ вернулся изъ изгнанія и прожилъ до 110 лѣтъ Такая продолжительная жизнь ясно доказываетъ, что Эпиктетъ встрѣчалъ всѣ посылаемыя ему въ жизни страданія съ твердымъ духомъ, а потому они и не имѣли вреднаго вліянія на его здоровье. Другой знаменитый стоикъ Римскій Императоръ Маркъ Аврелій находился, сравнительно съ Эпиктетомъ, совершенно въ другихъ условіяхъ. Будучи повелителемъ громадной Имперіи и имѣя неограниченную власть рѣшать всѣ міровые вопросы, онъ могъ искать счастье жизни во всевозможныхъ наслажденіяхъ; онъ же искалъ его въ философскихъ размышленіяхъ, какъ дѣлалъ и рабъ Эпиктетъ, а потому я думаю, что оба они были одинаково счастливы, не смотря на громадное различіе въ ихъ общественномъ положеніи.

Послѣ этихъ лицъ остались нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій, въ которыхъ изложены взгляды стоиковъ въ формѣ тезисовъ или сентенцій. Приведу здѣсь наиболѣе интересные.

Эпиктетъ говоритъ;

„Не желай, чтобы все на свѣтѣ шло такъ, какъ тебѣ угодно, но лучше желай, чтобы все что случилось происходило такъ какъ оно происходитъ, тогда ты будешь счастливъ“.

„Обдумай всегда хорошенько какую силу ты можешь противопоставить тому или другому явленію. Если ты видишь красавицу, то ты ея красотѣ можешь противопоставить силу воздержанія; если тебѣ предстоитъ трудная работа—запасись выдержкою; если ты подвергнешься поношенію вооружись тер-

пѣніемъ. Если ты привыкнешь такъ поступать, то ты никогда не будешь рабомъ своихъ представленій".

„Никогда ни о чемъ не говори: я это потерялъ, скажи: я это отдалъ. Умеръ у тебя сынъ, это значитъ ты его отдалъ обратно. У тебя отняли имущество и оно также отдано назадъ. Конечно злодѣй тотъ, кто это сдѣлалъ, но что тебѣ до того, черезъ кого дающій хочетъ у тебя назадъ требовать то, что тебѣ дано? Пока онъ тебѣ предоставилъ владѣніе этимъ имуществомъ, пользуйся имъ, какъ чужимъ имуществомъ, подобно какъ путешественникъ пользуется гостинницей".

„Не забывай, что ты играешь въ драмѣ опредѣленную роль, назначенную тебѣ ея авторомъ. Если она коротка, то и игра твоя будетъ короткая, если она длинна, то и игра твоя будетъ длинная. Если авторъ хочетъ, чтобы ты игралъ нищаго, играй его хорошо, также и хромаго. Ибо твое дѣло хорошо съиграть назначенную тебѣ роль, выбрать же ее—дѣло другаго".

„Когда воронъ своимъ карканьемъ предвѣщаетъ тебѣ какую нибудь бѣду, не смущайся мыслью о немъ, а постарайся понять и выяснить себѣ слѣдующее: мнѣ ничего не предвѣщается, а лишь моему бренному тѣлу, или моему имуществу, или наконецъ моей чести, моимъ дѣтямъ, или моей женѣ. Мнѣ, разъ я этого хочу, предсказывается одно лишь счастье, ибо отъ меня зависитъ извлечь пользу изъ всего, чтобы не случилось". (Катарина Сіенская говоритъ приблизительно тоже самое: „для храбреца счастіе и несчастіе тоже, что его правая и лѣвая рука, онъ пользуется тѣмъ и другимъ)".

„Думай ежедневно о смерти, изгнаніи и обо всѣмъ, что можетъ тебѣ казаться ужаснымъ, тогда у тебя никогда не будетъ нечистыхъ мыслей или слишкомъ сильныхъ желаній".

Изъ тезисовъ Маркъ Аврелія приведу слѣдующіе:

„Плоть, душа и духъ,—вотъ тройная природа человѣка: плоть ощущаетъ, душа волнуется страстями, духъ разумѣетъ. Но животныя также способны ощущать; похоти и страсти пробуждаются въ звѣряхъ, какъ и въ людяхъ, утратившихъ все человѣческое; наконецъ большинство людей, отрицая божество,

разумѣніемъ своимъ служатъ всему житейскому и способны на всякое постыдное дѣло, если только могутъ совершить его безъ свидѣтелей. И такъ, если всѣ эти свойства общи всему оживленному, то отличительною особенностью разумнаго человѣка будетъ: не осквернять грѣхомъ святыню своего сердца, встрѣчать бодро все то, что посылается ему въ удѣлъ судьбой, пребывать во власти Бога, не путаться въ праздномысліи, не грѣшить словомъ противъ правды, ни дѣйствіемъ противъ справедливости. Вотъ содержаніе простой счастливой чистой жизни, которая неопрометчиво, безъ суеты и ропота стремится къ истинной цѣли своей".

„Причина несчастій человѣка кроется не въ другихъ людяхъ и не во внѣшнихъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Гдѣ же она? спросишь ты. Въ твоемъ собственномъ представленіи или мнѣніи".

„Какъ лѣтней порѣ свойственны розы, а осени плоды, такъ каждому человѣку не только свойственна его судьба, но она есть благо для него, хотя бы люди называли эту судьбу болѣзнью, смертью, срамомъ, или поношеніемъ. Терзаться тѣмъ, что посылается для его блага, можетъ только неразумный".

„Счастье честолюбца всегда въ зависимости отъ другихъ людей; сластолюбецъ мечтаетъ найти его, предаваясь чувственности; разумный человѣкъ достигаетъ истиннаго блага своими дѣлами".

„Кто болѣнъ желчью, тому горекъ медъ, укушенный бѣшеной собакой боится воды; если въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, то можешь ли ты удивляться тому, что заблужденье также разрушительно дѣйствуетъ на душу, какъ желчь или ядовитая слюна на организмъ".

„Странно! Человѣкъ возмущается зломъ, исходящимъ извнѣ, отъ другихъ, тѣмъ, чего устранить не можетъ, а не борется съ своимъ личнымъ собственнымъ зломъ, что въ его власти".

„Никто никогда не уставалъ доставлять себѣ всевозможныя блага. Но вѣдь величайшее благо, которое человѣкъ можетъ себѣ доставить. это дѣйствовать сообразно съ закономъ при-

роды, а законъ этотъ велитъ тебѣ, не уставая, дѣлать добро другимъ, какъ высшее благо для самаго себя“.

„Душа и плоть,—вотъ что человѣкъ считаетъ, о чемъ безпрестанно печется. Но знай, что самъ ты, сущность твоя,— въ духѣ. Проникайся этимъ сознаніемъ, вознеси свой духъ выше плоти, соблюдай его отъ всякой житейской внѣшней грязи, не давай плоти подавлять его, не отожествляй своей жизни съ плотью, а слейся съ жизнью духа твоего, тогда исполнишь всякую правду и безмятежно проживешь во власти Бога, исполняя призваніе свое“.

Приведенные тезисы знакомятъ насъ съ міровоззрѣніемъ стоиковъ. Возвеличивая нашъ умъ, они подчиняютъ ему тѣло и видятъ счастье человѣка, не въ физическихъ наслажденіяхъ, а въ исполненіи требованій его духовнаго элемента.

III.

Дрозъ (Droz) въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „L'essai sur l'art d'être heureux *)“ между прочимъ говоритъ: „La vertu est le seul bien, le vice est le seul mal, disent les Stoïciens. Ce principe est faux: je m'en rapporte à tout honnete homme, qui s'est cassé la jambe ou qui voit souffrir la faim à ses enfants **)“.

Мысль, высказанная Дрозомъ заставила меня много думать, какъ она не вполнѣ сходится съ моими взглядами на значеніе такъ порока и добродѣтели въ жизни человѣка.

Человѣкъ родится, живетъ и умираетъ не по своей волѣ. Его жизнь подчинена провидѣнію, которое посылаетъ ему и горькія и счастливыя минуты жизни. Премудрость Божія, включающая въ себя идеалъ справедливости, служитъ гарантіей, что дозы счастья и несчастья, посылаемыя людямъ для всѣхъ одинаковы; если же видя неравенство общественнаго положенія, думаютъ, что одни люди счастливѣе другихъ, то въ этомъ кроется большая ошибка, въ которой виноваты сами же люди. Увлекаясь антисоціальными чувствами они не сдерживаютъ своихъ страстей и думаютъ взять силой то, въ чемъ имъ отказано провиденіемъ для ихъ же блага. Но съ другой стороны есть также люди, которые покоряясь безропотно своей судьбѣ,

*) Опытъ искусства быть счастливымъ.

**) Добродѣтель—единственное благо, порокъ—единственное зло, говорятъ стоики. Этотъ принципъ не вѣренъ: я сошлюсь въ этомъ на каждаго честнаго человѣка, который сломалъ себѣ ногу, или который видитъ, что дѣти его страдаютъ голодомъ.

ищутъ счастья жизни не въ томъ, чего у нихъ нѣтъ, а въ томъ, что имъ дано: если имъ посылаются страданія, то они стараются ослабить ихъ терпѣніемъ и любовью къ ближнимъ. Первые люди, при постигающихъ ихъ несчастіяхъ, страдаютъ, конечно, неизмѣримо болѣе чѣмъ послѣдніе, которые, кромѣ того, что находятъ утѣшеніе въ своей совѣсти, но и твердо надѣются, что промыслъ Божій ихъ не оставитъ. И такъ порокъ и добродѣтель не могутъ сами по себѣ давать человѣку счастье или несчастье, но они могутъ смягчать или усиливать удары, наносимые ему судьбой, а подчасъ даже извлекать изъ несчастія счастливыя минуты жизни. Мы знаемъ много случаевъ изъ военной исторіи какъ израненые воины, узнавъ объ одержанной побѣдѣ, забывали свои страданія и умирали съ улыбкой на устахъ (примѣромъ можетъ служить адмиралъ Корниловъ, убитый 5-го октября 1854 года въ Севастополѣ), но мы не знаемъ ни одного уголовнаго преступника, для котораго смерть была бы не страшна. Сознаніе исполненнаго долга уменьшаетъ, а подчасъ и уничтожаетъ страхъ смерти у умирающаго воина; сознаніе же сдѣланнаго преступленіи усиливаетъ этотъ страхъ, у уголовнаго преступника.

Мнѣ случилось въ моей молодости повернуть рулетку и бросить шарикъ 46 тысячь разъ, причемъ я записывалъ каждый разъ на красную или черную полосу упалъ шарикъ. Составленныя такимъ образомъ таблицы вполнѣ подтвердили вѣрность закона о вѣроятностяхъ, шарикъ упалъ почти одинаковое число разъ на ту и другую полосы, но иногда онъ падалъ черезъ разъ, а иногда падалъ серіями по нѣскольку разъ сряду то на одну, то на другую полосы; число полученныхъ отъ паденія шарика серій вышло также вполнѣ согласнымъ съ тѣмъ же закономъ о вѣроятностяхъ.

Міръ управляется какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ одними и тѣми же законами природы, а потому въ жизни человѣка, которую можно вполнѣ уподобить рулеткѣ, дурныя и хорошія минуты, чередуются и скопляются въ серіи точно также какъ въ рулеткѣ; суммы же тѣхъ и другихъ всегда равны

между собой, какъ равны суммы паденій шарика на черную и красную полосы, а потому если человѣкъ испытываетъ въ жизни болѣе страданій, чѣмъ наслажденій, виновата въ этомъ не судьба его, а онъ самъ. Точно также, если игрокъ въ рулетку, задаваясь цѣлью наживы, увеличиваетъ куши игры и проигрываетъ все свое состояніе, то виновата въ этомъ не рулетка, а его неумѣніе управлять своими страстями.

Намъ извѣстенъ также физическій законъ природы, который управляетъ движеніемъ земли вокругъ оси и вокругъ солнца. На основаніи этого закона земной шаръ освѣщается солнцемъ въ теченіи полугода, а другое полугодіе онъ его не видитъ, слѣдовательно сумма свѣта и сумма мрака на землѣ составляютъ равныя величины, но продолжительность дня и ночи въ каждой точкѣ земнаго шара не одинакова, такъ подъ полюсами день и ночь продолжаются по полугоду, въ точкахъ равноденствія по 12 часовъ, а въ другихъ мѣстахъ день и ночь составляютъ перемѣнныя величины, которыя увеличиваются въ одно полугодіе и уменьшаются въ другое. Подобный тому законъ существуетъ и въ мірѣ нравственномъ: добро и зло составляютъ величины постоянно измѣняющіяся, но суммы тѣхъ и другихъ въ жизни каждаго человѣка равны между собой. Какъ въ физическомъ мірѣ существуетъ стихія огня для уничтоженія мрака, такъ и въ духовномъ мірѣ, намъ дана свободная воля для уничтоженія зла. Если играя въ рулетку, въ проигрышѣ виновата не рулетка, а тотъ кто играетъ, то и въ страданіяхъ жизни, посылаемыхъ Провидѣніемъ, виновато не Провидѣніе, а тотъ, кто не пользуется своей свободной волей для противодѣйствія имъ.

IV.

Въ жизни человѣка мы видимъ постоянную борьбу его сердца съ умомъ. Перевѣсъ сердца, ослабляя дѣятельность ума, ведетъ къ заблужденіямъ, которыя служатъ наибольшимъ препятствіемъ къ счастью человѣка на землѣ. Перевѣсъ ума, хотя и ослабляетъ силу наслажденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уменьшаетъ и силу страданій и предохраняетъ человѣка отъ ложнаго пути, на который указываетъ ему сердце. Равновѣсіе этихъ двухъ силъ должно служить намъ идеаломъ, къ которому мы должны стремиться. чтобъ достигнуть наибольшаго счастья. Но если равновѣсіе невозможно, то мы должны предпочесть развитіе ума развитію сердца, на томъ основаніи, что въ сердцѣ гнѣздятся какъ дурныя такъ и хорошія наши чувства, причемъ дурныхъ чувствъ много, а хорошихъ только одно—любовь, вслѣдствіе чего страданія, которыя намъ даютъ дурныя чувства, всегда превышаютъ наслажденія, происходящія отъ хорошихъ. Кромѣ того даже и хорошее наше чувство любовь, если оно не управляется умомъ, можетъ намъ дать подчасъ болѣе страданій чѣмъ наслажденій.

Любовь проявляется въ человѣкѣ или въ видѣ эгоизма (себялюбіе), или въ видѣ любви къ ближнему. Эгоизмъ врожденъ человѣку; онъ тѣсно связанъ съ чувствомъ самосохраненія, безъ котораго не могъ бы существовать родъ человѣческій. Воспретить человѣкулюбить себя не только нѣтъ возможности, но и нѣтъ надобности. Нужно только умѣть направить

эту любовь такъ, чтобы она сдѣлалась источникомъ всѣхъ прекрасныхъ добродѣтелей и служила основаніемъ нравственнаго характера человѣка. Любя себя, человѣкъ стремится обеспечить свои физическія нужды; любя себя онъ хочетъ удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей; но въ чемъ должно заключаться его счастье, въ какомъ отношеніи должны быть физическія нужды къ духовнымъ потребностямъ? Это долженъ указать намъ нашъ разумъ; онъ долженъ уяснить, что наши низшія чувства не могутъ составить нашего счастья, что слишкомъ большая забота о тѣлѣ заглушаетъ душевную жизнь, которая должна составлять первое условіе нашего существованія. Если человѣкъ проникнется этими истинами, то нѣтъ сомнѣнія, что заслужить собственное свое уваженіе сдѣлается первой его заботой и всѣ прекрасныя качества его души будутъ имѣть источникомъ эгоизмъ. Наоборотъ, если чувственность въ человѣкѣ получитъ преобладаніе надъ душой и если онъ будетъ искать счастье не въ полезномъ, а во временно пріятномъ, то нѣтъ сомнѣнія, что подъ вліяніемъ эгоизма, въ сердце его вкрадутся различныя порочныя побужденія; онъ можетъ сдѣлаться и своекорыстенъ, и завистливъ и даже способенъ на присвоеніе себѣ чужой собственности.

Другое хорошее чувство — любовь къ ближнему можетъ также, если оно не управляется умомъ, принести намъ не пользу а вредъ. Подъ вліяніемъ его человѣкъ дѣлается несправедливъ, вовлекается въ ошибки, и увлекаясь добрымъ расположеніемъ къ однимъ людямъ, заставляетъ страдать другихъ. Затѣмъ, въ немъ являются безхарактерность и безпринципность, онъ теряетъ способность относиться къ своимъ дѣйствіямъ съ такой же критикой, какъ къ дѣйствіямъ другихъ и судя всѣхъ по себѣ, дѣлаетъ подчасъ зло вмѣсто добра. Кромѣ того, отсутствіе работы ума ведетъ человѣка къ подчиненію его страстямъ и дурнымъ чувствамъ, которыя доставляя ему минутныя удовольствія отравляютъ страданіями всю его жизнь. Много разъ мнѣ приходилось выслушивать отъ людей нравственныхъ и одаренныхъ умомъ, самыя нелѣпыя сужденія о разныхъ обы-

денныхъ явленіяхъ жизни. Примѣромъ можетъ служить эпоха освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда вся мыслящая Россія пробудилась отъ своего многовѣковаго сна и заговорила языкомъ сердца, управляемаго умомъ; но не таковъ былъ языкъ противниковъ освобожденія, которыхъ сердце руководилось чувствомъ самаго узкаго эгоизма; ихъ аргументы поражали своей нелѣпостью. Такъ, одни увѣряли, что крестьяне должны взбунтоваться отъ того, что улучшаютъ ихъ положеніе; другіе находили, что благополучіе крестьянъ требуетъ, чтобы ихъ сдѣлали безземельными пролетаріями, наконецъ третіи видѣли гибель Россіи въ томъ, что дворяне будутъ лишены права сѣчь своихъ крѣпостныхъ, и всё это высказывалось печатно, въ формѣ серьозныхъ статей. Другимъ примѣромъ можетъ служить первая Французская революція, когда съ уничтоженіемъ всѣхъ сословныхъ привилегій, уничтожена была и религія, какъ будто бы между привилегіями и религіей было что нибудь общее и сдѣлано это было, будто бы, во имя наступившаго царства разума, между тѣмъ разумъ молчалъ, а говорили только страсти. Въ частной жизни людей мы видимъ часто такое же пренебреженіе къ логикѣ и такое же господство сердца, которое создаетъ себѣ страданія не по волѣ Провидѣнія, а по винѣ самаго человѣка. Если мы разсмотримъ исторію самоубійствъ, то мы увидимъ, что большинство ихъ было совершено людьми, которые не умѣли подчинить своего сердца своему уму.

Другимъ препятствіемъ къ нашему счастію служитъ слабость воли. Нѣкоторыя лица вовсе не вѣрятъ въ свободную волю человѣка и приписываютъ всѣ свои страданія волѣ Провидѣнія, они не вѣрятъ также и въ благость Божію. Другія же, хотя вѣрятъ въ свободную волю, но не имѣютъ достаточно твердости, чтобъ ею пользоваться для исполненія указаній разума.

Уясненіе всего сказаннаго имѣетъ для жизни человѣка существенное значеніе, такъ какъ отъ рѣшенія всѣхъ возникающихъ вопросовъ зависитъ указаніе того пути, по которому человѣкъ

долженъ идти, чтобы достигнуть наибольшаго счастья на землѣ. Обсуждая эти вопросы, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Отрицаніе воли человѣка и сомнѣніе въ благости и правосудіи Божіемъ ведетъ къ отрицанію самого Бога, а отрицая Бога, мы должны отрицать и самихъ себя, такъ какъ если бы не было Создателя, не могло бы быть созданій. Отрицать же себя можетъ только кто нибудь, а не никто, слѣдовательно отрицаніе есть наилучшее доказательство нашего существованія, а способность наша мыслить, чувствовать и дѣйствовать служитъ доказательствомъ нашей свободной воли, которую если Провидѣніе ограничило извѣстными предѣлами, то не иначе, какъ для блага людей. Архимедъ, объясняя механическую силу рычага, сказалъ: „Дайте мнѣ точку опоры и я поверну земной шаръ“. Вотъ этой то точки опоры и не дано людямъ, чтобы они не вздумали въ самомъ дѣлѣ повернуть землю, но имъ данъ умъ, который въ предѣлахъ, указанныхъ Провидѣніемъ, можетъ направить ихъ свободную волю по пути, ведущему къ наибольшему ихъ счастью на землѣ. Если же умъ подъ напоромъ страстей, даетъ волѣ человѣка направленіе, несогласное съ благими цѣлями Провидѣнія и способное нарушить гармонію міровой жизни, то онъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія и, по своей ограниченности, видитъ зло и несправедливость тамъ, гдѣ есть только благо и правосудіе. Чтобы уяснить болѣе нагляднымъ образомъ высказанныя мной мысли, я сравню жизнь человѣка съ судномъ, плавающимъ по волнамъ океана. Двигателемъ этого судна служитъ сердце, а рулемъ управляетъ нашъ разумъ. Если судно, въ движеніи своемъ, встрѣчаетъ подводный камень и разбивается, то виноватъ разумъ, который не изслѣдовавъ пути, не умѣлъ обойти этого камня; но если судно гибнетъ отъ силъ природы, которыя не подчинены человѣческому уму, какъ напр. отъ бури, или отъ удара молніи, то разумъ человѣческій тутъ ничѣмъ не повиненъ; мы не имѣемъ также права и обвинять Провидѣніе въ злонамѣренной гибели судна, такъ какъ будущая участь его, если бы оно не погибло,

намъ неизвѣстна. Мы должны только вѣрить, что гибель его вызвана какой нибудь благой цѣлью.

Въ природѣ есть законъ одинаково относящійся до міра физическаго, какъ и до міра нравственнаго. Онъ говоритъ, что упражняя силы, мы ихъ развиваемъ. Этому закону подчинена и наша свободная воля, а потому, чтобы придать ей твердость, нужную человѣку для достиженія счастья на землѣ, мы должны заставить ее работать въ житейскихъ мелочахъ и тогда мы можемъ быть увѣрены, что она намъ не измѣнитъ и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни.

V.

Отрицаніе свободной воли человѣка, какъ способности души, ведетъ къ отрицанію самой души, въ которой матеріалисты и натуралисты видятъ не болѣе какъ проявленіе дѣятельности нашихъ тѣлесныхъ органовъ. Такъ ученые Бибра (Bibra), Вюльпенъ (Vulpain), Деви (Davy), Тенъ (Tain), Литре (Litré) и другіе обогатили, въ недавнее время, физіологію, психологію и анатомію весьма важными открытіями, которыя убѣдили ихъ, что всѣ наши умственныя силы и способности берутъ свое начало въ нашемъ тѣлѣ. Такимъ образомъ вѣсъ мозга и количество сѣраго мозжечка опредѣляютъ въ людяхъ степень ихъ умственнаго развитія; поверхность лобной кости имѣетъ также вліяніе на интеллигентныя силы: чѣмъ болѣе эта поверхность, тѣмъ бо̀льшими способностями одаренъ человѣкъ. Изучая черепа людей, ученые пришли къ заключенію, что у дикихъ народовъ и у идіотовъ вѣсъ мозга значительно меньше, чѣмъ у народовъ цивилизованныхъ и людей умственно развитыхъ. Аббатъ Фреръ (Frère), въ Парижѣ доказалъ многими несомнѣными опытами, что развитіе цивилизаціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе въ людяхъ передней части головы и сплющиваніе затылочной части. Вагнеръ нашелъ, что у всѣхъ знаменитыхъ людей количество мозговыхъ сплетеній (circonvolutions cérébrales) весьма велико, такъ у Бетховена оно оказалось вдвое болѣе, чѣмъ у людей вообще. Что относится до состава мозга, то замѣчено, что жироваго вещества въ мозгу зародыша въ утробѣ

матери находится менѣе, чѣмъ въ мозгу родившагося ребенка, а въ мозгу ребенка его менѣе, чѣмъ у взрослаго человѣка. По вычисленіямъ Деви (Davy) сравнительная емкость черепа у Европейцевъ составляетъ 92,3 кубическихъ дюйма, у Американцевъ 87,5, у Азіатскихъ народовъ 87,1, у Австралійцевъ 84, а у Негровъ въ Африкѣ она понижается до 75 дюймовъ. Всѣ эти указанія, взятыя изъ многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ учеными, пролили новый свѣтъ на изученіе физіологіи и психологіи. Полная зависимость нашихъ умственныхъ силъ отъ структуры тѣлесныхъ органовъ повела ученыхъ физіологовъ и психологовъ къ отрицанію существованія души, какъ отдѣльнаго элемента, функціонирующаго независимо отъ тѣла. Дѣятельность души, по ихъ мнѣнію, есть только отправленіе или проявленіе дѣйствія физическихъ силъ человѣка, которыми однѣми обусловливается его существованіе. Не признавая такимъ образомъ двойственности человѣческой натуры, они, для доказательства ея единства, указываютъ, что всѣ философы и метафизики, признающіе существованіе души, не только не могутъ опредѣлить ея состава, но даже не знаютъ въ какой части тѣла она находится. Такъ Платонъ говоритъ, что она находится въ мозгу, Аристотель полагаетъ ее въ сердцѣ, Критіасъ и Гераклитъ считаютъ ее въ крови, Декартъ видитъ ее въ мозговой железкѣ, а Кантъ—въ жидкости, заключающейся въ мозговой лопасти. Такое разнорѣчіе защитниковъ двойственности человѣческой натуры дало конечно сильное оружіе ихъ противникамъ для борьбы съ ними. Не имѣя спеціальныхъ знаній по естественнымъ наукамъ, на почвѣ которыхъ происходитъ споръ, я не могу принять въ немъ участіе при помощи этихъ наукъ, но вопросъ возбужденный новѣйшими открытіями имѣетъ для меня немаловажный интересъ, какъ вопросъ философскій. Признавая, что рѣшеніе его должно имѣть громадное вліяніе на нашу жизнь и соображая какъ доводы защитниковъ двойственности человѣческой натуры, такъ и противниковъ ихъ, я не могу не согласиться съ первыми и думаю, что душа въ человѣкѣ составляетъ отдѣльный элементъ, независимый отъ

тѣла, но тѣсно съ нимъ связанный. Размышленія, приведшія меня къ этому заключенію были слѣдующія. Незнаніе наше мѣстонахожденія души въ тѣлѣ не можетъ быть причиною ея отрицанія, точно также какъ незнаніе наше мѣстопребыванія Бога не даетъ намъ ни права, ни разумнаго основанія отвергать Его. Затѣмъ, если умственныя способности человѣка, по мнѣнію ученыхъ, зависятъ отъ качества и количества его мозга, то явленіе это замѣчается и у животныхъ; наиболѣе умныя животныя имѣютъ наибольшее количество мозга. Но человѣкъ кромѣ того обладаетъ такой духовной силой, которой нѣтъ у животныхъ и которая называется разумомъ. Дѣйствіями животныхъ управляетъ инстинктъ, прирожденный ихъ тѣлеснымъ органамъ. Дѣйствіями же людей управляетъ разумъ, независящій отъ конструкціи тѣла и побороающій подчасъ его животные инстинкты. Такъ какъ въ тѣлѣ человѣка нѣтъ органовъ, опредѣляющихъ большее и меньшее развитіе силы разума, то разумъ долженъ брать свое начало, не изъ физическаго элемента человѣка, а изъ духовнаго, который и называется душой. Такимъ образомъ разумъ доказываетъ существованіе души. Какъ душу человѣка нельзя ни взвѣсить ни осязать, такъ и разумъ не подлежитъ никакому измѣренію; его сила заключается не въ немъ, а въ равновѣсіи всѣхъ душевныхъ силъ человѣка. Разуму присущи также идеи о Богѣ и о нравственности, которыхъ не имѣютъ животныя.

Двойственность человѣческой натуры можетъ быть доказана и тѣмъ, что она существуетъ вполнѣ опредѣленно въ нашемъ сознаніи. Живя физически и исполняя требованія нашей матеріи, мы въ тоже время сознаемъ нашу принадлежность къ міру духовному, котораго требованія совершенно отличны отъ требованій нашего тѣла. Мы слышимъ не рѣдко какъ говорятъ, что въ человѣкѣ происходитъ внутренняя борьба; выраженіе это понятно всѣмъ и доказываетъ, что въ насъ существуютъ два противника, которые оспариваютъ другъ у друга право на преобладаніе; на чьей бы сторонѣ не осталась побѣда, существованіе противниковъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ

существованія въ насъ двухъ началъ: духовнаго и физическаго. Если бы не было двухъ началъ, не могло бы быть самоубійствъ, въ которыхъ духовное начало уничтожаетъ физическое, не смотря, что это послѣднее полно жизни и желаетъ жить. Въ этомъ случаѣ инстинктивная привязанность къ жизни подчиняется требованію человѣческаго духа.

Говорятъ, что у идіотовъ и сумашедшихъ не можетъ быть души, такъ какъ они очень мало отличаются отъ животныхъ. Я видѣлъ, въ теченіи моей жизни не мало идіотовъ и не мало сумашедшихъ, но не видѣлъ ни одного, въ которомъ, не проявлялось бы его духовное начало какимъ бы то ни было образомъ. Такъ всѣ идіоты изъ простонародья, которыхъ я встрѣчалъ ѣли въ посты постную пищу, между тѣмъ какъ ихъ тѣлесные инстинкты тяготѣли къ скоромной, какъ болѣе вкусной. Такое желаніе исполнить требованіе религіи заключалось конечно въ ихъ душѣ, а не въ тѣлѣ. Что относится до сумашедшихъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ свое міровоззрѣніе, допускаю, пошлое, но во всякомъ случаѣ, самая способность имѣть міровоззрѣнія можетъ быть только въ душѣ, а не въ тѣлѣ.

Теорія единства человѣческой натуры, то есть признаніе полнаго поглощенія души тѣломъ дала мысль ученому Галлю опредѣлять характеры людей по конструкціи ихъ череповъ. На основаніи произведенныхъ имъ изъисканій, онъ указалъ многія шишки и неровности на черепахъ, которыя, по его мнѣнію, соотвѣтствовали различнымъ свойствамъ людей. Наука о его изысканіяхъ называется френологіей. Нѣкоторые современные Галлю ученые усомнились въ вѣрности сдѣланныхъ имъ изъисканій, объясненныхъ имъ въ его сочиненіи: „Anatomie et Phisiologie du systéme nerveux en général et du cerveau en particulier“ изданномъ въ Парижѣ въ 1822 году, и одинъ изъ нихъ прислалъ ему для изслѣдованія черепъ одного мирнаго честнаго гражданина на мѣсто черепа какого то извѣстнаго въ то время и не за долго передъ тѣмъ казненнаго преступника. Галль разсмотрѣвъ присланный ему

черепъ и, полагая что это — черепъ преступника, нашелъ на немъ какую то шишку, которая, по его мнѣнію, служила выраженіемъ его безнравственнаго направленія. Ошибка Галля произошла отъ того, что найденная имъ шишка означала по его мнѣнію стремленіе къ пріобрѣтенію, но пріобрѣтать можно честнымъ и безчестнымъ путемъ, вслѣдствіе чего Галль и не отличилъ по черепу честнаго гражданина отъ казненнаго злодѣя. Случай этотъ служитъ указаніемъ, что если наши тѣлесные органы, по конструкціи своей и вызываютъ какія-либо дѣйствія людей, то характеръ этихъ дѣйствій въ нравственномъ смыслѣ, зависитъ всегда, не отъ тѣла, а отъ души *).

*) Разсказъ объ этомъ случаѣ я слышалъ бывши въ Парижѣ въ 1856 году отъ одного современника Галля.

VI.

Огромное большинство философовъ, держась разныхъ міровоззрѣній, признавали существованіе у человѣка души. Сознавая, что въ природѣ есть такія тайны, которыхъ умъ человѣческій не можетъ постичь, они на многіе вопросы отвѣчали незнаніемъ. Знаменитый Сократъ сказалъ даже: *„мы знаемъ только то, что ничего не знаемъ"*. Но по мѣрѣ распространенія естественныхъ знаній и въ виду открытія новыхъ законовъ природы, натуралисты стали рѣшать такіе философскіе вопросы, на которые философы отвѣчали незнаніемъ, такъ напр. они стали утверждать, что происхожденіе всѣхъ свойствъ души человѣка надобно искать въ его тѣлесныхъ органахъ. Во главѣ этихъ натуралистовъ сталъ знаменитый англійскій ученый Дарвинъ, который создалъ новое ученіе о происхожденіи органическихъ существъ. Его громадныя знанія и добросовѣстность, съ которой онъ дѣлалъ свои наблюденія внушили общее къ нему уваженіе, и надобно думать, что это уваженіе, болѣе чѣмъ убѣдительность его ученія создали расколъ въ ученомъ мірѣ: изъ большинства ученыхъ, признававшихъ прежде существованіе человѣческой души, теперь образовалось большинство лицъ, ее не признающихъ. Конечно, если бы ученіе Дарвина возбудило только разногласіе между учеными, оно не могло бы имѣть для меня интереса въ виду того, что я не принадлежу ни къ числу ученыхъ, ни къ числу профессоровъ, но проповѣдуя людямъ матеріализмъ, оно учитъ ихъ жить тѣломъ, а не душой, въ которой, по моему мнѣнію, заключается исключительно счастье человѣка. Чтобы увѣровать въ ученіе Дарвина, надобно, чтобы доказательства его истины не могли под-

лежать ни малѣйшему сомнѣнію, между тѣмъ ознакомившись съ этимъ ученіемъ, я нашелъ, что доказательства приводимыя Дарвиномъ основаны только на наблюденіяхъ, которыя онъ дѣлалъ надъ жизнію небольшаго числа органическихъ существъ; можетъ быть, если бы онъ изслѣдовалъ жизнь всѣхъ живыхъ организмовъ, то онъ пришелъ бы къ другимъ заключеніямъ.

Ученіе Дарвина заключается въ слѣдующемъ: всѣ виды органическихъ существъ, по его мнѣнію, постоянно измѣняясь и совершенствуясь, управляются двумя законами природы, закономъ борьбы за существованіе и закономъ естественнаго *подбора*, или *отбора*, какъ говоритъ профессоръ Тимирязевъ. Первый законъ заключается въ томъ, что особи животныхъ и растеній размножаются съ такой быстротой, которая лишаетъ ихъ средствъ для одновременнаго существованія. Нуждаясь въ пищѣ онѣ ведутъ между собою борьбу, въ которой слабѣйшія погибаютъ, а сильнѣйшія, то есть наиболѣе приспособленныя къ той средѣ, въ которой живутъ, остаются побѣдителями; эти послѣднія снова плодятся, снова возникаетъ борьба и снова остаются въ живыхъ наиболѣе совершенныя особи. Такую работу природы Дарвинъ назвалъ естественнымъ подборомъ, въ отличіе его отъ искусственнаго подбора, который производится людьми для улучшенія породъ животныхъ или сорта растеній. Искусственный подборъ отличается отъ естественнаго тѣмъ, что люди стараются улучшать породы животныхъ и растеній ради своей пользы, а въ естественномъ подборѣ, природа стремится измѣнить и усовершенствовать органическія существа ради ихъ пользы. Если бы открытые Дарвиномъ законы природы имѣли только научный интересъ, то съ ними можно было бы примириться, но Дарвинъ объясняетъ ими происхожденіе человѣка. По его теоріи человѣкъ и обезьяна происходятъ отъ одного и того же погибшаго вида, котораго они оба составляютъ видоизмѣненія, слѣдовательно человѣкъ состоитъ съ обезьяной въ двоюродномъ родствѣ, или, какъ говорятъ дарвинисты, происходитъ отъ нее. Для подтвержденія этого взгляда, Дарвинъ много путешествовалъ и ознакомившись съ дикарями,

живущими на прибрежіи Огненной земли, нашелъ, что въ нихъ болѣе сходства съ орангутангами, чѣмъ съ людьми, живущими въ цивилизованныхъ странахъ.

Изъ сказаннаго видно, что главное основаніе ученія Дарвина заключается въ томъ, что всѣ органическіе виды измѣняются, совершенствуются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и наконецъ черезъ громадный промежутокъ времени переходятъ въ новые виды. Въ противоположность этому взгляду знаменитый Кювье доказываетъ, что органическіе виды не могутъ измѣняться потому что скрещеніе двухъ разныхъ видовъ между собой, бываетъ или совершенно безплодно, или бываютъ безплодны происшедшія отъ него помѣси. Дарвинъ, въ общемъ, не оспариваетъ этого мнѣнія Кювье, но говоритъ, что причинами безплодія могутъ быть другіе факторы изъ жизни организмовъ, какъ напримѣръ родство скрещиваемыхъ особей; при этомъ онъ указываетъ на свои наблюденія, подтверждающія это явленіе. Мнѣ кажется, что наблюденія не могутъ быть непреложными доказательствами какой либо истины. Люди, въ теченіи тысячелѣтій наблюдали солнце и были убѣждены, что оно двигается, а земля стоитъ, но явился Коперникъ и доказалъ противное. Самые искусные врачи, наблюдая одного и того же больнаго, приходятъ не рѣдко къ разнымъ заключеніямъ о его болѣзни. Въ данномъ случаѣ, Дарвинъ и Кювье, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, высказываютъ совершенно противоположные взгляды. Оба они натуралисты, оба пользуются одинаковой научной славой. Кому же изъ нихъ мы должны вѣрить? Если повѣримъ Кювье, то теорія Дарвина должна исчезнуть; если повѣримъ Дарвину, то теорія его останется, но вѣра въ нее будетъ основана на гадательныхъ началахъ. Такой теоріей нельзя восхищаться, какъ дѣлаютъ это дарвинисты. Въ особенности, не могутъ быть признаны вѣрными доказательствами тѣ наблюденія, которыя дѣлаются надъ частію цѣлаго и когда свойства этой части приписываютъ цѣлому. Дарвинъ нашелъ на освованіи своихъ наблюденій надъ нѣкоторыми растеніями, что родство имѣетъ своимъ послѣд-

ствіемъ безплодіе и это свойство родства онъ приписалъ всѣмъ органическимъ существамъ, слѣдовательно и человѣку. Профессоръ Тимирязевъ говоритъ въ своей книжкѣ: „*Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе*“, что вредъ браковъ людей между близкими родственниками признавался обычаями и законами почти всѣхъ временъ и народовъ. Какой вредъ? Г. Тимирязевъ не сказалъ, но только не безплодіе. Изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ наибольшее число дѣтей имѣютъ женившіеся двоюродные братья на двоюродныхъ сестрахъ. Думаю, что кромѣ меня, найдутся многіе другіе, которые подтвердятъ мое сомнѣніе въ томъ, чтобы безплодіе между людьми было послѣдствіемъ браковъ между родственниками.

Описывая борьбу за существованіе, Дарвинъ говоритъ, что громадное число организмовъ гибнетъ для того, чтобы сохранился одинъ, такъ напримѣръ, по его изслѣдованіямъ, изъ 186,300 сѣмянъ, производимыхъ ежегодно растеніемъ Кукушкиныхъ слезокъ, выживаетъ только одно растеніе въ два года. Принципъ жертвовать большинствомъ для пользы ничтожнаго меньшинства несогласенъ съ складомъ человѣческаго ума; все цивилизованное человѣчество считаетъ актомъ справедливости заботиться объ общей пользѣ, хотя бы она была сопряжена съ частнымъ вредомъ. По мнѣнію Дарвина, природа держится обратнаго принципа, цѣлесообразность котораго профессоръ Тимирязевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ, стр. 150. „Взвѣсивъ все сказанное о борьбѣ за существованіе и вытекающемъ изъ нея естественномъ отборѣ, мы должны будемъ согласиться, что процессъ этотъ вполнѣ объясняетъ самое главное и загадочное обстоятельство, поражающее всякаго при взглядѣ на органическій міръ—его изумительное совершенство и гармонію, Мы видимъ какимъ простымъ путемъ природа могла достигнуть тѣхъ поразительныхъ результатовъ, которыми мы восхищаемся. Она не чудеса творила, прямо выливая существа въ изумительно совершенныя формы, а только тщательно стирала слѣды своихъ ошибокъ. Въ несмѣтномъ числѣ попытокъ, въ безпощадномъ истребленіи всѣхъ неудачъ и за-

ключается причина этого совершенства. Мы можемъ сказать, не боясь впасть въ парадоксъ, что причина совершенства органическаго міра заключалась въ его скрытомъ несовершенствѣ, такъ какъ едвали можно назвать совершенствомъ гибель мильярдовъ существъ для сохраненія одного". Мысли высказанныя профессоромъ Тимирязевымъ представляются весьма неясными. *Органическій міръ совершененъ потому что въ немъ есть скрытое несовершенство*, говоритъ онъ и прибавляетъ, что это не парадоксъ. Я совершенно согласенъ, что это не парадоксъ; это—абсурдъ... Затѣмъ онъ говоритъ что *природа не чудеса творила, прямо выливая существа въ изумительно совершенныя формы, а только стирала слѣды своихъ ошибокъ.* Въ чемъ же заключались ея ошибки? Я ихъ вижу, руководствуясь здравымъ смысломъ, въ томъ, что она присудила къ гибели мильярды существъ для сохраненія одного. Профессоръ же Тимирязевъ, какъ надобно предполагать, съ этимъ не согласенъ; онъ находитъ, что въ безпощадномъ истребленіи всѣхъ неудачъ заключается причина совершенства міра. Мнѣ кажется, что если природа дѣлала ошибки и имѣла неудачи, отъ которыхъ она не застрахована и въ настоящее время, то міръ ею управляемый не можетъ представлять изумительнаго совершенства и гармоніи. Съ философской точки зрѣнія я смотрю такъ: если Богъ совершененъ и не имѣетъ ни начала, ни конца, то все созданное имъ, какъ имѣющее начало не можетъ быть совершенно; иначе были бы не одинъ, а два Бога, одинъ безначальный и безконечный, а другой созданный.

Въ сочиненіи профессора Тимирязева подъ заглавіемъ Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе на стр. 149, приведены слѣдующія слова Дарвина. „Еслибы можно было доказать—говоритъ Дарвинъ, что какая либо черта въ какомъ либо видѣ сложилась лишь на благо другому виду, такой фактъ подорвалъ бы всю мою теорію, ибо такая черта строенія не могла бы сложиться въ силу естественнаго отбора". Дѣйствительно, прибавляетъ г. Тимирязевъ, хотя во многихъ естественно историческихъ сочиненіяхъ и встрѣчаются указанія на подобныя приспособленія,

но Дарвинъ говоритъ, что онъ не могъ отыскать ни одного подобнаго факта, которому бы можно было придать вѣсъ. Говорятъ, напр., что гремучій аппаратъ гремучей змѣи данъ ей для того, чтобы предупреждать добычу, слѣдовательно къ прямому вреду его обладательницы. „Послѣ этого—замѣчаетъ Дарвинъ, можно скатать также, что кошка, собирающаяся прыгнуть, извиваетъ хвостъ, для того чтобы спугнуть мышь“. Мнѣ кажется, что сравненіе, которое дѣлаетъ Дарвинъ кошки съ змѣей едвали основательно. Мышъ видитъ кошку и ея хвостъ одновременно, а потому она пугается кошки, а не ея хвоста. Намѣченная же жертва змѣи слышитъ ея гремучій аппаратъ прежде чѣмъ появляется змѣя, а потому аппаратъ этотъ предупреждая жертву, даетъ ей время скрыться и лишая тѣмъ змѣю пищи, наноситъ ей безспорно вредъ. Если же предположить, что хвостъ кошки дѣйствуетъ такимъ же предупреждающимъ образомъ какъ гремучій аппаратъ, то основательнѣе будетъ сказать что хвостъ кошки приноситъ ей вредъ, чѣмъ отрицать вредъ отъ гремучаго аппарата для змѣи. Дарвинъ считаетъ это предположеніе бездоказательнымъ, а потому не видитъ въ немъ опроверженія его теоріи, но какъ ученый добросовѣстный, онъ называетъ свое ученіе гипотезой и говоритъ: „Всякій, чей умственный складъ заставляетъ приписывать бо́льшее значеніе необъясненнымъ трудностямъ, чѣмъ объясненію извѣстнаго числа фактовъ, конечно, отвергнетъ мою теорію“. По моему складу ума, я приписываю бо́льшее значеніе трудности происхожденія человѣка отъ обезьяны, чѣмъ объясненію фактовъ, взятыхъ изъ жизни нѣкоторыхъ органическихъ существъ и обобщенныхъ на весь органическій міръ. Указанныя слова Дарвина очень не нравятся дарвинистамъ, qui sont plus royalistes que le Roi и они стремятся исказить ихъ смыслъ, но всѣ ихъ объясненія болѣе остроумны, чѣмъ убѣдительны. Я ихъ не привожу, потому что задача моя заключается не въ томъ, чтобъ представить читателямъ подробный разборъ теоріи Дарвина, а только, въ томъ чтобы высказать мои взгляды и мотивы къ нимъ.

Въ заключеніе приведу еще одно соображеніе, которое внушила мнѣ эта теорія.

Математика, какъ всѣмъ извѣстно,—наука точная, дающая, несомнѣнно вѣрные выводы, а между тѣмъ, можно воспользоваться подчасъ вычисленіями, чтобы доказать нелѣпость, какъ напр. что 2=3 *). Эти нелѣпые выводы называются *пѣшками*. Мнѣ кажется, что ученіе Дарвина составляетъ одну изъ нихъ, такъ какъ оно приводитъ къ нелѣпому заключенію, что у человѣка нѣтъ души, а потому онъ не болѣе какъ усовершенствованная обезьяна. Математикъ, обыкновенно, получивъ нелѣпый выводъ, ищетъ объясненіе его въ неправильности сдѣланныхъ имъ вычисленій; натуралистъ же такъ убѣжденъ въ безошибочности своихъ наблюденій, что нелѣпому выводу придаетъ значеніе истины. Мнѣ кажется, что на сторонѣ математика гораздо болѣе логики, чѣмъ на сторонѣ натуралиста**).

Кромѣ дарвинизма есть въ настоящее время другое философское ученіе съ матеріалистической подкладкой***); это—ученіе

*) На основаніи математическихъ правилъ отъ перемѣщенія множителей, произведеніе не измѣняется, слѣдовательно:

$2.3=3.2$, или $-2.3=-3.2$, или $2.(-3)=3(-2)$ но $-3=2-5$, $-2=3-5$; подставивъ въ предыдущее уравненіе, получимъ: $2.(2-5)=3.(3-5)$ или, перемноживъ, будетъ: $4-10=9-15$; Прибавивъ къ обѣимъ частямъ уравненія по $\frac{25}{4}$ отчего равенство не измѣнится, получимъ: $4-10+\frac{25}{4}=9-15+\frac{25}{4}$. Это равенство составляетъ полный квадратъ, а потому можетъ быть выражено такъ: $\left(2-\frac{5}{2}\right)^2=\left(3-\frac{5}{2}\right)^2$; или, по извлеченіи квадратныхъ корней, будетъ: $2-\frac{5}{2}=3-\frac{5}{2}$. Прибавивъ къ обѣимъ частямъ уравненія по $\frac{5}{2}$, получимъ $2=3$.

**) Въ приведенной пѣшкѣ, 2=3 нелѣпый выводъ получается главнымъ образомъ потому что составитель пѣшки подыскалъ величину $\frac{25}{4}$, которая, будучи приложена къ обѣимъ частямъ уравненія даетъ этотъ выводъ; всякая же другая величина его не дала бы. Точно также поступаетъ и Дарвинъ. Для доказательства своихъ предположеній, онъ указываетъ на тѣ свои наблюденія, которыя ихъ подтверждаютъ, умалчивая о тѣхъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его взглядами. Онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ если бы кто нибудь сталъ доказывать, что животные могутъ говорить и въ доказательство указалъ бы на говорящаго попугая.

***) Матерьялистическая подкладка заключается въ томъ, что Графъ Толстой ищетъ счастье, не въ развитіи и удовлетвореніи духовныхъ потребностей, а въ физическомъ трудѣ, который можетъ быть только средствомъ, но не цѣлью жизни.

графа Л. Н. Толстаго, которое, проповѣдуя христіанскій принципъ любви къ ближнему, отвергаетъ существованіе индивидуальной души у человѣка. Въ этомъ ученіи мы видимъ такую несовмѣстимость проповѣдуемыхъ принциповъ, что о немъ не стоило бы говорить, если бы оно не было въ модѣ и у него не было бы много поклонниковъ.

Графъ Толстой видитъ путь къ счастью въ отреченіи отъ науки, а между тѣмъ онъ проповѣдуетъ „*не дѣланіе* и *непротивленіе злу*, смыслъ которыхъ можетъ быть понятъ только людьми развитыми; невѣжды же, понявъ эти выраженія въ буквальномъ смыслѣ, сочтутъ добродѣтелями: лѣнь, тунеядство и полное равнодушіе ко всему дурному. Затѣмъ, графъ Толстой отвергаетъ индивидуальную душу у человѣка; онъ говоритъ, что вся природа составляетъ одно живое существо, что всякій живой организмъ, слѣдовательно и человѣкъ является частицей этой міровой жизни и что она то и есть Богъ. Держась, такимъ образомъ философской системы Спинозы, то есть пантеизма, онъ въ тоже время увѣряетъ, что въ поискахъ за рѣшеніемъ жизненной загадки, онъ пришелъ къ христіанской вѣрѣ. Христіанская же вѣра пантеизма не признаетъ. Наконецъ графъ Толстой рекомендуетъ ручной, преимущественно, земледѣльческій трудъ, который по его мнѣнію, даетъ счастье человѣку, налагая на него обязанность самому удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, а между тѣмъ самъ графъ Толстой посвящаетъ почти все свое время умственному труду, удѣляя ничтожную его частицу занятіямъ по обработкѣ земли и по ремесламъ, которыя конечно, никакъ не могутъ удовлетворить всѣхъ его потребностей. Но самый странный принципъ ученія графа Толстаго, это—это умерщвленіе плоти, который можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ—уничтоженіе рода человѣческаго. Онъ говоритъ, что всякое общеніе съ женщиною безнравственно, какъ въ брачной такъ и въ внѣбрачной жизни. „Крейцерова соната“ является воплощеніемъ этого тезиса. Такимъ принципомъ графа Толстого не руководствовались даже и стоики. Имъ руководствуются только скопцы.

VII.

Матеріализмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ желанію людей жить только настоящимъ. Одни изъ нихъ недостаточно развиты, чтобъ понять, что гоняясь за матеріальными благами и ища счастье въ удовлетвореніи своихъ мелкихъ чувствъ, они тѣмъ убиваютъ свою душу и готовятъ себѣ несчастье на всю жизнь. Заблужденія же людей развитыхъ заключаются главнымъ образомъ, въ томъ, что они смотрятъ на счастье, какъ на лотерею, выигрыши которой даются не всѣмъ людямъ въ одинаковой степени, а между тѣмъ они забываютъ, что сила создавшая эту лотерею, создала и всю вселенную, стройность и мудрость устройства которой поражаютъ насъ удивленіемъ. Могла ли эта сила, совершенная сама въ себѣ, допустить такую возмутительную несправедливость, какъ дать однимъ людямъ счастье, а другимъ въ немъ отказать? Невозможность такой несправедливости должна привести насъ къ убѣжденію, что счастье людей находится не внѣ ихъ, а въ нихъ самихъ и что для пользованія этимъ счастьемъ намъ нужно воспитывать себя въ теченіи всей жизни точно также, какъ мы воспитываемъ другихъ въ малолѣтнемъ возрастѣ. Если мы убѣждены,

что всѣ внушаемыя нами малолѣткамъ мысли, чувства и желанія должны вести ихъ къ счастью, то можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что тѣ же мысли, чувства и желанія составятъ и наше счастье, если только мы будемъ твердо держаться тѣхъ принциповъ, которые мы стараемся внушать другимъ. Къ сожалѣнію, учить другихъ оказывается легче, чѣмъ учить самихъ себя. Причина такого явленія заключается въ недостаткѣ силы воли, которую развить въ себѣ вполнѣ зависитъ отъ насъ. Люди очень часто говорятъ: *я не могу* сдѣлать того или другаго, не смотря на все мое желаніе. Этими словами они обманываютъ себя, чтобъ успокоить свою совѣсть: они могутъ, но не хотятъ сдѣлать надъ собой никакого усилія, чтобы поступить такъ, какъ говорятъ имъ умъ и совѣсть.

Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ были проповѣдники и поклонники матеріализма, но въ современномъ обществѣ, матеріализъ такъ глубоко пустилъ корни, что даже наука стала на его сторону. Погоня за матеріальными наслажденіями и поклоненіе золотому тельцу явились естественными послѣдствіями матеріалистическаго направленія нашего общества. Но сдѣлались ли отъ этого люди счастливѣе? Статистика преступленій и возникновеніе новыхъ разрушительныхъ теорій говорятъ намъ, что счастье далеко отъ людей; тоже подсказываетъ намъ наше сердце и тоже повторяетъ намъ умъ. Послушаемся же ихъ, сбросимъ съ себя оковы страстей и отвернемся отъ мишурнаго блеска матеріальныхъ благъ. Убѣдимся, что счастье человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ и что не тотъ человѣкъ счастливъ кому много дано, а тотъ, кто доволенъ тѣмъ что имѣетъ. Если судьба посылаетъ намъ страданія незаслуженныя, будемъ вѣрить что она пошлетъ намъ и наслажденія. Укрѣпимъ въ себѣ вѣру въ то, что все что дѣлается—дѣлается къ лучшему, что Богъ, какъ идеалъ благости, не можетъ желать намъ зла, а какъ идеалъ правосудія не можетъ посылать его иначе, какъ въ равновѣсіи съ добромъ и потому во всѣхъ нашихѣ неудачахъ будемъ искать вину въ себѣ, а не въ Провидѣніи. Наконецъ, будемъ стараться избавиться отъ заблуж-

деній, которыя служатъ главнымъ препятствіемъ къ нашему счастью и разовьемъ въ себѣ силу воли, нужную для успѣшной борьбы съ міромъ физическимъ.

Въ заключеніе, прилагаю здѣсь письмо ко мнѣ одного моего товарища Ю. Д. Ширяева, которое было напечатано въ брошюрѣ, изданной мной въ 1892 году подъ заглавіемъ: *„Любовь и сила воли“*. Ширяевъ принадлежитъ къ числу самыхъ счастливыхъ людей. Описывая въ письмѣ свою жизнь, онъ указываетъ гдѣ онъ искалъ счастье и въ чемъ его нашелъ.

Письмо Ширяева.

1-го мая 1891 года.

Десятки лѣтъ прошли съ того времени какъ мы съ тобой разстались, но я никогда не забуду той поры молодости, когда мы дѣлили съ тобой и горе и радость и когда одни и тѣ же идеалы заставляли биться наши сердца. Въ то время намъ все казалось прекраснымъ, и люди, и природа, и жизнь; мы жили мечтами и надеждой на ихъ осуществленіе. Теперь настало время разсчета; мы должны подвести итоги всему что испытали, всему что мы сдѣлали и чего не сдѣлали; мы должны уяснить себѣ исполнились ли наши надежды на то хорошее будущее, которое мы ожидали отъ жизни и если не исполнились, то кто въ этомъ виноватъ? Конечно находясь на склонѣ жизни, нашъ жизненный опытъ не можетъ быть намъ полезенъ, вернуть прошлаго нельзя, но онъ можетъ принести пользу людямъ, начинающимъ жить, побудивъ однихъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя дали намъ въ жизни хорошіе результаты и остановивъ другихъ отъ дѣйствій, имѣвшихъ для насъ печальный исходъ. Прочитавъ твои воспоминанія въ Русскомъ Архивѣ, мнѣ показалось, что такова была твоя мысль печатая ихъ. Руководимый ею же я пишу тебѣ это письмо и препровождаю всѣ мои дневники, записки и письма, которые могутъ служить уясненіемъ разныхъ

обстоятельствъ моей жизни. Ты можешь если найдешь полезнымъ напечатать ихъ, но прошу тебя не оглашать ни моей фамиліи, ни фамилій лицъ, о которыхъ я говорю; замѣни ихъ, если хочешь вымышленными именами, или обозначь начальными буквами. Это непремѣнное условіе, которое, я увѣренъ, ты исполнишь въ память нашей старой дружбы.

Ты помнишь тотъ счастливый періодъ моей жизни когда я былъ женихомъ Вѣры Александровны Любимовой и то потрясающее впечатлѣніе, которое произвело на меня извѣстіе о ея смерти. Описывать ту пору моей жизни я не буду; ты найдешь изложеніе всего, что я тогда перечувствовалъ въ моихъ дневникахъ и запискахъ, Начну тебѣ описаніе моей жизни съ того времени когда мы съ тобой разстались.

По отъѣздѣ Вѣры за границу любовь моя къ ней овладѣла всѣмъ моимъ существомъ, я отказался отъ свѣтской и разсѣянной жизни, которую прежде велъ, сосредоточился въ себѣ и чтобы быть достойнымъ ея любви, обратился къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Извѣстіе о ея смерти такъ меня поразило, что я заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Ты и другіе мои товарищи, какъ ты, вѣроятно, помнишь, нерѣдко заставали меня одного въ комнатѣ, громко говорящаго съ Вѣрой и считали меня сумашедшимъ; но я помню, что эти бесѣды доставляли мнѣ неописанное удовольствіе; я представлялъ въ моемъ воображеніи, что невидимый духъ Вѣры находится при мнѣ и что онъ слышитъ и понимаетъ все что я говорю. По моемъ выздоровленіи, я освоился съ мыслью, что я ее болѣе не увижу и всѣ мои воспоминанія о ней сосредоточились не на физическомъ, а на нравственномъ ея образѣ. Я обсуживалъ каждую мысль, каждое слово, которыя я слышалъ отъ Вѣры и задавалъ себѣ рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ искалъ въ своемъ умѣ. Первый вопросъ, который я задалъ себѣ былъ слѣдующій: зачѣмъ мы живемъ? и не есть ли наша жизнь, говоря словами поэта, *пустая и глупая шутка?*.. Въ древней Греціи было два философа, изъ которыхъ одинъ, дѣлая наблюденія надъ людьми, постоянно плакалъ, а другой постоянно смѣялся. Оба они были

правы. Въ настоящее время явились подражатели этимъ философамъ: пессимисты и оптимисты; одни говорятъ, что отъ жизни мы должны ждать только однихъ страданій, а другіе обѣщаютъ намъ рядъ наслажденій. Эти новые философы также правы какъ и древніе. — Въ основу мірозданія положены два начала: добро и зло. Если бы не было этихъ двухъ началъ, не было бы и жизни, которая есть ничто иное, какъ постоянная борьба одного начала съ другимъ. Для защиты отъ зла, отъ котораго происходятъ всѣ наши страданія, человѣку данъ разумъ, который, управляя его чувствами, желаніями и волей, долженъ направлять насъ къ добру, слѣдовательно отъ нашего разума зависитъ сдѣлать нашу жизнь, или *пустой и глупою шуткой*, или высокимъ даромъ провидѣнія. Затѣмъ я задалъ себѣ другой вопросъ: въ чемъ заключается счастье нашей жизни? Въ моихъ запискахъ я указалъ что всѣ лица изъ круга моихъ знакомыхъ, которыя искали счастье въ удовлетвореніи своихъ дурныхъ чувствъ, не только его не нашли, но и причинили себѣ такія душевныя страданія, которыя ускорили ихъ смерть. Вѣра говорила, что изъ всѣхъ нашихъ чувствъ только одна любовь должна служить звеномъ, связующимъ людей и что только въ ней одной человѣкъ можетъ найти самое прочное счасть на землѣ. Убѣдившись вполнѣ въ этомъ взглядѣ, я рѣшился изгнать изъ моего сердца всякое эгоистическое чувство и направить мою дѣятельность на служеніе добру и истинѣ. Подчасъ мнѣ было нелегко подавлять мой эгоизмъ, поддерживаемый дурными чувствами, но разсудокъ и сила воли, которую я старался въ себѣ развивать, въ большинствѣ случаевъ давали мнѣ побѣду надъ самимъ собой. Для облегченія внутренней борьбы, которую я велъ, я принималъ нѣкоторыя мѣры, которыя могутъ показаться странными, но тѣмъ не менѣе я ихъ не скрою отъ тебя. Каждое утро вставая съ постели, я обдумывалъ что мнѣ предстоитъ въ этотъ день сдѣлать и гдѣ быть? Если случалось, что предположенная программа дня исполнялась въ дѣйствительности, то я говорилъ и дѣйствовалъ по составленному мной плану по утру; если же явля-

лись непредвидимыя обстоятельства, которыя измѣняли программу дня, то вечеромъ я обдумывалъ такъ ли я поступилъ и то ли сдѣлалъ, что слѣдовало. Конечно, не мало было случаевъ когда я сознавалъ свои ошибки и дѣлалъ въ нихъ себѣ упреки, но сдѣланныя ошибки служили урокомъ для моей дѣятельности въ будущемъ. Другое средство, къ которому я прибѣгалъ заключалось въ томъ, что я рѣшился избѣгать знакомства съ людьми, которые были одержимы дурными чувствами и сближался только съ тѣми, которыхъ честность и благородство чувствъ не подлежали сомнѣнію. Наконецъ третьимъ средствомъ мнѣ служила дѣятельная жизнь, которую я велъ. Дѣятельность моя, конечно, не заключалась въ игрѣ въ карты или въ посѣщеніи кафе-шантановъ, а состояла изъ занятій, которыя были полезны и мнѣ и другимъ. Сначала большую часть этихъ занятій давала мнѣ служба, обязанности которой я исполнялъ вполнѣ добросовѣстно, а затѣмъ я женился и къ служебнымъ обязанностямъ присоединились семейныя. Да, любезный другъ, я женился и знаю, что ты и многіе мои товарищи были не мало этимъ удивлены; зная мою сумашедшую любовь къ Вѣрѣ, они думали, что я никогда ее не забуду. Позволь выяснить тебѣ причины, побудившія меня жениться. Что я любилъ Вѣру, въ этомъ, конечно, ты не могъ сомнѣваться, а также вѣрно и то, что если бы она была жива, то никакая другая женщина не могла бы быть моей женой, кромѣ ея, но она умерла, вѣрность моя къ ней могла выразиться только въ вѣрности тѣмъ принципамъ, которые она завѣщала, а одинъ изъ этихъ принциповъ скорѣе требовалъ, чтобы я женился, чѣмъ воспрещалъ это. Передъ отъѣздомъ ея за границу она мнѣ не разъ говорила, что каждый молодой человѣкъ, который чувствуетъ себя способнымъ сдѣлать счастье женщины долженъ непремѣнно жениться, не только ради счастья той, которая рѣшается ввѣрить ему свою судьбу, но и для пользы Государства, которому онъ можетъ дать вѣрныхъ слугъ и честныхъ гражданъ; того же, который не женится, она называла эгоистомъ, живущимъ только для себя. Этотъ взглядъ Вѣры

вполнѣ сходился съ моимъ и потому какъ только я почувствовалъ, что мое сердце заговорило, а оно заговорило черезъ 10 лѣтъ послѣ того времени когда я увидалъ Вѣру въ первый разъ, я сдѣлалъ предложеніе и женился на дѣвушкѣ, которая по своимъ нравственнымъ качествамъ вполнѣ напоминала мнѣ Вѣру. Я женился черезъ годъ послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, гдѣ мы видѣлись съ тобой въ послѣдній разъ.

Въ настоящее время прошло уже болѣе 30 лѣтъ какъ я женатъ. Въ теченіи всего этого времени мы съ тобой не видѣлись и я тебѣ не писалъ потому что разставшись съ тобой мы пошли по разнымъ дорогамъ не будучи связаны никакими общими интересами. Можетъ быть я умеръ бы и ты бы ничего обо мнѣ не узналъ, если бы не твои воспоминанія, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ, которыя напомнили мнѣ мою молодость и возбудили во мнѣ такую симпатію къ твоей прошлой дѣятельности, что я рѣшился, въ видѣ дополненія къ ней, описать тебѣ все, что я передумалъ и перечувствовалъ съ того времени какъ мы съ тобой разстались. Я также какъ и ты пережилъ великія реформы Царя-Освободителя и также какъ и ты глубоко имъ сочувствовалъ, но говорить о нихъ я не стану; ты сказалъ все что я хотѣлъ и могъ бы сказать. Опишу тебѣ лучше исторію моихъ чувствъ, открою передъ тобой душу и выскажу тебѣ мои сомнѣнія и надежды, которыя волнуютъ меня старика въ настоящее время.

Испытавъ въ теченіи многихъ лѣтъ силу воли, съ которой я работалъ надъ моимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, я рѣшился жениться только тогда, когда убѣдился, что могу сдѣлать мою жену счастливою. Что я буду самъ счастливъ я въ этомъ не сомнѣвался, такъ какъ у хорошаго мужа жена не можетъ быть дурна, если только она получила хорошее домашнее воспитаніе; я же выбралъ такую дѣвушку, которая вполнѣ удовлетворяла этому условію. Она не была богата и не была особенно красива, слѣдовательно ни деньги, ни кокетство не могли внести въ ея сердце нравственной порчи. Когда я ее полюбилъ и заслужилъ ея взаимность, мой разсудокъ вполнѣ

одобрилъ выборъ моего сердца. Въ теченіи 30 лѣтъ которыя мы съ ней живемъ, у насъ не было ни одной сколько нибудь серьезной ссоры; если же бывали мелкія недоразумѣнія, которыя, конечно, не могли имѣть никакого вліянія на наше семейное счостье, то они всегда неизбѣжны тамъ гдѣ мужъ и жена не находятся въ подчиненіи одинъ у другаго, а считаютъ себя равноправными. Послѣ женитьбы я обратилъ особенное вниманіе на вопросъ о воспитаніи. Человѣкъ не родится ни нравственно хорошимъ, ни нравственно дурнымъ; сдѣлать его тѣмъ или другимъ зависитъ отъ воспитанія, а потому родители, желающіе добра своимъ дѣтямъ, должны строго обдумать тѣ мѣры, которыми они должны дѣйствовать на нравственное развитіе своихъ дѣтей. Прочитавъ массу педагогическихъ сочиненій и ознакомившись со взглядами на воспитаніе лучшихъ иностранныхъ и русскихъ педагоговъ, я убѣдился, что воспитаніе не требуетъ никакого особеннаго искусства; нужно только умѣть воспитать самого себя и сдѣлаться, какъ говоритъ Комбъ, ссмому прежде тѣмъ, чѣмъ желаешь сдѣлать воспитываемаго. Проникнутый этой мыслію, я старался чтобы каждое мое слово, сказанное при дѣтяхъ, могло служить имъ хорошимъ примѣромъ, вслѣдствіе чего я заранѣе обдумывалъ все то, что можно и должно было говорить, чтобы произвѣсти на нихъ хорошее впечатлѣніе. Въ сужденіяхъ о людяхъ я никогда не отзывался съ злобой или съ желчью о тѣхъ, которые совершили какіе либо проступки или преступленія, напротивъ, я высказывалъ сожалѣніе, что они, по неразумію, или по недостатку силы воли, дѣлали свою жизнь несчастною. О хорошихъ же людяхъ я отзывался съ особенными похвалами и вмѣнялъ имъ въ огромное достоинство, если они дѣлали добро всѣмъ кому могли. Кто дѣлаетъ добро, говорилъ я, тотъ любитъ людей, а кто любитъ ихъ, тотъ не только дѣлаетъ счастье тѣхъ кого любитъ, но и свое собственное, такъ какъ любовь есть чувство, которое даетъ намъ въ жизни наибольшія наслажденія. Уясняя мысль, что за зло не слѣдуетъ платить зломъ, я говорилъ, что не слѣдуетъ этого дѣлать не только потому что таковъ христіанскій

принципъ, которымъ мы должны руководствоваться, но и потому что великодушіе, которое мы оказываемъ нашему врагу обезоруживаетъ его и даетъ намъ гораздо болѣе наслажденій чѣмъ злоба и мщеніе *). Зная, что въ дѣтскомъ возрастѣ каждая мелочь оставляетъ неизгладимый подчасъ слѣдъ въ душѣ дѣтей, я велъ самый скромный образъ жизни и чтобы не развивать въ нихъ желанія какого либо щегольства, я не допускалъ ни въ туалетѣ, ни въ обстановкѣ моей квартиры ни малѣйшей роскоши, заботясь исклюсительно о чистотѣ, требуемой гигіеническими условіями. О тѣхъ же людяхъ, которые хотѣли обратить на себя вниманіе щегольскими нарядами, экипажами или изящной меблировкой своихъ помѣщеній я отзывался съ насмѣшкой и выражалъ увѣренность, что погоня этихъ людей за внѣшнимъ блескомъ и роскошью не много доставитъ имъ удовольствія, такъ какъ всегда найдутся имъ соперники, которые съумѣютъ затмить ихъ блескъ своимъ блескомъ. Чтобы не развивать въ дѣтяхъ разборчивости въ пищѣ, которая можетъ принести въ жизни не мало непріятныхъ минутъ, я ѣлъ все что подавали и никогда не говорилъ дурно или хорошо были приготовлены подаваемыя кушанья.

Вообще, желая внушить дѣтямъ любовь ко всему хорошему и отвращеніе отъ всего дурнаго, я старался достигнуть этой цѣли не сухими нравоученіями, а интересными разсказами, взятыми изъ жизни различныхъ людей; разсказы мои производили на нихъ горoздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ нравоученія. Но что было самое трудное въ дѣлѣ воспитанія, это — предохранить дѣтей отъ дурныхъ вліяній лицъ, ихъ окружающихъ. Няньки, мамки, гувернеры, гувернантки, не имѣя, большею

*) По поводу сказаннаго приведу выдержку изъ одного письма ко мнѣ Вѣры: „Le christianisme nous enseigne à pardonner les offenses, qu'on nous fait et nous oblige à faire le bien à nos ennemis. N'est ce pas là, la plus haute vertu, qui peut embellir la vie de l'homme et montrer toute la grandeur de son caractére? N'est ce pas le plus grand triomphe, auquel peut prétendre la nature humaine? La jouissance qu'on en tire vient de la donce satisfaction d'avoir triomphé de nous mêmes. O! cher ami, si vous avez jamais éprouvé cette jouissance, vous la preféreriez á toutes celles, que nous donne l'égoisme. Croyez moi, la magnanimité et la grandeur d'âme sont les meilleures armes, dont on peut se servir pour combattre la haine et la méchanceté“.

частію, никакого понятія о воспитаніи, не рѣдко, своими разговорами съ дѣтьми, развивали въ нихъ предразсудки и внушали превратное понятіе о нравственныхъ принципахъ. Устранить это зло было иногда невозможно.

Нѣкоторыя лица, не сознавая важности воспитанія, приводятъ иногда примѣры, что братья, одинаково воспитанные выходятъ совершенно различныхъ направленій. Это дѣйствительно бываетъ, когда братья отъ природы различныхъ темпераментовъ и когда къ нимъ примѣняютъ однѣ и тѣ же воспитательныя мѣры. Тѣ мѣры, которыя могутъ быть хороши для мальчика живаго и рѣзваго, могутъ быть нерѣдко вредными для характеровъ апатичныхъ и вялыхъ. Выборъ воспитательныхъ мѣръ и умѣніе ихъ примѣнять къ каждому изъ воспитываемыхъ, сообразуясь съ его характеромъ, составляетъ въ дѣлѣ воспитанія наибольшую трудность. Хотя я старался ее преодолѣть, но сознаюсь, что подчасъ я не дѣлалъ того, что слѣдовало бы. Благодарю Бога, что мои воспитательскіе промахи не имѣли дурнаго вліянія на моихъ сыновей, которые давно уже живутъ самостоятельной жизнію и такъ нравственно хороши, что лучшаго желать невозможно. Видѣть ихъ такими составляетъ такое счастье для родителей, большаго которому не можетъ быть.

Посѣщая разные слои общества и встрѣчая людей съ различными взглядами, я невольно вспоминалъ не разъ „*Записки доктора Крупова*“, въ которыхъ авторъ проводитъ мысль, что всѣ люди—сумашедшіе. Дѣйствительно, если ближе всмотрѣться въ жизнь людей нашихъ среднихъ классовъ, то нельзя не удивляться до какой степени ихъ разсудокъ затемненъ завистью, тщеславіемъ, деньголюбіемъ и другими дурными качествами. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, они ищутъ наслажденій, большею частію матеріальныхъ, забывая, что ихъ *я* заключается не въ тѣлѣ, а въ душѣ. Увлекаясь завистью не рѣдко бываетъ, что завидующій имѣетъ гораздо болѣе гарантій къ счастію, чѣмъ тотъ, которому онъ завидуетъ; подъ вліяніемъ тщеславія, случается что человѣкъ желаетъ обратить на себя вниманіе другихъ людей такими достоинствами, которыя не имѣютъ ни-

какой цѣны въ глазахъ людей разсуждающихъ. Деньголюбіе же, изсушая сердце человѣка лишаетъ его наслажденій, проистекающихъ отъ любви къ ближнему. Такая недальновидность въ погонѣ за счастьемъ и такое отсутствіе силы воли для борьбы съ дурными чувствами напомнили мнѣ Крупова, предполагавшаго, что нѣтъ человѣка, который бы не былъ помѣшанъ на какомъ-нибудь пунктѣ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Оглавленіе 1-й части.

Стр.

I. Служба въ Гвардейской Конной Артиллеріи. — Кадетскіе корпуса прежняго времени.—Маскарадъ въ Новгородѣ.—Старая Русса.—Первая любовь 5
II. Лагерь подъ Краснымъ селомъ.—Практическая стрѣльба.—Экзамены Артиллерійскихъ офицеровъ.—Оффиціальный обманъ.—Товарищеское чувство 33
III. Левинъ.—Ольга С.—Тревога.—Маневры. 46
IV. Травяное довольствіе.—Дуэли.—Дисциплина.—Полковникъ Овсянниковъ.—Генералъ Шварцъ 55
V. Петербургскіе маскарады.—Анна С.—Назначеніе бригаднымъ адъютантомъ . . 70
VI. 1847-й годъ.—Холера въ Петербургѣ.—Выступленіе Гвардейскаго корпуса изъ Петербурга въ маѣ 1849 года.—Возвращеніе.—Исторія Левина съ Шварцемъ.—Sophie. — Княгиня Нина. — Мое назначеніе въ Севастополь въ распоряженіе князя Меншикова. 79
VII. Севастополь. — Высадка непріятеля около Евпаторіи.—Рекогносцировка 7-го сентября.—Альминское сраженіе и его послѣдствія 112
VIII. Фланговое движеніе къ Бахчисараю. — Севастополь послѣ Альминскаго сраженія.—Мусина-Пушкина —Первое бомбандированіе Севастополя 5-го октябрн.—Удачное дѣло Липранди подъ Балаклавой.—Похороны Корнилова —Тотлебенъ.—Инкерманское сраженіе. 138
IX. Контузія въ голову.—Жизнь въ госпиталѣ.—Мои впечатлѣнія.—Отъѣздъ въ Москву.—Кончина Императора Николая Павловича 165

Оглавленіе 2-й части.

Стр.

I. Служба въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ. — Баронъ Корфъ. — Подполковникъ Штосъ.—Полковникъ Богдановъ.—1858 годъ въ Петрозаводскѣ.—Поѣздка въ чужіе края.—Въ Шлангенбадѣ.—Въ Парижѣ 175
II. Новое царствованіе.—Сенатскій указъ.—Н. Серно-Соловьевичъ.—Начало раскрѣпощенія.—Александръ II-й. 194
III. Въ Министерствѣ Внутреннимъ Дѣлъ.—Гласнымъ въ Петербургской Думѣ.—Публичныя лекціи Лаврова.—М. П. Погодинъ. — М. Н. Муравьевъ 209
IV. „Народное Чтеніе".—Либералы хамелеоны —Петербургскіе пожары 226
V. Депутаты по дѣлу раскрѣпощенія крестьянъ.—Депутатъ Горсткинъ.—П. А. Булгаковъ.—19 февраля 1861 года 232
VI. Мировые посредники.—Продажа старыхъ ружей.—Навязчивая вдова.—Поѣздка за границу.—Познань.—Адвокатъ Курси.—Простонародье въ Нормандіи . . . 241
VII. Участіе въ двухъ комитетахъ.—Училища для военныхъ писарей.—Преобразованіе Кадетскихъ Корпусовъ 262
VIII. Въ Воронежѣ.—Воронежское училище военнаго вѣдомства.—Генералъ-ревизоръ.—Воспитанники Воронежскаго училища.—Управленіе Воронежскимъ училищемъ. 270
IX. А. И. Шеле.—Воронежское общество.—4 апрѣля 1866 года. 285
X. Холера въ Воронежѣ.—Закрытіе Воронежскаго училища 292
XI. Переходъ на службу въ Орелъ.—Военныя Гимназіи.—Н. В. Исаковъ.—Директорство въ Орловской Военной Гимназіи.—Воспитательскіе Комитеты.—А. И. Филатовъ.—Заслуги Н. В. Исакова. 300
XII. Орловское общество.—Земскія учрежденія 319

Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболѣе счастливой. 325

Buchbinderei
B. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ščerbačev, G. D.,

Idealy mojej žizni

Moskva 1895

Biogr. 3332 a
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11574208-5